Годъ изданія LVII.

ВРЕМЕННИКЪ

СТАВРОПИГІЙСКАГО ИНСТИТУТА

СЪ МѢСЯЦЕСЛОВОМЪ

1927

ЛЬВОВЪ, 1926.
Изъ типографіи Ставропигійскаго Института,
подъ управленіемъ А. И. Яськова.

Годъ изданія LVII.

ВРЕМЕННИКЪ

СТАВРОПИГІЙСКАГО ИНСТИТУТА

СЪ МѢСЯЦЕСЛОВОМЪ

Книгозбірня
„СТУДІОНУ"
у Львові

1927

ЛЬВОВЪ, 1926.
Изъ типографіи Ставропигійскаго Института,
подъ управленіемъ А. И. Яськова.

Табель-календарь на 1927 годъ.

(Новый стиль).

ДНИ	I. Январь.						II. Февраль.						III. Мартъ.					
Воскрес.		2	9	16	23	30		6	13	20	27			6	13	20	27	
Понедѣльн.		3	10	17	24	31		7	14	21	28			7	14	21	28	
Вторникъ		4	11	18	25		1	8	15	22			1	8	15	22	29	
Среда		5	12	19	26		2	9	16	23			2	9	16	23	30	
Четвергъ		6	13	20	27		3	10	17	24			3	10	17	24	31	
Пятница		7	14	21	28		4	11	18	25			4	11	18	25		
Суббота	1	8	15	22	29		5	12	19	26			5	12	19	26		

ДНИ	IV. Апрѣль.						V. Май.						VI. Іюнь.					
Воскрес.		3	10	17	24		1	8	15	22	29			5	12	19	26	
Понедѣльн.		4	11	18	25		2	9	16	23	30			6	13	20	26	
Вторникъ		5	12	19	26		3	10	17	24	31			7	14	21	28	
Среда		6	13	20	27		4	11	18	25			1	8	15	22	29	
Четвергъ	1	7	14	21	28		5	12	19	26			2	9	16	23	30	
Пятница	2	8	15	22	29		6	13	20	27			3	10	17	24		
Суббота		9	16	23	30		7	14	21	28			4	11	18	25		

ДНИ	VII. Іюль.						VIII. Августъ.						IX. Сентябрь.					
Воскрес.		3	10	17	24	31		7	14	21	28			4	11	18	25	
Понедѣльн.		4	11	18	25		1	8	15	22	29			5	12	19	26	
Вторникъ		5	12	19	26		2	9	16	23	30			6	13	20	27	
Среда		6	13	20	27		3	10	17	24	31			7	14	21	28	
Четвергъ		7	14	21	28		4	11	18	25			1	8	15	22	29	
Пятница	1	8	15	22	29		5	12	19	26			2	9	16	23	30	
Суббота	2	9	16	23	30		6	13	20	27			3	10	17	24		

ДНИ	X Октябрь.						XI. Ноябрь.						XII. Декабрь.					
Воскрес.		2	9	16	23	30		6	13	20	27			4	11	18	25	
Понедѣльн.		3	10	17	24	31		7	14	21	28			5	12	19	26	
Вторникъ		4	11	18	25		1	8	15	22	29			6	13	20	27	
Среда		5	12	19	26		2	9	16	23	30			7	14	21	28	
Четвергъ		6	13	20	27		3	10	17	24			1	8	15	22	29	
Пятница		7	14	21	28		4	11	18	25			2	9	16	23	30	
Суббота	1	8	15	22	29		5	12	19	26			3	10	17	24	31	

ЛБ АН УРСР
Ж. № 6202

Львівська державна наукова бібліотека
№ 13638

P.R 40.118

1927 годъ*).

Новый 1927 годъ есть обыкновеннымъ годомъ, насчитывающимъ 365 дней. Начинается онъ въ полночъ съ 31-го декабря 1926 г. на 1-ое января 1927 года.

Весна начинается дня 21-го марта, когда солнце появляется въ видѣ барана.

Лѣто начинается 22-го іюня, когда солнце появляется въ видѣ рака.

Осень начинается 24-го сентября, когда солнце появляется въ видѣ вѣсовъ.

Зима начинается 22-го декабря, когда солнце появляется въ видѣ козла.

Затмѣнія солнца.

Въ 1927 году будетъ 3 затмѣнія солнца, а то:

1-ое, частичное, дня 3-го января; можно его будетъ наблюдать въ южно-восточной Австраліи, на южномъ Тихомъ океанѣ, на сѣверномъ Ледовитомъ океанѣ и въ южной Африкѣ.

2-ое, полное, 29-го іюня; можно его будетъ наблюдать въ сѣверной Африкѣ, въ Европѣ, въ сѣверной Азіи, въ Японіи и на сѣверномъ Ледовитомъ океанѣ.

3-ье, частичное, дня 24-го декабря; можно его будетъ наблюдать въ южной части Тихаго, Атлантическаго и Индійскаго океановъ и на сѣверномъ Ледовитомъ океанѣ.

У насъ будетъ видимо лишь 2-ое затмѣніе и то только частично между 5 часомъ 20 минутъ и 7 часомъ 20 минутъ утра.

Затмѣнія луны.

Въ 1927 году послѣдуетъ 2 затмѣнія луны, а то:

1-ое, полное, дня 15-го іюня; можно его будетъ наблюдать въ сѣверной и южной Африкѣ, на Тихомъ океанѣ и въ Австраліи.

2-ое, полное, дня 8-го декабря; можно его будетъ наблюдать на Тихомъ океанѣ, въ Австраліи на Индійскомъ океанѣ, въ Азіи, въ Африкѣ, въ восточной Европѣ и въ сѣверной части сѣверной Америки.

---

*) Астрономическія указанія на 1927 отмѣчены по нов. стилю.

Русская лѣтопись.

Годъ 862. Первый русскій князь Рюрикъ основалъ Русское государство. Свв. равноапостольные братья Кириллъ и Меѳодій изобрѣли славянскую азбуку, начали свою проповѣдь въ Болгаріи и занялись переводомъ св. Писанія на славянскій языкъ.

— 865. Крещеніе польскаго князя Земовита учениками свв. Кирилла и Меѳодія по восточному обряду.

— 869. Кончина св. Кирилла.

— 882. Перенесеніе столицы въ Кіевъ.

— 885. Кончина св. Меѳодія.

— 958. Русская кн. Ольга приняла въ Цареградѣ крещеніе.

— 965. Крещеніе польскаго народа по восточному обряду.

— 988. Крещеніе вел. князя Владиміра и русскаго народа.

— 992. Учрежденіе епархій въ западной Руси: Черниговской и Владимірско-Волынской, куда входила Червонная Русь.

— 1015. Кончина св. Владиміра.

— 1036. Учрежденіе Кіевской митрополіи.

— 1051. Начало Кіевопечерскаго монастыря.

— 1054. Смерть Ярослава Мудраго и утвержденіе удѣльной системы княженія.

— 1056—1114. Преподобный Несторъ.

— 1057. Остромирово Евангеліе.

— 1097. Любеческій съѣздъ князей.

— 1100. Витичевскій съѣздъ.

— 1140. Кн. Владиміромъ, сыномъ кн. Володаря Перемышльскаго, основанъ городъ Галичъ.

— 1145. Учреждено русское епископство въ Галичинѣ.

— 1147. Первое упоминаніе о Москвѣ.

— 1179. Взятіе Кіева Андреемъ Боголюбскимъ.

— 1185. Походъ сѣверскихъ князей на половцевъ.

— 1198. Соединеніе Галицкаго княжества съ Волынью.

— 1220. Учрежденіе Перемышльской епархіи.

— 1224. Первое нападеніе татаръ на Русь и битва на Калкѣ р.

— 1236 Нашествіе Батыя.

— 1240. Взятіе Кіева татарами. Битва Александра Невскаго со шведами.

— 1240. Учрежденіе Холмско-Белзской епархіи.

— 1259. Первое упоминаніе въ лѣтописяхъ о Львовѣ, основанномъ русскимъ княземъ Даніиломъ во имя сына Льва.

— 1289. Учрежденіе Луцкой епархіи.

— 1299. Перенесеніе митрополіи изъ Кіева во Владиміръ на Клязьмѣ.

— 1308. Учрежденіе Галицкой митрополіи.

— 1328. Перенесеніе митрополіи изъ Владиміра на Клязьмѣ въ Москву.

Годъ 1337. Смерть послѣдняго галицко-русскаго князя Юрія II Андреевича.
— 1350. Переходъ Галицко-русскаго княжества во владѣніе Польши.
— 1353. Моровая язва въ Россіи.
— 1370. Смерть польскаго короля Казимира, который принялъ въ свою державу жидовъ и забралъ подъ свою власть Галицкую Русь.
— 1375. Основано латинское епископство въ Галичѣ.
— 1377. Основано латинское епископство въ Перемышлѣ.
— 1380. Побѣда надъ татарами вел. кн. Дмитрія Донского на Куликовомъ полѣ.
— 1382. Нашествіе Тохтамыша и разореніе Москвы.
— 1387. Королева Ядвига захватила окончательно Галицкую Русь во власть Польши.
— 1409. Закрытіе русской митрополіи въ Галичѣ.
— 1412. Литовскій православный князь Яковъ-Ягайло, женившійся 1386 г. на польской королевѣ Ядвигѣ, перешелъ въ латинство и принявъ имя Владыславъ, отобралъ православнымъ перемышльскую владычью церковь и отдалъ ее латинянамъ, вслѣдствіе чего русскій епископъ съ крылошанами должны были переселиться въ Старый Самборъ.
— 1413. Городельскій сеймъ.
— 1414. Перенесеніе латин. еписк. изъ Галича во Львовъ.
— 1431. Притѣсненный панами русскій народъ въ Галичѣ возсталъ противъ польскаго короля Ягайла, за что Ягайло сжегъ много городовъ и селъ и наложилъ на православныхъ десятину для латинскихъ костеловъ.
— 1439. **Основаніе львовскаго Ставропигійскаго Братства.**
— 1458. Раздѣлъ русской митрополіи на сѣверную (Московскую) и южную (Кіевскую). Послѣднюю составили епархіи: Кіевская, Владиміро-Брестская, Луцкая, Холмская, Перемышльская и Галицкая.
— 1471. Соединеніе княжества Кіевскаго съ великимъ княжествомъ Литовскимъ. Походъ Іоанна III на Новгородъ.
— 1472. Бракъ Іоанна III съ Софіей Палеологъ.
— 1478. Присоединеніе Новгорода къ Москвѣ.
— 1480. Московскій царь Иванъ III Великій отказался платить дань татарамъ, прогналъ татарскихъ пословъ изъ Москвы и разъ на всегда освободилъ сѣверную Русь отъ власти татаръ.
— 1481. Для ополяченія русскихъ закрыта Галицкая епископія. Напечатана въ Краковѣ кириллицею первая славянская книга „Часословъ“.
— 1487. Изданіе перваго Судебника.
— 1504. Осужденіе ереси жидовствующихъ.
— 1510. Присоединеніе Пскова къ Москвѣ.
— 1514. Взятіе Смоленска Москвою.

Годъ 1520. Присоединеніе Рязани къ Москвѣ.
— 1522. Польскіе паны отказали въ участіи въ сеймѣ князю Константину Острожскому потому, что онъ былъ русскій, несмотря на то, что Острожскій, какъ воевода польскаго короля, выигралъ въ своей жизни 33 сраженія, а проигралъ всего лишь два.
— 1539. Основаніе русскаго епископства во Львовѣ на мѣсто закрытаго Галицкаго.
— 1547. Вѣнчаніе Іоанна IV Грознаго и принятіе имъ царскаго титула.
— 1550. Первый земскій соборъ.
— 1551. Стоглавый соборъ.
— 1552. Покореніе Казани.
— 1556. Покореніе Астрахани.
— 1558.—1562. Ливонская война.
— 1563. Кингопечатаніе въ Москвѣ.
— 1565. Оприччина.
— 1569. Люблинская унія. Окончательное соединеніе Литовской Руси въ одну державу съ Польщею и образованіе Польской Рѣчи Посполитой.
— 1572. Король Зигизмундъ Августъ издалъ грамоту, которою позволилъ львовскимъ русскимъ пользоваться равными правами съ поляками и загрозилъ подъ пенею 20.000 угорскихъ золотыхъ угнетать русскихъ и ихъ духовенство.
— 1573. Заведеніе русской типографіи вообще первой во Львовѣ, москвичемъ Иваномъ Федоровымъ.
— 1582. Покореніе Сибири.
— 1586. Цареградскій патріархъ, Іеремія, подтвердилъ школьный уставъ братства Успенской церкви во Львовѣ и далъ этой церкви названіе Ставропигіи.
— 1589. Учрежденіе патріаршества въ Россіи.
— 1590. Всѣ православныя братства Кіевской митрополіи подчиняются львовскому братству.
— 1591. Убіеніе Царевича Димитрія, сына царя Ивана IV Васильевича Грознаго въ Угличѣ.
— 1593. Козацкій гетманъ, Косинскій, выступилъ съ многочисленнымъ войскомъ противъ Польши въ защитѣ православной вѣры и русской народности и загнался даже подъ Тернополь. Воевода польскій, князь Константинъ Острожскій (сынъ перваго Константина Острожскаго), вдался съ нимъ въ борьбу подъ Пяткою, гдѣ Косинскій и 400 козаковъ положили свои головы на полѣ брани.
— 1596. (6 октября). Брестская церковная унія.
— 1596 Гетманъ козацкій, Павелъ Наливайко, собралъ около 20.000 козаковъ, прогналъ польское войско изъ Украины и объявилъ войну Польшѣ.

Годъ 1597. Наливайка сожгли живьемъ въ мѣдномъ быку на рынкѣ въ Варшавѣ.
— 1598. Прекращеніе Московской династіи Рюриковичей.
— 1598.—1605. Царствованіе Бориса Годунова.
— 1601.—1604. Голодные года въ Россіи.
— 1604. Вступленіе Лжедмитрія въ предѣлы Московкаго государства.
— 1605.—1606. Лжедмитрій I.
— 1606—1610. Царь Василій Ивановичъ Шуйскій.
— 1608.—1610. Осада Троицкой лавры поляками.
— 1613. Избраніе Михаила Ѳеодоровича Романова.
— 1628. Гетманъ Тарасъ Тарасило побилъ воеводу Конецпольскаго подъ Переяславлемъ. Сраженіе это называется „Тарасова Ночь".
— 1632. (1 нобяря). Списана на соймѣ въ Варшавѣ, а подписана и заприсяжена королемъ Владиславомъ 18 февр. 1633 г., грамота примиренія поляковъ съ русскими.
— 1633. Основаніе Кіевской Академіи.
— 1637. Взятіе Азова козаками.
— 1637. Козацкій гетманъ, Павлюкъ, выведши войско противъ Польши, былъ побитъ подъ Кумейками и заключилъ съ воеводою Потоцкимъ миръ. Но Потоцкій приказалъ вѣроломно поймать Павлюка и другихъ старшинъ и отвезти въ цѣпяхъ въ Варшаву, гдѣ имъ отрубили головы, а тѣла ихъ выслали на Украину на показъ и пострахъ казакамъ.
— 1646. Начало военъ съ Польшею казацкаго гетмана Хмельницкаго за русскую вѣру и народность.
— 1646. Принятіе уніи въ Ужгородѣ (Унгварѣ).
— 1652—1666. Патріаршество Никона.
— 1654. Исправленіе богослужебныхъ книхъ и расколъ.
— 1654. Соединеніе Малой Руси съ Россіею.
— 1657. (15 авг.). Смерть гетмана Богдана Хмельницкаго.
— 1666. Учрежденіе почтъ.
— 1667.—1676. Соловецкое возмущеніе.
— 1668.—1671. Возстаніе Стеньки Разина.
— 1682. Первый стрѣлецкій бунтъ.
— 1689. Начало самодержавія Петра Великато.
— 1691. Перемышльскій епископъ, Иннокентій Винницкій, принялъ унію (23 іюня).
— 1695. Введеніе флота въ Россіи.
— 1697.—1698. Первое путешествіе Петра Вел. за границу.
— 1698. Начало преобразовательной дѣятельности Петра Вел.
— 1699. Перенесеніе начала года съ 1-го сентября на 1-го января.
— 1700. Смерть послѣдняго патріарха Адріана.
— 1700.—1721. Сѣверная война.
— 1700. Львовскій еп., Іосифъ Шумлянскій, принялъ унію.
— 1703. Основаніе Петрограда.

Годъ 1705. Начало печатанія гражданскимъ шрифтомъ.
— 1709. Полтавская битва.
— 1710. Львовская Ставропигія приняла унію.
— 1713. Перенесеніе столицы въ Петроградъ.
— 1721. Учрежденіе святѣйшаго Синода. Указъ о престолонаслѣдіи. Принятіе Петромъ Вел. императ. титула.
— 1726. Открытіе академіи наукъ.
— 1755. Основаніе Московскаго университета.
— 1756. Основаніе публичнаго театра въ Петроградѣ.
— 1757. Основаніе академіи художествъ.
— 1768. Принятіе Польши подъ покровительство Россіи.
— 1772. Первый раздѣлъ Польши. Галичина пришла подъ владѣніе Австріи, а Бѣлая Русь подъ владѣніе Россіи.
— 1773.—1775. Пугачевскій бунтъ.
— 1775. Буковина пришла подъ владѣніе Австріи.
— — Перенесеніе русской епископіи изъ Мукачева въ Ужгородъ.
— 1782. Императоръ Іосифъ II отмѣнилъ тѣлесное подданство.
— 1783. Присоединеніе Крыма.
— 1788. Закрытіе послѣдняго православнаго монастыря въ Галичинѣ, Скиѳа Манявскаго.
— 1793. Второй раздѣлъ Польши.
— 1795. Третій раздѣлъ Польши.
— 1799. Походъ Суворова въ Италію.
— 1805. Война Россіи и Австріи съ Наполеономъ.
— 1806.—1807. Война Россіи и Пруссіи съ Наполеономъ.
— 1807. Возстановленіе Галицкой митрополіи во Львовѣ.
— 1808.—1809. Война съ Швеціей.
— 1812. Отечественная война.
— 1815. Священный Союзъ. Присоединеніе Варшавскаго герцогства къ Россіи подъ именемъ Царства польскаго.
— 1816. Основаніе русской Пряшевской епархіи.
— 1819. Основаніе Петроградскаго Университета.
— 1824. Наводненіе въ Петроградѣ.
— 1825. Заговоръ декабристовъ.
— 1834. Учрежденіе университета св. Владиміра въ Кіевѣ.
— 1834. Въ Перемышлѣ вышла первая галицко-русская граматика Іосифа Левицкаго.
— 1836. Начало желѣзныхъ дорогъ въ Россіи.
— 1839. Присоединеніе уніатовъ къ православной церкви въ Россіи.
— 1846. Въ Галичинѣ появилась первая русская газета п. з. „Зоря Галицкая“.
— 1848. (3 мая). Отмѣна панщины. Осенью того-же года вступилъ на престолъ Францъ Іосифъ I.
— 1848. Основаніе литературнаго Общества „Галицко-русская Матица“ и политическаго Общества „Русская Рада“ во Львовѣ.

Годъ 1851. (Въ іюнѣ). Началъ строиться русскій „Народный Домъ“ во Львовѣ. 18 окт. импер. Францъ Іосифъ I. положилъ краеугольный камень подъ „Народный Домъ“ въ присутствіи русскихъ владыкъ Яхимовича и Бохенскаго.

— 1853—1856. Крымская война и осада Севастополя.

— 1858. Присоединеніе Амурскаго края.

— 1859. Покореніе Восточнаго Кавказа.

— 1861. Манифестъ объ освобожденіи крестьянъ въ Россіи (19 февраля).

— 1861. (26 янв.) Начала выходить русская газета „Слово“.

— 1861. (29 апр.) Первое засѣданіе галицкаго сейма во Львовѣ.

— 1862. Изданіе папою конкордіи, по которой вѣрнымъ грекокаѳолическаго обряда не свободно переходить на латинскій обрядъ и наоборотъ. Римскій престолъ подтвердилъ русскіе капитулы во Львовѣ и въ Перемышлѣ.

— 1863. (29 апр.) Умеръ митрополитъ Григорій Яхимовичъ.

— 1864. Покореніе Западнаго Кавказа.

— 1867. Уступка россійскихъ владѣній въ Сѣверной Америкѣ.

— 1867. Введеніе польскаго языка въ среднихъ школахъ Галичины.

— 1868. Взятіе Самарканда и Бухары.

— 1869. Издано министерское распоряженіе, которымъ во всѣхъ галицкихъ правительственныхъ вѣдомствахъ вводится польскій языкъ, какъ офиціальный.

— 1870. Вторичное основаніе полит. Общества „Русская Рада“.

— 1874. Всеобщая воинская повинность въ Россіи.

— 1874. Основаніе Общества им. Михаила Качковскаго.

— 1877—1878. Турецкая война. Берлинскій Конгрессъ.

— 1878. С. Стефанскій договоръ.

— 1879. Устроеніе первой русской хозяйственно-промышленной выставки въ Станиславовѣ стараніемъ Общества им. Михаила Качковскаго.

— 1880. Первое всенародное вѣче во Львовѣ.

— 1882. Учрежденіе въ Россіи крестьянскаго поземельнаго банка.

— 1882. Великій русскій политическій процессъ противъ о. Наумовича, Площанскаго, Маркова и тов.

— — Уступленіе митрополита Іосифа Сембратовича.

— 1885. (27 марта). Введено епископство въ Станиславовѣ.

— 1887. (24 іюня). Освященіе обновленной русской каѳедральной церкви въ Перемышлѣ.

— 1890. Объявленіе деп. Романчукомъ „новой эры“.

— 1893. Закрытіе вѣнской русской духовной семинаріи.

— 1895. Массовая русская депутація къ императору съ жалобою на незаконные выборы въ сеймъ.

— 1897—1898. Взятіе русскими Портъ Артура и договоръ съ Китаемъ о Квантунскомъ полуостровѣ.

Годъ 1898. Кровавые („баденіевскіе“) выборы въ державную думу.
— 1899. Созывъ въ Гаагѣ международной конференціи по разоруженію по почину имп. Николая II.
— 1902. Первая крестьянская забастовка въ Галичинѣ.
— 1904. Русско-японская война.
— — Введеніе въ жизнь литературной фондаціи Михаила Качковскаго. — Конецъ русско-японской войны.
— 1905. Введеніе конституціи въ Россіи 17 (30) октября.
— 1906. Освященіе Преображенской церкви „Народнаго Дома“ во Львовѣ 16 (30) апрѣля.
— 1907. Первые выборы въ австрійскій парламентъ на основаніи всеобщаго и прямого права голосованія обагрились въ Галичинѣ русскою крестьянскою кровью.
— 1908. Убіеніе украинофиломъ Сѣчинскимъ намѣстника Галичины гр. А. Потоцкаго. — Славянскій съѣздъ въ Прагѣ, на которомъ представители Державной Руси Червонороссіи составляли одну групу. — Славянскій съѣздъ въ Прагѣ и пребываніе въ Галичинѣ русскихъ гостей изъ Россіи.
— 1909. Открытіе во Львовѣ „Русскаго Торговаго Дома“ и „Русскаго ревизійнаго Союза“.
— 1910. Закрытіе въ Черновцахъ русскихъ обществъ краевымъ буковинскимъ правительствомъ. — Основаніе во Львовѣ общ. „Рольничій Союзъ“ — Открытіе общ. „Союзъ русскихъ Дружинъ“ и общ. „Центральный молочный Союзъ“.
— 1911. Убійство русскаго премьера Петра А. Столыпина евреемъ Багровымъ. — Смерть Льва Н. Толстого. — Введеніе земствъ въ юго-западной Россіи.
— 1912. Выдѣленіе Холмщины изъ Царства польск — Сотая годовщина похода Наполеона на Россію.
— 1913. Празднованіе 300-лѣтія царствованія Дома Романовыхъ.
— 1914. 15 (28) іюля. Начало Всемірной войны. Ужасныя гоненія Австрійцевъ на русскихъ галичанъ. Занятіе Галичины россійскими войсками.
— 1915. Отступленіе Русскихъ изъ Галичины.
— 1917. 27 февр. (12 III.) отреченіе царя Николая II отъ престола. Временное правительство (Керенщина). Начало Русской революціи и захватъ большевиками власти въ Россіи.
— 1918. Убійство большевиками царя и царской семьи. Развалъ Австро-Венгріи. Захватъ австрійскими украинцами, а затѣмъ поляками, восточной русск. Галичины.
— 1919. Гражданская война „Добровольцевъ“ съ большев.
— 1923. Признаніе Антангой Галицкой, Холмской и Бѣлой Руси Польшѣ.

Пасхалія въ 1927 году.

Граничный ключъ V
Въ руцѣ лѣто до 16-го февр Г, затѣмъ Д
Тріодь начинается 31-го января
Мясопустъ 14-го февраля
Сыропустъ 21-го февраля
Поклоны 24 го марта
Пасха 11-го апрѣля
Вознесеніе Христово 2-го мая
Сошествіе св. Духа 30-го мая

Посты.

1. Въ навечеріе Рождества Христова, дня 24-го декабря.
2. Въ навечеріе Богоявленія, дня 5-го января.
3. Великій постъ передъ пасхой, отъ 22-го февраля до 11-го апрѣля.
4. Петровъ постъ, отъ 7-го іюня до 28-го іюня.
5. Спасовъ постъ, отъ 1-го августа до 14-го августа.
6. Постъ въ день Усѣкновенія ч. Главы св. Іоанну Крестителю 29-го сентября.
7. Постъ въ день Воздвиженія ч. Креста 14-го окт.
8. Филлиповка, отъ 15-го ноября до Рождества.
9. Въ каждую среду и пятницу, за исключеніемъ 2 недѣль послѣ Рождества Христова, недѣли послѣ Пасхи и Сошесвія св. Духа.

Загальницы.

1. Отъ Рождества по Богоявленіе.
2. Между недѣлями Митаревою и Блуднаго сына.
3. Отъ Пасхи по Ѳомно Воскресеніе.
4. Отъ Сошествія св. Духа по недѣлю Всѣхъ Святыхъ.

1927 ЯНВАРЬ (31 день). 1927

Ст. ст.	Дни	Русскіе святцы	Нов. ст.	Латинскіе святцы	Восх. солнца	Закатъ солнца
1	П.	**Н. годъ Василія В.**	14	Феликса	7 19	3 48
2	С.	Св. Сильвестра папы Рим.	15	Имени Іисуса	7 18	3 49
3	В.	**Прор. Малахіи**	16	**Маркела**	7 17	3 50
4	П.	Соборъ 70 ап. ☿	17	Антонія	7 17	3 52
5	В.	Навеч. Бог. Ѳеопемп.	18	Петра	7 16	3 53
6	С.	**Богоявленіе Господне**	19	Фердинанда	7 15	3 54
7	Ч.	*Соборъ св. Іоанна Крестителя*	20	Фабіяна	7 14	3 56
8	П.	Прп. Георгія, Емельяна	21	Агнеты	7 14	3 57
9	С.	Мч. Поліевкта, пр. Евстар.	22	Н. Родины	7 13	3 59
10	В.	**Св. Григорія Нисс., Мар.**	23	**Обр. Н. Д.**	7 12	4 01
11	П.	† *Прп. Ѳеодосія вел.*	24	Тимоѳея	7 10	4 02
12	В.	Мч. Татіяны, св. Саввы	25	Наверн. св. Павла	7 09	4 04
13	С	Мч. Ермила, Стратоника ☾	26	Поликарпа	7 08	4 06
14	Ч.	Св. Отецъ въ Синаѣ	27	Іоанна Златоуст.	7 06	4 07
15	П.	Пр. Павла, Ѳив., Іоанна к.	28	Валерія	7 05	4 09
16	С.	Покл. вер. ап. Петра	29	Франца Салез.	7 04	4 01
17	В.	† **Прп. Антонія Вел.**	30	**Мартина**	7 03	4 12
18	П.	Аѳанасія и Кирилла	31	Петра Ноляски	7 02	4 14
19	В.	Прп. Макарія	1	Евген Игнатія	7 00	4 16
20	С.	† *Пр. Евѳимія Вел.* ●	2	**Пр. Д. Маріи Ром.**	6 59	4 17
21	Ч.	Прп. Максима, Евгенія	3	Блажея	6 58	4 19
22	П.	Ап. Тимофея, Пр. Анастасія	4	Вероники	6 56	4 20
23	С.	Свмч. Климента	5	Агаты	6 55	4 22
24	В.	**Прм. Ксеніи**	6	**Доротеы**	6 53	4 24
25	П.	† *св. Грие. Богосл.*	7	Ромуальда	6 52	4 26
26	В.	Прп. Ксенофонта	8	Іоанна изъ М.	6 50	4 28
27	С.	*Перен. мощ. св. Іоан. Зл.*	9	Аполоніи	6 48	4 29
28	Ч.	Прп. Ефрема Сирина ☾	10	Схоластики	6 47	4 31
29	П.	Пр. моч. Игнатія Богоносца	11	Луціана	6 45	4 33
30	С.	**Трехъ Святителей**	12	† Евлаліи	6 43	4 34
31	В.	**Свмч. Кира и Іоанна**	13	**Н. Старозак. Катер.**	6 41	4 36

☿ Полнота 5/18 янв. морозно.

☾ Послѣдняя четверть 13/26 янв. погода.

● Новь 20 янв./2 февр. морозно.

☽ Первая четверть 27 янв./9 февр. буря съ дождемъ.

Н. В. Гоголь.

Русь.

Русь! Русь! вижу тебя, изъ моего чуднаго прекраснаго далека тебя вижу. Бѣдно, разбросанно и непріютно въ тебѣ. Но какая же непостижимая, тайная сила влечетъ къ тебѣ? Почему слышится и раздается немолчно въ ушахъ твоя тоскливая, несущаяся по всей длинѣ и ширинѣ твоей, отъ моря до моря пѣсня? Что въ ней, въ этой пѣснѣ? Что зоветъ, и рыдаетъ, и хватаетъ за сердце? Какіе звуки болѣзненно лобзаютъ и стремятся въ душу и вьются около моего сердца? Русь! чего же ты хочешь отъ меня? Какая непостижимая связь таится между нами? Что глядишь ты такъ, и зачѣмъ все, что ни есть въ тебѣ, обратило на меня полныя ожиданія очи? И еще, полный недоумѣнія, неподвижно стою я, а уже главу осѣнило грозное облако, тяжелое грядущими дождями, и онѣмѣла мысль предъ твоимъ пространствомъ. Что пророчитъ сей необъятный просторъ? Здѣсь ли, въ тебѣ ли не родиться безпредѣльной мысли, когда ты сама безъ конца? Здѣсь ли не быть богатырю, когда есть мѣсто, гдѣ развернуться и пройтись ему? И грозно объемлетъ меня могучее пространство, страшною силою отразясь во глубинѣ моей; неестественной властью освѣтились мои очи... У, какая сверкающая, чудная, незнакомая землѣ даль! Русь!...

„Мертвыя души“.

Для замѣтокъ:

1927 ФЕВРАЛЬ (28 дней) 1927

Ст. ст.	Дни	Русскіе святцы	Нов. ст.	Латинскіе святцы	Восх. солнца	Зак. солнца
1	П.	Мч. Трифона	14	Валентія	6 39	4 38
2	В.	**Срѣт. Госп. І. Христ.**	15	Фавстина	6 37	4 40
3	С.	Св. Симеона и Анны ♍	16	† Юліанны	6 36	4 42
4	Ч.	Прп. Исидора	17	Константиа	6 34	4 44
5	П.	Мчц. Агаѳіи	18	Луціана	6 32	4 45
6	С.	Св. Вукола	19	Конрада	6 30	4 47
7	В.	**Прп. Парфенія и Луки**	20	**Леона**	6 28	4 49
8	П.	Вмч. Ѳеодора Страт.	21	Андрея	6 26	4 50
9	В.	Мчм. Никофора	22	Петра Каб.	6 24	4 52
10	С.	Свмч. Харлампія,	23	Петра Даміана	6 22	4 54
11	Ч	Свмч. Власія ☾	24	Матея Ап.	6 21	4 55
12	П	Мелетія Антіохійскаго	25	Виктора муч.	6 19	4 56
13	С.	Семеона	26	Зигфрида	6 17	4 58
14	В.	**Св. Кирилла, уч. Славян**	27	**Н. Запуст. Алекс.**	6 15	5 00
15	П.	А. Онесима	28	Романа аб.	6 13	5 01
16	В.	Св. мч. Памфила	1	Альбина еп.	6 11	5 03
17	С.	Св. вмч. Ѳеодора Тирона	2	Симплиція	6 09	5 05
18	Ч.	Св. Льва папы Римс. ●	3	Кунегунды	6 07	5 06
19	П.	Прп. Льва еп. Катанскаго	4	Казимира	6 05	5 08
20	С.	Прп. Тимоѳея, св. Евсгафнія	5	† Попелецъ	6 03	5 10
21	В.	**Прп. Петра и Ананасія**	6	**Фомы Акв.**	6 01	5 12
22	П.	Свмч. Поликарпа	7	Ромуальда аб.	5 59	5 13
23	В.	Переступн. день	8	Іоанна изъ Мата	5 56	5 15
24	С.	† *Обрѣт. гл. св. Іоан. Кр.*	9	40 мучениковъ	5 54	5 16
25	Ч.	Св. Тарасія Архіеп. К. ☽	10	Константина	5 52	5 18
26	П.	Св. Порфирія Свмч. Севаст.	11	Колеты	5 51	5 19
27	С.	Св. Прокопія	12	Григорія Вел.	5 48	5 21
28	В.	**Прп. Василія исп.**	13	**Розины**	5 46	5 22

♍ Полнота 3/16 февр. Погодно.

☾ Послѣдняя четверть 11/24 вѣтеръ и снѣгъ.

● Новь 18 ферв./3 мар. Дождь и снѣгъ.

☽ Первая четверть 25 февр./10 марг. Погода.

Ѳ. Н. Тютчевъ.

Родина.

Эти бѣдныя селенья,
Эта скудная природа —
Край родной долготерпѣнья,
Край ты русскаго народа!
Не пойметъ и не замѣтитъ
Гордый взоръ иноплеменный,
Что́ сквозитъ и тайно свѣтитъ
Въ наготѣ твоей смиренной.
Удрученный ношей крестной,
Вся тебя, земля родная,
Въ рабскомъ видѣ царь небесный
Исходилъ, благословляя.

Для замѣтокъ:

1927 МАРТЪ (31 день) 1927.

Ст. ст.	Дни	Русскіе святцы	Нов. ст.	Латинскіе святцы	Восх. солнца	Закатъ солнца
1	П.	Мч. Евдокія	14	Матильды	5 44	5 24
2	В.	Свмч. Ѳеодора.	15	Климента	5 42	5 26
3	С.	Свмч. Евтропія	16	Гилярія	5 39	5 26
4	Ч.	Прп. Герасима	17	Гертруды	5 37	5 29
5	П.	Мчн. Конона ⓝ	18	Эдуарда	5 35	5 31
6	С.	Св. 42 мучен. въ Амор.	19	Іосифа Обручника	5 33	5 33
7	**В.**	**Ефрема,**	20	**Іоакима**	5 30	5 34
8	П.	Пр. Ѳеофилакта	21	Венедикти	5 28	5 35
9	В.	*† 40 муч.* Севаст	22	Октавіана	5 26	5 37
10	С.	Кондрата, Кипріяна	23	Виктора	5 24	5 38
11	Ч	Св. Софронія патр. Іерус.	24	Арх. Гавріила	5 22	5 40
12	П.	Прп. Ѳеофана. Григорія	25	**Благов. Пр. Д. М.**	5 20	5 42
13	С.	Перен. мощ. св. Николая ☾	26	Текли	5 18	5 43
14	**В.**	**Прп. Венедикта**	27	**Роберта**	5 16	5 45
15	П.	Агатія	28	Сикста	5 13	5 47
16	В.	Савина, Трофима	29	Кирилла	5 11	5 48
17	С.	Прп. Алексія	30	Киприна	5 09	5 50
18	Ч.	Св. Кирилла еп. мч. Троф.	31	Бальбины	5 07	5 52
19	П.	Хризанфа и Дар.	*1*	*Гудона*	*5 04*	*5 53*
20	С.	Пр. От. убіен. въ Синаи ●	2	Франца	5 02	5 55
21	**В.**	**Св. Іакова исп.**	3	**Ришарда**	5 00	5 56
22	П.	Василія, Исакія	4	Исидора	4 58	5 58
23	В.	Пвмч. Никона мч.	5	Винкентія	4 56	5 59
24	С.	Якова, исп. (Поклоны)	6	Целестина	4 54	6 00
25	Ч.	**Благовѣщ. Пр. Богор.**	7	Б. Мат. дол.	4 52	6 02
26	П.	Соб. Архан. Гавріила	8	Діонизія	4 50	6 04
27	С.	Матроны ☽	9	Маріи Клеон.	4 48	6 05
28	**В**	**Иларіона**	10	**Іезекія**	4 46	6 07
29	П.	Марка, Кирилла діяк	11	Леона, папы Рим.	4 43	6 08
30	В.	Прп. Іоанна лѣствич.	12	Зенона	4 41	6 10
31	С.	Вмч. Ипатія	13	Юстина	4 39	6 11

ⓝ Полнота 5/18 марта. Буря и снѣгъ.

☾ Послѣдняя четверть 13/26 марта, тихо.

● Новь 20 марта/2 апр. вѣтеръ и мрачно.

☽ Первая четверть 27март /9 апр. погодно.

Н. В. Гоголь.

Карпаты.

За Кіевомъ показалось неслыханное чудо. Всѣ паны и гетманы собрались дивиться этому чуду: вдругъ стало видимо далеко во всѣ концы свѣта. Вдали засинѣлъ Лиманъ, за Лиманомъ розливалось Черное море. Бывалые люди узнали и Крымъ, горою подымавшійся изъ моря, и болотный Сивашъ. По лѣвую руку видна была земля Галичская.

— А то что такое? — допрашивалъ собравшійся народъ старыхъ людей, указывая на далеко мерещившіеся на небѣ и больше похожіе на облака сѣрые и бѣлые верхи.

— То Карпатскія горы! — говорили старые люди — межъ ними есть и такія, съ которыхъ вѣкъ не сходитъ снѣгъ, а тучи пристаютъ и ночуютъ тамъ.

Далеко отъ украинскаго края идутъ рядами высоковерхія горы. Гора за горою, будто за каменными цѣпями, перекидываютъ онѣ вправо и влѣво землю и обкидываютъ ее каменной толщей, чтобы не прососало шумное и буйное море. Чуденъ и видъ ихъ: не задорное ли море выбѣжало въ бурю изъ широкихъ береговъ, вскинуло вихремъ безобразныя волны, и онѣ, окаменѣвъ, остались недвижимыя въ воздухѣ? Не оборвались ли съ неба тяжелыя тучи и загромоздили собою землю? Ибо и на нихъ такой же сѣрый цвѣтъ, а бѣлая верхушка блеститъ и искрится при солнцѣ. Еще до Карпатскихъ горъ услышишь русскую молвь, и за горами еще кой-гдѣ отзовется какъ будто родное слово, а тамъ уже вѣра не та, и рѣчь не та

„Страшная месть“.

Для замѣтокъ:

1927 АПРѢЛЬ (30 дней) 1927

Ст. ст.	Дни	Русскіе святцы	Нов. ст.	Латинскіе святцы	Восх. солнца	Зак. солнца
1	Ч.	Маріи Егип.	14	*Веч. госп.* Валеріана	4 37	6 13
2	П.	Пр. Тита	15	*Вел. пятн.* Анастасіи	4 35	6 14
3	С.	Никиты, Ѳеодосія	16	*Вел. суб.* Ламберта	4 33	6 16
4	**В.**	**Прп. Іосифа** 🌕	17	**Великдень, Рудоль.**	4 31	6 18
5	П.	Теодула	18	**Велик. Пон. Апол.**	4 29	6 20
6	В.	Св. Евтихія еп.	19	Тимона	4 26	6 22
7	С.	Св. Георія еп.	20	Виктора	4 24	6 23
8	Ч.	*Стр. четв* Ап. Иридіона	21	Анзельма	4 22	6 25
9	П.	**Великая Пятница**	22	Сотера	4 20	6 26
10	С.	Вел. Суббота Мч Терентія	23	Войтѣха	4 18	6 28
11	**В.**	**Воск. Христово,** ☾	24	**Фиделія**	4 17	6 29
12	П.	**Свѣтлый Понед. Василія**	25	Ев. Марка	4 15	6 31
13	В.	**Свѣтлый Вторн Артемон**	26	Клетана	4 13	6 32
14	С.	Свмч. Антонія	27	Анастазія	4 11	6 33
15	Ч.	Ап. Аристарха	28	Павла	4 09	6 35
16	П.	Агафіи	29	Петра	4 08	6 36
17	С.	Мч. Симеона	30	Катерины	4 06	6 38
18	**В.**	**Препод Іоанна** 🌑	1	**Фил. и Як.**	4 04	6 40
19	П.	Іоанна Старопечерск.	2	Зигмунта	4 02	6 41
20	В.	Прп. Ѳеодора	3	**Нач. Свято**	4 00	6 43
21	С.	Януарія	4	Флоріана	3 58	6 44
22	Ч.	Преп. Виталія	5	Антонія еп Пія V.	3 57	6 46
23	П	† *Свмч. Георгія*	6	Іоанна въ Ол.	3 55	6 47
24	С.	Саввы страт.	7	Катерины	3 54	6 48
25	**В.**	**Св. Ап и Еванг. Марка** ☽	8	**Станислава**	3 52	6 50
26	П.	Свмч. Василія	9	Григорія	3 51	6 51
27	В.	Св. ап. Симеона, сродн. Г.	10	Изидора ор.	3 49	6 53
28	С.	Св. ап. Іакова и Сосипатра	11	Адольфа	3 48	6 54
29	Ч.	Св. 9-ти муч. въ Кизич.	12	Панкратія	3 46	6 56
30	П.	† *Св. Ап. Іакова Завед.*	13	Серватія	3 45	6 57

🌕 Полнота 4/17 апр. Погодно.

☾ Послѣдняя четверть 11/24 апр. Погода.

🌑 Новь 18 апр./1 мая. Дождь.

☽ Первая четверть 25 апр./8 мая. Вѣтеръ.

Л. А. Мей.

Русская пѣсня.

Охъ, пора тебѣ на волю, пѣсня русская,
Благовѣстная, побѣдная раздольная,
Погородная, посельная, попольная,
Непогодою-невзгодою повитая,
Во крови, въ слезахъ крещенная — омытая!

Охъ, пора тебѣ на волю пѣсня русская,
Не сама собой ты спѣлася, сложилася:
Съ пустырей тебя намыло снѣгомъ, дождикомъ,
Нанесло тебя съ пожарища дымомъ-копотью,
Намело тебя съ сырыхъ могилъ метелицей!

Для замѣтокъ:

1927 МАЙ (31 день) 1927

Ст. ст.	Дни	Русскіе святцы	Нов. ст.	Латинскіе святцы	Восх. солнца	Закатъ солнца
1	С.	Іереміи прор.	14	Бонифатія	3 43	6 58
2	В.	**А. Ѳанасія, Бор. и Глѣба**	15	**Софіи и 3 доч.**	3 42	6 59
3	П.	(† *Прп. Ѳеодосія Печ.* ⓶	16	Іоанна Непом.	3 41	7 00
4	В.	Пелагіи	17	Пасхалиса	3 40	7 02
5	С.	Св. Ирины	18	Феликса	3 38	7 03
6	Ч.	Св. Іова многостр.	19	Целестина	3 37	7 05
7	П.	Мч. Акакія	20	Бернарда	3 36	7 06
8	С.	† *Св. еванг. Іоанна Богосл.*	21	Елены	3 35	7 07
9	В.	**Перенос. мощ. Николая**	22	**В. Иліи**	3 33	7 08
10	П.	Ап. Сиѵона Зил.	23	Дезидерія	3 32	7 10
11	В.	Свмч. Мокія ☾	24	Іоанны	3 31	7 11
12	С.	Епифанія и Герм.	25	Урбана папы	3 30	7 12
13	Ч.	Св. Алек. г., Гликеріи, д.	26	**Вознесеніе Госп.**	3 29	7 13
14	П.	Св. Исидора, мч. Масима	27	Іоанна папы	3 28	7 15
15	С.	Пр. Ѳеодора Пахома Вел.	28	Вильгельма	3 27	7 16
16	В.	**Пр. Ѳеодота**	29	**Максимиліяна**	3 26	7 17
17	П.	Ап. Андроника ⓼	30	Филикса	3 25	7 18
18	В.	Св. Александра	31	Анели	3 24	7 20
19	С.	Патрикія свмч.	1	Якова	3 23	7 21
20	Ч.	**Вознесеніе Госп.**	2	Марцелины	3 22	7 22
21	П.	† *Св. Конст. и Елены*	3	Клотильды	3 21	7 23
22	С.	Мч. Василика	4	Квирина	3 21	7 24
23	В.	Михаила исп. Евдр.	5	**Зеленыя Свята**	3 20	7 25
24	П.	Пр. Симеона Ст.	6	**Понед. Зел. Святъ**	3 19	7 26
25	В.	*Об. гл. Іоанн Хр.* ☽	7	Роберта	3 19	7 27
26	С.	Ап. Карпа	8	Медарда	3 18	7 28
27	Ч.	Свмч. Ѳерапонта	9	Фелиціана	3 18	7 28
28	П.	Пр. Никиты, исп.	10	Малгоржиты	3 18	7 29
29	С.	*Ѳеодосіи*	11	Варнавы	3 16	7 30
30	В.	**Сошествіе Св. Духа**	12	**Св. Пр. Троицы**	3 17	7 30
31	П.	**Пр. Троицы**	13	Антонія	3 17	7 31

⓶ Полнота 3/16 мая. Перемѣнно.

☾ Послѣдняя четверть 11/24, погода

⓼ Новь 17/31 мая, погода

☽ Первая четверть 25 мая/8 іюня, дождь и вѣтерь.

Н. В. Гоголь.

Русское слово.

Какъ несмѣтное множество церквей, монастырей съ куполами, главами, крестами разсыпано на святой, благочестивой Руси, такъ несмѣтное множество племенъ, поколѣній, народовъ толпится, пестрѣетъ и мечется по лицу земли. И всякій народъ, носящій въ себѣ залогъ силъ, полный творящихъ способностей души, своей яркой особенности и другихъ даровъ Бога, своеобразно отличился каждый своимъ собственнымъ словомъ, которымъ, выражая какой ни есть предметъ, отражаетъ въ выраженіи его часть собственнаго своего характера. Сердцевѣдѣніемъ и мудрымъ познаніемъ жизни отзовется слово британца; легкимъ щеголемъ блеснетъ и разлетится недолговѣчное слово француза; затѣйливо придумаетъ свое не всякому доступное, умно худощавое слово нѣмецъ; но нѣтъ слова, которое было бы такъ замашисто, бойко, такъ вырвалось бы изъподъ самаго сердца, такъ бы кипѣло и животрепетало, какъ мѣтко сказанное русское слово.

„Мертвыя души“.

Для замѣтокъ:

1927 ИЮНЬ (30 дней) 1927

Ст. ст.	Дни	Русскіе святцы	Нов. ст.	Латинскіе святцы	Восх. солнца	Закатъ солнца
1	В.	Мч. Юстина	14	Василія	3 16	7 31
2	С.	Св. Никифора Патр ♍	15	Вита и Модеста	3 16	7 32
3	Ч.	Свмч. Лукиллiана, Павлы	16	**Боже Тѣло**	3 16	7 32
4	П.	Митрофана Патр.	17	Адольфа	3 16	7 33
5	С.	Свмч. Дороѳея, еп. Тир.	18	Марцеліа	3 16	7 33
6	**В.**	**Виссаріона чуд.**	19	**Св. Гервы Пр.**	3 16	7 34
7	П.	Свмч. Ѳеодора	20	Сильверія	3 17	7 34
8	В.	Свмч. Ѳеодора Стратил.	21	Алойсія	3 17	7 34
9	С.	Св. Кирилла, Маѳы	22	Павлина	3 17	7 34
10	Ч.	† *Тор. Евхар.*, Тимоѳея	23	Зенона	3 17	7 34
11	П.	Св. ап Варѳол. и Варв. ☾	24	*Торж. Б. Сер.* Р. І. Х.	3 17	7 35
12	С.	† *Пр. Онуфрія*	25	Вильгельма	3 18	7 35
13	**В.**	**Мчц. Акилины**	26	**Св. Іоан. и П.**	3 18	7 35
14	П.	Проп. Елисея	27	Владислава	3 19	7 35
15	В.	Прор. Амоса	28	Леона папы Рим.	3 19	7 35
16	С.	Св. Тихона Кипр. ♍	29	**Ап. Петра и Павл.**	3 19	7 35
17	Ч.	Св. Мануила и Измазла	30	Эмиліи и Куціи	3 20	7 35
18	П.	Мч. Леонтія, Ипат.	1	Альбина	3 20	7 34
19	С.	† Св. Іуды ап., Мч. Зосимы	2	Посѣщ. Пр. Д. М.	3 21	7 34
20	**В.**	**Свмч. Меѳодія**	3	**Св Геліодора**	3 22	7 34
21	П.	Св. мч. Іуліана	4	Іосифа Кал.	3 22	7 33
22	В.	Свмч. Евсевія	5	Филомены	3 23	7 33
23	С.	Мчц. Агриппины	6	Исаіи	3 24	7 33
24	Ч.	**Рож. св. Іоан. Крест.** ☽	7	Пулехеріи	3 25	7 32
25	П.	Мчнц. Февроніи дѣвы	8	Елисаветы	3 26	7 32
26	С.	Прп. Давида	9	Кирила	3 27	7 31
27	**В.**	**Прп Самсона**	10	**Св Іоанна изъ Дукъ**	3 28	7 30
28	П.	Прп. Кира и Іоанна	11	Пелагіи	3 29	7 29
29	В.	**Апп Петра и Павла**	12	Гезриха	3 30	7 29
30	С.	† *Соборъ 12 Апостоловъ*	13	Маргариты	3 31	7 28

♍ Полнота 2/15 іюля, непост. погода.

☾ Послѣдняя четверть 9/22 іюня, дождь.

● Новь 16/29 іюня, непост. погода.

☽ Первая четверть 24 іюня /7 іюля, погода, жарко.

А. С. Хомяковъ.

Братство.

Испытанья время строго;
Тотъ, кто палъ, возстанетъ вновь;
Много милости у Бога,
Безъ границъ его любовь!

Пронесется знакъ ненастный
И, ожиданный давно,
Возсіяетъ день прекрасный,
Братья станутъ за одно.

Всѣ велики, всѣ свободны,
На враговъ — побѣдный строй,
Полны мыслью благородной,
Крѣпки вѣрою одной.

Для замѣтокъ:

1927	ІЮЛЬ (31 день)	1927

Ст. ст.	Дни	Русскіе святцы	Нов. ст.	Латинскіе святцы	Восх. солнца	Закатъ солнца
1	Ч.	Св. Космы и Даміяна ♍	14	Бонавентуры	3 32	7 27
2	П.	† Пол. Ризи. Пр. *Богород.*	15	Розосл Апостол.	3 33	7 26
3	С.	Мч. Іакима св. Анатолія	16	М. Бож. Скапп.	3 34	7 25
4	В.	**Анрея Критск.**	17	**Св. Алексія**	3 35	7 24
5	П.	Пр. Аѳанасія афон.	18	Симеона Фридриха	3 37	7 23
6	В.	Прп. Сысоя вел.	19	Винкентія съ П.	3 38	7 22
7	С.	Пр. Ѳомы и Акакія	20	Чеслава	3 39	7 21
8	Ч.	Вмч. Прокопія ☾	21	Пракседы	3 40	7 20
9	П.	Свмч. Панкратія	22	Маріи Магдалины	3 41	7 18
10	С.	*Пр Антонія печерск.*	23	Апполинарія	3 43	7 17
11	В.	**Мчц. Ефимія. кн. Ольги**	24	**Св Кристины**	3 44	7 16
12	П.	Мч. Прокла и Илар.	25	Якова ап.	3 45	7 15
13	В.	Соборъ Арх. Гавр.	26	Анны Эраста	3 46	7 14
14	С.	Ап. Акиллы, пр. Онисима	27	Наталіи	3 48	7 12
15	Ч.	† *Св. Влад. Равноап. кн.* ●	28	Иннокентія	3 49	7 11
16	П.	Свмч. Ангиногена	29	Марты дѣв.	3 50	7 10
17	С.	Смчц. Маріи	30	Абдона	3 52	7 08
18	В.	**Свмч. Емиліана**	31	**Св. Игн. Лой.**	3 53	7 07
19	П.	Прп. Мокрини	1	Петра	3 54	7 06
20	В.	† *Св. Иліи прор.*	2	М. Бож Ангел.	3 55	7 04
21	С.	Пр. Симеона, Іоан. Кости	3	Стефана, Никодыма	3 57	7 03
22	Ч.	Св. Маріи Магдалины	4	Доминика	4 58	7 01
23	П.	Мч. Трофима, Ѳеофила ☽	5	*М. Бож. Снѣжн.*	4 00	7 00
24	С.	† *Бориса и Гльба* Христ.	6	*Проображ. Госп.*	4 01	6 58
25	В.	† **Успеніе св. Анны**	7	**Св Каѳедна.**	4 02	6 57
26	П.	Свмч. Ермолая, пр. Параск.	8	Кирика	4 03	6 55
27	В.	† *Вмч. Пантолеймона*	9	Романа	4 05	6 53
28	С.	Св. ап. Прохора, Никан. Т.	10	Лаврентія	4 06	6 52
29	Ч.	Мч Калиника, Серафимы	11	Сузанны дѣв.	4 07	6 50
30	П.	Ап. Силы, Силуана	12	Клары	4 09	6 49
31	С.	Св. правед. Евдокима ♉	13	Гипполита	4 10	6 47

♉ Полнота 1/14 іюля, Погода.

☾ Послѣдняя четверть 9/21 іюля, Перемѣнно.

● Новь 15/28 іюля. Погода.

☽ Первая четверть 25 іюля/5 августа. Перемѣнно.

♉ Полнота 31 іюля/13 августа. Вѣтеръ

Михаилъ Андреевъ.

Вѣнокъ.

Обойду я всѣ веси отчизны моей,
Соберу золотые лучи на лету;
Соберу я цвѣты средь луговъ и полей,
Грустно-скорбные вздохи святыхъ матерей
И вѣнокъ изъ стиховъ я отчизнѣ сплету.

Для замѣтокъ:

1927 АВГУСТЪ (31 день) 1927

Ст. ст.	Дни	Русскіе святцы	Нов. ст.	Латинскіе святцы	Восх. солнца	Зак. солнца
1	В.	**Св. 7 м. Макав.**	14	**Св. Евсевіа**	4 12	6 45
2	П.	Перен, мощей св. Стеф.	15	**Усп. Пр. Д. М.**	4 13	6 43
3	В.	Пр. Исаак., Далмата Фавст.	16	Роха	4 15	6 41
4	С.	Св. 7 отр. въ Ефессѣ, Евдок	17	Либерата	4 17	6 39
5	Ч.	Мч. Евсигнія, мч. Фавія	18	Елены	4 18	6 37
6	П.	**Преображеніе Господне** ☾	19	Бенигны	4 19	6 35
7	С.	Прмч. Дометія	20	Дометія	4 21	6 33
8	В.	**Емельяна исп., Леона**	21	**Св. Іоанны**	4 22	6 32
9	П.	† *Св. Матѳея ап.*	22	Филаберта	4 24	6 30
10	В.	Свмч. Лаврентія	23	Филиппа еп.	4 25	6 28
11	С.	Свмч. Евпла,	24	Варфоломея	4 26	6 26
12	Ч.	Св. Фотія и Мч. Аникиты	25	Людовика кор.	4 28	6 24
13	П.	Пр. Максима	26	Зефирины	4 30	6 21
14	С.	Св. прор. Михея ●	27	Прес. св. Креста	4 31	6 19
15	В.	**Успеніе Пр. Богород.**	28	**Св Август**	4 37	6 13
16	П.	Перен. обр. Господ.	29	Усѣк. гл. Іоан. Кр.	4 38	6 11
17	В.	Свмч. пресв. Мирона	30	Роза изъ Лимы	4 40	6 09
18	С.	Мч. Флора и Лавра	31	Раймунда	4 42	6 07
19	Ч.	Свмч. Ан. Стр. мч. Тѳм.	1	Анг. Хр.	4 44	6 04
20	П.	Св. прор. Самуила	2	Юста	4 46	6 02
21	С.	Св. Ап. Ѳаддея,	3	Бронислава	4 47	6 00
22	В.	**Мч. Агаѳоника** ☾	4	**Розаліи**	4 47	6 02
23	П.	Свмч. Луппа Иренія	5	Лаврентія	4 47	6 00
24	В.	Свмч. Евтиха	6	Захаріи прор.	4 47	5 58
25	С.	Ап. Вареоломея и Тита	7	Регины	4 48	5 55
26	Ч.	Св. Адріана и мч. Наталіи	8	**Рож. Пр. Д. М.**	4 50	5 53
27	П.	Прп. Пимена вел.	9	Горгонія	4 51	5 52
28	С.	Пр. Моисея Мурина	10	Николая	4 52	5 50
29	В.	**Ус. глав. св Іоанна Кр.** ◑	11	**Св Им. Маріи**	4 53	5 48
30	П.	Патр. Александра	12	Мацедонія	4 53	5 45
31	С.	Пол. пояса Іос. Пр. Бог.	13	Поликсеніи	4 56	5 43

☾ Послѣдняя четверть 6/19 августа, погода

● Новь 14/27 августа, перемѣнно

◑ Первая четверть 22 августа / 4 сентября, погода

◎ Полнота 29 августа / 11 сент, перемѣнно.

М. Ф. Глушкевичъ.

Русская культура.

Тургеневъ назвавъ русскій языкъ великимъ, свободнымъ, правдивымъ и могучимъ. Но не тôлько до русского языка вôдносятся тѣ знаменательнй слова. Бо изъ вѣчныхъ нѣдръ зачатій вѣчныхъ, изъ глубинъ нашой минувшины, нашой цивилизаціи, далеко старшой, чѣмъ часы нашой „европеизаціи“ при Петрѣ Великôмъ, мовъ бы на встрѣчу западнôй Европѣ, на встрѣчу прочому свѣту, поволи по своему, по-русски, середъ трудôвъ великихъ и великихъ думъ пôднялася велика, свободна, правдива и могуча русска культура. И якъ русскôй письменности, русскôй науцѣ, русскôй музыцѣ и штуцѣ, такъ и всей русскôй культурѣ немовъ бы стало тѣсно въ необозримыхъ, безконечныхъ русскихъ просторахъ. И сталося велике дѣло: русска культура прорвала всѣ кордоны, всѣ загаты и розливаесь по всему свѣту. И тимъ самымъ она дала право до своихъ цѣнностей не лишь всѣмъ русскимъ людямъ, всему русскому народу въ его рôжно-нарѣчныхъ племенахъ, но и всѣмъ народамъ свѣта.

Для замѣтокъ:

1927 СЕНТЯБРЬ (30 дней) 1927

Ст. ст.	Дни	Русскіе святцы	Нов. ст.	Латинскіе святцы	Восх. солнца	Закатъ солнца
1	С.	Симеона ст.	14	Воздв. Ч. Кр.	4 58	5 41
2	Ч.	Мч. Маманта, Іоанна	15	Никодима	5 00	5 38
3	П.	Мч. Анфима,	16	Людмилы	5 01	5 36
4	С.	Вавилы	17	Ламберта	5 03	5 34
5	**В.**	Пр. Захаріи и Елисав.	18	**Св. Томы.**	5 04	5 32
6	П.	*Чудо св. Михаила* ☾	19	Яндарія, Конст.	5 06	5 29
7	В.	Ввмч. Созонта	20	Евстахія	5 07	5 27
8	С.	**Рожд. Пр. Богор.**	21	Матѳея еванг.	5 09	5 25
9	Ч.	Св. Іоакима и Анны	22	† Маврикія	5 10	5 23
10	П.	Ввмч. Минодоры	23	Текли	5 12	5 21
11	С.	Пр. Ѳеодоры	24	Герарда еп.	5 13	5 19
12	**В.**	**Свмч Антонома** ●	25	**Клеофаса**	5 15	5 17
13	П.	Св. Кернилія	26	Чмпр. Іустины	5 16	5 14
14	В.	**Воздвиженіе Ч. и Ж Кр.**	27	Кос. и Дамяна	5 18	5 12
15	С.	Вмч. Никиты	28	Вячеслава	5 19	5 10
16	Ч.	Вмч. Евфимія,	29	**Михаила Арх.**	5 21	5 08
17	П.	Мч. Софіи, Вѣры, Над., Люб.	30	Іеронима.	5 23	5 05
18	С.	Евменія еп.	1	Ремилія	5 24	5 03
19	**В.**	**Мч. Трофима Савватія**	2	**М.Б. Рож.**	5 26	5 01
20	П.	Вмч. Евстафія, ☽	3	Кандида мч.	5 27	4 58
21	В.	Св. Ап. Кондрата	4	Франциска	5 29	4 56
22	С.	Свмч. Фоки, прор. Іоны	5	Плацида	5 30	4 55
23	Ч.	† *Зач. Іоан. Крест.*	6	Брунона	5 32	4 53
24	П.	Св. первомучц. Ѳеклы	7	Істивы	5 33	4 50
25	С.	Пр. Евфросиніи	8	Бригиды	5 32	4 48
26	**В.**	† **Крест св. ап. Іоанна**	9	**Винкентія**	5 36	4 46
27	П.	Мч. Каллистратв Ⓨ	10	Франциска	5 38	4 44
28	В.	Пр. Харитона	11	Плацыды	5 39	4 42
29	С.	Пр.Кириіяка отш.	12	Максимиліана	5 43	4 40
30	Ч.	Ввмч. Григорія	13	Эдуарда	5 41	4 38

☾ Послѣдная четверть 5/18 сентября, дождь.

● Новь 2/15 сентября, погода.

☽ Первая четверть 21 сент. / 4 окт. перемѣнно

Ⓨ Полнота 27 сент. / 10 окт. погода.

С. А. Котляревскій.

Задачи русскаго.

Намъ приходится наганять время, упущенное въ силу стихійныхъ историческихъ условій; за собираніемъ русской земли должна быть самая напряженная работа. Подъемъ производительныхъ силъ и подъемъ народнаго просвѣщенія — вотъ двѣ задачи, стоящія передъ нами.

Для замѣтокъ:

1927	ОКТЯБРЬ (31 день)	1927

Ст. ст.	Дни	Русскіе святцы	Нов. ст.	Латинскіе святцы	Восх. солнца	Закатъ Солнца
1	П.	Покровъ *Пр. Богород.*	14	Каликста	5 44	4 35
2	С.	Мч. Киприана, св Юстины	15	Ядвига	5 46	4 33
3	В.	**Свмч. Діонисія**	16	С. **Осв. Храма.**	5 48	4 31
4	П	Свмч Ierофея ☾	17	Терезы	5 49	4 29
5	В.	Свмч. Харитины	18	Луки еванг.	5 51	4 28
6	С.	† Ап Ѳомы	19	Петра съ Ап.	5 52	4 26
7	Ч.	Мч. Сергія, Вакха,	20	Фелиціана	5 53	4 24
8	П.	Пр. Пелагіи	21	Урсули	5 55	4 22
9	С	Ап. Іакова, Андрони а	22	Кордули	6 56	4 20
10	В.	**Евлампія**	23	**Св. Іоан. Кап.**	5 58	4 18
11	П.	Филиппа. еп. Ѳеофана	24	Рафала арх.	6 00	4 19
12	В.	Свмч. Прова, Тараха Кос. ●	25	Кризанта	6 01	4 15
13	С.	Ввмч. Карпа, діак Панилы	26	Эвариста	6 03	4 13
14	Ч.	Пр. Параскевіи	27	Савины	6 05	4 11
15	П.	Пр. Евѳимія, Лукіана	28	Симона и Юды	6 06	4 09
16	С.	Ввмч. Лонгина сотника	29	Наркиса еп.	6 08	4 07
17	В.	**Пр. Осіи Андр. кр**	30	**Св. Клавдіи**	6 10	4 05
18	П.	*Ап. и ев. Луки*	31	† Вольфанга	6 12	4 02
19	В.	Пр. Іоила	1	**Всѣхъ Св.**	6 14	4 01
20	С.	Влмч. Артемія ☽	2	*День задушный*	6 15	4 00
21	Ч.	Пр. Иларіона влмч	3	Губерта	6 17	3 58
22	П.	еп. Аверкія чудотв.	4	Кароля	6 18	3 56
23	С.	† *ап. Іакова, бр Г, св Иген.*	5	Елисаветы	6 20	3 55
24	В.	**Мч. Ареѳы. Св. Аоан**	6	**Св. Леонарда**	6 22	3 53
25	П.	Ввмч. Миркіаня и Март.	7	Герку ияны	6 24	3 51
26	В.	**Влмч. Димитрія,**	8	4 Коронатовъ	6 25	3 50
27	С.	Мчц. Капитолины, пр. Нест.	9	Теодора	6 27	3 48
28	Ч	Мч. Терентія и Неонилы ⊕	10	Андрея и зъ Ав.	6 29	3 47
29	П.	Мч. Анастасіи	11	Мартина еп.	6 30	3 46
30	С.	Мч. Зиновія и Зиновіи	12	Мартина	6 31	3 44
31	В.	**Ап. Стахія и Наркисса**	13	Св. Стан. К.	6 33	3 43

☾ Послѣдняя четверть 4/17 октября, мракъ.

● Новь 12/25 октября, вѣтеръ и дождь.

☽ Первая четверть 20 окт./2 нояб., погода.

⊕ Полнота 27 окт./9 нояб, снѣгъ и дождь,

Ю. Д. Яворскій.

Русскій народъ.

И встанешь снова въ третій день
И, развернувшись во всю ширь
Своихъ степей и деревень,
Вновь на полміра бросишь тѣнь,
Свободный русскій богатырь!

Для замѣтокъ:

1927 НОЯБРЬ (30 дней) 1927

Дни	Ст. ст.	Русскіе святцы	Нов. ст.	Латинскіе святцы	Восх. солнца	Закатъ солнца
1	П.	**Св. пр. Косм. и Дамяна**	14	Серафина	6 35	3 42
2	В.	Мч. Акиндина	15	Леопольда	6 36	3 40
3	С.	Мч. Іосифа ☾	16	Отмара	6 38	3 39
4	Ч.	Пр. Іоанникія мч. Никанд.	17	Саломеи	6 40	3 38
5	П.	Мч. Галактіона	18	Оттона	6 41	3 36
6	С.	Св. Павла исп. Славдіи	19	Елизаветы	6 43	3 35
7	**В.**	**Мч. Іерона Прп. Назаря**	20	**Св. Феликса**	6 45	3 34
8	П.	**Соборъ Михаила Арх.**	21	Введ. въ хр. Пр. Б.	6 46	3 33
9	В.	Ап. Анисифора, и Порфир.	22	Цециліи	6 48	3 32
10	С.	Лч. Эраста, Олимпа,	23	Клеменса	6 49	3 31
11	Ч.	Вмч. Мины, Виктора, Стеф.	24	Емиліи Іоанна	6 50	3 30
12	П.	† Пр. Іоанна ●	25	Лаврины д	6 52	3 30
13	С.	† *Іоанна Златоуста*	26	Конрада	6 53	3 29
14	**В.**	**Ап. Филиппа**	27	**Валерія**	6 54	3 28
15	П.	Свмч. Гурія, Семона	28	Руфина	6 56	3 27
16	В.	† *Пп. и св. Матея*	29	Сатурина	6 57	3 27
17	С.	Григорія леокесар. Никона	30	Андрея ап.	6 59	3 26
18	Ч.	Мч. Платона и Романа ☽	1	Элигія	7 00	3 25
19	П.	Авдія, пр. Варлаама	2	Бибіяны дѣвы	7 01	3 25
20	С.	Пр. Григорія Прокла, Евст.	3	Франциска Ксавер.	7 03	3 24
21	**В.**	**Введеніе во Храмъ Пр**	4	**Адв. Вравары**	7 04	3 24
22	П.	Св. ап. Филимона	5	Саввы	7 05	3 23
23	В.	Св. Амфилохія и Григорія	6	Николая	7 07	3 23
24	С.	Вмч. Екатерины,	7	Амвросія	7 08	3 22
25	Ч.	Свмч. Климента п. Р. ○	8	**Неп. Зач. Пр. Д. М.**	7 09	3 22
26	П.	Прп. Алипія	9	Леокадія	7 10	3 22
27	С.	Свмч. Якова, пр. Паладія	10	*П. Д. М. Лорет.*	7 11	3 21
28	**В.**	**Св. Стефана, Мч. Иринар.**	11	**Адв. Дамазія**	7 13	3 21
29	П.	Мч. Парамона, Филомена	12	Діонизіи	7 14	3 21
30	В	† *Ап. Андрея Первозв.*	13	Луціи и Отеліи	7 15	3 21

☾ Послѣдня четверть 3/16 ноября, мрачно.

● Новъ 11/23 ноября, холодно, погода

☽ Первая четверть 10 ноября/2 декабря, снѣгъ

○ Полнота 25 ноября /8 декабря, ясно и морозъ

Н. Ю. Грезновъ.

Русскій гимнъ.

Вѣрь твердо въ жребій свой державный,
Великій русскій нашъ народъ,
Ты шелъ всегда стезею славной
Впередъ, къ великому впередъ!

Люби пылающей душою
Былое Родины своей,
Сыновней вѣрностью святою
Да будетъ сердце полно къ ней!

Съ надежной, съ вѣрой въ Провидѣнье
Сплотись, могучій нашъ народъ,
И смѣло, въ братскомъ единеньи,
Къ величью новому — впередъ!

Для замѣтокъ:

1927 ДЕКАБРЬ (31 день) 1927

Ст. ст.	Дни	Русскіе святцы	Нов. ст.	Латинскіе святцы	Восх. солнца	Закатъ солнца
1	С.	*Декабрь.* Пр. Наума, Филар.	14	Спиридіона	7 16	3 21
2	Ч.	Св. прор. Аввакума	15	Фортуната	7 16	3 21
3	П.	Св. прор. Софронія ☾	16	Аделяйды	7 17	3 21
4	С.	† *Св. мч. Варв.*, Іоанна Д.	17	Лазаря	7 18	3 21
5	**В.**	**Пр. Саввы**	18	**4. Адв.** Граціяна	7 19	3 22
6	П.	**Св. Николая Чудотв.**	19	Немеріи	7 20	3 22
7	В.	Св. Амвросія	20	Либерта	7 20	3 22
8	С.	Пр. Потапія	21	Ѳомы ап.	7 21	3 23
9	Ч.	**Непор. Зач. Пр. Богор.**	22	Зенона Флибіана	7 21	3 23
10	П.	Мч. Мины, Гермогена Ѳом.	23	Викторіи дѣвы	7 22	3 24
11	С.	Пр. Даніила Столпника ●	24	*Навеч.* Р. *Хр.* Ад. и Е.	7 22	3 24
12	**В.**	Св. Спиридіона	25	**Рожд. Христ.**	7 23	3 25
13	П.	† *Свмч. Евстранія, Евгенія*	26	**Первом. Стефана**	7 23	3 26
14	В.	Свмч. Ѳирса, Левкія	27	Іоанна Ев.	7 23	3 26
15	С.	Свмч. Елевѳерія Павла	28	Младенцевъ уб.	7 24	3 27
16	Ч.	Св. прор. Аггея	29	Ѳомы	7 24	3 28
17	П.	Св. прор. Даніила и 3 отр.	30	Давида кор.	7 24	3 29
18	С.	Свмч. Севастіяна ☽	31	Сильвестра	7 24	3 30
19	**В.**	**Мч. Бонифатія**	**1**	*Январь.* **Новый Годъ**	7 24	3 32
20	П.	Свмч. Игнатія	2	Макарія	7 24	3 33
21	В.	Вмч. Юліяніи	3	Геновефы	7 23	3 34
22	С.	Вмч. Анастасіи	4	Тита	7 23	3 36
23	Ч.	10 мучен. Критск.	5	Телесфора	7 23	3 37
24	П.	Навеч. Рожд. Христова	6	**Трехъ царей**	7 23	3 38
25	С.	**Рождество Христово**	7	Луціана	7 22	3 39
26	**В.**	**Соборъ Пр. Богородицы**	8	**Северина**	7 21	3 40
27	П.	**Пер. Вич. Стефана** ⓕ	9	Маркіаны	7 21	3 42
28	В.	Ап. Никонора	10	Агатона	7 20	3 43
29	С.	Свв. 14-ти млад.	11	Гонораты	7 20	3 45
30	Ч.	Мчн. Анисіи	12	Эрнестина	7 19	3 46
31	П.	Прп. Меланіи	13	Иларія	7 19	3 48

☾ Послѣдняя четверть 3/16 декабря, мрачно

● Новь 11/24 декабря, холодно, погода

☽ Первая четверть 18/31 декабря

ⓕ Полнота 26 дек./8 янв.

Ѳ. М. Достоевскій.

Новая Русь.

Скорѣе изобрѣтется perpetuum-mobile или жизненный эликсиръ, чѣмъ постигнется западомъ русская истина, русскій духъ, характеръ и его напраленіе. Русскій духъ пошире сословной вражды, сословныхъ интересовъ и цензовъ. Новая Русь уже помаленьку ощупывается, уже помаленьку сознаетъ себя.

„Дневникъ писателя“

Для замѣтокъ:

Ставропигійскій Институтъ

во Львовѣ.

Старѣйшины Ставропигійскаго Института

съ 1577 по 1926 гг.

1577. Вашко Тыновичъ, Ѳома Бабичъ.
1588. Иванъ Красовскій, Игорь и Иванъ Кузьмичъ Рогатинцы.
1590. Ѳома Бабичъ, Эммануилъ Арфаніесъ Грекъ, Иванъ Красовскій, Юрій Рогатинецъ.
1592. Иванъ Аффендиковичъ, Димитрій Деомидовичъ Красовскій, Романъ Ивановичъ Бабичъ.
1593. Димитрій Деомидовичъ Красовскій, Романъ Ивановичъ Бабичъ.
1595. Гаріилъ Яросовичъ.
1596—1597. Димитрій Деомидовичъ Красовскій, Юрій и Иванъ Кузьмичъ Рогатинецъ, Николай Добрянскій.
1598. Иванъ Деомидовичъ Красовскій, и Николай Добрянскій.
1599. Ивашко Зѣньковичъ.
1601—1603. Иванъ Деомидовичъ Красовскій, Николай Добрянскій, Андрей Билдаховичъ, Николай Лукасевичъ.
1604—1607. Ианъ Деомидовичъ Красовскій, Николай Добрянскій, Василій Семеновичъ Бабичъ, Ѳеодоръ Куначевичъ.
1608—1610. Иванъ Деомидовичъ Красовскій, Прокопій Малячковичъ, Андрей Бѣлдачевичъ, Степанъ Хомичъ.
1611—1614. Иванъ Деомидовичъ Красовскій, Андрей Бѣлдачевичъ.
1615—1616. Иванъ Деомидовичъ Красовскій, Николай Златорука, Андрей Стрѣлецкій, Андрей Бѣлдачевичъ.
1617—1618. Николай Добрянскій, Степанъ Хомичъ, Романъ Стрѣлецкій.

1619—1620. Николай Добрянскій, Степанъ Хомичъ, Романъ Стрѣлецкій, Григорій Русяновичъ.
1621—1631. Григорій Романовичъ, Степанъ Хомичъ, Василій Буневскій, Андрей Стрѣлецкій.
1632. Романъ Стрѣлецкій, Григорій Романовичъ, Андрей Стрѣлецкій, Гавріилъ Лангишъ.
1633—1635. Григорій Романовичъ, Гавріилъ Лангишъ, Николай Добрянскій, Александръ Прокоповичъ.
1636. Гавріилъ Лангишъ, Александръ Прокоповичъ, Михаилъ Альвичи, Лиско Поповичъ.
1637. Гавріилъ Лангишъ, Александръ Прокоповичъ, Григорій Романовичъ, Николай Добрянскій, а позже на мѣсто Григорія Романовича и Николая Добрянскаго выбраны Михаилъ Алюиси и Константинъ Мазепа.
1838. Гавріилъ Лангишъ, Александръ Прокоповичъ, Михаилъ Алюиси, Константинъ Мазепа
1639—1640. Андрей Стрѣлецкій, Гавріилъ Лангишъ, Михаилъ Альойзы, Александръ Прокоповичъ.
1641—1642. Гавріилъ Лангишъ, Михаилъ Альойзы, Александръ Прокоповичъ, Константинъ Мазепа.
1643. Гавріилъ Лангишъ, Юрій Романовичъ, Александръ Прокоповичъ, Константинъ Мазепа.
1644. Гавріилъ Лангишъ, Андрей Стрѣлецкій, Александръ Прокоповичъ, Константинъ Мазепа.
1646—1646. Гавріилъ Лангишъ, Андрей Стрѣлецкій, Павелъ Лаврисевичъ, Константинъ Мазепа.
1647—1648. Гавріилъ Лангишъ, Андрей Стрѣлецкій, Павелъ Лаврисевичъ, Матвѣй Ѳеодоровичъ.
1649—1655. Андрей Стрѣлецкій, Матвѣй Ѳеодоровичъ, Василій Леоновичъ.
1656. Иванъ Христофоровичъ Мазараки, Павелъ Лаврисевичъ, Матвѣй Ѳеодоровичъ, Михаилъ Слезка.
1557—1662. Иванъ Мазараки, Иавелъ Лаврисевичъ, Василій Григоровичъ, Василій Леоновичъ.
1663—1665. Василій Григоровичъ.
166. Степанъ Лаврисевичъ, Андрей Альойзы, Василій Корендовичъ, Петръ Аффендикъ.
1667—1668. Степанъ Лаврисевичъ, Андрей Альойзы, Василів Корендовичъ, Петръ Аффендикъ.
1669. Иванъ Мазараки, Василій Корендовичъ, Степанъ Лаврисевичъ, Иванъ Лясковскій.
1670—1671. Иванъ Мазараки, Иванъ Лясковскій, Степанъ Лаврисевичъ, Юрій Михалевичъ.
1672. Степанъ Лаврисевичъ, Петръ Аффендикъ.
1683. Василій Корендовичъ.
1684—1685. Петръ Аффендикъ, Семенъ Лаврисевичъ.
1686—1187. Василій Корендовичъ, Иванъ Мазараки, Степанъ Лаврисевичъ, Петръ Аффендикъ.

1688—1689. Вавилій Корендовичъ, Иванъ Мазараки, Степанъ Лаврисевичъ, Петръ Аффендикъ.
1690—1691. Степанъ Лаврисевичъ, Петръ Аффендикъ, Юрій Папара и Григорій Русяновичъ.
1692—1698. Юрій Папара, Григорій Русяновичъ, Николай Красовскій, Николай Михалевичъ.
1699. Юрій Папара, Григорій Русяновичъ, Юрій Корендевичъ, Николай Михалевичъ.
1700—1703. Кипріанъ Кисѣльницкій, Николай Михалевичъ, Зота Яросевичъ, Степанъ Лясковскій.
1704—1706. Григорій Русяневичъ, Петръ Сѣмяновичъ, Николай Михалевичъ, Степанъ Лясковскій.
1707—1711. Николай Михалевичъ, Петръ Сѣмяносичъ, Степанъ Лясковскій, Кипріанъ Кисѣльницкій.
1712—1719. Степанъ Лясковскій, королевскій секретерь, Петръ Сѣмяновичъ, Степанъ Лаврисевичъ, Семенъ Гребенка.
1720—1721. Степанъ Лясковскій, Иванъ Чесниковскій, Семенъ Гребенка.
1722—1724. Степанъ Лясковскій, Иванъ Чесниковскій, Яковъ Русяновичъ, Юрій Эліасевичъ.
1725—1727. Яковъ Русяновичъ, Иванъ Чесниковкій.
1728—1729. Юрій Эліасевичъ, Яковъ Русяновичъ.
1730—1732. Теодоръ Папара, новгородскій подчашій, Юрій Эліасевичъ, и Андрей Демяновичъ.
1733—1735. Андрей Демяновичъ, Яковъ Русяновичъ, Юрій Эліасевичъ, и Иванъ Чесниковскій.
1736—1740. Андрей Демяновичъ, Яковъ Русяновичъ, Иванъ Чесниковскій, Дмитрій Дейма.
1741—1848. Сеньоръ, Василій Туркутъ, староста Черниговскій, подвоевода земли Львовской, вицесеньоръ Андрей Дзимовскій, контра-регистрантъ короннаго скарбу, Андрей Балицкій, подвоеводскій судья, Яковъ Русяновичъ, королевскій секретарь.
1740—1750. Василій Туркутъ, Яковъ Русяновичъ.
1751—1757. Василій Туркутъ, староста Черниговскій и Яковъ Галендовичъ, субделигатъ львовскій.
1758—1767. Василій Туркутъ, староста Черниговскій и полковникъ войскъ Рѣчи Посполитой и Андрей Дзиковскій скарбовый администраторъ, Подолья и Украины.
1768—1777. Сеньоръ Андрей Дзиковскій, вицесеньоръ Василій Гасевичъ, президентъ города Львова.
1778—1779. Сеньоръ Андрей Дзиковскій, вицесеньоръ Криштофъ Дейма, консиляръ Апеляціоннаго трибунала.
1780—1784 Сеньоръ Михаилъ Слонскій, подчашій Черниговскій, вицесеньоръ Григорій Урановичъ, адъюнктъ фискальный.

1785—1788. Сеньоръ Антоній Чапье, на Погорцахъ Погорецкій обыватель земскій, Яковъ Березницкій, адвокатъ.

По утвержденіи братства императоромъ Іосифомъ II въ 1788 г. подъ названіемъ „**Ставропигійскій Институтъ**“, начинаются ежегодно правильные выборы старѣйшинъ, т. е. сеньора, его товарища и другихъ членовъ правленія. И такъ:

1788. были избраны старѣйшинами Яковъ Березницкій и Іоаннъ Бачинскій, совѣтникъ львовскаго магистрата.
1790. Іоаннъ Бачинскій и Іоаннъ Мановарда.
1791. Іоаннъ Мановарда и Павелъ Урмовскій.
1792. Павелъ Урмовскій и Степанъ Завалкевичъ.
1793. Степанъ Завалкевичъ и Николай Литвиновичъ.
1794—1795. Константинъ Погорецкій и Іоаннъ Зарицкій.
1796—1797. Павелъ Урмовскій и Іоаннъ Зарицкій.
1798—1799. Іоаннъ Зарицкій и Іоаннъ Бачинскій.
1800. Николай Литвиновичъ и Михаилъ Онышкевичъ.
1801. Іоаннъ Бачинскій и Іоаннъ Зарицкій.
1802—1806. Тѣ-же.
1807—1808. Іоаннъ Бачинскій и Іоаннъ Бѣлорусскій.
1809—1810. Іоаннъ Бачинскій и Іоаннъ Зарицкій.
1811—1813. Іоаннъ Бачинскій и Александръ Ильяшевичъ, совѣтникъ львовскаго магистрата.
1814—1815. Іоаннъ Бачинскій и Іоаннъ Зарицкій.
1816 Іоаннъ Бачинскій и Александръ Ильяшевичъ, а по смерти Бачинского — Александръ Ильяшевичъ и Іоаннъ Зарицкій.
1817. Александръ Ильяшевичъ и Іоаннъ Зарицкій.
1818. Степанъ Кульчицкій, совѣтникъ апеляціоннаго суда, и Александръ Ильяшевичъ.
1819. Степанъ Кульчицкій и Іоаннъ Сѣтницкій.
1820—1821. Степанъ Кульчицкій и Александръ Ильяшевичъ.
1822—1824. Іоаннъ Зарицкій и Александръ Ильяшевичъ.
1825. Александръ Ильяшевичъ и Іоаннъ Зарицкій, по смерти-же Ильяшевича — Іоаннъ Зарицкій и Степанъ Рогали-Левицкій.
1826. Іоаннъ Сѣтницкій и Іоаннъ Зарицкій.
1827—1832. Степанъ Левицкій и Іоаннъ Сѣтницкій.
1833. Степанъ Левицкій и Степанъ Киричинскій, совѣтникъ львовскаго магистрата.
1834. Степанъ Левицкій и гр. Владиславъ Ельскій помѣщикъ.
1835. Степанъ Левицкій и Денисъ Зубрицкій.
1836—1845. Степанъ Левицкій и Іоаннъ Сѣтницкій.
1846—1849. Степанъ Киричинскій и Іоаннъ Сасъ-Товарницкій.
1850. Степанъ Киричинскій, Іоаннъ Товарницкій и Левъ Сосновскій.
1851. Левъ Сосновскій, Климентій Рачинскій, адвокатъ и помѣщикъ и Іоаннъ Товарницкій.

1852—1854. Іоаннъ Товарницкій, Климентій Рачинскій и Кириллъ Вѣнковскій.
1855—1859. Іоаннъ Товарницкій, Климентій Рачинскій и Валерій Хоминскій.
1860. Іоаннъ Товарницкій и Михаилъ Лешковичъ-Бачинскій, адвокатъ.
1861. Іоахимъ Хоминскій, Іоаннъ Товарницкій и Михаилъ Бачинскій.
1862—1863. Іоахимъ Хоминскій, Юліанъ Лавровскій, Іоаннъ Товарницкій и Михаилъ Бачинскій.
1864—1866. Іоахимъ Хоминскій и д-ръ Емиліанъ Лопушанскій.
1867. Константинъ Кмицикевичъ, Климентій Меруновичъ и Василій Ковальскій.
1868. Константинъ Кмицикевичъ, Андрей Шушкевичъ и Василій Ковальскій.
1869—1870. Константинъ Кмицикевичъ и Василій Ковальскій.
1871—1873. Василій Ковальскій, Іоаннъ Литынскій и д-ръ Амвросій Яновскій.
2874—1875. Василій Ковальскій, Сильвестръ Гавришкевичъ и Яковъ Савчинскій.
1876—1882. Василій Ковальскій, Романъ Децыкевичъ и Сильвестръ Гавришкевичъ.
1883—1884. Василій Ковальскій, д-ръ Исидоръ Шараневичъ и д-ръ Емиліанъ Лопушанскій.
1885—1886. Д-ръ Исидоръ Шараневичъ, Михаилъ Полянскій и д-ръ Иванъ Добрянскій.
1887—1888. Д-ръ Исидоръ Шараневичъ, Михаилъ Полянскій и Ѳеофиль Бережницкій.
1888—1892. Д-ръ Исидоръ Шараневичъ, Михаилъ Полянскій и Ѳеофилъ Савчинскій.
1893. Д-ръ Исидоръ Шараневичъ, Михаилъ Полянскій и Ѳеофилъ Бережницкій
1894—1897. Д-ръ Исидоръ Шараневичъ, Михаилъ Полянскій и Леонтинъ Голинскій.
1898—1899. Д-ръ Исидоръ Шараневичъ, Михаилъ Полянскій и Николай Герасимовичъ.
1890—1901. Д-ръ Исидоръ Шараневичъ, Николай Герасимовичъ и Романъ Яминскій.
1902—1906. Николай Герасимовичъ, Романъ Яминскій и Николай Сивулякъ.
1907—1908. Романъ Яминскій, Николай Сивулякъ и Венедиктъ Мѣйскій.
1909. Романъ Яминскій, Николай Сивулякъ и д-ръ Владимиръ Ивасечко.
1910—1914 Д-ръ Владимиръ Ивасечко, Николай Сивулякъ и д-ръ Ѳеодосій Заяцъ.
1914—1815. И. О. Цыбикъ, Н. Н. Сивулякъ и Н. Г. Третьякъ.
Въ 1915 году австрійскій комиссаръ А. Смулка.

1916—1921 году поставленные австрійцами украинофилы: Въ 1916 г. сеньоръ Г. Кузьма, а его замѣстители Ю. Сѣчинскій и И. Кивелюкъ. Послѣ смерти Кузьмы сеньоромъ былъ Л. Шеховичъ. Съ 1917—1922 г. сеньоромъ былъ д-ръ С. Федакъ.

1922—1924 г. правительственный комиссаръ Н. Г Третьякъ, а его замѣстители Ю. Я. Луцыкъ и д-ръ В. Г. Лагола.

1924/25 сеньоръ Н. Г. Третьякъ и его замѣстители: д-ръ Ѳ. С. Заяцъ и А. Н. Сивулякъ.

1925/26 сеньоръ Н. Г. Третьякъ; замѣститель: А. Сивулякъ и д-ръ Ѳ. С. Заяцъ.

1926/27 сеньоръ Н. Г. Третьякъ; замѣститель: А. Сивулякъ и В. Костецкій.

Списокъ членовъ Ставроп. Института.

(*Согласно времени ихъ поступленія*).

1. Юліанъ Романчукъ, отст. преподаватель гимназіи въ Львовѣ.
2. Николай Сивулякъ, отст. преподав. гимназіи въ Львовѣ.
3. Д-ръ Иванъ Литынскій, адвокатъ въ Львовѣ.
4. Андрей Чабанъ, отст. совѣтникъ финанс. Дирекціи въ Львовѣ.
5. Ѳеофилъ Джулинскій, инженеръ въ Мушинѣ.
6. Д-ръ Владиміръ Шараневичъ, адвокатъ въ Лютовискахъ.
7. Д-ръ Василій Лагола, директоръ Народного Дома въ Львовѣ.
8. Д-ръ Владиміръ Ясеницкій, адвокатъ въ Львовѣ.
9. Д-ръ Ѳеодосій Заяцъ, адвокатъ въ Львовѣ.
10. Иванъ Сасъ Лѣсковацкій, стар. совѣтн. финанс. Дирекціи во Львовѣ
11. Степанъ Томасевичъ, живописецъ въ Львовѣ.
12. Айталъ Ясеницкій, отст. судья въ Львовѣ.
13. Онуфрій Гудзъ, инженеръ и ст. совѣтн. почтов. Дирекціи въ Львовѣ.
14. Константинъ Павликовъ, совѣт. окружного суда въ Львовѣ.
15. Владиміръ Головацкій, почт. комиссаръ въ Краковѣ.
16. Аѳанасій Менцинскій, податной директоръ въ Львовѣ.
17. Ярославъ Лепкій, совѣтникъ суда въ Залѣщикахъ.
18. Северинъ Куровецкій, отст. почт. тел. контролеръ въ Львовѣ.
19. Д-ръ Юліанъ Заяцъ ст. совѣтникъ генеральн. Прокуратоpіи въ Львовѣ.
20. Андрей Кіякъ, бухгальтеръ О-ва „Днѣстръ“ въ Львовѣ.
21. Алексѣй Сивулякъ, прокуроръ Судебной Палаты въ Львовѣ.

22. Николай Третьякъ, совѣтникъ окружн. суда въ Львовѣ.
23. Д ръ Михаилъ Сохоцкій, адвокатъ въ Туркѣ
24. Д-ръ Богданъ Глушкевичъ, преподав. гимназіи (Россія).
25 Илья Цьорохъ, журналистъ (Америка).
26. Григорій Малецъ, директоръ О-ва им. Качковскаго въ Львовѣ.
27. Д-ръ Юліанъ Яворскій, проф. университета (Чехія).
28. Илларіонъ Липецкій, домовладѣлецъ въ Львовѣ.
29. Владиміръ Костецкій, совѣтникъ окружного суда въ Львовѣ.
30. Д-ръ Михаилъ Крыжановскій, адвокатъ въ Львовѣ.
31. Михаилъ Татухъ, нотаріусъ въ Львовѣ.
32. Антонъ Павенцкій, учитель и домовлад. въ Львовѣ.
33. Дмитрій Ключникъ, преподав. гимназіи въ Львовѣ.
34. Иванъ Сметанскій, преподав. гимназіи въ Львовѣ.
35. Романъ Давидовичъ, чиновникъ Польскаго Банка въ Львовѣ
36. Сильвестръ Пелехъ Лычковскій, совѣтникъ окружного суда въ Львовѣ.
37. Иванъ Габрусевичъ, совѣтникъ окружного суда въ Станиславовѣ.
38. Владиміръ Трушъ, директоръ гимназіи въ Станиславовѣ.
39. Д-ръ Адріанъ Копыстянскій, преподав. гимназіи въ Станиславовѣ.
40. Михаилъ Березскій, чиновникъ Русскаго Банка въ Станиславовѣ.
41. Михаилъ Гумецкій, домовладѣлецъ и секретарь Ставропигійскаго Института.
42 Даніилъ Свищъ, купецъ въ Львовѣ.
43. Осипъ Денисюкъ, купецъ и директоръ Русскаго Ревизійнаго Союза въ Львовѣ.
44 Петръ Харкавый, столярь въ Львовѣ.
45. Ѳеофилъ Заяцъ, секретарь Народнаго Дома въ Львовѣ.
46. Евгеній Пернаровскій, счетовый совѣт. финансовой Палаты въ Львовѣ.
47. Алексѣй Пурій, почтовый чиновникъ въ Львовѣ.
48. Романъ Шкирпанъ. домовл. и директоръ О-ва „Самопомощь“ въ Львовѣ.
49. Юліанъ Кисѣлевскій, старшій контролеръ почтъ въ Коломыѣ.
50. Лука Спольскій, учитель въ Коломыѣ.
51. Филаретъ Кмицикевичъ, старшій податной управитель въ Львовѣ.
52. Владиміръ Эліясевичъ, чиновникъ банка въ Львовѣ.
53. Владиміръ Якса Ладыжинскій, чиновникъ банка въ Львовѣ.

54. Д-ръ Богданъ Монцѣбовичъ, совѣт. окружн. суда въ Станиславовѣ.
55. Владиміръ Куриловичъ, совѣтникъ Судебной Палаты въ Львовѣ.
56. Зиновій Копыстянскій, совѣтникъ Судебной Палаты въ Львовѣ
57. Д-ръ Яковъ Поврозникъ, товарищъ прокурора окружного суда въ Станиславовѣ.
58 Д-ръ Иванъ Гумецкій, секретарь финансовой Палаты въ Львовѣ.
59. Филимонъ Метелля, президентъ окружнаго суда въ Станиславовѣ.
60. Святославъ Шанковскій, совѣтникъ окружнаго суда въ Станиславовѣ.
61. Александръ Гандякъ, чиновникъ желѣзной дороги въ Станиславовѣ.
62. Николай Демчукъ, судья уѣзд. суда въ Каменкѣ Струмиловой.
63. Д-ръ Юліанъ Сіокало, адвокатъ въ Бурштинѣ.
64. Симеонъ Билинкевичъ, судья уѣзд. суда въ Бурштинѣ.
65. Иванъ Гвоздовичъ, судья уѣзд. суда въ Бурштинѣ.
66. Кириллъ Чижъ, инженеръ въ Сокалѣ.
67. Д-ръ Орестъ Гнатышакъ, адвокатъ въ Перемышли.
68. Ярославъ Крыжановскій, инженеръ въ Стрыѣ
69. Всеволодъ Микитка Крыжановскій, старшій землемѣръ эвиденційный въ Долинѣ.
70. Климентъ Заградникъ, совѣтникъ окружного суда въ Тарнополи.
71. Д-ръ Кириллъ Черлюнчакевичъ, адвокатъ въ Перемышли.
72. Владиміръ Перфецкій, судья въ Каменкѣ Струмиловой.
73. Иванъ Сосенко, совѣт. окружн. суда въ Самборѣ.
74. Д-ръ Владиміръ Киндѣй, совѣт. финанс. управленія въ Сянокѣ.
75. Владиміръ Хилякъ, совѣтникъ окружного суда въ Самборѣ.
76. Игнатій Хилякъ совѣт. окружн. суда въ Самборѣ.
77. Евгеній Лонкевичъ, уѣзд. судья въ Бурштинѣ
78. Юліянъ Величко, совѣт окружн. суда въ Стрыѣ.
79. Д-ръ Евгеній Шатынскій, адвокатъ въ Сянокѣ.
80. Онуфрій Ткачъ, директоръ Ризницы Самборъ.
81. Левъ Дейницкій, уѣзд. судья въ Чортковѣ.
82. Иванъ Яськовъ, отст. нар. учитель въ Львовѣ.
83. Романъ Турмановичъ, совѣт. Воеводства во Львовѣ
84. Емиліанъ Буликъ, совѣт. окружн. суда во Львовѣ.
85. Иванъ Бартковъ уѣзд. судья въ Перемышлянахъ.
86. Д-ръ Михаилъ Ладыженскій, препод. гимн. въ Сянокѣ.

87. Иванъ Петровичъ, уѣзд. судья въ Скольѣ.
88. Александръ Нижанковскій, ст. надкомиссаръ Магистрата въ Львовѣ.
89. Д-ръ Ярославъ Коломыецъ, адвокатъ въ Русской Равѣ.
90. Степанъ Сколоздра, ст. управитель подат. въ Львовѣ.
91. Петръ Сняданко, чиновникъ суда въ Сокалѣ.
92. Мирославъ Венгриновичъ, окр. судья въ Самборѣ.
93. Антонъ Котлярчукъ, владѣлецъ аптеки въ Яблоновѣ.
94. Александръ Строцкій, нотаріусъ въ Отонынiи.
95. Несторъ Саламонъ, помѣщикъ въ Комарникахъ.
96. Д-ръ Михаилъ Ласкута, адвокатъ въ Журавнѣ.
97. Д-ръ Осипъ Вл. Гукевичъ, преподав. гимн. въ Сянокѣ.
98. Богданъ Б. Дѣдицкій, начальникъ суда въ Козовой.
99. И. Г. Рогозинскій, эм. гим. стр. о-ва „Феникъ“ во Львовѣ
100. Л. И. Церохъ, упр. техн. института во Львовѣ.
101. Д-ръ А. А. Алексевичъ, врачъ во Львовѣ.
102. Д-ръ А. Е. Пелехъ, врачъ во Львовѣ.
103. И. Ф. Коверчукъ, ост. чин. банка „Славія“ во Львовѣ.
104. И. Ф. Штигель, ком. финан. во Львовѣ.
105. Д-ръ Ю. Чернянскій, стар. сов. фин. во Львовѣ.
106. А.Г. Полѣщукъ, зодчій въ Фольваркахъ Малыхъ, Броды.
107. Ю. А. Билинкевичъ, канд. адв. во Львовѣ.
108. Р. А. Билинкевичъ, судья во Львовѣ.
109. С. А. Билинкевичъ, препод. гимн. во Львовѣ.
110. И. И. Слезюкъ, реф. школьн. кураторіи во Львовѣ.
111. М. М. Бачинскій, ревид. тамож. дир. во Львовѣ.
112. Д-ръ М. Ю Литвакъ, желѣзнодор. реф. во Львовѣ.
113. В. Крыницкій, судья въ Яблоновѣ.
114. С. Ф. Медвѣцкій, адвокатъ въ Ровнѣ.
115. И. А. Жаровскій, помѣщикъ въ Могильницѣ.
116. Я. Л. Барановскій, судья въ Золочевѣ.
117. Е. Д. Крохмалюкъ, суд. чинов. въ Коссовѣ.

Старѣйшины Ставропигійскаго Института на 1926—1927 г.

Сеніоромъ избранъ: **Николай Григорьевичъ Третьякъ.**
Алексѣй Сивулякъ, I-ымъ товар. Сеніора.
Владиміръ Костецкій, II-ымъ „

Члены Совѣта:

1. Д-ръ Юліанъ Заяцъ
2. Григовій Малецъ.
3. Онуфрій Гудзъ.
4. Антоній Павенцкій.

5. Иларіонъ Липецкій.
6. Иванъ Сметанскій.
7. Владиміръ Ладыженскій.
8. Д-ръ Михаилъ Литвакъ.
9. Антонъ Церохъ.
10. Михаилъ Бачинскій.
11. Юліянъ Билинкевичъ.

Контрольная Комисія:

Осипъ Денисюкъ.
Евгеній Пернаровскій.

Префекты:

„ *Церкви*: Д-ръ Юліянъ Заяць, О. Гудзъ,
„ „ А. Церохъ, И. Лицецкій.
„ *Типографіи*: Владиміръ Костецкій.
„ *Переплетни*: Иларіонъ Липецкій и М. Бачинскій.
„ *Бурсы*: Антоній Павенцкій и Иванъ Сметанскій.
„ *Домовъ*: Онуфрій Гудзъ и И. Рогозинскій.
„ *Книжнаго магазина и лавки*: Ю. Билинкевичъ.
„ *Кассы*: В. Ладыженскій.
„ *Бухгалтеріи*: Иларіонъ Липецкій.
„ *Прокуратора*: Д-ръ Юліянъ Заяцъ.
„ *Секретаря*: Григорій Малецъ.
Секретарь Института: М. М. Гумецкій.

УПОКОИЛИСЬ:

1) В. Литынскій.
2) Юліянъ Луцыкъ.
3) Д-ръ А. Савюкъ
4) К. Даниловичъ

ОТЧЕТЪ

о дѣятельности Правящаго Совѣта Ставропигійскаго Института во Львовѣ

за время отъ 27 апрѣля 1925 — по 4 мая 1926.

На общемъ собраніи членовъ Ставропигійскаго Института во Львовѣ, состоявшемся дня 26 апрѣля 1925 г., избранъ Правящій Совѣтъ въ такомъ составѣ: сеньоръ Николай Третьякъ, тов. сеньора Алексѣй Сивулякъ и д-ръ Ѳеодосій Заяцъ, члены Совѣта: д-ръ Юліанъ Заяцъ, Владиміръ Костецкій, Григорій Малецъ, Онуфрій Гудзъ, Юліанъ Луцыкъ, Антоній Павенцкій Илларіовъ Липецкій, Евгеній Пернаровскій, Иванъ Сметанскій, Димитрій Ключникъ, Иванъ Спасъ-Лѣсковацкій и Романъ Турчмановичъ.

Контрольная комиссія: Владиміръ Эліасевичъ, Константинъ Даниловичъ, Владиміръ Ладыженскій.

По стародавнему обычаю собраніе началось отслуженіемъ молебна профессоромъ о. д-ромъ Мышковскимъ и пѣніемъ Братіей „Ангелъ вопіяше“ и „Плотію уснувъ“. — Послѣ молебна о. д-ръ Мышковскій поздравилъ собравшихся членовъ съ окончательнымъ благополучнымъ для Института рѣшеніемъ спора, какой велъ мѣстный прежній Совѣтъ во главѣ съ д-ромъ Федакомъ, пожелалъ имъ полнаго успѣха въ ихъ дальнѣйшей дѣятельности.

Засѣданія Правящаго Совѣта состоялись, согласно постановленіемъ устава, въ каждую среду, но всего только 40 разъ, — такъ какъ во время ферій Совѣтъ на совѣщанія не собирался.

Въ засѣданіяхъ Совѣта обсуждались всѣ текущія дѣла. Въ нихъ принимали всегда многочисленное участіе вообще члены Института, и невходящіе въ составъ Совѣта. По уставу именно разрѣшено и не члену участвовать въ засѣданіяхъ

Правящаго Совѣта съ рѣшающимъ голосомъ на равнѣ съ членами его. Кромѣ того состоялось 3 внѣочередныхъ общихъ собранія членовъ для рѣшенія дѣлъ, подлежащихъ по уставу только компетенціи общаго собранія. На нихъ то принимались новые члены. Итакъ, было принято: на собраніи отъ 17 іюня 1925 — 20 чл., 3 февраля 1926 — 5 чл. и 10 марта — 16 чл.

Въ отчетномъ году умерло 4 члена. именно: 1) д-ръ Михаилъ Король, адвокатъ въ Жолквѣ, 2) Владиміръ Литынскій ст. судья во Львовѣ, 3) Д-ръ Александръ Савюкъ, адвокатъ въ Сянокѣ, талергофецъ, присужденный австрійскимъ военнымъ судомъ къ смертной казни, а позже помилованный. 4) Юліянъ Луцыкъ, членъ Правящаго Совѣта, ст. совѣтникъ казенной палаты. Покойный принималъ живѣйшее участіе не только въ жизни Института, но и во всѣхъ русско-народныхъ обществахъ. Особенно неоцѣнимы его заслуги по дѣламъ финансовымъ и податнымъ; какъ спеціалистъ въ этой области и обладавшій громаднымъ опытомъ, онъ всегда охотно служилъ совѣтомъ и указаніями.

Въ засѣданіи Совѣта память покойниковъ была почтена встаніемъ съ мѣстъ. На мѣсто упокоившагося Ю. Луцыка избрано членомъ Совѣса Владиміра Ладыженскаго, а на его мѣсто въ конгрольную комиссію Романа Давидовича.

Всѣхъ членовъ, сложившихъ братскій обѣтъ, насчитывается 111.

Состояніе и дѣятельность Института.

Противъ рѣшенія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ въ Варшавѣ отъ 9 апрѣля 1923 L. B. B. $1482/_{25}$, силою котораго отклонено рекурсъ д-ра Стефана Федака и т-щей противъ рескрипта львовскаго Воеводства отъ 16 февраля 1922 № $8094/_{22}$, внесли дня 19 іюня м. 1925 г. Стефанъ Федакъ, д-ръ Романъ Чайковскій, д-ръ Иванъ Брикъ, Зенонъ Лукавецкій, Софронъ Ференцевичъ, Исидоръ Гумницкій, черезъ адвоката д-ра Филиппа Евина, жалобу въ Наивысшій Административный Трибуналъ въ Варшавѣ, требуя отмѣненія этого рескрипта.

Правящій совѣтъ, узнавъ частнымъ путемъ о внесеніи такой жалобы, отнесся въ канцелярію Наивысшаго Административнаго Трибунала въ Варшавѣ съ просьбой о допущеніи его къ дѣлу. Дѣйствительно рѣшеніемъ отъ 5 октября 1925 № Rej. 1812/6 допущено Правящій Совѣтъ Ставропигіи. Къ участію, предложено копію жалобы, на которую, въ предписанномъ законномъ срокѣ, внесено обстоятельный отвѣтъ. До сихъ поръ розбирательство въ этомъ дѣлѣ еще не назначено.

Стараніемъ Совѣта во время праздниковъ Сошествія св. Духа на Лычаковскомъ кладбищѣ отслужена была панихида за упокой душъ почившихъ сеньоровъ и членовъ Института, и кромѣ того дня 5 апрѣля 1926 устроено поминальное Бого-

служеніе. Такимъ образомъ Институтъ исполняетъ завѣщанія фондаційныхъ грамотъ, и дважды въ годъ поминаетъ усопшую Братію.

По поводу празднованія столѣтней годовщины рожденія просвѣтителя Галицкой Руси, о. Ивана Григорьевича Наумовича, пришелъ Совѣтъ съ помощью Комитету, печатая даромъ афиши, а кромѣ того обовязался напечатать даромъ три листа перваго выпуска сочиненій Наумовича. Такимъ образомъ Институтъ содѣйствуетъ болѣе широкому распространенію его сочиненій въ народныхъ массахъ, и исполняетъ одну изъ своихъ задачъ: ширить просвѣщеніе въ народѣ.

Ровноже причинился Институтъ къ изданію сочиненія д-ра Ваврика „Яковъ Головацкій, его дѣятельность и значеніе въ галицко-русской словесности“, удѣляя Галицко-Русской Матицѣ нѣкоторый кредитъ на печатаніе. Кромѣ того издано: „Протоколы сіонскихъ мудрецовъ“ и Зубрицкаго „Хронику Ставропигійскаго Братства“, какъ продолженіе, „Юбилейнаго изданія“.

Наконецъ постановлено издавать сочиненіе Зубрицкаго и продолжать изданіе монографій, относящихся къ исторіи Ставропигійскаго Ииститута вообще, къ типографіи и церкви въ особенности ввиду того, что въ 1930 году истекаетъ 300 лѣтъ со дня освѣщенія церкви, а 350 лѣтъ со дня основанія Ставропигійской типографіи, первой во Львовѣ.

Синдикомъ Института состоитъ и дальше адвокатъ д-ръ М. Крыжановскій, не получающій постояннаго жалованія, а только послѣ каждаго переведеннаго дѣла по расцѣнкѣ вознагражденія адвокатскаго тарифа.

Составъ служащихъ Института былъ таковъ, какъ и въ прежнемъ году, а только секретаря канцеляріи, Михаила Гумецкаго, считая годы его службы, переведено въ VIII, кл. государственныхъ служащихъ.

Правящій Совѣтъ, имѣя въ виду расширить свою издательскую дѣятельность, намѣтилъ ипотечный долгосрочный заемъ, но ввиду паденія курса золотого дѣло не удалось.

Въ отчетномъ году сплачено цѣликомъ довоенный долгъ артиста Выгживальскаго въ суммѣ 2.550 зл., часть долга Шавловскаго въ суммѣ 2.500 зл., такъ что остается еще къ уплатѣ 1.500 зл. Относительно дѣла довоеннаго долга Аккермановой, то она затребовала судебнымъ путемъ уплаты 20.000 зл. за взятую передъ войной бумагу, на которой теперь уже напечатано Евангеліе. Послѣ долгихъ торговъ Аккерманова согласилась на уплату ей всего только 6.500 зл. Для погашенія этого долга сдѣланъ вексельный краткосрочный заемъ въ Банкѣ Господарства краевого на сумму 7.000 зл. Заемъ этотъ погашается квартальными ратами.

Ровноже уплачено цѣликомъ довоенный долгъ Шаффу за добранную бумагу въ суммѣ 250 зл.

Въ настоящее время долги Института незначительны — 7000 зл. въ Банкѣ Господарства Краевого и долгъ Шавловскаго на сумму 1.500 зл.

Изъ предложеннаго бюджета видно, что финансовое состояніе Института весьма прочное.

а) Церковь и церковныя дѣла.

Дѣло обновленія церкви подвинулось въ отчетномъ году значительно впередъ.

Старинный триптиконъ уже обновленъ и вскорѣ будетъ умѣщенъ въ часовнѣ Трехъ Святителей.

Министерство Вѣроисповѣданій и Народнаго Просвѣщенія ассигновало на обновленіе церкви 3.000 зл. Кромѣ того ассигновала львовская городская дума 3.000 зл. Приступлено уже къ обновленію 4 столбовъ-филяровъ въ церкви, а кромѣ того фигуры ангеловъ позолочено. Церковь стала свѣтлѣе.

Артистъ-ваятель Комиссарукъ въ Станиславовѣ оканчиваетъ артистическія двери для часовни, и есть надежда, что еще въ текущемъ году онѣ будуть навѣшены. Кромѣ того заказано въ Краковѣ въ фабрикѣ витражей Теленицкаго три окна для пресвитеріи, по плану русскаго артиста Холоднаго. Рѣшено также уложить въ церкви мраморный полъ, матеріалъ для котораго предполагается заказать въ Сальцбургѣ.

Ввиду того, что на основаніи конкордата и рескрипта министра Вѣроисповѣданій и Народнаго Просвѣщенія отъ дня 19 декабря 1925 (№ 6, 1926), по діецезіямъ должны быть созданы особыя комиссіи для охраны старинныхъ церквей и дѣлъ искусства, сеньоратъ обратился къ митрополиту, какъ предсѣдателю такой комиссіи, за совѣтомъ.

Митрополитъ дѣйствительно прибылъ въ церковь. Осмотрѣлъ работы и высказалъ много цѣнныхъ замѣчаній относительно дальнѣйшихъ работъ. Но епископская комиссія по дѣламъ церковныхъ памятниковъ до сихъ поръ не утверждена, ввиду чего нельзя начинать дальшихъ работъ.

Дѣло замѣщенія парохіи тронулось нѣсколько впередъ, римская курія посредствомъ нунціатуры въ Варшавѣ затребовала нѣкоторыхъ объясненій относительно рекурса внесеннаго Институтомъ противъ нарушенія вѣкового права. Относительныя обвиненія присланы нунціатурѣ въ Варшаву еще въ іюлѣ мѣсяцѣ, но до сихъ поръ дѣло не рѣшено.

б) Книжная лавка и книжный складъ.

Книжная лавка состоитъ и дальше въ арендѣ „Украинскаго Товариства Педагогичнаго“. Оно помѣстило надъ книжной лавкой вывѣску, на которой совсѣмъ незамѣтна фирма Института. Правящій Совѣтъ затребовалъ перемѣнить надпись, а когда

правленіе У. П. Т. отказало, возбудилъ процесъ, но окончательно дѣло улажено мирнымъ путемъ. Итакъ заключено новый договоръ съ У. П. Т., такимъ образомъ, что сокращено срокъ аренды до 4 лѣтъ, мѣсто 12, повышено чиншъ за права концессіи на 15 долларовъ въ мѣсяцъ, вмѣсто дотеперѣшнихъ 3 зл. 50 гр., вывѣска должна быть такимъ образомъ передѣлана, чтобы фирма Института была видна.

Книжный складъ Института находится въ собственномъ его вѣдѣніи.

Въ отчетномъ году напечатано красивое изданіе „Евангелія“ въ 2.000, а кромѣ того „Требникъ“ въ 1,500 экз.

Какъ видно изъ баланса, стоимость книгъ въ магазинѣ значительно повысилась.

На 1926 г. издано „Временникъ“, въ которомъ напечатано сочиненіе Дениса Зубрицкаго „Хроника Ставропигійскаго Братства“ въ русскомъ переводѣ, съ котораго сдѣлано особый оттискъ.

Предполагается также издать тогоже автора сочиненіе „Kronika miasta Lwowa“.

в) Типографія.

Типографія находится дальше въ поднаемѣ г. Александра Яськова, и приноситъ постоянный доходъ.

Въ отчетномъ году передѣлано прежній договоръ съ г. Яськовымъ на болѣе точный и практическій, и кромѣ того приступлено къ основному ремонту всѣхъ машинъ, за счетъ Института и арендатора.

Тяжелый кризисъ въ типографскомъ промыслѣ не только продолжается, но и принимаетъ съ каждымъ днемъ болѣе острую форму. Ввиду дороговизны набора и бумаги печатаніе уменьшилось, а то тѣмъ болѣе, что по поводу тяжелаго финансоваго положенія книги не покупаются.

Но всежъ таки благодаря заботамъ арендатора печатня успѣваетъ, а тѣмъ самымъ Институтъ можетъ и дальше продолжать свое издательское дѣло.

г) Бурса.

Въ 1924/5 школьномъ году принято 35 воспитанниковъ. Всѣ они получили хорошія отмѣтки. На 1925/6 г., принято 36 воспитанниковъ, за платой въ началѣ по 45 зл., а позже по 50 зл., въ мѣсяцъ. Это самая дешевая цѣна во Львовѣ, уплачиваемая за воспитанниковъ, такъ какъ по всѣмъ другимъ того рода заведеніямъ уплачивается въ среднемъ по 10—12 долларовъ въ мѣсяцъ.

Настоятелемъ бурсы состоялъ ст. С. Чучвара, завѣдываетъ же хозяйствомъ вдова по священнику г. Медынская. Ей придана

къ помощи одна прислуга и кромѣ того одинъ изъ дворниковъ топитъ въ печахъ и дѣлаетъ порядокъ. Ввиду очень дешевой администраціи бурса не приноситъ убытковъ. Воспитанники получаютъ хорошее пропитаніе, имѣютъ хорошій врачебный присмотръ въ лицѣ постояннаго врача д-ра Александра Пелеха, члена Института, а кромѣ того получаютъ уроки русскаго языка и нотнаго пѣнія.

Министерство Народнаго Просвѣщенія ассигновало въ отчетномъ году на улучшеніе инвентаря 1.500 зл. Изъ этихъ денегъ покуплено стулья и нужную кухонную посуду. Но, всеже надо еще много расходовъ, чтобы пополнить самый нужный инвентарь и подѣлать въ помѣщеніи бурсы необходимыя адоптаціи.

д) Переплетная.

Въ отчетномъ году закуплено для переплетной одну машину для шитья книгъ за 4.200 зл., которую то сумму цѣликомъ уплачено. Кураторія львовскаго школьнаго округа давала въ переплетъ печатаемыя въ Институтской типографіи книги въ большомъ количествѣ, ввиду чего надо было непремѣнно покупить такую машину, чтобы заказы исполнить своевременно.

Но прежній управитель переплетной испортилъ одинъ цѣлый накладъ школьныхъ книжекъ, ввиду чего Управляющій Совѣтъ уволилъ его отъ должности и отдалъ переплетную на одинъ годъ въ аренду г. Степану Геваку за 52 доллара въ мѣсяцъ, причемъ г. Гевакъ долженъ производить переплетъ институтскихъ изданій по цѣнѣ себѣстоимости.

По поводу поведенія прежняго управителя понесъ Институтъ громадный убытокъ, высота котораго до сихъ поръ еще не выяснена, такъ какъ еще ведутся переговоры съ Куратоpіей.

е) Дома и фонды.

Въ виду постепеннаго повышенія квартирныхъ платежей согласно постановленій закона на защиту локаторовъ, дома Института начинаютъ давать значительные доходы, такъ что частично можно будетъ употреблять ихъ на другія цѣли Института.

Но дома эти находятся въ очень плачевномъ состояніи, такъ что надо будетъ въ текущемъ году приступить къ ихъ ремонту.

Въ особенно плачевномъ состояніи находится домъ при ул. Стрѣлецкой № 2, который надо будетъ основательно ремонтировать. Въ послѣднее время покрытъ онъ заново желѣзомъ (бляхой), внутренній же ремонтъ послѣдуетъ по разрѣшеніи магистрата, и въ мѣру того, насколько локаторы причинятся

къ ремонту. Но всѣ локаторы этого дома очень бѣдные люди, такъ что только съ трудомъ можно отъ нихъ получить ежемѣсячный чиншъ, а тѣмъ болѣе будетъ трудно отъ нихъ получить какой удѣлъ по ремонту дома. Домъ тотъ приносилъ и приноситъ по поводу своего плохого состоянія убытокъ, самымъ лучшимъ исходомъ былобы продать его, но настоящее время не подходитъ къ такому роду трансакцій.

Фонды Института, приносившіе до войны громадные доходы, вслѣдствіе девальваціи потеряли свою цѣнность. Доходы изъ нихъ употреблялись на стипендіи и вспомоществованія учащейся молодежи. Сегодня всѣ эти фонды не превышаютъ суммы 4.000 зл. Согласно предписаній закона о девальваціи, они, находясь въ цѣнныхъ бумагахъ, не приносятъ никакихъ доходовъ.

Но всежъ таки Правящій Совѣтъ изъ собственныхъ средствъ Института жертвуетъ значительныя суммы на вспомоществованіе бѣдныхъ, а учащейся молодежи въ особенности.

ж) Музей.

Дѣло реэвакуаціи музея изъ Ростова на-Дону не тронулось впередъ.

На требованіе совѣтскихъ властей предложено имъ копію декрета отзывающаго правительственнаго комиссара, копіи актовъ формальной передачи комиссаромъ управленія въ руки Правящаго Совѣта, дальше, списокъ новыхъ членовъ такъ Правленія, какъ и новопринятыхъ членовъ въ цѣли подтвержденія, что составъ членовъ Института въ идейномъ отношеніи не перемѣнился.

Но отвѣта пока не получено, а на личное ходатайство сеньора въ Варшавѣ получено отвѣтъ, что дѣло еще не рѣшено, но есть надежда на его благополучное рѣшеніе въ непродолжительномъ времени. Но вдругъ въ мартѣ получено сеньоромъ частное извѣщеніе, посредствомъ проф. д-ра Юльяна Яворскаго, что Украинская Академія Наукъ въ Кіевѣ посредствомъ бывшаго профессора Львовскаго университета, Михайла Грушевскаго, затребовала передачи тогоже музея.

Въ виду того Совѣтъ отнесся безотлагательно въ Варшаву въ делегацію спеціальной смѣшанной комиссіи, дальше въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ въ Варшавѣ и лично къ воеводѣ, чтобы они своею интервенціею отклонили угрожающую Музею опасность.

Дѣйствительно, предсѣдатель делегаціи въ спеціальной комиссіи смѣшанной въ Варшавѣ отвѣтилъ письмомъ отъ дня 13 апрѣля 1926 г., № 976/V, что Совѣтская делегація стоитъ упорно при своемъ мнѣніи не выдавать Музея, и что дѣйствительно, Украинская Академія Наукъ въ Кіевѣ, посредствомъ

проф. М. Грушевскаго, затребовала отъ правительства С.С.С.Р. передачи его.

Прошенію этому, однако. отказано на томъ основаніи, что въ этомъ дѣлѣ между польскимъ Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ, а Московкимъ правительствомъ ведутся переговоры. Музей находится до сихъ поръ въ университетѣ въ Ростовѣ-на-Дону, подъ попечительствомъ Совѣтской Делегаціи изъ смѣшанной комиссіи спеціальной въ Москвѣ.

Быть можетъ, удастся спасти для Института этотъ цѣнный Музей.

з) Бюджетъ на 1926 годъ.

Предлагая при семъ впервые смѣту приходовъ и расходовъ Института на 1926 г., обращаемъ прежде всего вниманіе на то, что приходъ перевышаетъ расходъ на 32.000 зл.

Въ расходы вставлена сумма 15 000 зл. на издательства, но, по всей вѣроятности, сумму на эту цѣль прійдется увеличить на 20.000 зл.

Кромѣ того слѣдовалобы приступить къ дѣлу обновленія церкви, которой въ 1930 приходитъ 300-лѣтній юбилей ея освященія. На эту цѣль предполагается расходовать въ текущемъ году 10.000 зл.

Относительно издательской дѣятельности, то надо непремѣнно приступить къ печатанію „Служебника“, какъ равножъ продолжать изданіе сочиненій Д. Зубрицкаго, какъ продолженіе Юбилейнаго изданія.

Дальше слѣдовало бы приступить къ ремонту своихъ домовъ, на что слѣдуетъ отпустить сумму 5.000 зл.

Остатки доходовъ употребитъ Управляющій Совѣтъ на субсидіи нуждающимся вообще, а особенно въ пользу бѣдной учащейся молодежи, вмѣсто стипендій, даваемыхъ въ довоенное время Институтомъ.

Предлагая при семъ балансъ съ днемъ 31 декабря 1925 г., обращаемъ вниманіе, что въ сравненіи съ 1924 годомъ имущество Института значительно увеличилось.

Особенно увеличилась рубрика „книги въ магазинѣ“ изъ суммы 353.181 зл., на сумму 664.506 зл.

Увеличеніе это объясняется тѣмъ, что въ минувшемъ году поступили въ магазинъ двѣ новонапечатанныя книги слишкомъ большой стоимости, а то „Евангеліе“ и „Требникъ“. Кромѣ того, особая комиссія повысила цѣны книгъ въ магазинѣ, такъ какъ дѣйствительная цѣна не отвѣчала требованіямъ рынка и была низкой.

КАССОВЫЙ ОТЧЕТЪ

СТАВРОПИГІЙСКАГО ИНСТИТУТА

СЪ ДНЕМЪ 31 ДЕКАБРЯ 1925 г.

Отчетъ кассовый за годъ 1925.

		Приходы		Расходы	
		Злот.	гр.	Злот.	гр.
1	Правленіе	199	05	13.041	95
2	Администрація домовъ	31.040	20	11.122	17
3	Типографія	17.273	44	261	84
4	Книгарня	7.403	86	353	75
5	Переплетная	13.237	11	20.110	08
6	Церковь	5.130	00	7 066	12
7	Бурса	11 507	86	11.386	47
8	Издательство (магазинъ)	8.594	88	23.164	02
9	Локаціи	4.152	00	4 656	32
10	Проц., провизія, належ: ман. и перемѣна курса	5	52	2.315	10
11	Зачеты	320	00	320	00
12	Займы	8.258	00	10.758	00
	Итого . .	107.121	92	104.555	82
	Наличными съ г. 1924	11	09		
	на г. 1926 . . .			2.577	19
	Са	107.133	01	107.133	01

БАЛАНСЪ

СТАВРОПИГІЙСКАГО ИНСТИТУТА

съ днемъ 31 декабря 1925 г.

Активъ

		Золот.	гр.
1	Недвижимости	250.000	00
2	Книги въ магазинѣ	664.506	96
3	„ книгарни	8.108	41
4	„ у д-ра Стасева	1.686	75
5	Бумага въ магазинѣ	1.544	79
6	Машина и моторы типографіи 52.290.00 „ переплетной 8.991.75	61.281	75
7	Касса (наличными)	2 577	19
8	Почтовая сбер. касса	620	74
9	Устройства: а) канц. въ залѣ засѣд.	1.496	45
	б) домовъ	32	70
	в) типографіи	37.868	33
	г) переплетной	1.046	17
	д) книгарни	1.507	03
	е) бурсы	1.540	30
	ж) магазина	338	45
	з) церкви	50.000	00
10	Эфекты собственные (локаціи) . . .	507	03
11	„ фондовые	3.701	69
12	Чинши неуплаченные въ 1925 г. . .	1.446	28
	Итого	1,089.811	07
	Са.	1,089 811	07

Пасивъ

		Золот.	гр.
1	Долгъ Шавловскаго	1.500	00
2	„ довоенный Аппермавъ . . .	6.500	00
3	Гевакъ С. за переплетъ книгъ школьн.	2.500	00
4	Эфекты фондовые	3.701	69
5	Подать державная отъ недвиж. . . . и локалей IV кв. 1925 г. . .	1.935	62
	Итого . .	16.137	31
6	Капиталъ Институ. съ 31/12 1915 (Имѣніе)	1,073.673	76
	Са	1,089.811	07

Бюджетъ приходовъ и расходовъ Ставропигійскаго Института на годъ 1926.

		Приходъ		Расходъ	
		Злот.	гр.	Злот.	гр.
1	Правленіе	334		8.926	
2	Дома	42.260		15.886	
3	Типографія	13.356		1.000	
4	Книжная	7.440		„	
5	Переплетная	4.000		„	
6	Церковь	3.600		1.784	
7	Бурса	12.000		11.620	
8	Магазинъ, Издательство	8.000		15.200	
9	Проц. отъ займовъ . .			900	
10	Сплаты займовъ . . .			3.600	
	Итого . .	90.990		58.916	

Часть литературная.

Новый годъ.

Снова новый годъ! Съ тумана
Тайны непонятной
Появился, и исчезнетъ
Онъ туда обратно.
Гибнутъ племена безслѣдно,
Высыхаетъ море,
Покрываются пустыней
Пышные просторы, —
Только время безпредѣльно
Все впередъ стремится,
Вихра, грома, мора, смерти
Вовсе не боится.
По крови, по трупамъ, мимо
Міра, безъ оглядки,
Все бѣжитъ, все торопится,
А куда — загадка!
И не помнитъ, сколько солнце
Дней ужъ насчитало,
Сколько съ неба голубого
Ясныхъ звѣздъ упало.

* * *

Новый годъ! Скажи, родимый,
Что намъ преподносишь:
Славу, волю, или горемъ
Снова насъ подкосишь?
Шесть столѣтій выпивали
Мы полыни чаши;
Будь же ласковъ, теплотою
Согрѣй души наши.

В. Р. Вабрикъ.

Львовское Ставропигіальное Братство.

(*По А. Крыловскому**).

I.

Происхожденіе Братствъ.

Вопросъ о происхожденіи Братствъ весьма сложенъ. Мнѣнія ученыхъ разнорѣчивы. Одни смотрятъ на западно-русскія Братства, какъ на учрежденія чисто отечественныя, возникшія на народной почвѣ, самостоятельныя по формѣ и содержанію; другіе, напротивъ, считаютъ ихъ явленіями чужеземными, заимствованными отъ западно-европейскихъ цеховъ; третьи, соглашаясь, что западно-русскія Братства вышли изъ цеховаго устройства, тѣмъ не менѣе считаютъ ихъ самостоятельнымъ, мѣстнымъ явленіемъ западно русской православной жизни, основываясь на духѣ, который всецѣло проникалъ и одушевлялъ эти формы. Замѣчательное мнѣніе по данному вопросу принадлежитъ проф. С. Т. Голубеву; отмѣченное критикою, какъ выдающееся, очень убѣдительное, въ настоящее время можетъ считаться общепринятымъ. Проф. Голубевъ имѣетъ въ виду такъ называемое право патронатства. Охарактеризовавъ два вида патроната — господарскій и владѣльческій, изслѣдователь говоритъ: въ городахъ и нѣкоторыхъ мѣстечкахъ мы встрѣчаемся съ новымъ видомъ патроната — патронатомъ коллективнымъ. Патронами въ данномъ случаѣ являются всѣ прихожане церкви. Совмѣстное участіе въ общемъ дѣлѣ вело

*) А. Крыловскій: Львовское Ставропигіальное Братство Кіевъ, 1904.

къ выработкѣ устава, и корпоративное учрежденіе, группировавшееся около церкви, получило названіе Братства.

II.

Львовское Братство.

Львовское Братство обязано своимъ происхожденіемъ тѣмъ же историческимъ условіямъ, которыя вызвали таковыя братства и въ другихъ мѣстностяхъ юго западной Руси. Сгруппировавшіеся около Успенской церкви православные приняли на себя права патронатства. Первое упоминаніе относится къ 1439 г. Начальный періодъ Братства, когда оно еще не носило строго церковнаго характера, не особенно богато событіями, имѣющими важное историческое значеніе. Съ такимъ значеніемъ Братство выступаетъ только къ концу XVI ст., въ особенности со времени утвержденія его устава Антіохійскимъ патріархомъ Іоакимомъ.

Въ концѣ 1585 года прибылъ во Львовъ патріархъ Іоакимъ. Время это совпало съ начинавшимся движеніемъ въ средѣ ревнителей православія на защиту своей вѣры и русской народности. Патріархъ Іоакимъ, хорошо ознакомленный съ печальнымъ положеніемъ дѣлъ въ юго-западной Руси, съумѣвшій оцѣнить значеніе братскихъ союзовъ, въ особенности Львовскаго Братства, выдалъ свою благословенную грамоту и утвердилъ 1 янв. 1586 г. вновь выработанный уставъ. Уставъ этотъ состоитъ изъ 41 пункта или раздѣла. Содержаніе ихъ слѣдующее:

1) Въ извѣстный день братчики должны сходиться въ избранный домъ, съ любовію и миромъ отдавая одинъ другому должную честь и творя доброе дѣло предъ Богомъ и людьми.

2) Братство должно сходиться черезъ каждыя четыре недѣли и каждый братчикъ долженъ при этомъ дать полъ гроша*) въ братскій сундукъ. Собранія эти могутъ быть и скорѣе, если вызовутъ къ тому обстоятельства; собираются же по знамени братскому, которое посылается къ нимъ.

3) Въ братство можетъ вступать всякій, кто бы онъ ни былъ: мѣщанинъ или шляхтичъ, предмѣщанинъ или кто - либо изъ посполитыхъ людей какъ изъ того, такъ и изъ другого города, лишь бы только внесъ при вступленіи шесть грошей.

4) Братчикъ, живущій далеко отъ братства, долженъ давать разъ въ годъ по шести грошей.

5) Каждый годъ, братство избираетъ изъ среды себя четырехъ старшихъ братчиковъ и имъ поручаетъ веденіе братскихъ дѣлъ.

---

*) Тогдашній польскій грошъ равнялся почти 6 коп. (Linde, *Słownik języka polskiego*. Lwów 1854, t. II).

6) Кружка братская находится въ рукахъ старшаго братчика, а ключъ отъ нея у младшаго.

7) Старшіе братчики отдаютъ братству ежегодно отчетъ, слагая съ себя возложенныя на нихъ обязанности.

8) Избираемый въ старшіе братчики не долженъ противиться этому безъ уважительной причины, иначе долженъ дать три безмѣна воску.

9) Наказаніе, общее всѣмъ, — сидѣть на колокольнѣ.

10) Если братъ брата обидитъ словомъ въ собраніи братскомъ, то долженъ быть наказанъ сидѣніемъ на колокольнѣ, дать камень воску и здѣсь же, предъ братствомъ, испросить прощеніе у оскорбленнаго брата и всего братства.

11) Въ собраніи братчики должны вести себя чинно и благопристойно, чтобы не изъ чьихъ устъ не исходило гнилое слово, а за произнесеніе всякаго корчемнаго слова платить фунтъ воску,

12) Окончивъ въ засѣданіи всѣ дѣла, братья должны читать священныя книги и скромно разговаривать другъ съ другомъ.

12) Если братъ узнаетъ о проступкѣ другаго брата, то не долженъ его скрывать, но объявить въ собраніи братскомъ, чтобы виновный былъ наказанъ; утаившій подвергается наказанію по приговору братскому.

14) Если провинится въ чемъ нибудь старшій братчикъ, ему назначается наказаніе втрое бо́льшее, чѣмъ младшему: „большего бо томленія достоинъ чести ради“.

15) Если кто-либо изъ братіи былъ наказанъ сидѣньемъ на колокольнѣ или штрафомъ, то долженъ тотчасъ послѣ наказанія просить прощенія у того, предъ кѣмъ провинился: „да не зайдетъ солнце во гнѣвѣ вашемъ“.

16) Кто не можетъ отдать братскаго штрафа, долженъ поставить двухъ братьевъ поручителями до слѣдующаго засѣданія.

17) Какъ въ осужденіи брата, такъ и въ обсужденіи какого нибудь вопроса, принимаютъ участіе всѣ братья, какъ старшіе, такъ и младшіе; когда всѣ младшіе выскажутъ свои мнѣнія, тогда высказываютъ его старшіе.

18) Если кто либо изъ братьевъ имѣетъ какое нибудь дѣло и не умѣетъ его самъ вести, то ему разрѣшается взять двухъ братьевъ на совѣтъ и на помощь.

19) Дѣла братскія не должны быть выносимы за порогъ братскаго дома; уличенный въ разглашеніи, по засвидѣтельствованіи двухъ братьевъ, наказывается сидѣніемъ на колокольнѣ и безмѣномъ воску.

20) Если кто презритъ церковнымъ братскимъ судомъ, тотъ судится, какъ преслушникъ церкви, а если кто въ четыре недѣли не покается, такого по Христову Евангелію, какъ явнаго

грѣшника, отлучитъ отъ церкви священникъ, обличивши его во храмѣ предъ всѣми.

21) Всякій, имѣющій общеніе съ отлученнымъ, и самъ отлучается отъ церкви.

22) Если съ кѣмъ либо изъ братьевъ, не имѣющихъ состоянія, случится несчастье или болѣзнь, братья помагаютъ ему братскими деньгами и ухаживаютъ за нимъ во время болѣзни.

23) Братъ, которому помогаютъ братскими деньгами въ несчастіи, не платитъ процентовъ. Братство даетъ взаймы только дѣйствительно находящимся въ большой нуждѣ, а не тѣмъ, которые занимаютъ для какого-нибудь выгодного предпріятія, чтобы обогатиться.

24) Тѣло умершаго брата провожаютъ со свѣчами всѣ братья на погребеніе въ приходскую церковь.

25) Если кто-либо изъ братіи не явится въ засѣданіе или на погребеніе по важнымъ причинамъ, то долженъ дать знать объ этомъ старшему брату; если же окажется впослѣдствіи, что не было никакихъ препятствій, то виновный платитъ штрафу фунтъ воску.

26) Каждый братъ долженъ вписать въ поминальную книжку имя своего отца, матери и всѣхъ сродниковъ умершихъ, а священникъ Успенской братской церкви долженъ поминать за заутренею и вечернею въ дни поминальные и великій постъ, по уставу церковному.

27) Ежегодно должны совершаться двѣ литургіи за все братство: заздравная и заупокойная, при чемъ раздается милостыня бѣднымъ.

29) Если братство отлучитъ какого-либо брата отъ церкви чрезъ своего священника, то протопопы и епископы не должны благословлять его до тѣхъ поръ, пока онъ не покорится братству.

29) Если братство услышитъ или увидитъ, что при какой нибудь мѣстной церкви, во Львовѣ, или въ иномъ какомъ-либо братствѣ живутъ не по закону мірскіе или духовные, протопопъ или попъ, діаконъ или причетникъ, то оно должно напомнить имъ объ этомъ словесно или письменно чрезъ посланіе. Если же тѣ станутъ противиться истинѣ, содержащейся въ законѣ, то донести о нихъ епископу.

30) Если епископъ будетъ идти противъ закона и истины и будетъ управлять церковію не по правиламъ св. Апостолъ и св. Отецъ, совращая праведныхъ въ неправду и поддерживая беззаконниковъ, *таковому епископу да противятся всѣ, какъ врагу истины.*

31) Если кто-либо изъ братства будетъ обвиненъ предъ епископомъ, то онъ не защищается одинъ предъ нимъ; съ нимъ должно стать на судъ братство. Чтобы не было злоупотребленій со стороны епископскаго суда, братья при епископѣ должны

изслѣдовать обстоятельства обвиненія и судиться по правиламъ св. Отецъ.

32) Если братство узнаетъ или услышитъ, что въ другихъ мѣстахъ (въ окрестныхъ городахъ и селахъ) есть безчинствующіе священники и мірскіе люди, то таковыхъ оно должно христіански наставить посланіемъ и требовать отъ нихъ отвѣта. Если же тѣ окажутся непокорными и несмиряющимися, то донести о нихъ епископу.

33 — 34) Львовскому братству дается первенство законнаго старѣйшинства, и ему никто не долженъ противиться и *всѣ прочіе братства должны повиноваться ему и сообразоваться съ его постановленіями.*

35) Всякое братство въ своемъ городѣ и въ окольныхъ мѣстахъ и селахъ обязано знать поведеніе священниковъ и мірскихъ людей и о всякомъ безчиніи доносить епископу.

36) Если бы кому-нибудь изъ братства случилось видѣть священника въ корчмѣ, то о таковомъ, по засвидѣтельствованіи его поступка двумя свидѣтелями изъ христіанъ православныхъ, доносить епископу.

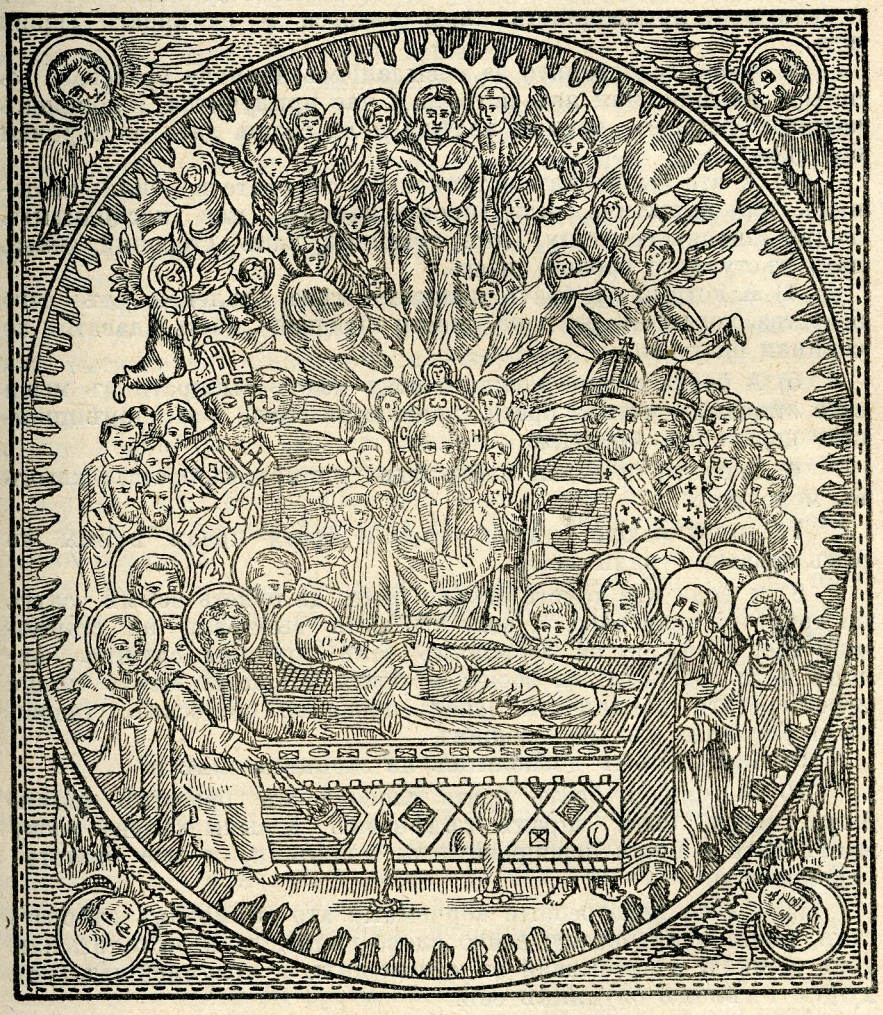
37) Если бы какой-либо священникъ занимался чародѣйствомъ или гаданіемъ по книгамъ, держалъ при церкви ворожейку и волшебницу, или чародѣйку, или самъ ходилъ къ ворожеямъ или посылалъ кого, или давалъ деньги на проценты, или вѣнчалъ бракъ съ похищенною дѣвицею, или былъ двоеженецъ, или блудникъ, то при двухъ или трехъ свидѣтеляхъ донести на него епископу, да судится по правиламъ св. Отецъ.

38) Если бы въ какомъ либо городѣ, или селѣ была ворожея, или чародѣйка, или волшебница, то, разузнавши о нихъ, донести братству и епископу, да отсѣчены будутъ отъ церкви. Равно съ тѣми не имѣть общенія, которые ходятъ къ ворожеямъ и чародѣйкамъ, предаются пьянству и лихоимствуютъ.

39) Повелѣваемъ христіанамъ всякаго званія, чтобы, собираясь у священника или въ братствѣ, читали св. книги Ветхаго и Новаго Завѣта, по преданію святыхъ Отцевъ; или, собравшись въ духѣ любви не въ питейный домъ, но въ домъ какого-либо брата, проводили время не въ пьянствѣ, а въ прославленіи Бога.

40) Вышепомянутымъ правамъ братства не долженъ противиться епископъ и не противопоставлять ему какихъ-либо другихъ правъ, данныхъ кѣмъ-либо инымъ, но по писанію сего духовнаго закона долженъ повиноваться безпрекословно.

41) Если бы кто воспротивился и нарушилъ вышеприведенный духовный уставъ, архіепископъ или епископъ, протопопъ или попъ, діаконъ или причетникъ церковный, изъ князей или простыхъ людей, такой предается проклятію четырехъ вселенскихъ патріарховъ и клятвѣ св. богоносныхъ Отецъ семи вселенскихъ соборовъ.



Пречестное знаменіе Братства Ставропигіона Львовскаго.

Подлинный текстъ устава гласитъ:

1. Сошедши ся на день уреченный въ домъ выбраный, любовію и тихостію другъ друга честію болша себе творяще, промышляюще добрая предъ Богомъ и человѣкы; аще бо кто о своихъ не промышляеть, вѣры отвергся и невѣрнаго горши есть.

2. А маются сходити за обсыланіемъ знамене братскаго въ четыри недѣли, или якъ потреба и час прилучится, и повиненъ кождый братъ въ четыри недѣли полъ гроша дати до скринки братскои.

3) А кто бы хотѣлъ вступити въ сіе братство, или мещанинъ, или шляхтичь, или предмещанинъ, или посполитыхъ людий вшелякого стану, якъ тутешній такъ стороній, маеть дати въступнаго грошей шесть.

4) А котрый бы братъ мешкане мѣлъ далекое отъ сего братства, тогды въ рокъ по шести грошей маеть давати до скринки братскои.

5) А братя сполне кождого року маютъ выбирати зъ межи себе старшихъ четыре брати, поручаючи имъ все старѣйшинство церковного братства.

6) Скринка братская маетъ быти у старшего брата, а ключъ въ молодшего.

7) Личбу маютъ чинити старшіи братя предъ всѣмы въ рокъ отдаючи уряды своя.

8 А если кто хочеть старѣи быти, да будеть всѣмъ слуга по христову евангелію. А кого бы братя выбирали на старѣйшинство, а онъ бы ся зборонялъ безъ причины слушное, виненъ дати три безмѣны воску; а братя старшыи маютъ пилне перестерегати повинности своея. проклятъ бо всякъ, творяй дѣла Господня съ небреженіемъ

9) Казнь всѣмъ посполитая: на звонници сидѣти.

10) А если бы братъ брата словомъ въ братствѣ наганбывъ, маеть быти каранъ сѣдѣньемъ, а выны каменъ воску маетъ дати и брата перепросити не отходячи, и все братство перепросити.

11) Слова непотребныи корчемныи хто бы мовилъ въ братствѣ, вины фунтъ воску; всяко слово гнило, да не исходить изъ устъ вашихъ и пребываяй въ суесловіихъ и иглумленіихъ (sic), душею і тѣломъ блудникъ есть.

12) Сходячи ся до сего братства въ справахъ упорожнивши ся, книгы законныи почитати и другъ другу с послушаніемъ вѣщати.

13. Который бы брат вѣдалъ брата выступного, не маеть его таити, але маеть оповѣсти его въ братствѣ, жебы былъ каранъ А кто бы таилъ злости, мает быти при винномъ каранъ, якъ братя знайдуть

14) А если бы кто з межи старших братовъ яковымъ колвекъ обычаемъ знашолся выступнымъ, за што молодшыхъ карутъ, маеть быти старший двояко и трояко каран, болшего бо томленія достоин чести ради.

15) А который бы братъ былъ каранъ сѣдѣньемъ или виною, маеть по карности зараз перепросити того, кому былъ провинилъ, да не зайдеть сонце во гнѣвѣ вашемъ.

16) А кто бы не отдалъ вины братскои, поруку неотходячи мает поставити два браты до другое схажки.

17) А судити ся маютъ рядячи ся весполъ якъ старшых так молодшыхъ, и якъ молодшии вси позволять, такъ старшыи маютъ сказовати.

18) Который бы брат яковую справу мѣлъ, а не умѣлъ бы своей рѣчи справити, вольно ему взяти двох братовъ на пораду и на помочь.

19) Вшелякая справа братская не маеть быти выношена далей от порога дому братского, а на кого бы досвѣдчено двѣма, маеть быти каранъ сѣдѣньемъ и безмѣномъ воску.

20) А кто бы гордѣлъ церковнымъ и братскимъ судомъ, якъ преслушникъ Церкве судится, а если ся того не каеть до четвертои недѣли, то якъ поганець и явно грѣшникъ от церкве да отлучится по Христову Евангелію, и священникъ маеть его въ церкви перед всѣми обличити и от церкве отлучити.

21) А кто бы посполитовал съ тыми отлучеными, посполу с ними осудится.

22) Всякаго брата безчинна ходяща отрыцайте ся, да посрамится и не яко врага имѣйте его, но показующе якоже брата. И аще нѣкій братъ именуемъ будеть блудникъ, или лихоимецъ, или идолослужитель, или піаніца, или драпѣжникъ, е таковыми ниже ясти: всяке неугодная мнѣ истребѣте от себе рече Господь.

23) А если з допущеня Божія будеть на брата яковый упадокъ, или немочь, а не имѣлъ бы достатку, маютъ ему братя помагати братскыми пѣнязьми и в немочи призирати.

24) А которому бы брату помагали въ напастех — в бѣдахъ, позычаючи ему пѣнязей, не маютъ от них лихвити, а позычати маютъ не на захованя смотречи, ани тымъ, которыи хотять быти богатшыи, але которыи болшии недостатки терпять зъ допущення божего.

25) А который бы братъ христіянъскій преставился с того свѣта, маютъ его вси братя отпровадити ко гробу, к той церкви, которои былъ парафѣи при мѣстѣ, и свѣча братская маеть быти в церкви и тожь свѣчи братскии мают быти ко отпроваженю тѣла мертваго до гробу.

26) А кгды будеть братство знаменіемъ обсылано в четыри недѣли, или якъ потреба прилучится, или на погребъ не схочеть ли прийти который братъ за трудностямы своими пилными,

мается оповѣсти перед старшимъ братомъ. А если бы досвѣтъчен, ижь не былъ затруднен, маеть быти каран фунтомъ воску.

27) Ку тому тыж кождый брат маеть упысати в помянникъ имя отца своего и матере и всѣхъ сродникъ своих преставльшихся, а священникъ сея церкве успенія пречистыя божія матере маеть читати помянник братский по утрьни и по вечерни во дни памятныя и въ великый постъ по уставу церковному.

28) А на каждый рокъ маетъ быти двѣ литоргіи за все братство, за здоровная и памятная, и убогих по сылѣ надѣлити.

29) А если котораго брата отлучать от церкве през священника своего, того протопопъ и епископъ не благословляти мають до того часу, аж ся братству покорить.

30) А если бы где при мѣстѣ семъ при которой церкви видели или слышали во иншемъ которомъ братствѣ не по закону живущих, или мирскихъ, или духовныхъ, протопопа, или попа, или діакона или от причетникъ, мають их упомянути словомъ, или писанемъ обсылати. Аще же обрящутся противляюще ся истинѣ еже въ законѣ, огласити их маютъ епископу.

31) Аще же и епископъ сопротивится закону истиннѣ, и не по правиломъ святых апостолъ и святых отецъ, строяще церковь, развращающе праведныхъ в неправду, подкрѣпляюще руки безаконникомъ, таковому епископу сопротивитися всѣмъ, якъ врагу истинны.

32) А если бы оскаржен былъ епископу который з братства, не повинен самъ единъ справляти ся, аж с нимъ братство станеть, и веспол при епископу братя вынайдовати мают вины оскарженя и судити ся по правиламъ святыхъ отецъ.

33) А если бы тежь и в других мѣстах знали или слышали поповъ безчинниковъ или миръских людий, и тых повинни христіанский упоминати писанемъ и отвѣту от них жадати. Аще ли обращутся противни и не смиряюще ся, епископу их отвѣдати. И теж если бы где в которомъ колвекъ мѣстѣ было братство, а не справовали ся бы водле права сего церковнаго братскаго, которое мы першее во Львове старѣйшинство законне подаемъ, и да не сопротивляется ему никтоже, ниже отпираеть давными братствы, несовершенно от нѣкоих епископъ уставленными.

34) Повелѣваемъ же, да сему братству львовьскому вси братства по всюду повинуются.

35) И теж кождое мѣсто маючи в себе сіе законное братство повинни вѣдати в мѣстѣ своемъ и по околичных мѣстахъ и селахъ, як попов так мирскых людий житіе и всякое беззаконіе в них видячи не таити, но епископу своему оповѣдати.

36) А если бы попъ видѣвъ былъ в корчмѣ в піянствѣ пребываючи, мает быти освѣтъчен двѣма человѣкы христіанскими и епископу оповѣсти.

37) А если бы был который попъ чаровникъ или ворожбитъ книжный, или ворожку и волшебницу, або чаровницу при

церкви держалъ, или в мѣстѣ, или в селѣ, или бы самъ до ворожокъ ходилъ, или кого посылав, или на лихву давал, или дѣвцѣ хватаной слѣбъ давал, или двоженець, или блудникъ, на таковаго мают быти свѣтки два или три и оповѣдати его епископу, да прииметь суд по правиломъ святых отець.

38). А если бы в которомъ мѣстѣ или в селѣ будеть чаровница, или ворожка: сосуды діавольския, или волшебница, которых досвѣтъчивши оповѣсти братству и епископу, да истребится от церкве; и тых, которые діаволомъ прельстивши ся до чаровницъ и до ворожокъ ходять, и піяницъ и лихвяровъ отлучайте ся, не точію бо иже сія творять, но и которыи волю дѣють творящимъ, достойни смерти суть. Вѣсте ли, яко неправедницы царствія божія не наслѣдять, да отступить от неправды всяк именуяй имя Господне, понеже Сам Господь наш Ісусъ Христосъ на страшномъ суды пред всѣми речеть: отидѣте от мене всѣ дѣлающыи беззаконіе, яко николи же знах вас.

39) Повелѣваемъ всякому стану людем, людем христіанскимъ, сходячися до священника или в братствѣ, почитайте святыя книгы ветхаго и новаго закона по святых отецъ преданію, или сошедше ся любовію, не во піянственный домъ до которого брате, не во піанство, но во славу божію, глаголюще себѣ во псалмѣх и пѣніих и пѣснех духовных, воспѣвающе и поюще во сердцех вашых Господеви.

40) Симъ всѣхъ законне писанымъ епископъ не имаеть противити ся сему праву от нас духовне данному церкви сей во вѣчныя роды, ани противити ся яковыми правы от земнаго царства надаными по внѣшнему обычаю, но закона духовного писанымъ повинути ся без всякаго прекословія.

41. А кто бы тому был противен и разарялъ бы тое право духовное, аще архіепископъ, или епископъ, или протопопъ, или попъ, или діяконъ, или который причетникъ церковный, или от княжевых, или от миръских, на таковомъ буди неблагословеніе наше и клятва всѣх четырех патріархов вселенских и клятва святых богоносных отець вселеньскых седми Соборовъ.

Получивъ утвержденіе своего устава отъ Антіохійскаго патріарха, Львовское Братство ходатайствовало передъ нимъ, чтобы онъ извѣстилъ объ этомъ Константинопольскаго патріарха Іеремію II, какъ первосвятителя, подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ котораго находилась западно-русская церковь. Въ 1588 году грамота эта и была дана. Іеремія, утвердивъ изложенное, дѣлаетъ дополненія и разъясненія относительно школы и суда; патріаршею грамотою ограждались права духовенства, судъ надъ которымъ предоставленъ былъ епископу. Однако это Братству, стремившемуся къ полной автономіи, было непріятно, и оно выпросило у патріарха новую грамоту, предоставлявшую ему право

ставропигіи, т. е. право непосредственной зависимости отъ патріарха. Этою грамотою Братство дѣлалось свободнымъ не только отъ зависимости мѣстнаго епископа, но даже митрополита.

Доступъ въ Львовское Братство былъ широкій. Членами могли быть люди всѣхъ сословій и всѣхъ состояній: духовные и свѣтскіе, богатые и бѣдные, мужчины и женщины. Главный контингентъ составляли жители г. Львова и его предмѣстій. Вступали въ Братство и цѣлыми приходами, напримѣръ жители г. Рогатина, м. Гологоръ. Мы видимъ въ числѣ Львовскихъ братчиковъ жителей Замостья, Белза, Чигирина, Кіева, Луцка, Минска и даже иныхъ государствъ, господарей Молдаво-Валахійскихъ и ихъ приближенныхъ.

Всѣ члены Братства составляли одну нераздѣльную семью. Изъ нея братчики выбирали 4, заслуживающихъ наибольшаго довѣрія, лицъ для управленія дѣлами Братства. Для выбора назначался особый день въ году, обыкновенно первый воскресный день послѣ пасхи, Ѳомино Воскресеніе. Старшіе братчики и ихъ помощники давали подробный отчетъ въ завѣдываніи братскаго хозяйства, представляя при семъ ключи, дѣла расходовъ и приходовъ, печати и документы. Никто не имѣлъ права уклоняться отъ отчета; для провѣрки приходовъ и расходовъ назначалась ревизія. Послѣ отчета младшіе братчики, кланяясь, благодарили старшихъ за ихъ дѣятельность, а старшіе младшихъ за довѣріе и помощь.

Послѣ этого приступали къ самому избранію; оно бывало единогласное per acclamacionem, или закрытою баллатировкою. Послѣ выборовъ Братство возносило къ Богу благодареніе, иногда заходило въ церковь, священникъ произносилъ ектенію, братчики прикладывались къ Кресту, цѣловали другъ друга и расходились.

Дѣятельность старшихъ братчиковъ, какъ представителей Братства, была чрезвычайно разнообразна: сношенія съ правительствомъ и судебными учрежденіями, вели судебные процессы, подавали петиціи королямъ, отправляли депутатовъ на соборы, сеймы и сеймики и за сборомъ пожертвованій въ Москву и Валахію, вели переписку съ патріархами, митрополитами и епископами. Въ ихъ вѣденіи находилась братская казна и все братское имущество.

Разносторонная дѣятельность Львовскаго Братства требовала большихъ матеріальныхъ средствъ. Главною матеріяльною поддержкою была типографія, печатавшая церковно-богослужебныя книги на всю югозападную Русь, членскіе взносы, подаянія всѣхъ православныхъ христіанъ, вклады, заключающіеся въ деньгахъ, земляхъ, домахъ, продажа свѣчей, хожденіе съ кружкой во время богослуженія. При такихъ постоянныхъ и вѣрныхъ доходахъ братское состояніе постепенно увеличивалось и достигло значительной суммы.

III.

Лѣтопись Львовскаго Братства до принятія уніи въ 1708 г.

Лѣтопись Львовскаго Братства за конецъ XVI и все XVII столѣтіе представляетъ непрерывную борьбу его членовъ съ католиками, а затѣмъ и уніатами. Стефанъ Баторій, вступивъ на престолъ, далъ торжественную клятву соблюдать вѣротерпимость. Но слабость власти и давленіе іезуитской партіи были причинами того, что права православныхъ ограничивались, при чемъ пускалась въ ходъ грубая сила. И такъ на канунѣ Рождества Христова 1583 г. толпы шляхтичей, вооруженныхъ саблями и ружьями, по наущенію Львовскаго арцыбискупа Яна Селиковскаго, напали на церкви, выгнали молящійся здѣсь народъ и священниковъ, сорвали ризы и запечатали церкви. Мѣстный епископъ аппелировалъ къ королю, привлекая къ суду на собравшійся сеймъ Селиковскаго за нарушеніе общественной тишины и поруганіе православной святыни. Тяжба между Гедеономъ Балабаномъ и Соликовскимъ имѣла не тотъ конецъ, котораго, при справедливомъ примѣненіи закона, слѣдовало бы ожидать. Соликовскій избѣжалъ наказанія.

Сравнительно худшія времена для православной церкви наступили при пріемникѣ Баторія — Сигизмундѣ III. Воспитанникъ іезуитовъ, всецѣло проникнутый ультра-католическими воззрѣніями, Сигизмундъ былъ послушнымъ орудіемъ римскаго престола.

Царствованіе Сигизмунда III для православныхъ жителей г. Львова, во главѣ съ Львовскимъ Братствомъ — это цѣлая эпопея притѣсненій и страданій. Охваченное со всѣхъ сторонъ врагами своей вѣры и національности, Братство употребляло всѣ усилія, чтобы „выкупить себя, потомковъ, женъ и дѣтей отъ злой египетской неволи“ — все напрасно. Наглость и безстыдство дошли до крайнихъ размѣровъ, когда поляки подъ Цецорой (1620) потерпѣли страшное пораженіе. Необходимо было единодушіе между всѣми народностями. Въ особенности важна была помощь казаковъ. Король просилъ патріарха Ѳеофана, чтобы онъ склонилъ ихъ быть послушными. Но не успѣлъ патріархъ уѣхать изъ Польши, какъ начались жестокія преслѣдованія. Пощады никому не было. Убивали православныхъ мѣщанъ по обвиненію въ мнимой измѣнѣ, насильно врывались въ православныя церкви и убивали тамъ молящихся.

Народъ русскій вопіялъ о помощи. Обращаясь къ гетману Сагайдачному, онъ писалъ: „смилуйтесь о свободѣ угнетенныхъ братьевъ нашихъ и православныхъ церквей во Львовѣ, Перемышлѣ, Брестѣ, Вильнѣ, Могилевѣ. Черезъ своихъ пословъ, которыхъ мы посылаемъ къ королю или гетману, мы ничего не достигаемъ, потому что ляхи издавна привыкли прибѣгать по отношенію къ намъ къ хитрости“.

Въ это время храбрый Сагайдачный лежалъ на смертномъ одрѣ, и 10-го апрѣля 1622 г. не стало вѣрнаго защитника, покровителя и благодѣтеля Львовскаго братства, которому на школу и больницу онъ завѣщалъ 2.019 золотыхъ.

Сигизмундъ III умеръ 30 апрѣля 1632 г. Смерть короля-фанатика произвела сильнѣйшее движеніе юго-западнаго русскаго народа въ защиту вѣры и народности. Львовское Братство, какъ только узнало о смерти короля, тотчасъ вошло въ сношенія со всѣми другими зависящими отъ него братствами какъ во Львовѣ, такъ и въ окрестностяхъ. Избрало изъ среды себя двухъ депутатовъ и послало на сеймикъ въ Судовую Вишню, давъ имъ инструкцію просить о возстановленіи правъ православной церкви во всемъ ея объемѣ.

Назначенная королевичемъ Владиславомъ комиссія выработала статьи для успокоенія народа русскаго. Укажемъ на нѣкоторыя:

1) Всѣмъ уніятамъ и неуніятамъ предоставляется право свободно отправлять свое богослуженіе.

2) Православные имѣютъ право избирать себѣ 4 епископовъ: Львовскаго, Луцкаго, Перемышльскаго и Мстиславскаго. Перемышльская епископія, какъ и Львовская, со всѣми ея имѣніями, должна навсегда принадлежать православнымъ.

3) Каждому, кто не захочетъ быть въ уніи, вольно переходить въ епархію епископа неуніята, равно и каждому, кто не пожелаетъ быть въ православіи, вольно переходить въ епархію уніятскаго владыки.

4) Обѣ стороны должны жить въ мирѣ и покоѣ, всячески поддерживать взаимное согласіе и единеніе.

Владиславъ подтвердилъ статьи. Несмотря на эти благопріятныя для Львовскаго Братства распоряженія короля, положеніе братчиковъ улучшилось мало. Магистратъ продолжалъ вредить русскимъ, чѣмъ только возможно было. Слабый король не могъ обуздать шляхту.

Вспыхнуло возстаніе казаковъ подъ предводительствомъ гетмана Богдана Хмельницкаго. Во время осады Богданомъ Хмельницкимъ Львова, съ послѣдняго потребованъ былъ огромный выкупъ, и значительная часть этого выкупа легла на Львовское Братство (3.492 зол.), при чемъ поляки подъ предлогомъ выкупа напали на Братство и силою захватили у него почти все имущество на сумму 27.398 зол. А тѣхъ изъ львовянъ, которые сочувствовали движенію Хмельницкаго, убивали, сажали на колъ, бросали въ колодезь.

Во время возстанія скончался Владиславъ IV; на его мѣсто королемъ избранъ былъ Янъ Казиміръ. На коронаціонномъ сеймѣ Братство получило 6 грамотъ, подтверждавшихъ его права. Но вскорѣ привилегіи стали нарушаться, а по случаю войны съ Москвою магистратъ наложилъ на русскихъ львовянъ

контрибуцію въ количествѣ 17.054 золотыхъ. Репресивныя мѣры шли crescendo.

Въ 1700 году Іосифъ Шумлянскій, епископъ Львовскій, созвалъ соборъ изъ подвластнаго ему духовенства, на которомъ рѣшилъ принять гласно унію. Братство, узнавъ объ этомъ, созвало экстренное засѣданіе, а при закрытыхъ дверяхъ было постановлено слѣдующее: „чѣмъ дальше, тѣмъ большія несогласія происходятъ между двумя націями—польской и русской, вмѣстѣ съ тѣмъ и право церкви Божіей подвергается отъ королей значительной перемѣнѣ. Желая отвратить дальнѣйшее зло, всѣ мы согласно объявляемъ, что каждый изъ насъ обязывается одинъ за другого постоянно стоять и другъ друга защищать до послѣдняго издыханія".

Въ 1704 году шведы подошли къ Львову, осадили его и взяли штурмомъ. Сперва разграбили Львовъ, а потомъ наложили контрибуцію. Больше всѣхъ пострадало Братство, которое должно было отдать шведамъ почти все свое золото и серебро— 120.000 зол. стоимости; Братство осталось совершенно бѣднымъ. Ко всему этому присоединилась зараза, за ней голодъ; многіе изъ братчиковъ ушли въ горы Карпаты. На помощь подоспѣлъ Петръ Великій, который по просьбѣ братчиковъ, явившихся къ нему въ г. Жолковъ, не только щедро одарилъ Братство, но и выдалъ 28 февраля 1707 г. письменное разрѣшеніе безпошлинно продавать на Руси богослужебныя книги, напечатанныя въ братской типографіи.

Но всѣ эти щедроты были каплями меду въ морѣ огорченій. Чаша бѣдствій переполнилась. Защиты искать было негдѣ. Дворянство перешло въ унію. Наконецъ оскудѣли нравственныя силы въ средѣ Братства: 2-го марта 1708 г. оно изъявило Шумлянскому свое согласіе на принятіе уніи, подъ условіемъ сохраненія за нимъ всѣхъ привилегій, а 2-го мая того-же года по полученіи грамоты изъ Рима торжественно приняло унію, которой хотѣло защитить другое дорогое свое достояніе — русскую народность.

Въ этомъ оно жестоко ошиблось; гнетъ не прекратился и послѣ принятія уніи.

IV.

Отъ принятія уніи до 1914 года.

(По разнымъ источникамъ).

Принявъ унію, Братство не отступило отъ своихъ основныхъ правилъ, завѣтовъ и вѣры. Оно работало неутомимо какъ въ городѣ, такъ и по всему галицкому краю. Болѣе того, его дѣятельность разширилась далеко на югъ Руси — при помощи издаваемыхъ имъ церковныхъ книгъ. Оно просвѣщало народъ,

Львівська державна наукова бібліотека
№ 13638

не дало ему пасть въ отчаяніе въ дни черной неволи; основывало церкви и школы, изъ которыхъ выходили священники, дьяки и ремесленники всякого рода, содерживало пріюты, богадѣльни, больницы, бурсы для бѣдныхъ учениковъ, прививало имъ знаніе церковно-славянскаго и русскаго языковъ, передавало изъ поколѣнія въ поколѣніе любовь къ родной старинѣ, странѣ и вѣрѣ. Можно смѣло сказать, что, не будь Братства, поляки гораздо легче провели бы ополяченіе Галицкой Руси.

Братство гордилось своей типографіей. Я. Ѳ. Головацкій*) полагалъ, что она существовала уже до прихода изъ Москвы незабвеннаго Ивана Ѳедорова, которымъ въ 1573 году напечатанъ былъ во Львовѣ первый „Апостолъ“. Въ общемъ говоря, братская типографія неустанно работала, удовлетворяя разнообразнымъ потребностямъ богослуженія, религіозно-нравственнаго чувства, школьнаго обученія и культурнаго просвѣщенія въ народѣ.

Въ 1715 г. скончался епископъ Варлаамъ Шептицкій; его мѣсто заступилъ его племянникъ, уневскій архимандритъ, Аѳанасій Шептицкій. Онъ послѣдній былъ избранъ духовенствомъ и Братствомъ. Послѣ поляки лишили русскій народъ и этаго права. Шептицкій достигъ сана митрополита. Зная, что наибольшая часть доходовъ Братства получается отъ продажи книгъ, онъ рѣшилъ завести типографію въ Уневѣ. Дабы уничтожить братскую типографію, онъ дѣлалъ ложные доносы въ Римъ, будто бы Братство продаетъ еретическія книги. Такимъ образомъ, оно вынуждено было вести борьбу на два фронта: съ іезуитами и съ епископами, склонившимися всецѣло на сторону Рима. Ожесточенная борьба продолжалась до роздѣла Польши въ 1772 года.

„Присоединеніе Галиціи къ Австріи—говоритъ Зубрицкій**) имѣло благодѣтельное вліяніе на народъ русскій. Если бъ онъ еще полвѣка остался подъ властью польскою, то и вѣра восточная, хотя и уніятская, и народность русская, были бы совершенно истреблены. Австрійское же правительство, уравнивъ русское духовенство во всѣхъ правахъ съ латинскимъ, предоставило ему способы къ образованію и уничтожило вліяніе Рима“. Въ самомъ дѣлѣ, въ началѣ австрійскаго владычества русскіе отдохнули. Императоръ Іосифъ II пожаловалъ членамъ Братства названіе старшинъ и отцовъ русскаго народа, хотя въ 1788 году издалъ декретъ, на основаніи котораго Братство, какъ церковная корпорація, было уничтожено, а Ставропигія была переименована въ Институтъ.

---

*) Я. Ѳ. Головацкій: *Начало и дѣйствованіе Львовскаго Ставр. Братства.* Львовъ, 1860.

**) Д. И. Зубрицкій: *Лѣтопись Львовскаго Ставропигійскаго Братства.* Львовъ, 1850.

Почетное названіе старшинъ и отцовъ не было преувеличено. Союзъ членовъ Института былъ на это время галицко-русскимъ аэропагомъ, совѣтомъ не только умнѣйшихъ, но и характернѣйшихъ людей, служащихъ народу.

Вскорѣ, однако, Австрія измѣнила свое отношеніе къ русскимъ. И опять взяло Братство на себя крестъ мучительной борьбы въ защиту русскаго населенія и прадѣдной вѣры. О томъ, на что Австрія была способна, какими средствами она пользовалась и какихъ мѣръ употребляла для окончательной гибели русской институціи — разскажетъ слѣдующая глава.

V.

Черные дни.

(По дукаментамъ).

Ставропигія не знала свѣтлыхъ дней; отъ самаго начала ея существованія на нее дѣлали натискъ чужіе и свои. Въ глазахъ враговъ она была солью, и въ войну она, какъ одно изъ послѣднихъ и священныхъ убѣжищъ русскихъ въ Галичинѣ, должна была исчезнуть. Не нужно пояснять, что война была самымъ удобнымъ и подходящимъ временемъ.

На Братство обрушился ударъ произвола въ самомъ началѣ войны, но скорый приходъ русскихъ войскъ спасъ его еще на цѣлый годъ. Только въ 1915 году, когда австро-нѣмецкія войска опять заняли Галицію, оно подверглось полному разгрому. Подлинники разныхъ строгихъ мѣропріятій, какъ историческіе документы, воспроизводимъ полностью, дабы онѣ сдѣлались разъ навсегда наслѣдіемъ потомства.

1. Приказъ военной команды г. Львова, на основаніи котораго были закрыты типографія и книжная лавка Ставропигійскаго Института.

K u k. S t a d t k o m a n d o L e m b e r g Res. Nr. 118. Sperrung der Buchdruckerei und der Buchhandlung des stauropigischen Vereines. An die k. k. Polizeidirektion in Lemberg, am 9. Juli 1915. Im Hause des stauropigichen Vereines in der Ruska - Gasse und insbesondere in der Buchdruckerei und der Buchhandlund dieses Vereines, Professors Sywulak ist s o f o r t eine strenge Hausdurchsuchung durchzuführen und die Buchdruckerei und Buchhandlung sofort zu sperren, das saisierte Material der N. Stelle des Stadtkmdos zu übersenden. Die in den Händen des Leiters der genannten Buchdruckerei befindliche Bestätigung, wonach in derselben sämtliche Kundmachungen des Stadkomandos gedruckt werden, ist einzuziehen u. anher vorzulegen..

Riml G. M. m. p.

Такимъ образомъ, старѣйшая типографія на Руси была отнята у русскихъ. Послѣ строжайшаго обыска много цѣннаго матеріала отослано въ военную команду.

2. Донесеніе Главной Квартиры Дирекціи полиціи о закрытіи Института.

K. u. K. Haupt-K. Stelle Lemberg. K. Nr 40. Stauropigisches Institut. Sperrung An das Präsidium der k. k. Polizeidirektion in Lemberg, am. 15. September 1915. Es werden dem P. T. die Schlüssel von den sämtlichen Lokalitäten des stauropigichen Institutes in der Ruskagasse, welche von hiermts abgesperrt wurden, zwecks weiterer Amtshandlung übersendet. Es wird bemerkt, dass auf Grund der hierämtlichen Erhebungen festgestellt wurde, dass in der dazugehörigen Buchhandlung während der Invasion Spottbilder gegen Kaiser von Oesterreich und Kaiser von Deutschland in Fensterausstellung ausgestellt waren. Dieselben wurden jedoch auf einige vor dem Einzuge eigener Truppen nach Lemberg beseitigt und sind im Lokale nicht mehr vorgefungen worden.

Als Beilage: Schlüssel Wiedurin GM. m. p.

Ключи отъ всѣхъ двер. Института, послѣ обыска и опечатанія, были отосланы въ полицію. Какъ вытекаетъ изъ донесенія, Институтъ былъ закры ъ потому, что въ сѣняхъ во время пребыванія русскихъ войскъ находились каррикатуры австрійскаго и нѣмецкаго кайзеровъ.

3. Рескриптъ дирекціи полиціи, назначающій правительственнымъ комиссаромъ Адама Смулку.

Prezydjum c. k Dyrekcji we Lwowe. L: 1925/15. Stowarzyszenie: „Stauropigijski Instytut" — Zarząd. — Do Pana Adama Smółki c. k. starszego komisarza Policji we Lwowie. Polecam Panu, abyś natychmiast objął Zarząd Stowarzyszenia Stauropigijski Instytut", w szczególności Zarząd jego spraw majątkowych oraz prowadzenie wszelkich z tem połączonych administracyjnych czynności i agend w charakterze komisarza rządowego. Zarazem będzie Pan upoważniony do zastępowania i reprezentowania stowarzyszenia na zewnątrz, a to zarówno wobec osób prywatnych, jak też wobec władz publicznych i władz sądowych. Za swoje czynności pobierać Pan będzie począwszy od dnia 15 lipca br. po 10 koron dziennie. — Lwów. dnia 18/VII. 1915.

Podpis nieczytelny m. p.

На основаніи рескрипта коллегіальное Братство, имѣющее древній статутъ, вѣковую традицію и свои церковно-нравствен-

ные законы, было отдано человѣку, не знающему, непонимающему и враждебно относящемуся къ его завѣтамъ. На комиссара была возложена обязанность не только распоряжаться имуществомъ Института, но и быть его представителемъ передъ властями, за что получалъ 10 коронъ вознагражденія ежедневно.

Кто былъ виновникомъ неслыханнаго насилія? Отвѣтить на это теперь окончательно еще тяжело, ибо много враговъ было у Братства. Но положительно удостовѣрено, что главари украинства сыграли въ этомъ дѣлѣ главную роль.

4. Доносъ Украинской нар. Рады, вымѣренный противъ русскихъ институцій во Львовѣ.

DENKSCHRIFT

des allgemeinen ukrainischen National-Rates, betreffend die Massnahmen zur Reform der von den Russophilen beherrschten ukrainischen Institute in Lemberg.

Es gibt in Lemberg drei grosse und vermögende Körperschaften u. zw.: das Stauropigianische Institut, das Institut „Narodnyj Dim“ und der Kaczkowski-Verein, welche für das ukrainische Volk errichtet, von den Russophilen in Besitz genommen und den Zwecken der russophilen Propaganda dienstbar gemacht wurden, so dass diese Propaganda in diesen Instituten ihre Hauptherde gefunden hat. Durch mehrere Dezennien wurde das Vermögen dieser Institute zur Unterstützung der russophilen Aktion in Österreich verwendet, ihre Autorität zur Förderung dieser Aktion missbraucht. Den Führern der russophilen Propaganda ist es gelungen, sich in diesen Instituten gegen alle ukrainisch-nationalen Strömungen, die Aufnahme der Ukrainer, sogar der für Nationalsache verdientesten, in diese Institute zu verweigern, und dadurch ihre ausschliessliche Herrschaft in denselben zu sichern.

Die seit mehreren Jahren seitens der Ukrainischen Revölkerung gegen diese, ihre nationalen Interessen bedrohenden widerrechtlichen Zustände mehrmals unternommenen Schritte sind bisher erfolglos geblieben, die Vorstellungen der ukrainischen Vertreter fanden bei den kompetenten Staatsbehörden kein Verständniss.

Der ausgebrochene Krieg hat mit sich zwangsweise eine Aenderung dieser Zustände gebracht.

Einerseits hat es sich gezeigt, dass diese Institute in den Händen, welche sie in die Dienste des Erbfeindes der Monarchie gestellt haben, nicht weiter belassen werden dürfen,

anderseits sind alle Vorstandsmitglieder dieser Institute, sowie auch der grösste Teil der Mitglieder derselben als hervorragende Russophilen entweder nach Russland geflüchtet, oder von den österreichischen Behörden verhaftet worden, so dass diese Institute ohne Leitung geblieben sind und für dieselben ein Kurator von amtswegen bestellt werden musste.

Diese beiden Gründe erheischen jetzt eine Reform, eine Neugestaltung dieser Institute für die Zukunft u. zw. in der Richtung, dass dieselben gemäss ihrer Bestimmung und den Intentionen ihrer Gründer und Stifter dem Wohle und der nationalkulturellen Entwicklung des ukrainischen Volkes in Galizien als einer dem österreichischen Staate angehörenden und bezüglich ihrer Zukunft mit dessen Interessen engst verflochtenen Nation dienen, und diese Entwicklung im ukrainisch — nationalen und österreichisch — patriotischen Geiste fördern.

Angesichts dessen entsteht jetzt die Frage, wie diese Neugestaltund im Rechtswege mit der Anwendung der notwendigen Massnahmen des öffentlichen Rechtes u. zw. des Aufsichtsrechtes des Staates durchzuführen wäre, und der gefertigte ukrainische allgemeine Nationalrat beehrt sich die nach seiner Meinung angemessen, zur Lösung dieser Frage führenden Vorschläge der hohen k. k. Regierung zu unterbreiten,

1. Das Stauropigianische Institut

ist die älteste ukrainische Institution im Lande. Sie wurde in XVI. Jahrhundert als ein Institut mit kirchlichen Charakter als eine kirchliche wohltätige Brüderschaft errichtet und hat eine glanzvolle, glorreiche Vergangenheit. Das Stauropigianische Institut hat zur Aufgabe, die städtische Maria—Himmelfahrt—Pfarrkirche in Lemberg und die zu derselben gehörende Pfarre zu erhalten, die ukrainische Jugend in einem Internate im religiösen und nationalen Geiste zu erziehen, die kirchliche Kunst, insbesondere aber den kirchlichen rituellen Gesang zu pflegen, nicht weniger aber zur geistigen und wissenschaftlichen Entwicklung des ukrainischen Volkes durch die Gründung und Erhaltung einer Buchdruckerei und eines Museums der ukrainischen Altertümlichkeiten beizutragen. In der zweiten Hälfte des XVI. Jahrhunderts wurde beim Institute eine höhere Musterschule gegründet, welche durch lange Jahre den wichtigen Brennpunkt des geistigen Lebens bildete, und viele hervorragende und in der Geschichte der Ukrainer berühmte Männer erzogen hat. Die durch das Stauropigianische Institut im Jahre 1573. gegrün-

dete Buchdruckerei ist die älteste nicht nur in Lemberg, sondern in allen ostslavischen Ländern Als ein Zentrum des geistigen Lebens, um welches sich alle Gelehrten und Schriftsteller gruppierten, hat das Stauropigianische Institut nicht nur eine hohe kulturelle, sondern auch eine politische Bedeutung.

Seit der Hälfte des verflossenen Jahrhundertes haben sich dieses Institutes die Russophilen bemächtigt und in ihren Händen wurden die wichtigen Agenden des Institutes zu den wirksamen Werkzeigen der russophilen Propaganda. Als Patronatsherr der wichtigsten und grössten Stadtpfarre in Lemberg, besetzte das Seniorat des Stauropigianischen Institutes dieselbe immer mit hervorragenden russophilen Geistlichen, das Internat erzog die Jugend im russischen Geiste, in der Buchdruckerei des Institutes wurden die russophilen Zeitungen und Broschüre meistenteils unentgeltlich in Druk gelegt, sie wurde zum Brennpunkte der ganzen russischen Agitationsliteratur in Galizien.

Da man von den Ukrainern niemanden, als Mitglied des Institutes aufnahm und die weltliche russophile Intelligenz in Lemberg an Zahl nie besonders stark war, wurde die Zahl der Mitglieder des Institutes mit jedem Jahr geringer, so dass gegenwätig, als sich die hervorragendsten Russophilen aus Lemberg nach Russland geflüchtet hatten das Stauropigianische Institut nicht nur von der Leitung verlassen wurde, sondern auch ohne Mitglieder geblieben ist.

Mit der provisorischen Verwaltung des Vermögens des Institutes wurde der bestellte Regierungskomissär betraut, es sind aber Massnahmen erforderlich, um das weitere normale Bestehen des Institutes zu ermöglichen, seine Tätigkeit zu beleben, und dieselbe in die eigentlichen, seinem Zwecke und seinen Aufgaben entsprechenden Bahnen zu leiten. Dazu müssen aber, neue, entsprechend qualifizierte Mitglieder des Institutes aufgenommen, und von denselben aus ihrer Mitte eine neue ordentliche Leitung des Institutes gewählt werden.

Da gegenwärtig das zur Aufnahme neuer Mitglieder berufene Organ nicht mehr besteht, kann diese Reform des Institutes nur auf solche Art und Weise durchgeführt werden, wenn der bestellte Regierungskomissär von der k. k. Landesregierung beauftragt und ermächtigt wird, eine gewisse Zahl von der ob ihrer patriotischen Gesinnung und nationalen Charakters bekannten hervorragenden Ukrainern der Stadt Lemberg als Mitglieder des Stauropigianischen Institutes aufzunehmen und dann die Wahl der aus 12 Mitglieder bestehenden Leitung des Institutes durch dieselben aus ihrer Mitte in einer einzuberufenden Generalversammlung anzuordnen.

Um diese dem Gesetze keineswegs widersprechende, im Gegenteile durch das dem Staate über alle öffentlichen Institute zustehende Aufsichtsrecht vollkommen begründete Mass-

nahmen, um die Ermächtigung und Beauftragung des k. k. Regierungskomissärs, diese Aufnahme neuer Mitglieder des Stauropigianischen Institutes durchzuführen — ersucht hiermit die hohe k. k. Regierung der gefertigte ukrainische Nationalrat im Interesse des ukrainischen Volkes und der normalen Entwicklung des Institutes.

Bei dieser Gelegenheit erlaubt sich der gefertigte ukrainische allgemeine Nationalrat das Verzeichnis der 50 hervorragenden Ukrainer der Stadt Lemberg als der aufzunehmenden Mitglieder beizulegen, deren öffentliche Stellung, bisherige Verdienste und notorischer ukrainischer und österreichisch — patriotischer Charakter sie zweifellos dazu vollkommen qualifiziert.

Die auf solche Weise vom russophilen Einflusse befreiten und in das richtige Geleise ihre eigentümliche, dem Willen *ihrer Stifter und dem Wohle des ukrainischen Volkes entsprechenden* Tätigkeit geleisten Körperschaften, werden infolge dieser Reform in die Möglichkeit gesetzt, ihre hohen Aufgaben im Interesse des ukrainischen Volkes, konform mit den Interessen des Reiches mit eminenten Erfolgen zu erfüllen.

Wien, Oktober 1915.

Dr. Kost Lewickyj m. p.

Вотъ таковъ доносъ д-ра Костя Левицкаго! Вѣрноподданый слуга Австріи не ударилъ въ грязь лицомъ: онъ пояснилъ, что Ставр. Институтъ, Народный Домъ и О-во Качковскаго находятся на услугахъ наслѣдственнаго врага монаохіи, пріюты и бурсы воспитываютъ молодежь въ русскомъ духѣ и дѣлаютъ изъ нея враговъ Австріи. Эти институціи, послѣ ухода „руссофиловъ“ въ Россію и ареста ихъ въ Австріи, должны перейти въ украинскія руки, такъ какъ по завѣту учредителей онѣ были призначены для украинскаго народа въ Галиціи, тѣсно связанной съ Австріей. Онѣ должны служить розвитію украинско—національнаго и австро—патріотическаго духа. Кто могъ бы сомнѣваться въ томъ, что украинцы не добьются своего? Чисто русскія институціи силою были ими захвачены.

---

5. Президія Намѣстничества велитъ директору полиціи избрать новый составъ членовъ Института.

Prezydjum c. k. Namiestnictwa. L. 36774/pr. Biała, dnia 14. grudnia 1915. Do Pana c. k. Radcy Rządu i Dyrektora Polizji we Lwowie. Rozgrywające się w kraju wypadki wojenne, oraz okoliczności natury politycznej, które się na tle tych wypadków wyłoniły, spowodowały w swoim czasie za-

równo Zarząd jak i przeważną większość członków istniejącego we Lwowie Instytutu stauropigiańskiego do opuszczenia kraju skutkiem czego Instytut ten czasowo przestał funkcjonować i okazała się potrzeba roztoczenia opieki nad nim i majątkiem jego przez władzę rządową — Potrzebne w tym kierunku zarządzenia poczynił w swoim czasie Pan Dyrektor, poruczając tymczasowy Zarząd Stauropigji c. k starszemu komisarzowi policji Adamowi Smólce. Ten stan rzeczy trwa dotychczas. Pragnąc obecnie w granicach ważności uczynić zadość uzasadnionym postulatom religijnym i oświatowym tej części społeczeństwa ruskiego w kraju, która zaspokojenia postulatów powyższych szuka wyłącznie w ramach istniejącego prawno — państwowego ustroju i która złożyła zarazem w ciągu toczącej się wojny pełne dowody lojalności wobec najwyższego Tronu i Państwa, postanowiłem na prośbę Ogólnej ukraińskiej Rady Narodowej, przebywającej obecnie w Wiedniu przywrócić napowrót normalny tok funcjonowania lwowskiego Instytutu Stauropigiańskiego i w tym celu zarządzam co następuje: Ponieważ nieodzownym warunkiem reaktywowania Instytutu jest pozyskanie nowych członków w miejsce tych wszystkich, którzy z przyczyn wyżej podanych ubyli, — przeto zechce Pan Dyrektor wezwać Komisarza rządowego, aby w sposób właściwy, w szczególności zaś także zapomocą ruskich czasopism ogłosił, a następnie przeprowadził wpisy nowych członków w myśl obowiązujących w tej mierze postanowień Instytutu przeszczegając jednak przytem jak najściślej, aby do tej religijno—oświatowej instytucji weszły tylko jednostki politycznie nie podejrzane i wypróbowane pod względem swej lojalności — Przedłożony tu przez ukraińską Radę Narodową spis osób, któreby się szczególnie pod tym względem zalecały dołączam, nadmieniając atoli zarazem, że spis ten ma znaczenie jedynie informatywne — Skoro wpisze się w ten sposób odpowiednia ilość członków, będzie rzeczą Komisarza rządowego przeprowadzić na zasadzie istniejących pod tym względem postanowień statutowych Instytutu Stauropigjańskiego wybór nowego Zarządu (Senioratu) a następnie wprowadzić Zarząd ten w urzędowanie, tudzież oddać mu zawiadostwo majątkiem Instytutu. O wykonaniu niniejszego polecenia należy mi donieść dołączając dotyczące sprawozdanie Komisarza rządowego. — Zarazem polecam Panu Dyrektorowi, aby osobną relacją przedstawił szczegółowo dotychczasową działalność istniejącego we Lwowie (obecnie również zawieszonego) Towarzystwa im. Kaczkowskiego — ewentualnie zaś naprowadził powody, któreby uzasadniały rozwiązanie tego stowarzyszenia po myśli §. 24. ustawy z 15. listopada 1867. Dz. u. p. Nr. 134. Równocześnie wymienić należy, o ile to na

podstawie aktów tamtejszych możliwe, wszystkie istniejące w kraju filje wspomnianego stowarzyszenia.

C. k. Namiestnik: Colard m. p.

Правительство, само собою розумѣется, желало имѣть послушныхъ и ему только одному отданныхъ рабовъ. Такими были изъ славянъ только украинцы, которые не только на словахъ, но и дѣлѣ, доказали свою преданность и лояльность ввиду австрійскаго престола и правительства. Намѣстникъ Колардъ велѣлъ, на просьбу „Украинской нар. Рады", находящейся въ Вѣнѣ, имъ передать русское имущество: Для этого нужно было сдѣлать необходимыя „правовыя" приготовленія.

---

6. Правительственный комиссаръ созываетъ общее собраніе новыхъ членовъ.

Do Wielmożnego Pana.....we Lwowie, ul. .....
Na zasadzie upowaznienia c. k. Prezydjum galicyjskiego Namiestnictwa z dnia 14 grudnia 1915. p. l. 36773/pr. w zastępstwie nieobecnych organów zarządu, przewidzianych w 12 i 13 ustępie statutu Stauropigjańskiego Instytutu we Lwowie, przyjmuje się Pana na członka Stauropigjańskiego Instytutu we Lwowie z prawem udziału z głosem decydującym już na najbliższem Walnem Zgromadzeniu. Formułę przysięgi w myśl ustępu 9 statutu Stauropigjańskiego Instytutu, tu dołączoną, zechce Pan własnoręcznie podpisać i mnie zwrócić

Lwów, 25. stycznia 1916. C. k. komisarz rządowy:

Тоже по украински:

До Вп..... у Львові, ул. ..... На основі розпорядку ц к. Президії галицкого Намісництва з дня 14. грудня 1915 ч. 3677/пр. в заступстві неприсутних органів управи, предвиджених в 12 і 13 уступі Ставропігійського Інституту у Львові, принимаєся Вас на члена Ставропігій. Інституту у Львові з правом уділу з голосом рішаючим вже на найблизших загальних Зборах. Формулу обіту по мисли уступу 9 статуту Ст. Інституту долучену, зхочите власноручно підписать і мені звернути.

Львів, 25. січня 1916. Ц. к. комисар правит.

Вмѣстѣ съ приглашеніемъ на общее собраніе была разослана формула обѣта для новопринятыхъ членовъ, которыми могли быть только украинцы. Они и выготовили формулу скорымъ порядкомъ, чтобы уже въ собраніи члены могли имѣть право рѣшающаго голоса.

7. Формула обѣта для новопринятыхъ членовъ.

ФОРМУЛА ОБІТУ

для новопринятого на основі розпорядку ц. к. Президії галицького Намісництва з 14 грудня 1915 ч. 36774 пр.

ЧЛЕНА

СТАВРОПІҐІЙСЬКОГО ІНСТИТУТУ

у Львові:

Во и҆́мѧ Ѻ҆ц҃а̀, и҆ С҃на, и҆ ст҃а́гѡ Дх҃а, а҆ми́нь. — А҆́зъ присѧга́ю Гд҃ꙋ Бг҃ꙋ всемогꙋ́щемꙋ, ꙗ҆́кѡ, прїѧ́тъ въ собо́ръ Заведе́нїѧ Ставропигі́йскагѡ Льво́вскагѡ, и҆сповѣ́дꙋѧ всѧ̑ а҆ртикꙋ́лы вѣ́ры свѧты́ѧ гре́ческѡ-каѳолі́ческїѧ, да́же до послѣ́днѧго жи́зни моеѧ̀ и҆здыха́нїѧ, всѧ̑ сегѡ̀ Заведе́нїѧ привиле́гїѧ, ѡ҆быкновенїѧ и҆ цѣ́лость всѣ́ми си́лами ᲂу҆де́рживати, проти́вꙋ пра́вомъ и҆ дохо́дѡмъ є҆гѡ̀ ничто́же дѣ́лати, ѡ҆бѧ́занности же на мѧ̀ ᲂу҆ложе́нныѧ, всегда̀ вѣ́рнѡ и҆ то́чнѡ и҆сполнѧ́ти бꙋ́дꙋ. Та́кѡ ми Гд҃и Бж҃е помози̇̀, въ Тройци свѧтѣ́й є҆ди́ный, а҆ми́мь.

В доказ того мій власноручний підпис.

Львів дня ..... 1915 р.

Въ самомъ дѣлѣ, общее собраніе новыхъ членовъ, созванное наспѣхъ, состоялось 2-го февраля 1916 г. Какъ видимъ изъ списка, этими членами были въ большинствѣ украинскіе главари и заправилы, уже давно стремившіеся къ захвату русскаго имущества.

8 Общее собраніе и новые члены.

ЦИРКУЛЯР,

котрим по думці постанови статі 14 уставу Ставропіґійського Інституту у Львові, маю честь на підставі уповажненя ц. к. Президії Галицького Намісництва з дня 14. грудня 1915. р. в заступстві неприсутних орґанів управи, предвиджених в статті 8 уставу Ставропіґійського Інституту у Львові, запросити низше поіменованих Панів, як членів Ставропіґійського Інституту у Львові з голосом рішаючим, на загальні збори, котрі відбудуться у Львові, дня 2 лютого 1916 р. о годині 5-ій по полудни в салі засїдань Ставропіґійського Інституту у Львові, при ул. Бляхарській ч. 9. I поверх.

---

1. Бандрівський Кароль, Радник ц. к. Дирекції скарбу у Львові ul. Kraszewskiego 23.
2. Др. Баран Степан, краєвий адвокат, у Львові, Ринок ч. 10.
3. Барвінський Олександер, ц. к. Радник Двору у Львові, ул. Собіщини ч. 7.
4. Д-р. Барвінський Олександер лікар у Львові, wymeld, 20/9 915 do służby wojsk. Węgry.
5. Др. Бережницький Іван, лікар у Львові, Руська 20 (Wiedeń).
6. Білецький Василь, ц. к. проф. акад. ґімн. у Львові. ul. Heleny Modrzejewskiej 7 I p.
7. Вербицький Мартин, ц. к. Радник в. Суду кр. у Львові, Stryjska 22.
8. Др. Вергановський Іван, ц. к. Судія пов. і доцент унів. у Львові, Wincentego Pola 7 (Włodzimierz).
8. Витошинський Ярослав, Директор „Труда“ у Львові.
10. Др. Волошин Михайло, краєвий адвокат у Львові.
11. Ганінчак Йосиф, інжінір желізн. у Львові, (niemeldowany).
12. Ганінчак Роман, інжінір желізн. у Львові, Długosza 3.
13. Др. Гвоздецький Евген, краєвий адвокат у Львові, Красіцьких ч. 6. (dalej niemeldowany).
14. Др. Голубович Сидір, адвокат і посол, у Львові, Руска 3. (niemeldowany).
15. Горудзкий Олександер, ц. к. офіц, Намісн. у Львові, ul. Piotra l. 11 (dalej niemeldowany).
16. Громницький Сидір, ц. к. Директор філії ак. ґімн. у Львові, ul. Teatyńska 10.
17. Гриньовський Петро, учитель муж. семин. у Львові, ul. Głęboka 21/II p. (dalej niemeldowany).

18. Гузар Йосиф, властитель реальности у Львові, ul. Korcowa 14.

19. Герусиньский Спирідон, учитель вид. школи у Львові, ul. Orzeszkowej 5.

20, Др. Гординський Ярослав у Львові, ul. Listopada 40.

21. Делькевич Йосиф, властитель реальности у Львові (niemeldowany).

22. Дикий Володимир, ц. к. проф. акад. ґімн. у Львові, ul. Senatorska 11. A.

23. Др Дністрянський Альойзий, ст. ст. Радник суду кр. у Львові, ul. Tarnowskiego 35.

25. Дрималик Йосиф, ц. к. Радник Суду кр. у Львові, Японьска 16.

26. Дурбак Павло, інжінір у Львові.

26 Д-р. Евин Филип, краєвий адвокат у Львові, ул. Бляхарська ч. 8 (niemeldowany).

28. Заячківський Тит, ц. к. Радник Двору у Львові (niemeldowany).

29. Зубик Роман. купець у Львові, ул. Галицька 8.

30. Ільницький Ярослав, ц. к. Радник в. Суду кр. у Львові.

31. Др. Калитовський Омелян, ст. ц. к. Директор ґімн. у Львові. (niemeldowany).

32. Кивелюк Іван, ц. к. Радник суду і член Виділу кр. у Львові, (niemeldowany).

33. Кмицикевич Александер, ц. к. Радник в суду кр. у Львові, ул Пекарська 57.

34. Др. Кобринський Володимир, лікар у Львові, Ринок 41.

35. Кукурудз Ілия, ц. к. Директор академ ґімн. у Львові, ул. Листопада 40, I.

36. Др. Колесса Олександер, проф. унів. і посол у Львові, Відень, VIII Купка 2.

37 Колтунюк Ярослав, секретар тов. Дністер у Львові ул. Руська 20, пл. св. Юра 5.

38. Др. Копач Іван, ц. к. Радник шкільний у Львові (niemeldowany).

39. Коренець Денис, ц. к. проф. ґімн. у Львові, Хмельовского 15.

40. Др. Кринякевич Іван, ц. к проф. ґімн. у Львові, Яновска 72.

41. Д-р. Кульчицький Олександер, Директор Зем. Банку у Львові, Підвалє ч. 7. Голомба 11 а.

42. Кузьма Григорій, ц. к. Радник Двору у Львові, 29 Листопада 32.

43. Левицький Віктор, аптикар у Львові.

44. Левицкий Кость, адвокат і посол у Львові, Підвалє ч. 7.

45. Левицкий Юліян, ц. к, проф. ґімн. у Львові (niemeldowany).

46. Лукавецький Зенон, ц. к. Радник суду кр. у Львові св. Софії 32а.

47. Др. Макарушка Остап, Директор уч. сем. У.П.Т. у Львові, ул. Петешиньска 2.

48 Масляк Володимир, ц. к. проф. акад. ґімн. у Львові, ул. Асника 6.

49. Мидловський Ізидор, ст. Радник в. Суду кр. у Львові, Глембока 1.

50. Мороз Микола, ц. к. проф. учит. сем. у Львові, Длугоша 25.

51. Мудрак Юліян, інжінір у Львові.

52. Нагірний Василь, Директор Народньої Торговлі у Львові, Ринок ч 36, Яблоновська 36.

53. Наладієвич Юліян, ц. к. Радник Намісництва у Львові.

54. Огоновський Іван, ц. к. Радник суд. у Львові. Скарбковська 19.

55. Огоновський Петро, ем. ц. к. проф. ґімн. у Львові

56. Др. Озаркевич Евген, лікар, ц. к, Радник сан. у Львові, Підвалє ч, 7, (dalej niemeldowany).

57. Др. Олесницький Евген, адвокат і посол у Львові, Відень.

58. Онишкевич Йосиф, ц. к. нотар у Львові, ул. Театральна 6.

59. Оприск Антін, столярський майстер і власник реальн. у Львові, 29 Листопада 41.

61. Панейко Василь, редактор „Діла“ у Львові, Ринок ч. 10 Кохановского 60.

62. Др. Пачовський Михайло, ц. к. проф. акад. ґімн. у Львові. ул. Кохановского 69.

63. Пежанський Григорій, ем. Радник будів. ц. к. Намісн. у Львові, Петериньска 22.

64. Пшепюрський Нестор, Директор тов. кред. Нар. Дім у Львові, ул. Городецька ч. 93.

65 Ревакович Тит, ц. к. Радник Суду кр. у Львові.

66. Рожанський Любомир, Директор Зем. Банку у Львові, Відень, VIII Langegasse 32.

67. Др. Рудницький Степан, ц. к. проф. реальної школи і доцент унів. у Львові.

68. Саєвич Омелян, Директор Кр. Союза кред. у Львові, Ринок ч. 10, Чернецького 26.

69. Др Софіан Лука, лікар желізн., у Львові, ул. Каспра Бочков, ч. 9, (dalej niemeldowany).

70 Сельський Юліян, ц. к. Радник в. Суду кр. у Львові, Пулавского 10

71. Др. Сельский Фелікс, лікар, у Львові, (niemeldowany).

72. Січинський Юліян, ц. к. ст., Радник домен і лісів у Львові, ул. Панська 17, (dalej niemeldowany).

73. Стефанівський Михайло, слюсарський майстер у Львові, Варстатова 10.
74. Стефанович Н., ем. Радник Суду, у Львові, ул. Чарнецького 26, (dalej niemeldowany).
75. Струк Василь, секр, ґен. тов. „Сільський Господар“ у Львові ул. Зіморовича 20. (Зиморовіча 7.)
76. Др. Студинський Кирило, ц. к. проф унів. у Львові Хмельовского 15.
77. Др. Томашівський Стефан, ц. к. проф. ак. ґімн. і доцент унів. у Львові,
78. Чапельський Микола, комісар держ. зелізниць у Львові, Площа Юра 5.
79. Черник Максиміліян, ем. інжінір Виділу кр. у Львові, Jakóba Hermana 24.
80. Шехович Лев ц к. Радник в Суду кр. у Львові, ул. Чарнецького 26. (dalej niemeldow.).
81. Др. Щурат Василь. ц. к. проф. ґімн. II. у Львові, ул. Куркова 43. (dalej niemeldow.).
82. Яценьо Михайло, ц. к. Радник суду, у Львові, Kornela Ujejskiego 4.
83 Огоновський Ґіляр, ц. к. проф. ґімн. (niemeldowany)
84. Петрушевич Лев, ц. к. судья, ул. Чарнецького 26
85. Др. Ривюк Володимир, концепіст Виділу кр. ul. Pełczyńska 14.
86 Ференцевич Софрон, кравець,
87. Боберський Іван, ц. к. проф. ґімн. Львів.
88. Др. Говикович Альфред, Дирек. тов. „Земля“ у Львові.
89. Др. Бачинський Володимир, Львів.

Книгозбірня „СТУДІОНУ“ у Львові

9. Правительственный комиссаръ созываетъ собраніе новыхъ членовъ для выбора правленія.

Sprawozdanie c. k. starszego komisarza policji Adama Smółki, jako komisarza rządowego dla tymczasowego zarządu majątkiem Stauropigijańskiego Instytutu, o przebiegu akcji wdrożonej wskutek reskryptu c. k. Prezydjum Namistnictwa z dnia 14-go grudnia 1915 L. 36774/pr. celem reaktywowania Stauropigijańskiego Instytutu. Wskutek polecenia Prezydjum c. k. Namistnictwa z dnia 14. grudnia 1915, aby przywrócić napowrót normalny tok funkcjonowania Instytu Stauropigijańskiego we Lwowie, który skutkiem opuszczenia kraju przez Zarząd i większość części członków przestał czasowo funkcjonować, przeprowadziłem wpisy nowych członków stosując się w tym względzie ściśle do postanowień §. 7 i 8. statutu, którego egzemplarz przedkładam. 1). Odnośne zawiadomienie o wpisach nowych członków umieściłem w obu wychodzących we Lwowie dziennikach ukraińskich tj. „Ukraiń-

skim Słowie“ i „Dile“ (Nr 140 z dnia 31.XII. 1915). W krótkiem przeciągu czasu wpisało się 115 nowych członków, tak, że mogłem Walne Zgromadzenie zwołać na dzień 2. lutego 1916. Spis nowo przezemnie przyjętych członków predkładam pod 2). O terminie walnego zgromadzenia zawiadomiłem nowo przyjętych członków każdego z osobna listem poleconym, a nadto odnośne ogłoszenie umieściłem w „Dile“ (Nr. 24 z dnia 24 I 1916). Dawnych, we Lwowie pozostałych członków zawiadomiłem stosownie do postanowień §. 14. statutu imiennie cyrkularzem, który przedkładam pod 3) Zwołane w ten sposób na dzień 2. lutego 1916. walne zgromadzenie członków Stauropigijańskiego Instytutu odbyło się w sali obrad tegoż Instytutu przy ul. Blacharskiej l. 9. o godzinie 4 tej popołudniu z porządkiem dziennym: 1). Otwarcie zgromadzenia przez komisarza rządowego i złożenia przez niego sprawozdania z czynności za czas od 15. lipca 1915. do 2. lutego 1926, 2). wybór seniora, dwóch zastępców senjora, dwunastu członków wydziału, tudzież trzech członków komisji rewizyjnej 3.) wnioski członków. Zgromadzeniu przewodniczył podpisany, jako komisarz rządowy. Złożywszy krótkie sprawozdanie z czynności oraz dochodów i rozchodów w czasie mego urzędowania (sprawozdanie to zawarte w dołączonym pod 4). odpisie protokołu z tego zgromadzenia) zarządziłem wybór seniora, członków wydziału i komisji rewizyjnej za pomocą kartek głosowania, które dołączam pod 5). Do wydziału weszły następujące osoby: 1). Grzegorz Kuźma k. Radca Dworu jako senior 2). Iwan Kiweluk, członek Wydziału kraj. i c k Radca sądu kraj. jako wicesenior 3). Juljan Siczyński, c k starszy R dca Dyrekcji Domen i lasow jako wicesenior; jako członkowie wydziału: 4). Dr. Stefan Baran, adwokat kraj. 5). Aleksander Barwiński, c k. Radca Dworu 6. Dr Izydor Hołubowicz, adwokat kraj. 7). Sydor Gromnicki, c. k Radca szkolny 8) Aleksander Kmicikiewicz, c k. Radca wyż. Sądu kraj 9). Dr Aleksander Kulczycki, Dyrektor zemel. Banku hipot 10). Dr Kość Lewicki, adwokat i poseł 11). Dr. Eugeniusz Czarkiewicz c. k. st. Radca sanit. 12). Sydor Mydłowski, em. c. k. Radca Sądu kraj. 13). Michał Stefaniwskyj, majster ślusarski 14). Leon Szechowicz, emer. c. k. Radca wyż. Sądu kraj. 15). Dr. Wasyl Szczurat, c. k. profesor II gimn. Członkowie komisji rewizyjnej 1) Karol Bandriwskyj, c. k. Radca Dyrekcji Skarbu 2). Gr egorz Peżański, em. c. k Radca budown. 3). Omelan Sajewicz, dyrektor kraj Sojuza rewizyjnego. Po wyborze oddałem przewodnictwo zgromadzenia w ręce nowowybranego senjora Grzegorza Kuźmy który podziękowawszy za wybór, złożył hołd i dał wyraz uczuciom przywiązania i lojalności dla panującej Dynastji oraz złożył podziękowanie za oddanie Instytutu St uropigjańskiego w ręce Ukraińców J. E. hr. Stürkowi, ks Hohenlohe i Namiestnikowi generałowi Colardowi. Na wniosek Dr. Barana wysłano do kancelarji gabinetowej oraz do wyżej wymienionych osobistości telegramy dziękczynne.

Następnie w dniach 4, 6. 7. i 10. lutego 1916. oddałem w ręce nowowybranego Wybziału kolejno ruchomy majątek Instytutu Stauropigjańskiego, oraz pozostałą gotówkę w kwocie 1508 K. 74 hal. Dokładny wykaz oddanych przedmiotów oraz poświadczenie odbioru znajduje się przy akcie L: 1279/pr. dołączonym pod 6). W końcu nadmieniam, że wszyscy przezemnie przyjęci nowi członkowie Stauropigjańskiego Instytutu są wybitnymi członkami narodu Ukraińskiego i wyprobowanymi pod względem swej lojalności. Lwów, dnia 25. lutego 1816. c. k. starszy komisarz policji.

Общее собраніе новопринятыхъ членовъ созвалъ Комиссаръ Смулка. Сеніоромъ былъ избранъ Григорій Кузьма, который, поблагодаривъ за выборъ, прежде всего подчеркнулъ свою преданность и лояльность Габсбургской династіи. Комиссаръ, посылая свой отчетъ о собраніи и избраніи новаго правленія, добавилъ, что всѣ новоизбранные являются выпробованными относительно лояльности Австріи украинцами.

Такимъ услужливымъ и до отвратительности сэнтиментальнымъ низкопоклонничествомъ украинцы добились своего: они стали хозяевами русскихъ институцій, между ними и кровавый Кость Левицкій, виновникъ разныхъ Талергофовъ, слезъ, страданій и гибели многихъ тытячъ невинныхъ людей.

Еще новые члены.

До Високоповажаного Пана

Д-ра Михайла Коцюби

ц. к. шкільного радника

у Львові

ул.----------

Управляюча Рада Ставропіґійського Інститута у Львові, пересилаючи в залученню „Формулу Обіту новопринятого члена Ставропіґійського Інститута у Львові“, просить о її підписанє і зворот на адресу Інститута, ул. Бляхарська ч. 9.

По мисли § 9. устава обовязаний також кождий новопринятий член Інститута явити ся лично в часі засїдання Управляючої Ради і зложити сей обіт на руки сеніора. В тій цїли просить ся прийти на засїданє Управляючої Ради дня 15. мая 1918 о год. 6 вечером.

Львів, дня 13. мая 1918.

Др. Ст. Федак
сеніор.

VI.

Переходъ Братства обратно въ русскія руки.

Несмотря на то, что Австрія развалилась въ 1918 году, украинцы продолжали хозяйничать въ захваченномъ Братствѣ до 1923 года. Всѣ старанія оставшихся во Львовѣ русскихъ членовъ Института вернуть свои права были безъ успѣха. Когда, послѣ революціи, разныхъ перемѣнъ власти и возращенія многихъ русскихъ изъ тюремъ и невольнаго бѣженства изъ Россіи, укрѣпилось галицко-русское общество, приступлено къ работѣ возстановленія правъ законныхъ членовъ Братства. В этой цѣли было изготовлено слѣдующее обращеніе къ намѣстнику:

Въ президіумъ галицкаго Намѣстничества во Львовѣ.

Въ австрійское ц. к. Намѣстничество, находящееся въ Бялой, внесла „Загальна українська Рада народна“ прошеніе о передачѣ ей русскихъ львовскихъ институцій. Руководясь инструкціями названной Рады, ц. к. Намѣстничество приказало своимъ декретомъ отъ 14. XII. 1915 г. ц. к. дирекціи цолиціи во Львовѣ перевести выборы новыхъ членовъ въ Ставропигійскій Институтъ, избрать изъ среды новое правленіе и передать ему завѣдываніе его имуществомъ, что дѣйствительно и послѣдовало дня 2-го февраля 1916 года.

Роспоряженіе ц. к. австрійскаго правительства было беззаконнымъ и согласно статьямъ 6, 7, и 33 устава Ставропігійскаго Інститута недѣйствительнымъ.

Согласно статьи 6 о принятіи новыхъ членовъ рѣшаетъ общее собраніе, въ никомъ же случаѣ обстоятельство, какъ то, что общество „szuka zaspokojenie swych religijnych i oświatowych postulatów wyłącznie w ramkach istniejącego prawnie — państwowego ustroju, i w czasie światowej wojny złożyło pełne dowody lojalności wobec Najwyższego Tronu Państwa“.

Согласно статьи 6 могутъ быть избираемы въ Братство лица „русской“ національности, вопреки этому переведено выборы изъ лицъ, приписывающихся исключительно къ „украинской“ національности.

Для важности выбора новаго члена Ставропигійскаго Института требуются: 1) рекомендація члена Правящему Совѣту; 2) предварительное принятіе кандидата Правящимъ Совѣтомъ; 3) окончательное принятіе члена на общемъ Собраніи, при чемъ рѣшеніе Правящаго Совѣта и Общаго Собранія должны имѣть квалифицированное число голосовъ. Всѣхъ этихъ условій, требуемыхъ для соб-

ранія членовъ Ставропигійскаго Института, при назначеніи членовъ, предложенныхъ бывшому австрійскому Правительству „загальной украинской народной Радой“, мѣродательные факторы не придерживались и совершенно ихъ обошли.

Юридическое существованіе „Ставропигійскаго Братства“, основаннаго въ 1439 г., а затѣмъ переименованного въ „Ставропигійскій Институтъ при Волоской Церкви во Львовѣ“, его внутреннее устройство, права, привилегіи и обязанности, обосновуются уставомъ Антіохійскаго патріарха Іоахима, отъ 1/1 1586, утвержденномъ грамотами Константинопольскаго патріярха Іереміи, отъ 1/12 г. 1587 и 3/11г. 1589, и декретами тогоже паріарха Ієраміи съ 1593 года, затѣмъ декретами польскихъ королей: Жигизмонта III, Варшава 15/X 1592 г., Владыслава IV, Львовъ, 10/X 1634 г., Яна Казиміра, Краковъ, 29/X 1649 г., Михайла Корыбута, Краковъ, 10/X 1659 г., Яна III, Краковъ, Августа II. Краковъ, 6/X 1697, Варшава 26/XI 1735, и Станислава Августа, Варшава 26/12 1766 г., наконецъ придворными декретами австрійскихъ императоровъ, а именно: декретомъ Іосифа II отъ 7/10 1788 г., на основаніи котораго Ставропигійское Братство приняло названіе „Ставропігійскаго Института“, и декретомъ императора Франца II отъ 14/9 1793.

Изъ содержанія патріаршихъ декретовъ,утвержденныхъ польскими и австрійскими императорами, слѣдуетъ, что принятіе въ члены Ставропигійскаго Института не можетъ послѣдовать на основаніи одного акта, а только на основаніи шести непосредственно по себѣ въ предписанномъ порядкѣ послѣдующихъ актовъ, а именно, кромѣ выше наведенныхъ 3 актовъ, еще на основаніи акта „обѣта“ съ врученіемъ новопринятому члену членской грамоты, на основаніи обряда цѣлованія креста и всѣхъ присутствующихъ членовъ, и въ концѣ на основаніи акта собственноручной своей подписи въ альбомѣ Ставропигійскаго Института.

Изъ этого явствуетъ, что актъ принятія въ члены Ставропигійскаго Института нельзя считать обыкновеннымъ актомъ принятія въ члены какого-либо другого общества, но наоборотъ, что это актъ торжественный, равняющійся рукоположенію въ священники по церковному закону.

Актъ принятія въ члены Ставропигійскаго Института, состоящій изъ: 1) рекомендаціи члена Правящему Совѣту. 2) предварительнаго принятія члена Правящимъ Совѣтомъ 3) оканчательнаго принятія члена на Общемъ Собраніи 4) принесенія обѣта съ врученіемъ новопринятому члену членской грамоты, 5) цѣлованія креста и всѣхъ присутствующихъ братьевъ и 6.) собсвенноручной подписи въ альбомѣ Ставропигійскаго Института, — долженъ послѣдо-

вать въ предписанномъ порядкѣ, ибо въ противномъ случаѣ избраніе члена считается недѣйствительнымъ.

Этихъ предписаній придерживался при принятіи своихъ членовъ Ставропигійскій Институтъ всегда съ 1439 г. по февраль 1916 г., и ихъ придерживались какъ члены, выдающіеся изъ среды львовскаго патриціята, такъ и сеніоры княжьихъ или боярскихъ родовъ на Руси, какъ Острожскіе, Вишневецкіе, Ружинскіе и др., такъ и суверенные чужесторонные князья.

Въ началѣ міровой войны Ставропигійскій Институтъ продолжалъ свою религійно-нравственную дѣятельность; почти всѣ члены Правящаго Совѣта, избраннаго на Общемъ Собраніи въ „Θомино“ воскресеніе 1914 г., остались въ Львовѣ на своихъ мѣстахъ. Въ составъ этого Правящаго Совѣта входили: Д ръ Владимиръ Ивасечко, какъ сеніоръ, Николай Сывулякъ и Д-ръ Θеодосій Заяць, какъ товарищи сеніора. Иванъ Сасъ-Лѣсковацкій, Северинъ Куровецкій, Онуфрій Гудзъ, Василій Головацкій, Афанасій Менцинскій, Д-ръ Юліянъ Заяцъ, какъ члены. Кромѣ того изъ членовъ Института осталось около 60 человѣкъ.

Только на основаніи декрета Президіума б. ц. к. австрійскаго Намѣстничества перевела б. ц. к. Дирекція Полиціи австрійской во Львовѣ назначеніе новыхъ членовъ Ставропигійскаго Института и избраніе новаго Правящаго Совѣта, нарушая этимъ образомъ постановленія утвержденнаго властями устава Института и пренебрегая освященной 333 лѣтней практикой обычая, употребляемаго при избраніи членовъ Института и Правящаго Совѣта. Отвергнуто тогда внесеніе членовъ Института, требующее не избирать новаго Правящаго Совѣта, а предоставить завѣдываніе дѣлами Института существующему прежнему Совѣту, отклонено и дальшее внесеніе, требующее на случай крайней необходимости установленія другого Правленія изъ среды его законныхъ членовъ.

Отъ имени послѣднихъ, которыхъ, кромѣ 8 членовъ Правящаго Совѣта, оказалось больше 40 человѣкъ, передалъ выше приведенныя внесенія и предложенія, б. ц. к. Директору Полиціи во Львовѣ членъ прежняго Правящаго Совѣта, Иванъ Сасъ-Лѣсковацкій.

Отъ начала своего существованія, т. е. въ теченіи свыше 500 лѣтъ, Ставропигійскій Институтъ, дѣйствуя въ религіозно-нравственномъ направленіи, придерживался всегда и опредѣленно „русской“ національности и защищался всячески отъ перемѣны этой національности на національность „украинскую“, что не особенно нравилось б. ц. к. австрійскимъ властямъ, а особенно ихъ ставленникамъ и друзьямъ, украинскимъ мэнерамъ. Послѣ возвращенія въ 1915 г. ц. к. австрійскихъ властей въ Га-

лицію, предложила „Загальна українська рада народна“ австрійскому правительству прошеніе съ ложными доносами, требующее, взамѣнъ за оказанную украинцами австрійскому престолу благонадежность, военной помощи и германско-австрійской политической оріентаціи, и въ цѣли окончательнаго истребленія русскаго имени въ восточной Галиціи, передачи имъ въ награду Ставропигійскаго Института, вопреки волѣ тогдашняго Правящаго Совѣта и членовъ того же Института.

Намѣряясь быстро реализировать свои требованія, не пренебрежено всяческими ложными доносами, а именно:

I. 26/5. 1915 докладываетъ генералъ Риммль Главной квартирѣ: Ukrainer sind ausgesprochen oesterreischfreundlich und können durch kräftige Führung der regierender Kreise zu richtigen Oesterreichern erzogen werden; Die Ukrainer verdienen Berücksichtung, sie sollen gestützt, keinesfalls mit den Russofilen in einen Topf geworfen werden“, а давая не украинцамъ обозначеніе „Russophilen“ и „Moskalophilen“, представляетъ ихъ какъ „staatsfeindliche Partei und Hochverräter“ и пишетъ о нихъ: „ihre Tendenzen sind bekannt — vollständiger Anschluss an Russland und an die Ortogoxie; vor Beginn des Krieges trieb diese Partei schamlos Hochverrath; ich habe wiederholt darauf aufmerksam gemacht, leider ohne Erfolg, (значитъ, г-ну Риммлю мало того, что повѣшено десятки тисячей людей безъ вины, казнено безъ суда, замучено въ заключеніи и что закрыто всѣ общества) „Dass die Russofilen Hochverräter sind, bedarf wohl keiner weiteren Erörterung, diese müssten ekrasiert werden. Wenn die Russofilen inkl. Partei Grabski überhaupt zu bekehren sind, so nur durch rücksichtlose Strenge. Meiner Ansicht nach sind alle Russofilen radikal und müssten ausnahmlos unbarmherzig verfolgt werden“.

Слѣдуетъ замѣтить, что ни одного изъ членовъ Ставропигійскаго Института не приговорено за шпіонажъ, ни за государственную измѣну во вредъ Австріи, и что ни одинъ изъ членовъ Института не перешелъ въ православіе.

II. Въ газетѣ „Діло“ (№ 30 отъ 1/2 1916) пишетъ въ передовицѣ Д-ръ Василій Щуратъ, между прочимъ, слѣдующе: „Брацтво стратило з очей ті свої низинні задачі, з яких сповнюванєм раньше росло всилу для того лиш проте, що могло заспокоювати амбіції його, про свої матеріяльні інтереси і звязані з ними привілєї, витрачуючи на оборону їх всю свою енергію. Так дожило воно австрійських часів. І не стямилось тоді, як знайшлося

нараз і без могучих покровителів і без привілєїв та монополів. В Австрії давні привілеї та монополі не могли мати вартости. Не лишалось нічого іншого, як оглянутись за новою помочею з чужини. Поміч приходила, але не помогла вона вже Брацтву до сповненя задач, до яких покликала його минувшість, до яких кликала теперішність. Відірване раз від власного життя, воно не мало зрозуміня для него. Між живими було трупом. Дасть Бог, оживе воно під подихом життя тих одиниць, що на зміну банкротів приходят, до праці для церкви і народа свого власного.

III. Въ этомъ же номерѣ „Діла“ пишетъ Д-ръ Степанъ Баранъ, что „Народный Домъ“, „Матица“ и „Ставропигія“ перейшли у виключну управу москвофилів, котрі з сеї української (?!) по історичній традиції інституції зробили одно з жерел національної російської пропаганди, а в часі наїзду і церкви православної. І хоч горстка національних відступників (!) меншала з року на рік, та берегла она пильно того, щоби не допустити ні одного українця в члени Ставропіґії. Підчас російського наїзду москофіли зі Ставропіґії показали своє правдиве облича, бо поручили совітови зараз оцінити історичну ролю Ставропіґійського Института як оборонця православія і по змозі знов скликати загальні збори членів, щоби відповідне рішенє видати в тім питаню. Сего наміру москвофіли не виконали, бо невдовзі перейшла союзна офензива, перед якою ціла управа і більшість членів спаслася утечею до Росії. Австрійські власти, не заставши нікого (?) з управи міліонової Інституції, а не могучи самозрозуміло передати управу в руки членів москвофілів (14), які остали у Львові, іменували після анальоґії громадського закона ц. к. правительственного комісара п. Адама Смулку“.

Согласно сообщенію газеты „Діло“ (№ 33. 1916 года) состоялось 2/2 1916 черезвычайное общее собраніе членовъ Ставропигійскаго Института, созванное государственнымъ комиссаромъ, назначеннымъ для Института путемъ „аналогіи“ закона объ общинѣ, а назначенные этимъ комисаремъ члены, явившіеся на собраніе въ числѣ 75 человѣкъ, избрали сеніоратъ и Правящій Совѣтъ. Затѣмъ избранный сеніоромъ Григорій Кузьма подчеркнувъ въ своей рѣчи историческій моментъ обратнаго полученія старѣйшей Институціи для служенія украинскому народу, благодаря императору и его правительству, а прежде всего министрамъ князю Гогенлоге, Штирку и намѣстнику Галиціи генералу Коларду, высказалъ благодареніе Костю Левицкому за его труды по дѣлу обратнаго полученія Ставроп. Института.

Подобно, какъ генералъ Римль передъ центральными австрійскими властями всѣхъ, непричисляющихся къ украин-

ской національности, обозначаетъ названіемъ „Russophilen, Moskalophilen, staats feindlich gesinnte Hochverräter“ и пр. такъ и Д-ръ Василій Щуратъ въ передовицѣ украинской газеты „Діло“ отъ 1/1 1916 и на общемъ собраніи Ставропигійскаго Института представляетъ дѣятельность Института при помощи заграницы, т. е. Россіи и доказываетъ, что Ставропигійскій Институтъ оказывается въ украинскомъ мірѣ банкротомъ и трупомъ, который оживить въ состояніи только одни украинцы.

Въ этомъ номерѣ газеты „Діло“ обвиняетъ Ставропигійскій Институтъ въ россійской и православной пропагандѣ.

На какомъ основаніи и на какихъ юридическихъ редукціяхъ примѣнено при назначеніи государственнаго комиссара для Ставропигійскаго Института аналогію австрійскаго закона объ общинѣ, остается нерѣшеннымъ вопросомъ б. ц. к. австрійскаго правительства и его органовъ, а на равнѣ загадочнымъ останется право этого комиссара для созванія общагособранія и назначенія новыхъ членовъ Института и до того въ числѣ 117 человѣкъ, кажется для предохраненія опасности маіоризаціи со стороны б. членовъ Института.

Знаменательно и то обстоятетьство, что прошеніе „Загально-українськой народной Ради“, на основаніи котораго Президія ц. к. Намѣстничества издала декретъ отъ 14/12 1915 за т. 36774/пр. и на основаніи котораго распорядилось Ставропигійскій Институтъ передать украинцамъ, въ актахъ не имѣется и гдѣ-то затерялось. Его устранили авторы отъ стыда.

Изъ состава Правящаго Совѣта, избраннаго в „Θомину“ недѣлю 1914 года пребывало въ февралѣ мѣсяцѣ 1916 года, и въ настоящее время пребываетъ во Львовѣ, кромѣ Д-ра Θеодосія Заяца еще 7 членовъ Правящаго Совѣта, которые согласно статьи 96 устава Института могли законно рѣшать по дѣламъ Института.

Нельзя промолчать, что нѣкоторые изъ членовъ Правящаго Совѣта и Института оставили предѣлы Австріи, спасаясь передъ ожидающими ихъ безправными гоненіями, но число оставшихся перевысшало 50 человѣкъ, а не 14, какъ сообшало „Діло“, а впрочемъ выѣздъ этихъ нѣсколькихъ членовъ не чуть не затрагивалъ законнаго права Правящаго Совѣта членовъ Института въ завѣдываніи его дѣлами. Сеніоръ Института остался все время во Львовѣ и умеръ только весной 1917 года.

Изъ выше представленнаго слѣдуетъ, что б. австрійское правительство было ложными доносами или введено

въ заблужденіе, или, что издавая декретъ отъ 14/12 1915 за № 36774/пр. придерживалось принципа, что всякое средство и всякое злодѣяніе въ его рукахъ есть пригоднымъ средствомъ для достиженія намѣченной цѣли, и что сила и насиліе творятъ наивысшій законъ.

Вѣруемъ, что теперѣшнее Правительство, убѣдившись въ этомъ большомъ безправьи, нанесенномъ австрійскими властями Ставропигійскому Институту, отмѣнитъ декретъ отъ 14/12 1915 за № 36774/пр. и издастъ соотвѣтствующія распоряженія.

Отъ Правящаго Совѣта Ставропигійскаго
Института во Львовѣ.

Дня 17 апрѣля 1919 г.

Иванъ Сасъ-Лѣсковацкій
Николай Третьякъ

На основаніи этого иска, отправленнаго 17-го апрѣля 1919 г., Львовское Воеводство назначило комиссаромъ Н. Г. Третьяка. Случилось это только въ началѣ 1922 года, о чемъ узнаемъ изъ нижеслѣдующаго распоряженія.

Рескриптъ дир. полиціи о передачѣ Братства въ русскія руки.

(Odpis wierzytelny).

Prezydjum Dyrekcji Policji we Lwowie, dnia 22. lutego 1922. L: 784/22/ pr. Do WP. Mikołaja Tretiaka, radcy sądowego we Lwowie, udzielam do wiadomości. Celem wprowadzenia zarządu Instytutu Stauropigjańskiego na tory, przepisane statutem przedstawi Pan w myśl polecenia Województwa — odpowiednie wnioski w przeciągu dni 14 od chwili objęcia czynności komisarza rządowego. Wnioski te mają być podane do Województwa lwowskiego przez Dyrekcję Policji. Aż do czasu zatwierdzenia tych wniosków, względnie aż do czasu wyboru prawidłowego zarządu Instytutu sprawować Pan będzie wszelkie czynności według statutu Instytutu, przekazane Wydziałowi rządzącemu (Senioratowi) i Walnemu Zgromadzeniu. — 1. załącz. Dyrektor Policji. Reinlender m. p.

Того же дня, 22 февраля 1922 года, дирекція полиціи предписала д-ру С. Федаку, исполняющему должность сеніора въ Ставропигіи, прекратить свои дѣйствія, такъ какъ не отвѣчали ни уставамъ Братства ни державнымъ законамъ. Всѣ члены — украинцы дѣлались таковыми только по волѣ австрійскаго правительственнаго комиссара, вопреки всѣмъ постанов-

леніямъ Института. Поэтому Воеводство сочло всѣхъ австрійской полицieй утвержденныхъ членовъ незаконными.

Рескриптъ дир. полиціи о переходѣ Братства въ русскія руки.

(Odpis wierzytelny).

Prezydjum Dyrekcji Pelicji we Lwowie. Na skutek reskryptu Województwa Lwowskiego Wydział Prezydjalny z dnia 16. lutego 1922. L: 8094/1921 Dyrekcji Policji podaje do wiadomomosci Szanownemu Zarządowi, co następujące: Reskryptem z dnia 14. grudnia 1915. L. 36774/pr. zarządziło Prezydjum Namiestnictwa wznowienie działalności Instytutu Stauropigjańskiego we Lwowie, którego organy z powodu wypadków wojennych, a w szczególności z powodu opuszczenia kraju przez przeważną większość członków Instytutu, przestały czasowo funkcjonować, polecając Dyrekcji Policji wezwać ustanowionego w r. 1914 komisarza rządowego zarządzającego tym Instytutem, aby przeprowadził wpisy nowych członków, z uwzględnieniem obowiązujących w tej mierze postanowień statutowych Instytutu, zarządził następnie wybór nowego (Senioratu) i oddał temu Zarządowi dalsze prowadzenie agend, oraz zawiadowstwa majątkiem Instytutu. — Dochodzenia przeprowadzone wskutek zażalenia dawnych członków Instytntu wniesionego przeciwko powyższemu zarządzeniu wykazało, że przyjęcie nowych członków nie odbywało się zgodnie z § 8. stat. na podstawie polecenia dwóch członków Instytutu, co się musi uważać za zasadniczy wymóg uzupełnienia grona członków Instytutu, oraz, że nie zachowano także innych przepisów statutowych pod względem przyjmowania członków Instytutu, lecz, że przyjęcie członków odbywało się na podstawie swobodnego uznania Komisarza rządowego, a więc sposobem nominacji. W ten sposób dokonane uzupełnienie grona Instytutu jest sprzeczne ze st tutem a więc nieważne, a tem samem jest nieważny także dokonany w tym składzie grona członków wybór Zarządu (Senioratu) Instytutu. — Brak więc legalnego Zarządu odpowiedzialnego za prowadzenie agend Instytutu tak pod względem publiczno-, jakoteż prywatno-prawnym. Wobec tego stanu rzeczy Województwo unieważnia wpisy członków Instytutu dokonane po dniu 1. sierpnia 1914 r., następnie unieważnia wybór Zarządu (Senioratu) przeprowadzony przez członków nowo wpisanych, — i celem wprowadzenia Zarządu Instytutu na tory statutem przepisane, poleciło ustanowić komisarzem rządowym radcę sądowego Mikołaja Tretiaka, zaś jego zastępcami: radcę skarbowego Juljana Łucyka i dyrektora kancelarji „Domu Narodnego“ D-ra Bazylego Łahołę — W myśl powyższego polecenia Województwa lwowskiego Dyrekcja Po-

licji zarządza odbiór agend od obecnego zarządu i oddaje go do rąk ustanowionego komisarza rządowego względnie jego zastępcy. Akt ten odbędzie się w dniu 25. lutego 1922 o godz. 10-ej rano w kancelarji Zarządu Instytutu Stauropigjańskiego w obecności wzgl. przy interwencji delegata Dyrekcji Policji komisarza Ryszarda Wagnera. — Czynność powyższa dokonaną ma być z całą ścisłością i ze sporządzeniem stosownych protokołów, zamknięć rachunkowych, inwentarza etc. O tem się Szanowny Zarząd zawiadamia z wezwaniem do przygotowania na dzień i porę powyżej oznaczoną wszystkich ksiąg aktów etc. Instytutu Stauropigjańskiego. Dyrektor Policji: Dr. Reinlender m. p.

Разумѣется, что украинцы не охотно уходили изъ захваченнаго русскаго Института. Они внесли въ министерство внутреннихъ дѣлъ въ Варшавѣ весьма обширный протестъ противъ рескрипта, удаляющаго ихъ изъ чужого дома. Въ своемъ рекурсѣ они всячески старались доказать, что пришли къ владѣнію Института законнымъ путемъ; они берутъ въ защиту австрійское правительство, которое вопреки постановленіямъ Института ввело комиссаріятъ.

Рекурсъ украинцевъ.

Високе Міністерство Внутрішних Справ у Варшаві, через Президію Воєвідства у Львові. Ставропиґійський Інститут у Львові до рук сеніора д ра Стефана Федака, вносить Вивід рекурсу проти рескрипту Воєводства у Львові з дня 16 лютого 1922 г. 8094., а д-р Стефан Федак і підписані Товариші. як члени Ставропиґійського Інститута і як члени Старшини вносять рекурс проти тому самому рескрипту. Рескриптом Уряду Воєвідського з 16 лютого 1924 г. ч. 8094/21, інтимованим письмом Президії Дирекції Поліції у Львові з 22 лютого 1922 ч. 784/22 усунено дотеперішну Управу Ставропиґійського Інститута у Львові і установлено правительственного комисара мнимо по причині браку леґальної Управи ізза неправильного доповненя гурта членів цего Інститута.

Від цего рескрипту внесла Управа рекурс ще перед виконаннєм його через Львівську Дирекцію Поліції, а цим вносить Управа Ставропиґійського Інститута Обоснованя внесенного рекурсу.

Крім того вносять цим підписані: Др. Стефан Федак і Товариші, як члени Ставр. Інститута і члени Старшини слідуючій рекурс.

а) Під зглядом формальнім І. Інтимат Президії Львівської Дирекції Поліції з дня 22 лютого 1922 ч. 764/пр., доручено в виготовленню на польській мові. Є це незгідне

з правами, прислугуючими Інститутови. Розпорядок міністеріяльчий з дня 5 червня 1869 В. з. кр. ч. 24 з р. 1869 узнав вправді польску мову яко урядову у внутрішнім урядованню і в кореспонденції з иншими властями в краю, однак по думці § 5. того розпорядку приписи о кореспонденції зі сторонами остають ненарушені. По приписам, які обовязували австрійські державні влади, а котрих польське правительство не змінило, але Тимчасовий Комітет Правящій удержав в силі, мають власти в своїх письмах виданих яко полагодження подань сторін, послугуватись цею мовою, якою поданнє було написане, натомість урядові письма, які є видані не на подання сторони, але з уряду мають бути писані цею мовою, якою ноторично послугується сторона, до якої письмо спрямоване. Що до Інституту Ставропиґійського, то не може улягати сумнівови, що він уживає виключно української мови.

II. Дальший формальний брак полягає на недостачі рекурсової клявзулі. По думці закона з 12 мая 1896 В. з. д. ч. 101 (§ 3) власти повинні в своїх децизіях і розпорядках виразно повідомити, чи ті розпорядки та децизії підлягають ще дальшому токови інстанції або ні, а коли підлягають, подати виразно речинець до внесення рекурсу і власть, до якої треба його внести. В разі занехання того припису мають сторони право внести осібний рекурс о ухилення цеї неформальности. Тому Управа і підписані члени вносять: Високе Міністерство зволить ухилити розпорядок Воєвідства з дня 16 лютого 1922 ч. 8094/21 з причини браку рекурсової клявзулі і поручити виданнє нового розпорядку, заосмотренного цею клявзулею, а виготовленного в українській мові.

III. Письмо Дирекції Поліції обнимає: 1) розпорядок зглядно рескрипт Воєвідства, 2) Зарядження самої Дирекції Поліції, яке має на ціли виконанне рескрипту Воєвідства. Виконанне, як і само зарядження виконання було неправне, бо оречення зглядно рескрипт не став ще правосильним. В тім зглядї § 93 інструкції для повітових урядів управильнює справу виконаємости розпорядків в ясний спосіб: „Зарядженя видане в загальнім інтересі виконує ся також підчас отвертого рекурсового речинця. Зарядженнє в справі сторін мають бути з засади невиконанні так довго, як довго є рекурсовий речинець отвертий. Де однак з причини небезпеки проволоки ореченнє має бути сейчас виконане, повиннося це в полагодженню виразно подати". З письма Дирекції Поліції не можна оцінити, чи Дирекція вважає це зарядженнє видане в загальнім інтересі. Твердженнє, що доходження в цій справі, а также і само зарядженнє рішало викликане жалобами членів Інституту, свід-

чить, що зарядженнє це було видане не в інтересі загальнім, але що є це зарядженнє в інтересі сторони, що вносить жалобу. В цім случаю рекурс безумовно має здержуючу силу.

IV. Ще кориснійші під цим зглядом є постанови польських приписів § 20 розпорядку Ради Міністрів з 14 марта 1921 Д.П.Р.П. ч. 39 поз. 234 до закона з 3 грудня 1920 Д. П. Р. П, ч. 117 поз. 768, що пстановляє:

„Постанови що до току інстанції в разі відкликання від розпорядку Воєводи що до речинця вношення цих відкликів і що до властий до котрих треба їх вносити, є поміщені в арт. 6, закона з 2 серпня 1919 В. з. д. ч. 65 поз. 395. Відкликови від оречення Воєводи прислугує здержуюча сила, о скільки закон инакше не постановляє. або о скільки в ореченню зглядно в децизії не зазначено, що з огляду на загальне добро відкликови не признаєся здержуючої сили. Всі обовязуючі тепер на території, обнятій цим розпорядком приписи, які нормують так адміністраційного поступования, остають в силі, оскільки не є суперечні з постановами цего § у. Арт. 6. тимчасового закона з 2 серпня 1920 Д П.Р.П. ч. 65. поз. 395 постановляє: „Від оречення Воєводи прислугує відклик до властивого міністра. Від оречення Воєводи, виданих в 3 ій інстанції, нема дальшого відклику. Закони означать случаї, в яких оречення Воєводи по 2 інстанції є остаточні і не підлягають відкликови".

З цих постанов слідує, що оречення Воєводи, а оскільки воно видане є в І інстанції, в кождім разі підлягає відкликови до міністерства, що відклик належить внести через Воєвідство і що відкликови прислугує здержуюча сила, о скільки в ореченню не зазначено, що з публичних зглядів не признаєся відкликови цеї сили здержуючої.

В кождім случаю занехання вияснення цеї правної квестії і ствердження, чи оречення є виконаємe чи ні мимо евентуально внесеного рекурсу, є формальним браком, і тому вносимо: Високе Воєвідство зволить ухилити зарядження Дирекції Поліції з дня 22 лютого 1922 ч. 784/22 пр. що до виконання вище згаданного рескрипту Воєвідства і зарядити виданнє нового оречення, заосмотреного рекурсовою клявзулею а виготовленого в українській мові.

б.) Під згладом мериторичним:

І. Статут Інституту Ставропигійського опертий на привілеях царгородских і антіохійських патріархів та польських королів і австрійських цісарів, нормує устрій Інституту і є для Інституту lex specialis. Як Інституція, підлягаючи не якимсь приписам про Товариства, а такому спеціяльному праву, є Інститут автономний і взагалі винятий у своїх внутрішних урядових финкціях з під юрисдикції

адміністраційних властей, а як церковне Брацтво мігби хиба підлягати церковному надзорови. Статут Інститута не підлягав затвердженню ніякої власти а є властиво тільки збірником всіх в Ставропиґійськім Інституті від віків практикованих звичаїв. Інституції правительственного комісара статут не знає, бо знати не може. Мимо того впровадженнє правительственного комісаря в рр. 1915 — 1916 не було неправне, бо — як стверджує саме письмо Дирекції поліції — орґани Інституту, з причини опущення краю більшостью членів, перестали функціонувати. Було отже не лиш правом, але прямо обовязком державної власти заопікуватися таким значним маєтком Інституту, щоби не пішов на марне. Инакше ситуація представляється нині, бо Інститут має леґально вибрану Управу, проти діяльности котрої власть ніколи не підносила найменших замітів. Нема отже жадних причин до впровадження правительственного комісаря. Зарядженнє це є неправне, бо нарушує статут Інституту, опертий на привілеях монархів і посідаючій значіння та силу закона, і входить у сферу прав підметових признаних важними і обовязуючими через Тимчасовий Комітет Правлячій.

II. Цілком неправне є уневажненє доконаних по 1 серпня 1914 вписів членів і виборів Управи. Приписи арт. 8 статуту з природи річи можуть бути примінені тільки тоді, коли є нормальний заряд; жаданий примінення арт. 8 статута, установляючи правительственного комісаря, котрого статут не знає і не предвиджує, є в суперечности з самим собою. Впрочім примінене припису статуту було неможливе. Неможливо було ані узискати поручення 2-х членів Інституту, вимагане в арґ. 8, ані неможливо було виєднати ухвалу Управи „Совіту“ в комплеті що найменше 10 членів крім предсідателя, ані згоди Загальних Зборів, як того статут вимагає, бо не тільки членів Управи, але взагалі членів в краю майже не було. В тих обставинах відновлення діяльности Інституту не булоби взагалі можливим, а тим самим комісар не мігби був приступити до виконання свого завдання. В ситуації від 1915 — 1916 установленнє правительственного комісаря і покликання ним дальших членів було отже зарядженнєм конечним і то зарядженням praeter legem, а тому допускаємим і гідним до витворення правного стану. Правний стан полягає на цім, що на Загальних Зборах, скликаних комісарем, а на котрі запрошено всіх членів, були присутні кромі новопокликаних членів також 2 давні члени (Апольон Ничай і Др. Володимир Шараневич), котрі не протестували, отже мовчки приняли і заачробували стан витворений зарядженнями правительственного комісаря. Вибрана в цих Зборах Старшина при-

мінювалася при приниманню дальших членів до приписів статуту і так ішло дальше все правильно. І австрійські і польські власти знали з ріжних урядових кореспонденцій, що Інститут остає під зарядом Управи, походячої з вибору членами в р. 1916. покликанними і що кождого року той заряд відновляєся, та що принимає що року дальших членів. Той стан річи і австрійська і польська власть мовчки апробувала. Принята в цей спосіб, т. є. зперщу через комісаря, а відтак через нову Управу Інституту, з захованнєм всіх постанов статута, члени набули підметові права, котрі є нарушені оспореним рескриптом. До такого нарушення власть не має права, бо стан річи вже признала, чого доказом є акти великої правної ваги. Для приміру пригадаємо, що: 1) затверджено проєкт фондаційної грамоти по проф. М. Людкевичу; 2) в многих справах фондаційних поручила б. Ґенеральна Делєґатура Товариству кред. Земскому складати гроші за купони від вінкульованих заставних листів до скарбової каси, а її поручила виплату цих фондів до рук урядуючої Старшини, якій тепер Воєвідство відказує леґальности (?!);

3.) і авсарійські і польські власти признавали і виплачували цій Управі ріжні відшкодовання за зареквіровані річи, а саме: мідяну бляху, звони, мотори з друкарні, забрані польськими властями і т. д.,

4.) б. краєва Рада шкільна признала на бурсу субвенцію 3.000 мп. і виплатила до рук тої Старшини.

III. Впрочім не мала жадна власть основ до квестіонування ділань, завершенних правительственним комісарем в рр. 1915 — 1916 це тому, що мандат його як і завершені ним акти не виказують найменьшої нелеґальности. Одиноко управнена в критичнім часі австрійська власть, в інтересі загального добра дорогою покликаних до цего чинників, установила цего комісаря. Вона означила точно його функції і він від одержаних директив не дідступав. Свідчить про це найгарніще рескрипт Президії Намістництва з дня 14 грудня 1925. ч. 36. 774 през., який означуючи мандат комісаря, постановляє, що річю його буде: а) доповнити гурт членів, б) перевести вибір нової Управи і в) ввести цю Управу в урядування. Так виповнив правительственний комісар свій уряд. Твердження нинішного уряду, будьтоби правительственний комісар не наложито виконував свою функцію тому, що мав її завершити на основі істнуючих під тим зглядом постанов статута, не видержує критики. Бо само зрозуміння, що така директива могла вязати правительственного комісаря тільки до тої міри, о скільки перестеріганнє статуту не унеможливлювалоби йому виконання мандату. Він не мав обовязку

шукати, а зрештою міг не найти, двох членів, які хотілиби поручити нових членів, ані не міг зібрати Старшину з 11 членів ані тим менше скликати Загальний Збір, бо членів не було. Але правительственний комісар старався по можности вволити статутови. На перші Загальні Збори просив він всіх членів, отже давних і новоприйнятих. Між присутними, — як згадано висше, — були і 2 члени прийняті перед 1 серпня 1914. і не протестували проти нових членів, А це неможливо інтерпретувати инакше, як згодою їх на приняттє. Але що важнійше, критична директива покликаного рескрипту („з узглядненням постанов статута") відносилося до дальшого припорученя комісаря, а саме переведення вибору Управи. Свідчить про це найгарнійше стилізація покликаного рескрипту, котрого дотичний устуи повторює дословно оспорений рескрипт Воєвідства, зглядно ореченнє Дирекції Поліції. З натиском що по словах „będzie rzeczą komisarza rządowego przeprowadzić wpisy nowych członków", находиться протинок, отже то реченнє скінчилося, а опісля доперва кажеться, що: z uwzględnieniem obowiązujących postanowień statutowych Instytuta zrządzić wybór nowego zarżądu etc". Ужиття цеї інтерпункції, яке являється вповні льоґічним супроти тодішного стану фактичного, найвиразнійше свідчить про це, що комісар не був звязаний формальними приписами статута що до принимання нових членів. (Припорученя 2-х членів, внесок Старшини в комплєті 11 членів і рішення Загальних Зборів). Цего він зробити не міг, бо це можливе тільки при правільнім фунґованню Інститута і для того дістав безумовне право сам принимати членів, а маючи уже членів міг тоді доперва приступити до зарядження вибору Старшини уже помисли по станов статута. Тому правительственний комісар вповні вволив всім вимогам рескрипту Намісництва з дня 14 грудня 1915. ч.36.774. До цего належить ще додати, що правительственний комісар, по виповненню наложеного на него обовязку зложив звіт зі своєї діяльности. Вповні леґальна тоді австрійська власть заапропувала завершені ним акта, а тим самим признала їм силу права. А згідно з міжнародними постановами навіть сукцесійна власть апробує завершені давною владою давні окремішні правні акти. Доперва дорогою законодатною можнаби ввести постанови, які позвалялиби ревізії поодиноких заряджень, а ще більше завершених і узнаних вже актів давної правної влади.

IV. Впрочім ніхто через тільки літ не вносив ніякої жалоби, а принимаючи в тім згляді постанови приписів адміністраційних, речинець для таких жалоб зглядно відкликів може виносити 14 зглядно 30 днів, а найдовше 60

днів. Отже всі зарядження комісаря давно є правосильні, бо право до піднесення таких жалоб в інтересі правного ладу мусить підпадати часовому обмеженню.

V. Твердження оспореного рішення, будьтоби притокою до переведення якихсь доходжень були жалоби давних членів, не має оправдання. Бо перше всего мильним є поняття, начеби ці члени були виелімінованні з гурта членів Інститута, а тільки так можна не розуміти означення „давні члени", а по друге про ніякі доходження в тій мірі Управа не знає. Противно ті члени до нині входять в склад членського тіла Інститута і тому можуть користуватися всякими правами, прислугуючими членам та фактично користувалися (на пр. в случаю смерти), а з другої сторони мають вони обовязок всі свої домагання і жалоби ставити відповідно до постанов статута, та можуть приходити навіть на засідання Старшини, підносити жалоби і мати там рішаючий голос (арг. 34). Згідно з ним також всякі заміти в напрямі нелеґальности урядуючої Управи могли внести до цеї Управи, зглядно поставити їх на Загальних Зборах Інституту, до яких був і є їм завже доступ отвертий. Иншого ферум для леґального поступования нема. Навіть в Товариствах опертих на законі з р. 1867 квестія принимання і виключення членів може бути одиноко, виключно і остаточно порішена тільки Загальними Зборами, а власть політична, яка при того ряда Товариствах має в иншім напрямі широкий круг ділання, не сміє до цих справ навіть мішатися. Тим більше відноситься це до Ставропиґійського Інститута, якого основи є цілком спеціяльні і який має безусловно повну автономію. В тім місци констатує урядуюча Управа, що ніяких жалоб не внесено. Що до тверження про переведення доходження, то мусимо запримітити, що такі доходження не можут бути для Управи міродатними, як що опираються лише не денунціяціях кількох одиниць, а нікого з Управи не переслухувано, не жадано ніяких пояснень, але прямо полишено її. Таке поміненне є недопустиме, бо воно допче права набуті Управою силою виборів Загальними Зборами та противиться засаді audiatur et altera pars.

А вжеж в цілком не своє вдалася власть адміністраційна, коли почала говорити про важности приватно-правного заступства а тим самим і про важність приватноправних актів, довершених урядуючого Старшиною. Про ці річи можуть рішати тільки суди і тільки в кождім случаю зокрема. Навіть negotiorum gestor може важно завершити правні акти.

З всіх повисших зглядів вносить Управа Ставропиґійського Інститута і підписані члени Інститута і члени її Старшини:

Високе міністерство зволить знести рескрипт Воєвідства з дня 16 лютого 1922. ч. 8094, як безпідставний та видати відповідні припоручення, щоби фондуюча дотепер правно Старшина Ставропиґійського Інститута і всі по 1 серпня 1919 р. приняті члени Інституту були привернені до своїх прав з одночасним відкликанням правительственного комісара.

Др. Ст. Федак, сеніор Ставроп. Інститута (L. S).

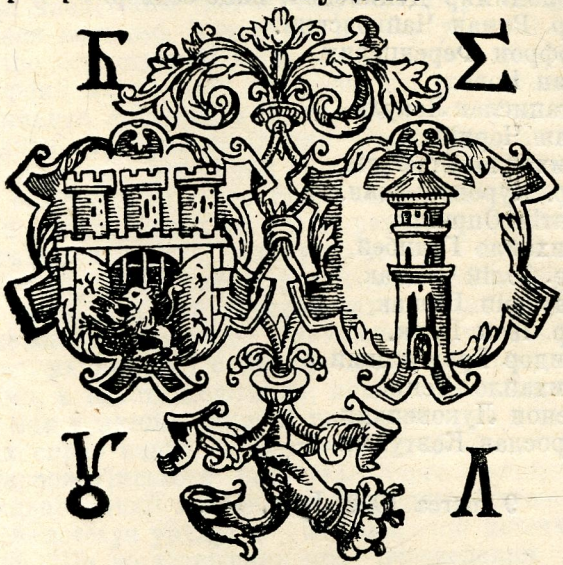
Др. Стефан Федак.
Володимир Децикевич, вице-сеньор.
Др. Роман Чайковский.
Софрон Ференцевич.
Іван Вовк.
Станислав Лакуля.
Іван Чорній.
Михайло Стефанів.
Др. Куровець Іван.
Антін Опришк.
Михайло Галибей.
Др. Юлій Савчак.
Онуфрій Пащак.
Др. Іван Брик.
Ізидор Громницкий.
Михайло Денис.
Зенон Луковецкий.
Ярослав Ковтунюк.

9 марса 1922. L. в. 131.

VII.

Нѣсколько словъ въ заключеніе.

Ставропигійское Братство основано русскими мѣщанами города Львова въ 1439 году. Въ русскихъ рукахъ оно оставалось до 1915 года. Послѣ ухода русскихъ войскъ изъ Галиціи, австрійское правительство набросило Братсву своего комиссара, Адама Смулку, который по приказанію намѣстничества отдалъ его 2-го февраля 1916 года украинцамъ. За нѣсколько лѣтъ ихъ хазяйничанія были опрокинуты всѣ священныя традиціи Братства, было разграблено все его имущество.



Гербъ Ставропигійскаго Братства.

Всѣ мѣста были обсажены украинцами, прислужниками австрійскими. Неудивительно, что изъ употребленія былъ устраненъ русскій календарь, былъ признанъ целибатъ обязательнымъ закономъ для русскаго духовенства. Изъ церкви была снята австрійскими властями мѣдная крыша, были унесены драгоцѣнные и старинные колокола несмотря на то, что памятники старше XVII столѣтія не подлежали реквизиціи. Книжная лавка была опустошена. Изъ типографіи было унесено значительное количество мѣди, клише и шрифтъ, и приблизительно 2.000 кл. свинца.

Хазяйничаніе украинцевъ въ Братствѣ продолжалось до 24-го февраля 1922 года. Первымъ комиссаромъ былъ назначенъ Николай Григорьевичъ Третьякъ, который эту должность исполнялъ 2 года. Окончательно дня 4-го мая 1924 года, послѣ усиленныхъ и неутомимыхъ стараній Д-ра Ѳ. Заяца, о. Іоанна

Костецкаго, сов. Ивана Сасъ-Лѣсковацкаго, Братство перешло опять въ коллегіяльное управленіе. По завѣтному обычаю, въ Ѳомино воскресеніе, состоялось собраніе членовъ, на которомъ былъ избранъ старѣйшиной (сеніоромъ) выше упомянутый Н. Г. Третьякъ, который имъ остается до настоящаго времени.

Послѣ войны начался для Братства новый періодъ жизни и дѣятельности. Дасть Богъ, что вернется прежняя слава Братства, и въ защитѣ за имя, вѣру и завѣты оно будетъ идти впереди всѣхъ галицко-русскихъ институтовъ.

Главнѣйшая литература о Братствѣ.

1. Зубрицкій Д. И.: die griechisch—kath. Stauropigialkirche und das mit ihr vereinigte Institut. Вѣна, 1830. — O cerkwi Stauropigiańskiej we Lwowie, Львовъ, 1831. — Historyczne badania o drukarniach rusko-slowiańskich w Galicyi. Львовъ, 1836.

2. Головацкій Я. Ѳ.: Начало и дѣйствованіе Львовскаго Ставропигійскаго Братства. Львовъ, 1860. — Къ предстоящему празднованію 300 лѣтней годовщины основанія Ставропигійскаго Института, Вильно, 1885. — Юбилейное изданіе въ память 300-лѣтняго основанія Львовскаго Ставропигійскаго Братства, 1887.

3. Шараневичъ И.: Юбилейное изданіе въ память 300-лѣтняго основанія Львовскаго Ставропигійскаго Братства. Львовъ, 1886.

4. Барвинскій А.: Ставропигійске Брацтво Успенске у Львовѣ. Львовъ, 1886.

5. Крыловскій А.: Львовское Ставропигіальное Братство. Кіевъ, 1904.

6. Временники Братства.

Составилъ *В. Р. В.*

А. К. Толстой.

Богатырь-Потокъ

(*былина*).

I.

Зачинается пѣсня отъ древнихъ затѣй,
Отъ веселыхъ пировъ и обѣдовъ,
И отъ русыхъ отъ косъ, и отъ черныхъ кудрей,
И отъ тѣхъ ли отъ ласковыхъ дѣдовъ,
Что съ потѣхой охотно мѣшали дѣла,
Отъ ихъ времени пѣсня теперь повела,
Отъ того-ль старорусскаго краю,
А чѣмъ кончится пѣсня — не знаю.

2.

У Владиміра Солнышка праздникъ идетъ,
Пированье идетъ, ликованье,
Съ молодицами гридни ведутъ хороводъ,
Гуслей звонъ и кимваловъ бряцанье;
Молодицы, что свѣтлыя звѣзды, горятъ,
И подъ топотъ подошвъ, и подъ пѣсенный ладъ,
Изгибаясь, ходятъ красиво,
Молодцы выступаютъ на диво.

3.

Но Потокъ-богатырь всѣхъ другихъ превзошелъ:
Взглянетъ — искрами словно обмечетъ;
Повернется направо — что сизый орелъ,
Повернется налѣво — что кречетъ;
Подвигается мѣрно и взадъ, и впередъ:
То притопнетъ ногою, то шапкой махнетъ,
То вдругъ станенъ, тряхнувши кудрями,
Пожимаетъ на мѣстѣ плечами.

4.

И дивится Владиміръ на стройную стать,
И дивится на свѣтлое око:
— Никому, говоритъ, на Руси не плясать
Супротивъ молодого Потока!
Но ужъ поздно — встаетъ со княгинею князь,

На-три стороны въ поясъ гостямъ поклонясь,
Всѣмъ желаетъ довольнымъ остаться —
Это значитъ: пора разставаться.

5.

И съ поклонами гости уходятъ домой,
И Владиміръ княгиню уводитъ,
Лишь одинъ остается Потокъ молодой,
Подбочася, по прежнему ходитъ:
То притопнетъ ногою, то шапкой махнетъ,
Не замѣтилъ онъ, какъ отошолъ хороводъ,
Не слыхалъ онъ Владиміра ласку,
Продолжаетъ по-прежнему пляску.

6.

Вотъ ужъ мѣсяцъ изъ-за лѣсу кажетъ рога,
И туманомъ подернулись балки,
Вотъ и въ ступѣ поѣхала баба-яга,
И въ Днѣпрѣ заплескались русалки;
Въ Заднѣпровьѣ послышался лѣшаго вой,
По конюшнямъ дозоромъ пошелъ домовой,
На трубѣ вѣдьма пблогомъ машетъ,
А Потокъ себѣ пляшетъ да пляшетъ.

7.

Сквозь царьградскія окна въ хоромную сѣнь
Смотрятъ свѣтлыя звѣзды, дивяся,
Какъ по бѣлымъ стѣнамъ богатырская тѣнь
Ходитъ взадъ и впередъ, подбочася,
Передъ самой зарей утомился Потокъ,
Подъ собой уже рѣзвыхъ не чувствуетъ ногъ,
На мостницы какъ снопъ упадаетъ,
На полтысячи лѣтъ засыпаетъ.

8.

Много сновъ ему снится въ полтысячи лѣтъ:
Видитъ славныя схватки и сѣчи,
Красныхъ дѣвицъ внимаетъ радушный привѣтъ,
И съ боярами судитъ на вѣчѣ;
Или видитъ Владиміра вѣжливый дворъ,
За ковшами веселый ведетъ разговоръ,
Иль на ловлѣ со княземъ гуторитъ,
Иль въ совѣтѣ настойчиво споритъ.

9.

Пробудился Потокъ на Москвѣ на рѣкѣ,
Предъ собой видитъ теремъ дубовый,

Подъ узорнымъ окномъ, въ закутномъ цвѣтникѣ,
Распускается розанъ махровый.
Полюбился Потоку красивый цвѣтокъ,
И понюхать его норовится Потокъ,
Какъ въ окнѣ показалась царевна,
На Потока накинулась гнѣвно:

10.

— Шеремыжникъ, болванъ, неучоный холопъ!
Чтобъ тебя въ турій рогъ искривило!
Поросёнокъ, телёнокъ, свинья, эѳіопъ,
Чортовъ сынъ, неумытое рыло!
Кабы только не этотъ мой дѣвичій стыдъ,
Что́ иного словца мнѣ сказать не велитъ,
Я тебя, прощелыгу, нахала,
Я не такъ бы еще обругала!

11.

Испугался Потокъ, не на шутку струхнулъ:
— Поскорѣй унести бы мнѣ ноги!
Вдругъ гремятъ тулумбасы, идетъ караулъ,
Гонитъ палками встрѣчныхъ съ дороги!
Ѣдетъ царь на конѣ, въ зипунѣ изъ парчи,
А кругомъ съ топорами идутъ палачи;
Его милостъ сбираются тѣшить:
Тамъ кого-то рубить или вѣшать.

12.

И во гнѣвѣ за мечъ ухватился Потокъ:
— Что́ за ханъ на Руси своеволитъ?
Но вдругъ слышитъ слова: — То́ земной ѣдетъ богъ,
То́ отецъ нашъ казнить насъ изволитъ!
И на улицѣ, сколько тамъ было толпы:
Воеводы, бояре, монахи, попы,
Мужики, старики и старухи —
Всѣ предъ нимъ повалились на брюхи.

13.

Удивляется притчѣ Потокъ молодой:
— Если князь онъ, иль царь напослѣдокъ,
Что́ жъ метутъ они землю предъ нимъ бородой?
Мы честили князей, но не этакъ!
Да и полно, ужъ вправду ли я на Руси?
Отъ земного насъ бога Господь упаси!
Намъ Писаніемъ велѣно строго
Признавать лишь небеснаго Бога!

14.

И пытаетъ у встрѣчнаго онъ молодца:
— Гдѣ здѣсь, дядя, сбирается вѣче?
Но на томъ отъ испугу не видно лица:
— Чуръ меня, говоритъ, человѣче!
И пустился бѣжатъ отъ Потока бѣгомъ,
У того-жъ голова заходила кругомъ,
Онъ на землю какъ снопъ упадаетъ,
Лѣтъ на триста еще засыпаетъ.

15.

Пробудился Потокъ на другой на рѣкѣ,
На какой — не припомнитъ преданье;
Погулявъ себѣ взадъ и впередъ въ холодкѣ
Входитъ онъ во просторное зданье;
Видитъ: судьи сидятъ, и торжественно тутъ
Надъ преступникомъ гласный свершается судъ:
Несомнѣнны и тяжки улики,
Преступленья-жъ довольно велики:

16.

Онъ отца отравилъ, пару тетокъ убилъ,
Взялъ подлогомъ чужое имѣнье,
Да двухъ братьевъ и трехъ дочерей задушилъ —
Ожидаютъ присяжныхъ рѣшенья.
И присяжные входятъ съ довольнымъ лицомъ:
— Хотъ убилъ, говорятъ, не виновенъ ни въ чемъ!
Тутъ платками имъ слѣва и справа
Машутъ барыни съ криками: браво!

17.

И промолвитъ Потокъ: — Со присяжными судъ
Былъ обыченъ и нашему міру,
Но когда бы такой подвернулся намъ шутъ,
Въ триста кунъ заплатилъ бы онъ виру!
А сосѣди, косясь на него, говорятъ:
— Вишь какой затесался сюда ретроградъ!
Отсталóй онъ, то видно по платью!
Притѣснять хочетъ мѣньшую братью!

18.

Но Потокъ изъ ихъ словъ ничего не поймётъ
И въ другое онъ зданіе входитъ;
Тамъ какой-то аптекарь, не то патріотъ,
Предъ толпою ученье проводитъ:
Что, молъ, нѣту души, а одна только плоть,

И что если и впрямъ существуетъ Господь,
То онъ только есть видъ кислорода,
Вся же суть въ безначальѣ народа.

19.

И увидя Потока, къ нему свысока
Патріотъ обратился сурово:
— Говори, уважаешь ли ты мужика?
Но Потокъ вопрошаетъ: Какого?
— Мужика вообще, что́ смиреньемъ великъ;
Но Потокъ говоритъ: — Есть мужикъ и мужикъ;
Если онъ не пропьетъ урожаю,
Я тогда мужика уважаю.

20.

— Феодалъ! закричалъ на него патріотъ,
Знай, что только въ народѣ спасенье!
Но Потокъ говоритъ: — Я вѣдь тоже народъ,
Такъ за что-жъ для меня исключенье?
Но къ нему патріотъ: — Ты народъ, да не тотъ,
Править Русью призванъ только черный народъ
То по старой системѣ всякъ равенъ,
А по нашей лишь онъ полноправенъ!

21

Тутъ всѣ подняли крикъ, словно дернулъ ихъ бѣсъ,
Угрожаютъ Потоку бѣдою;
Слышно: почва, гуманность, коммуна, прогрессъ,
И что кто-то заѣденъ средою,
Межъ собой вперерывъ, на подобье галчатъ,
Всѣ объ общемъ какомъ-то о дѣлѣ кричатъ,
И Потока съ язвительнымъ тономъ
Называютъ остзейскимъ барономъ.

22.

И подумалъ Потокъ: - Ужъ, Господь сохрани,
Не проснулся ли слишкомъ я рано?
Вѣдь вчера еще, лежа на брюхѣ, они
Обожали московскаго хана;
А сегодня велятъ мужика обожать.
Мнѣ сдается: такая потребность лежать
То предъ тѣмъ, то предъ этимъ на брюхѣ
На вчерашнемъ основана духѣ.

23.

Въ третій входитъ онъ домъ — и объялъ его страхъ:
Видитъ, въ длинной палатѣ вонючей,

Всѣ острижены вкругъ, въ сюртукахъ и въ очкахъ,
Собралися красавицы кучей.
Про какія то женскія споря права,
Совершаютъ онѣ, засуча рукава,
Пресловутое общее дѣло:
Потрошатъ чье-то мертвое тѣло.

24.

Ужаснулся Потокъ, отъ красавицъ бѣжитъ,
А онѣ восклицаютъ ехидно:
– Ахъ. какой, онъ пошлякъ! ахъ, какъ онъ не развитъ!
Современности вовче не видно!
Но Потокъ говоритъ, очутясь на дворѣ:
— То-жъ бывало у насъ и на Лысой Горѣ,
Только вѣдьмы, хотъ голы и босы,
Но по крайности есть у нихъ косы!

25.

И что̀ видѣть и слышать ему довелось:
И тотъ судъ, и о Богѣ ученье,
И въ сіяньи мужикъ, и дѣвицы безъ косъ —
Все приводитъ его къ заключенью:
– Много разныхъ бываетъ на свѣтѣ чудесъ;
Я не знаю, что̀ значитъ какой-то прогрессъ.
Но до здраваго русскаго вѣча
Вамъ еще, государи, далече!

26.

И такъ сдѣлалось гадко и тошно ему,
Что, онъ на-земь какъ снопъ упадаетъ,
И подъ слово прогрессъ, какъ въ чаду и дыму,
Лѣтъ на двѣсти еще засыпаетъ.
Пробужденья его мы теперь подождёмъ,
Что̀, проснувшись, увидитъ, о томъ и споёмъ,
А покудова онъ не проспится,
Наудачу намъ пѣть не годится.

27.

Но я слышу вопросъ: Для чего жъ онъ плясалъ?
Да еще среди темной палаты?
И къ чему вообще тутъ Владиміра балъ?
Признаемся — кругомъ виноваты!
Но вѣдь еслибъ Потоку сперва не плясать,
То наврядъ ему такъ захотѣлось-бы спать,
А морали когда еще надо,
То мораль: не плясать до упада.

28.

Впрочемъ, если внимательно все разберемъ,
Доля правды есть въ новомъ ученьѣ;
Напримѣръ, слово „почва“ мнѣ нравится въ немъ,
Я отъ „почвы“ совсѣмъ въ восхищеньѣ
Нѣтъ сомнѣнья, что поретъ аптекарей рой
Вообще чепуху — но бываютъ порой
И въ навозѣ жемчужныя зёрна:
„Почва“-жъ гадитъ намъ — это безспорно.

29.

Не довольно, во первыхъ, она горяча;
Во вторыхъ, не довольно кремниста;
Поискатъ-бы другой, чтобъ ужъ горе съ плеча!..
— Стой! я слышу, нечисто, нечисто!
Изъ былиннаго тона ты выпалъ давно!
Ну, воротимся къ тону, для насъ все равно,
По нутру намъ полетъ соколиный —
Ахъ, ты гой-еси, наша былина!

30.

Ахъ, ты гой-еси, Кіевъ, родимый нашъ градъ,
Что лежишъ на пути ко Царьграду!
Зачинали мы пѣсню на старый на ладъ,
Такъ ужъ кончимъ по старому ладу!
Ахъ, ты гой-еси, Кіевъ, родимый нашъ градъ!
Во тебѣ ли Потокъ пробудиться не радъ,
Али почвы ужъ новыя ради
Пробудиться ему во Царьградѣ?

Ю. И. Демьянчикъ.

Мысли Ю. И. Венелина о спорѣ южанъ съ сѣверянами.

Образованіе русскаго государства, съ духовнымъ и политическимъ центромъ въ Кіевѣ, сыграло огромную роль въ дѣлѣ объединенія разрозненныхъ племенъ восточнаго славянства. Христіянство, общая письменность, торговыя сношенія и колонизація явились цементомъ, скрѣплявшимъ все русское славянство въ единую особь. Въ колыбели христіянства и просвѣщенія, въ Кіевѣ, создался языкъ образованныхъ сословій, который черезъ священниковъ, купцовъ, дружинниковъ, тіуновъ проникалъ и въ другіе культурные центры, а оттуда по периферіямъ распространялся по всей Русской землѣ. Паденіе Кіева, какъ просвѣтительнаго и культурнаго центра, и перенесеніе столицы на сѣверо-востокъ внесло сильное осложненіе въ процессъ консолидаціи русскаго народа. Сѣверовосточная Русь, отчуждаясь не только отъ католическаго запада, но и греческаго востока, и замыкаясь все больше и больше въ рамкахъ собственнаго государства, создала особыя условія политической и гражданской жизни и то своеобразное московское міровоззрѣніе, которое такъ ярко выразилось въ литературѣ 15 - 16 ст. Южная и Западная Русь, покинутыя сѣверомъ и предоставленныя собственнымъ силамъ, потеряли въ 14 ст свою самостоятельность, подпавъ подъ власть сосѣдней Польши. Въ своей борьбѣ за національное самосохраненіе, находясь подъ воздѣйствіемъ скрещивавшихся здѣсь польско-католическихъ, протестантскихъ, греческихъ и московскихъ культурныхъ вліяній, эти подневольныя области русской территоріи, выработали въ періодъ своего лихолѣтья рядъ мѣстныхъ особенностей въ бытѣ, языкѣ, литературѣ и вообще всей культурной жизни. Процессъ взаимнаго сближенія русскихъ племенъ возобновился съ новой силой въ 1654 г., послѣ возсоединенія Малой Руси съ Великороссіей и, не законченъ до настоящаго времени. И въ ходѣ его до сихъ поръ сказываются печальные результаты вѣкового отторженія малорусской и бѣлорусской вѣтви отъ своего коренного ствола.

Споръ южанъ съ сѣверянами, на религіозной, правда, почвѣ, сопутствуетъ уже въ просвѣтительныхъ начинаніяхъ южно-русскихъ ученыхъ въ Москвѣ въ 17 ст. Стоитъ упомянуть хотя бы объ исторіи съ Катехизисомъ Лаврентія Зизаніи, о распряхъ по вопросу о времени пресуществленія св. Даровъ,

о борьбѣ по школьному вопросу, осложнявшейся вопросами религіонызми. Объ атмосферѣ, въ которой приходилось работать южно-русскимъ ученымъ въ Москвѣ, говоритъ Ю. И. Венелинъ въ статьѣ „Объ украинскомъ правописаніи“ слѣдующимъ образомъ: „Предубѣжденіе сѣверянъ, что де руссизмъ состоитъ въ одномъ ношеніи бороды, цвѣтной рубашки, въ правильномъ выговорѣ великорусскаго нарѣчія подозрительность въ приверженности православныхъ южанъ къ уніи и предубѣжденіе вообще противъ латинскаго языка, дѣлали учительствованіе малороссовъ на сѣверѣ весьма щекотливымъ. Грудью, лбомъ надлежало пробивать стѣны предубѣжденія и недовѣрчивости“. Споръ южанъ съ сѣверянами на національной уже подкладкѣ вспыхиваетъ въ 20-е и 30-е годы XIX ст., проходившіе въ русской литературѣ подъ знаменемъ романтизма.

Три основныхъ мотива свойственны этому сложному явленію культуры, обошедшему всю Европу и выразившему собою общее духовное состояніе эпохи: 1) индивидуализмъ; 2) нація; 3) универсализмъ. Культъ человѣческой личности привелъ романтиковъ и къ вниманію къ отдѣльной національности, какъ исполнительницѣ индивидуальной роли въ дѣлѣ человѣческаго прогресса. Съ этимъ общеевропейскимъ стремленіемъ къ національному возрожденію, тѣсно связано и развитіе въ Россіи литературнаго и научнаго украинофильства. Издавались журналы посвященные изученію Малороссіи; образовывались общества для изученія родной старины; появились сборники народныхъ пѣсенъ Цертелева, Максимовича, произведенія Котляревскаго, Гребенки, Артемовскаго-Гулака, Квитки-Основяненка и др. Литературное украинофильство привело въ свою очередь къ политическому украинофильству. Оно не нашло себѣ еще отраженія въ литературѣ 20 хъ — 30-хъ годовъ, но что оно существовало въ жизни, свидѣтельствуетъ статья будителя болгарскаго народа Ю. И. Венелина

Венелинъ, карпатороссъ по происхожденію, не могъ оставаться равнодушнымъ къ вопросамъ, затрагивавшимъ кровные интересы родного племени. „Въ началѣ 30-хъ годовъ, — говоритъ акад. А. Н. Пытинъ — когда новая малорусская литература дѣлала свои первые шаги, когда Костомаровъ и Кулишъ сидѣли еще на школьныхъ скамьяхъ, а Шевченко былъ козачкомъ у своего пана, когда въ литературѣ не сложилось еще никакихъ мыслей о томъ, можетъ ли и должна ли существовать малорусская литература, имѣетъ ли эта народность какое-нибудь этнографическое и историческое право, а вмѣстѣ и основаніе для народной гордости, эти вопросы поднималъ уже оригинальный писатель, производившій въ свое время большое впечатлѣніе неожиданными взглядами на русскую исторію, на славянство, вообще на національные вопросы, писатель, который въ иныхъ отношеніяхъ былъ предшественникомъ славянофильства и тѣхъ теорій о началѣ Руси, съ какими носятся теперь про-

тивники норманской теоріи, якобы противной нашему національному достоинству и патріотическому чувству". — Юрій Ивановичъ Венелинъ. (Исторія Русской Этнографіи т. III.).

Статья Ю. И. Венелина, озаглавленная „О споръ южанъ съ сѣверянами на счетъ ихъ россизма", должна была служить рецензіей на „Описаніе Украины", составленное французомъ Бопланомъ, состоявшимъ 7 лѣтъ на польской службѣ, въ должности артиллерійскаго офицера. Написана была въ 1832 г., вышла же въ свѣтъ только послѣ смерти писателя. Напечаталъ ее проф. Бодянскій, съ согласія хранителя бумагъ покойнаго Венелина, д-ра Молнара, въ „Чтеніяхъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ". Хотя статья не была закончена, однако основная мысль автора выражена ясно.

Доискиваясь причинъ братняго спора между двумя русскими вѣтвями, Венелинъ обвиняетъ въ его существованіи одинаково великороссовъ и малороссовъ. Великороссы ни за какую цѣну не хотятъ допустить малороссовъ участвовать въ россизмѣ. По ихъ мнѣнію, русскимъ можетъ назваться лишь тотъ, кто въ совершенствѣ владѣетъ великорусскимъ нарѣчіемъ. Стоитъ, однако, южанину сдѣлать малѣйшую ошибку въ удареніи или незначительное отклоненіе въ выговорѣ, и его уже ни за что не станутъ считать членомъ русской семьи. Въ южанахъ иной мудрено ученый сѣверанинъ видитъ какую-то смѣсь бѣглыхъ малороссовъ, татаръ, поляковъ, Литвы. Это учено-историческое нелѣпое мнѣніе, конечно, оскорбляетъ народныя чувства южанъ. Что же касается уроженцевъ Волыни, Подоліи и другихъ частей русской территоріи, испытавшихъ на себѣ польское владычество, то они въ глазахъ великоросса никакими средствами не очистятся отъ ляхизма.

Въ свою очередь южане великороссовъ не признаютъ сынами Руси. Согласно ихъ представленій, Русь тянется лишь отъ Карпатъ по Глуховъ, за которымъ простирается Московская земля. Крестьянинъ Люблинскаго воеводства твердо убѣжденъ, что въ его жилахъ течетъ болѣе чистая русская кровь, нежели у ярославльскаго или владимірскаго „москаля". Въ этомъ спорѣ двухъ русскихъ братьевъ судьей участвовала вся Европа и единогласно рѣшила его въ пользу южанъ. Хотя Іоаннъ IV и Алексѣй Михайловичъ именовали себя царями Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи, въ актахъ Европы Русью называлась лишь Галиція, Подолье и Волынь. Только блестящая побѣда Россіи надъ Наполеономъ въ 1812 г. заставила поляковъ, мадьяръ и французовъ распространить предѣлы Руси на всю Московію.

Какъ ни оригиналенъ этотъ споръ, однако онъ не нуженъ и вреденъ русскому дѣлу. Поляки и католицизмъ (іезуиты) искусно пользовались этимъ внутреннимъ раздоромъ между русскими для своихъ цѣлей. Упомянутые взгляды присущи главнымъ образомъ простонародію, хотя ими грѣшитъ и значительная часть великорусской интеллигенціи. Высшее общество у сѣ-

верянъ многочисленнѣе, между тѣмъ какъ Южная и Западная Русь его потеряла. Она вся разжалована въ крестьянство. Высшее общество тамъ составляютъ исключительно поляки, и слово „русскій“ у нихъ значитъ не что иное какъ босый бритоголовый рабъ. Составляя въ Южной и Западной Руси господствующую касту, поляки стали оспаривать у безграмотныхъ русскихъ крестьянъ всѣ преимущества и ласки родины, хотя назвать Русь своею родиною они имѣютъ такое право, какъ и туркестанцы Болгарію или Грецію.

Шутливый во многихъ мѣстахъ тонъ статьи свидѣтельствуетъ о томъ, что Венелинъ не придавалъ особеннаго значенія этому спору, считая его, по выраженію акад. Пытина, ссорой между двумя Ивановичами. И дѣйствительно, весь споръ не имѣетъ подъ собой никакой прочной основы; и великороссы, и малороссы являются народомъ одного корня, другъ отъ друга отличаясь лишь своими мѣстными оттѣнками.

Оба племени имѣютъ общее названіе — россъ, а страны ихъ Русь. Сѣверяне называютъ себя прилагательствомъ отъ Русь,—русскій, южане же Русинами.

Обѣ вѣтви русскаго народа имѣютъ общій языкъ, который, какъ и всѣ языки міра, подраздѣляется на нарѣчія. Венелина поражаетъ незначительность языковой дифференціяціи русскаго народа, распростершаго свои жилища на такъ огромномъ пространствѣ. При большомъ дробленіи другихъ епропейскихъ языковъ, русскій языкъ распался на два лишь нарѣчія, великорусское и малорусское. Чѣмъ раздробленнѣе языкъ народа на нарѣчія, тѣмъ меньше возможностей имѣетъ народъ выдвинуться на историко-политическомъ поприщѣ; наоборотъ, чѣмъ крупнѣе и цѣльнѣе языкъ, тѣмъ онъ выгоднѣе для народа. Великій русскій народъ въ этомъ отношеніи находится въ самомъ счастливомъ положеніи и это обстоятельство свидѣтельствуетъ объ источникѣ несмѣтныхъ богатствъ, заложенныхъ въ тайникахъ русскаго духа.

Говоря объ этомъ въ статьѣ „Объ украинскомъ правописаніи“, Венелинъ восклицаетъ: „Поздравляю тебя, о земле русская, необозримая отъ сѣвера до юга, отъ восхожденія солнца до запада! Овому бо Господь даде единъ талантъ, овому два, тебѣ же, русская земле, даде пять талантъ. Бди, бди, да не впадеши въ напасть, не внійдеши во искушеніе! Господь бо постави надъ тобою свидѣтеліе днемъ и нощію (солнце и луну), освѣщаяй и освѣщаяй тя, да воздѣлаеши виноградъ Господенъ“.

Обѣ русскія вѣтви сильно пострадали на протяженіи своей исторической жизни. Сѣверной Руси выпало на долю перенести тяжелое татарское иго; русскій югъ подверженъ былъ двумъ сильнымъ нашествіямъ: татарско-турецкому съ юга, польскому съ запада. „Нашествіе татаръ, вліяніе турокъ было механическое, матеріальное, кровавое; ляховъ — мирное, безкровное, политическое. Первое можно было пріостановить мечемъ, второго

нѣтъ; первое давно уже кончилось, послѣднее нравственно продолжается и нынѣ". Несчастья эти должны были вынести обѣ части русской земли въ самый тяжелый періодъ исторіи народа, въ періодъ удѣловъ и политическихъ невзгодъ. И южане и сѣверяне выдержали это испытаніе блестяще. „Востокъ и Западъ утомились и не могли проглотить разбитаго и лежащаго. Сей великанъ раздесятиренъ между Владиміровичами; его члены разбросаны по всему сѣверу и югу; по этимъ полутрупамъ открытъ путь тремъ нашествіямъ и три эти нашествія ратовали не съ силами великана, но съ судорожными движеніями его членовъ".

Къ какому же заключенію приходитъ Ю. И. Венелинъ по поводу спору южанъ съ сѣверянами? Отвѣтъ на этотъ вопросъ найдемъ въ его напечатанной имъ въ 1834 г. брошюркѣ: „Объ источникѣ народной поэзіи вообще и южно-русской въ частности". „Ни сѣверяне,—говоритъ тамъ писатель,— ни южане сами себѣ источникомъ быть не могутъ; ибо сколько они не войдутъ въ самихъ себя, все выйдетъ одно и тоже. Само собою слѣдуетъ, что источникомъ многаго хорошаго, многаго политическаго для Сѣверной Руси есть Южная Русь; источникомъ Южной — Сѣверная. Одна безъ другой много бы потеряла; одна другою только и можетъ улучшиться, существовать: ибо ни та, ни другая, не составляетъ цѣльнаго народа, а часть его".

Сотни лѣтъ не прошло еще со времени написанья статьи Венелина, а роковой споръ родныхъ братьевъ, розрастаясь все глубже, все шире, успѣлъ причинить уже большія несчастья обѣимъ вѣтвямъ русскаго племени. Враги уже постарались. Видя въ дробленіи многомилліоннаго народа удобнѣйшій путь для завоевательнаго движенія на востокъ, они использовали эту ссору двухъ Ивановичей до конца. Слѣпая, зоологическая ненависть къ всему русскому и упорное стремленіе къ расторженію вѣкового союза русскихъ племенъ характеризуютъ нынѣ дѣйствія тѣхъ, кто является авангардомъ во вражескомъ „Drang-ѣ nach Osten". На нашихъ глазахъ лилась уже братняя кровь въ Малороссіи. Чувство страха за будущее русской земли вызываютъ дикіе призывы къ варѳоломеевской ночи на Украинѣ, которые сплошь да рядомъ слышишь въ самостійническихъ кругахъ. Значительная часть великоросовъ, въ свою очередь, продолжаетъ думать о южанахъ такъ, какъ это въ своей статьѣ представлялъ Венелинъ. Казалось бы, что послѣ того огненного крещенія, которое переноситъ Россія, она придетъ, наконецъ, къ ясному уразумѣнію своихъ національныхъ задачъ. Какое, однако, незнаніе, какая путаница существуютъ во взглядахъ русскаго общества, разбитаго на разныя мелкія группировки, на родственныя отношенія Великой къ Малой и Бѣлой Руси! Мало- и бѣло-россы, согласно ихъ понятіямъ, въ лучшемъ случаѣ испорченные русскіе, въ худшемъ — тѣ же калмыки, башкирцы, кавказцы, которыхъ связываютъ съ великорусскимъ

племенемъ только узы государственнаго сожительства. Какъ трудно дается сознаніе, что и Шевченко и Квитка являются русскими писателями, что вся областная малорусская литература, служащая для лучшаго выраженія на мѣстномъ діалектѣ специфическихъ особенностей малорусской вѣтви, является частью общерусскаго достоянія. Не въ великорусской замкнутости и не въ малорусскемъ провинціальномъ самостійничествѣ выходъ изъ создавшагося заколдованаго круга. Южная и Сѣверная Русь необходимыя другъ для друга дополненія. Сѣверная угрюмость, суровость, упорство, замкнутость дополняются южной мягкостью, общительностью. Развѣ возможенъ былъ бы безъ русскаго юга Н. В. Гоголь съ его полнымъ скорбнаго юмора сатирическимъ эпосомъ и молитвеннымъ гимномъ грядущему счастью Россіи? Вспомнимъ Короленка, Глинку, Рѣпина! Нѣтъ! Не дробленіе, не взаимное отрицаніе, не братнее ненавистничество, но тѣснѣйшее соединеніе общихъ силъ для общей работы покроютъ нашу русскую ниву буйными всходами.*)

---

*) **Примѣчаніе:**

Юрій Венелинъ (1802—1839).

Прошло уже 124 года съ тѣхъ поръ, какъ въ Карпатской Руси родился Юра Гуца, который впослѣдствіи назвался Юріемъ Венелинымъ. Этотъ знаменитый карпатороссъ начинаетъ завоевывать себѣ право въ наукѣ только въ настоящее время, когда русскую землю постигло небывалое горе.

Онъ кончилъ ужгородскую гимназію, былъ нѣкоторое время въ духовной семинаріи, но отличаясь широкой свободной мыслью, онъ отправился изъ Мадьярщины во Львовъ. Когда онъ убѣдился, что польское иго ничѣмъ не лучше мадьярскаго, перемѣнилъ свою фамилію и ушелъ въ Россію.

Юрій Венелинъ принадлежитъ къ двумъ славянскимъ литературамъ: русской и болгарской. Для послѣдней онъ является ея отцомъ и вообще первымъ лучомъ ея возрожденія. Болгарія находилась въ ужасной турецкой неволѣ: славная исторія болгаръ была забыта, и въ дни Венелина даже русскіе не могли себѣ уяснить: что такое болгарскій народъ?

Въ 1830 году Венелинъ пріѣхалъ изъ Москвы въ Болгарію, чтобы на мѣстахъ разслѣдовать заселяющій ее народъ. Несмотря на то, что турки смотрѣли на него, какъ на русскаго

военнаго развѣдчика и зорко смотрѣли за нимъ, онъ все таки собралъ много историческаго матеріала, народныхъ пѣсенъ, грамотъ и прочихъ культурныхъ и историческихъ памятниковъ.

И нѣтъ теперь болгарина, который не преклонилъ бы своей головы передъ Венелинымъ, ибо онъ далъ начало возродившейся болгарской словесности и жизни, и его вліяніе призвало къ дѣятельности цѣлый рядъ знаменитыхъ болгаръ, Априлова, Палаузова, Вазова и прочихъ.

Въ русской словесности почти до сихъ поръ Венелинъ не былъ признанъ. Его изслѣдованія по исторіи были объявлены простой выдумкой. Но уже А. Пыпинъ въ 1890 году заявилъ: „Новая критика начинаетъ оцѣнивать заслуги этого замѣчательнаго человѣка, у котораго среди всѣхъ увлеченій были зародыши вѣрнаго чувства и преданности исторической правдѣ".

Въ чемъ же заслуга Венелина?

Онъ первый указалъ на анармальности двухъ вѣтвей одного племени: великорусской и малорусской. Онъ съ большой вдумчивостью и скорбью подчеркнулъ то, что нетерпимость съ обѣихъ сторонъ приведетъ къ ужасному результату.

Трудъ его „О спорѣ между южанами и сѣверянами на счетъ россизма" написанъ съ такой силой, что онъ долго еще не потеряетъ своего значенія.

Обратите вниманіе на слѣдующее мѣсто: „По мнѣнію москвитянъ тотъ только настоящій русскій, кто умѣетъ говорить по настоящему, т. е. по русски, а это значитъ, по сѣверному. Но горе южанину! Вы можете знать въ совершенствѣ сѣверное русское нарѣчіе, можете даже почти совершенно поддѣлаться подъ сѣверный выговоръ, но горе вамъ, если вы спотыкнулись въ малѣйшемъ оттѣненіи въ выговорѣ. Вамъ скажутъ: „вы вѣрна изъ нѣмцовъ", или „вы вѣрна не здѣшній", и тогда, любезный мой южанинъ, называйся, какъ тебѣ заблагоразсудится: испанцемъ, пруссакомъ, или тараканцемъ, все тебѣ повѣрятъ, и какъ ты не вертись, ни божись, все ты не русскій!..

Но ты скажешь, что ты малороссъ—все таки ты не русскій, ибо московскому человѣку чуждо слово: россъ. И будетъ ли этотъ россъ великъ или малъ, для него все равно: онъ убѣжденъ, что онъ не русскій, а полякъ или хахолъ, или литовецъ, или казакъ, или украинецъ, или что-либо похожее. Словомъ, что онъ не свой. И въ самомъ дѣлѣ, можно ли человѣка почесть своимъ, который не носитъ красной или цвѣтной рубашки, называетъ щи борщомъ и не говоритъ: „харашо", а „добре".

И такъ Юрій Венелинъ доказалъ, что житель Сѣверной Руси не имѣетъ опредѣленнаго понятія о своемъ родномъ племени и о своей родной землѣ. Онъ не знаетъ: гдѣ она начинается и гдѣ кончается. Венелинъ замѣчаетъ дальше: „Такъ же имѣется дѣло и съ руссаками въ царствѣ польскомъ. Эти южане въ глазахъ москвитянина ни за какія деньги не отмоются отъ ляхизма".

Это съ одной стороны. Не лучше и съ другой, и Венелинъ продолжаетъ такъ:

„Но за то и южане, въ свою очередь, не допускаютъ сѣверянина участвовать въ россизмѣ. Какъ ни называй себя онъ русскимъ, все таки онъ не русинъ, а москаль, липованъ и кацапъ. По мнѣнію южанъ настоящая Русь простирается только до тѣхъ предѣловъ, до коихъ живутъ южане, а все прочее „Московщина".

Изъ вышесказанного Венелинымъ несомнѣнный выводъ тотъ, что весьма опасно прививать народу его областную кличку. Въ ущербъ одному національному имени она создаетъ ненужные партикулярузмы, нетерпимость и часто ненависть.

Въ самомъ дѣлѣ, кто такіе: москаль, кацапъ, липованъ, хахолъ, украинецъ, наши: бойко, гуцулъ, лемко? Всѣ они русскіе, но между тѣмъ при слишкомъ упорномъ упрямствѣ каждаго изъ нихъ притупляется освященное великими жертвами и дѣлами предковъ одно племенное имя.

В.

М. Мацанъ.

Я ЛЮБЛЮ...

Я люблю ширь Руси необъятую,
Даль роздольную русскихъ полей,
Изъ преданій и сказокъ изъятую
Пѣсню славныхъ воинственныхъ дней.

* * *

Я люблю селянина и пахаря,
Что съ лошадкой бредетъ за сохой
И рукою кудесника - знахаря
Добываетъ свой кладъ золотой.

* * *

Я люблю, люблю тебя Русь!
Съ твоимъ горемъ, кручиною,
Что я русскій, я этимъ горжусь,
И тебя никогда не покину я!

Отецъ Іоаннъ
КОСТЕЦКІЙ.

По запискамъ*) Д. И. Ключника.

Въ 1844 году, 3. сентября, въ селѣ Бортятынѣ, Судово-Вишнянскаго уѣзда, въ Галичинѣ, въ семьѣ земледѣльца Михаила Васильевича Костецкаго, родился мальчикъ, получившій въ крещеніи имя Іоанна, которому въ его жизни суждено было сыграть въ средѣ галицко-русскаго общества выдающуюся роль воспитателя-педагога, общественнаго и политическаго дѣятеля, неутомимаго защитника правъ галицко-русскаго народа и стойкаго, непоколебимаго борца за общерусскую идею.

О предкахъ Ивана Михайловича Костецкаго извѣстно только то, что дѣдъ его Василій явился въ село Бортятынъ, къ сродникамъ, изъ какого-то Василіанскаго монастыря, гдѣ былъ по-

*) Записки сдѣланы по разсказамъ о. Іоанна Костецкаго; цѣнны онѣ тѣмъ, что освѣщаютъ среду, обстоятельства и дѣятельность галицко-русскихъ общественныхъ людей прошлаго вѣка. Жаль, что о. Іоаннъ Костецкій довель ихъ только до своего рукоположенія.

слушникомъ. Сродники не одобрили избраннаго Высиліемъ званія монаха. Одинъ изъ сродниковъ взялъ монашескую одежу Василія, связалъ и отослалъ въ монастырь, а Василія задержалъ у себя, купилъ для него около 16 „морговъ“ (8 десятинъ) земли, женилъ его и сдѣлалъ земледѣльцемъ.

У Василія Костецкаго было три сына: Иванъ, Михаилъ и Антонъ. Иванъ былъ священникомъ, Михаилъ земледѣльцемъ, а Антонъ слесаремъ со спеціальнымъ образованіемъ. Антонъ, по тогдашнему обычаю ремесленниковъ многіе годы странствовалъ въ качествѣ „вандербурша“, послѣ чего возвратился въ Бортятынъ и раздѣлилъ съ братомъ Михаиломъ отцовскую землю.

Михаилъ Васильевичъ Костецкій одѣвался съ „панска“ и былъ женатъ два раза. Первый разъ на Аннѣ, дочери лѣсничего Гурскаго. Изъ этого брака было пятеро дѣтей: Юрій, Марья, Иванъ, Антонъ и Стефанъ. Иванъ всего болѣе дружилъ, воспитывался и учился съ Антономъ. Сначала учились они въ Бортятынѣ изъ псалтыри у дьяка Торосевича; затѣмъ ходили лѣтомъ въ школу въ Судовой Вышнѣ, а зимою ѣздили на санкахъ. Въ Судовой Вышнѣ была школа только трехклассная, но учитель Свищевскій держалъ у себя 3—4 ученика и готовилъ ихъ за 4 классъ, а послѣ возилъ ихъ въ Перемышль, гдѣ сдавали экзаменъ. Вмѣстѣ съ этими учениками отправился въ 1859 году тоже Иванъ Михайловичъ и сдалъ испытъ съ отличіемъ. Братъ Антонъ остался дома потому, что не былъ подготовленъ къ экзамену. Изъ этой подорожи Иванъ Михайловичъ запомнилъ на всю жизнь, какъ учитель Свищевскій велѣлъ ему смотрѣть за „льоникомъ“, дабы не потерялся, и не слетѣло колесо. Послѣ экзамена Иванъ Михайловичъ былъ посланъ во Львовъ, въ гимназію, но сильно затосковалъ за домомъ и былъ взятъ обратно въ Бортятынъ. Тамъ повторялъ онъ (не смотря на то, что у него уже былъ экзаменъ) 4-ой классъ, дабы не позабыть, а на слѣдующій годъ 1860, былъ вновъ посланъ во Львовъ въ гимназію. Братъ Антонъ остался дома, гдѣ впослѣдствіе выучился на кузнеца.

Иванъ Михайловичъ поступилъ въI-ю академическую гимназію (Akademisches Gimnasium), которая помѣщалась у Бернардиновъ. Во Львовѣ тогда было только двѣ гимназіи, одна академическая, а другая, просто Zweites Gimnasium, называемая также Доминиканской, помѣщалась при „Валахъ Гетманскихъ“.

Въ обѣихъ гимназіяхъ преподавательнымъ языкомъ былъ нѣмецкій, а польскій былъ введенъ только въ 1867 году, но въ академической гимназіи, вслѣдствіе забастовки учениковъ русской и еврейской народностей, польскій языкъ вошелъ въ силу только на слѣдующій годъ, когда Иванъ Михайловичъ былъ въ VIII-омъ классѣ. Въ гимназіяхъ съ I-го класса преподавались нѣмецкій, польскій и галицко-русскій языки, каждый по три урока въ недѣлю. Изъ русскихъ преподавали: Полянскій, Иси-

доръ Шараневичъ, Ем. Огоновскій, Осадца и Попель, ставшій позже епископомъ. Законоучителемъ съ начала былъ о. Лука Цыбыкъ, выѣхавшій затѣмъ въ Холмъ, а его замѣстителемъ былъ Гушалевичъ, и наконецъ, когда послѣдній сталъ депутатомъ, о. Величко. Директоромъ былъ Пьонтковскій. Въ низшихъ классахъ бывало до 60 учениковъ, среди нихъ и двадцатилѣтніе юноши.

Съ начала содержался Иванъ Михайловичъ въ гимназіи на счетъ доставляемыхъ родителями продуктовъ, а затѣмъ изъ даваемыхъ уроковъ. Жилъ на частной квартирѣ, а въ V-омъ и VI-омъ классахъ у двоюроднаго брата Платона Ивановича Костецкаго. Въ VII-мъ классѣ имѣлъ урокъ у духовника Лавровскаго, въ VIII-мъ классѣ харчевался снова въ Платона Ивановича. Въ гимназіи Иванъ Михаиловичъ былъ отличнымъ ученикомъ и съ отличіемъ выдержалъ въ 1868 году выпускной экзаменъ (матуру). Особенно отличался онъ въ математикѣ.

Послѣ окончанія гимназіи, Иванъ Михайловичъ чувствовалъ влеченіе къ философіи, и записался на философскій факультетъ по математикѣ. Но тогда на львовскомъ университетѣ былъ только одинъ професоръ по математикѣ, Жмурко, который читалъ свои лекціи не каждый годъ съ начала, а все дальше и дальше, пока не окончился весь математическій циклъ. Иванъ Михайловичъ нашелся какъ разъ въ такомъ положеніи, когда Жмурко былъ въ серединѣ цикла, и поэтому нашелся внѣ университета. Но нѣтъ худа безъ добра. Иванъ Михайловичъ внесъ прошеніе въ духовную семинарію и какъ отличный ученикъ былъ въ 1868 году принятъ въ Barbareum въ Вѣнѣ, гдѣ въ то время ректоромъ семинаріи былъ уроженецъ Галичины о. Бачинскій. Воспитанниковъ галицко-русской народности было 12, угророссовъ 5 и румынъ 5 человѣкъ. Кромѣ того было еще два восптанника отъ галицкихъ Василіанъ; всего 24 человѣка.

Среди галицко-русскихъ восптанниковъ выдающимися были: Левъ Стебельскій (уѣхавшій послѣ окончанія семинаріи въ Россію на должность преподавателя латыни, но скоро тамъ умеръ) и Стронскій, ставшій священникомъ въ Галичинѣ но также скоро умеръ. Изъ угророссовъ особенно отличался Шабо, человѣкъ очень живаго и веселаго темперамента. Со стороны Василіанъ были Пущакъ и Березовскій, послѣдній очень способный чловѣкъ, но такъ какъ былъ русскихъ убѣжденій, потому и не сдѣлалъ у Василіанъ никакой карьеры. Многіе галичане кромѣ богословія слушали лекціи на философскомъ факультетѣ, напр. Громницкій по латинскому и греческому языкамъ, а Полюй по матиматикѣ и физыкѣ. Громницкій былъ затѣмъ преподателемъ и директоромъ академической гимназіи въ Львовѣ, а Полюй профессоромъ на Пражскомъ университетѣ.

Иванъ Михайловичъ Костецкій послѣ окончанія Barbareum въ 1872 году возвратился въ Галичину съ намѣреніемъ стать

священникомъ. Передъ рукоположеніемъ женился онъ на Ѳеодорѣ, самой младшой дочерѣ о. Николая Кисѣлевскаго, приходника въ Струтинѣ выжнемъ Долинскаго уѣзда. Ѳеодора Николаевна была сестрой жены Гушалевича, извѣстнаго писателя, въ домѣ котораго Иванъ Михайловичъ познакомился съ Ѳеодорой, гдѣ гостилъ какъ школьный товарищъ Гушалевичеваго сына Михаила. Отецъ Николай Кисѣлевскій былъ состоятельнымъ человѣкомъ имѣвшимъ каменный домъ въ Львовѣ, а при томъ былъ хорошимъ русскимъ патріотомъ. Но рукоположеніе Ивана Михайловича не могло состояться потому, что онъ принадлежалъ къ перемышльской епархіи, а въ Перемышлѣ тогда не было епископа, которымъ долженъ былъ быть Ступницкій.

Надо было ждать. Михаилъ Ивановичъ не могъ оставаться безъ дѣла и поэтому внесъ въ „Школьную Раду“ прошеніе о суплентурѣ съ приложеніемъ около 60 коллеквіяльныхъ свидѣтельствъ съ отличной отмѣткой по математикѣ и физикѣ и съ выразительнымъ заявленіемъ, что приметъ должность преподавателя только во Львовѣ. Прошенію его въ скоромъ времени было удовлетворено, и Иванъ Михаловичъ былъ назначенъ въ 1872 году преподавателемъ математики и физыки въ II-ой гимназіи (нѣмецкой) во Львовѣ. Эта гимназія была въ то время переполнена учениками, потому что у русскихъ и евреевъ не было охоты поступать въ польскія гимназіи. Кромѣ того многіе поляки предпочитали посѣщать нѣмецкую гимназію, или держать въ ней испыты, какъ это дѣлали напр. сыновя: графа Альберта Потоцкаго, гр. Агенора Голуховскаго, гр. Залескаго, и гр. Яна Шептицкаго; въ томъ числѣ былъ и познѣйшій митрополитъ Андрей Шептицкій. Директоромъ гимназіи былъ русскій человѣкъ Яновскій, выдающійся педагогъ, который до введенія въ гимназіи преподавательнаго языка польскаго состоялъ инспекторомъ (попечителемъ) среднихъ учебныхъ заведеній. Такихъ инспекторовъ въ то время было только два на цѣлую Галичину.

Ставъ преподавателемъ, Иванъ Михайловичъ началъ подготовляться къ учительскому экзамену, который долженъ былъ держать въ Вѣнѣ. Особенное затрудненіе было въ физыкѣ, такъ какъ лекціи по физыкѣ проф. Стефана въ Вѣнѣ происходили въ физическомъ институтѣ, къ которому воспытанникамъ Barbareum было очень далеко. Кто же желалъ держать экзаменъ по физикѣ, долженъ былъ по окончаніи Barbareum оставаться 2—3 года въ Вѣнѣ и непремѣнно посѣщать лекціи, или имѣть скрыпты, которые не легко было получить. Въ этомъ затруднительномъ положеніи Иванъ Михайловичъ обратился къ Полю, который послѣ окончанія Barbareum остался въ Вѣнѣ и посѣщалъ лекціи физики, несмотря на то, что былъ очень бѣденъ, а содержывался такимъ образомъ, что получалъ отъ воспитанниковъ Barbareum такъ наз. „эмпиріумъ“, т. е. полный обѣдъ и ужинъ. Полюй и приготовилъ такіе скрыпты, обнимающіе очень много листовъ.

Въ 1873 году Иванъ Михайловичъ получилъ темы по математикѣ, физикѣ и педагогикѣ. Двѣ первыя были очень спеціальныя, такъ что во Львовѣ очень трудно было ихъ исполнить по недостатку нужныхъ научныхъ пособій, и потому Иванъ Михайловичъ могъ только черезъ годъ справиться съ задачей и послать элабораты въ Вѣнскій университетъ, тѣмъ болѣе, что „Рада школьная“ не давала суплентамъ никакихъ облегченій для экзамена.

Въ непродолжительномъ времени получился отвѣтъ, что элабораты одобрены. Иванъ Михайловичъ, хотя и постановилъ себѣ стать учителемъ, передъ устнымъ экзаменомъ принялъ рукоположеніе въ священники отъ митроп. Іосифа Сембратовича по просьбѣ Перемышльской капитулы, а то потому, чтобы въ случаѣ неуспѣха могъ получить приходъ.

Въ 1874 году преподаватель Иванъ Михайловичъ, теперь уже о. Іоаннъ Костецкій, получилъ на одинъ мѣсяцъ отпускъ и уѣхалъ въ Вѣну къ квалификаційному учительскому испыту, который выдержалъ въ февралѣ мѣсяцѣ 1874 года съ хорошимъ успѣхомъ.

Было это въ то время, когда украинофилы начали порастать въ перья. И галичанъ было между питомцами Barbareum три украинца, а одинъ нерѣшительный. Опредѣлившимися украинцами были: Громницкій, Скородинскій и Стефановичъ, а неопредѣленный Бартошевскій; всѣ прочіе галичане и угророссы считали себя русскими.

Воспитанники Barbareum пользовались довольно широкой свободой: могли выходить вдвоемъ за увѣдомленіемъ ректора въ городъ, къ обѣду и ужину могли приносить себѣ вино или пиво, могли устраивать въ музеѣ или столовой сходки и собранія, на которыя однако украинофилы не допускались. Бартошевскій, бывшій въ послѣдствіи профессоромъ львовскаго университета, по собственному прошенію, былъ съ начала допущенъ, но позже исключенъ за какое-то прегрѣшеніе. На такихъ сходкахъ держались научныя лекціи, патріотическія рѣчи, пѣлись пѣсни и устраивалась музыка.

Изъ украинофиловъ Стефановичъ былъ въ послѣдствіи катехитомъ въ учительской женской семинаріи, и остался ревнымъ украинцемъ. Громницкій послѣ окончанія теологіи остался въ Вѣнѣ на университетѣ еще два года, а послѣ, не принявъ рукоположенія, былъ преподавателемъ и управителемъ (директоромъ) галицко-русской, или какъ въ послѣдствіи стали называть, „украинской гимназіи“ во Львовѣ, оставшись всю жизнь умѣреннымъ „украинцемъ“. Скородинскій же былъ парохомъ возлѣ Калуша, сталъ сознательнымъ русскимъ человѣкомъ и за свой дѣльный патріотизмъ претерпѣлъ не одно гоненіе и непріятность со стороны австро-польскихъ властей и ихъ прислужниковъ украинофиловъ.

Изъ воспитанниковъ Barbareum не всѣ принимали священство; многіе оставались въ гдаждмнскомъ сословіи, какъ напр. Василій Ковальскій

До поступленія Ивана Михайловича въ Barbareum, воспитанники того-же не получали никакихъ средствъ на поѣздку на каникулы на родину, поэтому вели борьбу съ ректоромъ и добились того, что въ концѣ часть средствъ, отпускаемыхъ на содержаніе в Barbareum была выдаваема воситанникамъ на поѣздку на родину.

Послѣ экзамена о. Іоаннъ Костецкій возвратился во Львовъ, гдѣ русская жизнь была въ полномъ развытіи. Политикою, созданіемъ „Нар. Дома“ и Преображенской церкви занимался архипресвитеръ львовской капитулы о. М. Куземскій, позже епископъ Холмскій. Тогда было такое время, что съ о. Куземскимъ отправились въ русскую Холмщину многіе священники и мірскіе интелигенты, гдѣ были приняты очень торжественно. Такъ напр. тогда переселились изъ Галичины въ Холмщину: о. духовникъ Лавровскій, преподаватель Попель, катихитъ о. Цыбикъ, другой Лавровскій, преподаватель гимназіи, свящ. Добрянскій, сынъ о. Антонія изъ Валявы и проч. о. Куземскій нѣсколько лѣтъ спустя возвратился опять во Львовъ потому, что не желалъ присоединиться къ православію, а на его мѣсто холмскимъ епископомъ сталъ о. Попель который послѣ нѣсколькихъ лѣтъ былъ переведенъ въ Петроградъ, въ качествѣ члена св. Синода.

Другимъ выдающимся дѣятелемъ былъ офиціалъ Львовской Капитулы о. Михаилъ Малиновскій, умный человѣкъ, но строгій для духовенства (бранилъ священниковъ, но тѣ, зная его доброе сердце, не очень то обижались). Малиновскій съ крилошаниномъ Жуковскимъ были спенсіонированы, когда австрійское правительство воспылало любовью къ полякамъ. Тогда еще не было украинцевъ, а по крайней мѣрѣ они не были въ модѣ.

Изъ мірской интелигенціи выдающимися дѣятелями были: Василій Ковальскій, сов. суда во Львовѣ, зять Куземскаго, и молодой, единственный тогда на цѣлую Галичину, способный и смѣлый адвокатъ д-ръ Иванъ Антоновичъ Добрянскій, сынъ приходника въ Валявѣ. Митрополитомъ былъ тогда Іосифъ Сембратовичъ, предшественниками котораго были: кардиналъ Левицкій, д-ръ трехъ факультетовъ Григорій Яхимовичъ и Литвиновичъ. Яхимовичъ былъ возлюбленникомъ галицко-русскаго народа, потому что сильно содѣйствовалъ его нравственному, русскому и патріотичекому сознанію. Поэтому казался полякамъ очень опаснымъ человѣкомъ, и они усиленно старались его устранить. Но дѣло было не легкое, потому что Яхимовичъ былъ хорошо записанъ въ Вѣнѣ. Яхимовичъ нечаянно умеръ. Нечаянна смерть потрясла до глубины души галицко русскій народъ и вытиснула горючую слезу изъ очей всякаго русскаго человѣка. Узнавъ про скоропостижную кончину Яхимовича, спѣшили на святоюр-

скую гору толпы народа. Даже мальчики, ученики спѣшили въ Юръ. Похороны были такъ великолѣпны, что во Львовѣ не могли надивиться. Достаточно сказать, что начало похороннаго шествія было уже на Лычаковскомъ кладбищѣ, а конецъ у Юра. Цѣлый походъ, отъ начала до конца представлялъ два шпалера изъ однихъ священниковъ, что является неопровержимымъ свидѣтельствомъ великой любви къ Яхимовичу. Долгіе годы галицко-русскій народъ почиталъ Яхимовича богослуженіями, торжествами, патріотическими собраніями, въ которыхъ всегда участвовало множество простонародья. Полякамъ было и это не на руку, и они постарались о то, что полиція запретила богослуженія и почитаніе памяти Яхимовича.

Наслѣдникъ Яхимовича Литвиновичъ, очень умный человѣкъ, философъ, очень строгій для духовенства, не отличался патріотизмомъ и любовью Яхимовича, но своимъ умомъ и ловкостью умѣлъ въ смутное для русскаго народа время удержаться на архипастырскомъ престолѣ.

Его наслѣдникомъ былъ Іосифъ Сембратовичъ, по происхожденію „Лемко“, человѣкъ праведный, благочестивый, святой. До назначенія митрополитомъ онъ былъ профессоромъ богословія на львовскомъ университетѣ, политикой не занимался, а жилъ въ польскомъ монастырѣ, кажется у Кармелитовъ во Львовѣ. Поэтому политики, не желавшіе имѣть такихъ митрополитовъ, какъ Яхимовичъ, сдѣлали Іосифа Сембратовича митрополитомъ. Но обманулись. Іосифъ Сембратовичъ, очутившись на митрополичьемъ престолѣ и разсмотрѣвшись на своемъ высокомъ посту, вступилъ въ слѣды своихъ предшественниковъ, то есть сталъ трудиться въ благо своего галицко-русскаго народа, хотя избралъ другой путь своей дѣятельности. Онъ принялся за искорененіе в русскомъ народѣ пьянства. Собравъ лучшихъ проповѣдниковъ изъ русского духовенства, далъ имъ указанія и назначилъ ихъ проповѣдниками трезвости. Проповѣдники эти являлись на храмовыхъ праздникахъ, на деканальныхъ соборчикахъ и другихъ торжествахъ, держали проповѣди о трезвости и самъ митрополитъ Іосифъ часто являлся на такихъ собраніяхъ во время каноническихъ визитацій. Его внѣшній выглядъ рослаго человѣка съ аскетическимъ лицомъ производилъ глубокое впечатлѣніе на народъ, не смотря на то, что самъ хорошимъ проповѣдникомъ не былъ по поводу лемковскаго говора. Но для поляковъ дѣятельность митрополита Іосифа была не на руку. Они были сильно недовольны трезвостью митр. Іосифа, потому что она наносила сильныя убытки и лишала польскихъ помѣщиковъ главнаго дохода. По этому дѣлали сильныя старанія, чтобы устранить митр. Іосифа. Къ этому употребили даже императора Францъ-Іосифа, который позвалъ митрополита въ Вѣну и на аудіенціи упрекалъ его за „вредную дѣятельность“, къ чему подстрекалъ императора находившійся въ смежной комнатѣ галицкій намѣстникъ гр. Агеноръ Голуховскій.

Митрополитъ Іосифъ пробувалъ оправдаться, но императоръ заставилъ его отречься отъ митр. престола. Вмѣстѣ съ митроп. Іосифомъ были разжалованы крилошане львовской митр. Капитулы Малиновскій и Жуковскій.

На мѣсто Іосифа Сембратовича митрополитомъ былъ поставленъ его двоюродной братъ Сильвестръ Сембратовичъ, слѣпое оружіе въ рукахъ поляковъ, который не мало причинился къ отреченію своего брата, покровителя и благодѣтеля, митр. Іосифа, который вмѣсто брата выгрѣлъ себѣ на своей груди чернаго гада. Именно Сильвестръ Сембратовичъ былъ круглымъ сиротою безъ отца и матери и какъ таковой состоялъ въ своей деревни пастухомъ скота. Тогда Іосифъ Сембратовичъ взялъ его къ себѣ, послалъ въ школу, вывелъ въ священники, за что Сильвестръ заплатилъ ему такъ черной неблагодарностью, и сильно причинился къ отреченію брата Іосифа, который послѣ детронизаціи уѣхалъ въ Римъ и тамъ скончался. *)

Въ 1874 г. о. Іоаннъ былъ избранъ членомъ „Нар. Д:“, которому посвятилъ всѣ свои силы не только по долгу, но и совершенно охотно и съ горячей любовью, на протяженіи 10-ти лѣтъ вплоть до 1893 г., когда по случаю его депутатской кандидатуры въ Золочевскомъ и Перемышлянскомъ округахъ власти перевели его въ польскую часть Галичины. Это изгнаніе „на мазурахъ“ продолжалось до 1898 г.

Съ возвращеніемъ во Львовъ, о Костецкій продолжалъ также преданно и ревно начатое дѣло Исключительно его заботамъ принадлежитъ ремонтъ Преображенской церкви. Первое, послѣ обновленія, торжесто состоялось при громадномъ стеченіи народа, при тогдашнемъ намѣстникѣ Галичины и всей генералиціи „Нар. Дома“. Это событіе еще важно тѣмъ, что о. Іоаннъ произнесъ на торжественномъ пріемѣ гостей весьма дѣльную и содержательную рѣчь о значеніи церкви для русскаго народа. Сразу же онъ принялся за другое, не менѣе важное дѣло: за постройку крупнаго зданія въ 5 этажей по ул. Курковой подъ бурсу. Тѣ, которые помнятъ, какъ строилась эта бурса, разсказываютъ, что о. Костецкій каждый день бывалъ на постройкѣ и сердечно радовался при видѣ все подымающихся стѣнъ.

Едва только окончилась постройка бурсы для мальчиковъ-гимназистовъ, о. Костецкій взялся устраивать пансіонъ для русскихъ дѣвицъ. Много труда, еще больше непріятностей, довелось ему испытать при этомъ. Такъ продолжалось до войны; о. Костецкій, имѣвшій всегда ввиду благо народнаго имущества, старался всѣми силами отстоять имущество „Народнаго Дома“, вы-

*) Здѣсь кончаются записки Д. И. Ключника. Дальнѣйшее разсказано Н. Г. Третьякомъ, стар. совѣтникомъ суда во Львовѣ, затемъ о. Костецкаго, и Г. С. Мальцемъ. Желательно было бы освѣтить дѣятельность о. Костецкаго шире, обстоятельнѣе, съ точными данными политической и общественной жизни окружающей среды современныхъ дѣятелей.

ѣзжалъ часто въ Вѣну, добивался аудіенцій у разныхъ высокопоставленныхъ лицъ и такимъ образомъ отражалъ аттаки украинцевъ, планомѣрно и явно стремящихся къ захвату русско-народныхъ институтовъ.

Пришла война; vis maior вступила въ законъ: „Народный Домъ“ былъ переданъ, по требованію кроваваго Костя Левицкаго, украинцамъ.

Пок. о. Костецкій не былъ изъ тѣхъ, что падаютъ духомъ и скоро разочаровываются. Онъ всюду приспособлялся къ необходимому создавшемуся положенію. Въ Кіевѣ онъ устроилъ для бѣженцевъ курсы русскаго языка при Александровской гимназіи, а потомъ хлопоталъ объ открытіи цѣлой галицко-русской гимназіи. Въ этой цѣли онъ ѣздилъ дважды въ Петроградъ въ министерство просвѣщенія. Дѣло осуществилось только въ Ростовѣ на Дону, гдѣ о. Костецкій особенно занялся гимназіей и общежитіемъ для молодежи.

Трудно здѣсь обойти молчаніемъ еще одну тихую, но великую работу о. Костецкаго. Въ комнатѣ опустѣлаго Совѣта, когда послѣ войны и революціи разбились наши надежды и ожиданія, когда въ средѣ бѣженцевъ возникла грызня, о. Костецкій не переставалъ трудиться. По цѣлымъ днямъ и ночамъ онъ составлялъ карту Прикарпатской Руси, подробно отмѣчая на ней русскія селенія на западно южныхъ окраинахъ, на границахъ польскаго, мадьярскаго и румынскаго народовъ.

Карта изготовлялась для Деникина и митистра Сазонова. Но добровольческая армія не достигла своей цѣли; еще разъ зазавела надежда; о. Костецкій вернулся въ родной Львовъ.

Понятно, что на Родинѣ засталъ онъ пустыню. Онъ вошелъ въ составъ Русскаго Исполнительнаго Комитета. Работы было очень много. Прежде всего о. Костецкій сталъ приводить въ порядокъ „Нар. Домъ“, занятый украинцами. Въ концѣ 1919 года онъ отправился въ Варшаву, гдѣ настойчиво добивался возстановленія русскихъ институтовъ. „Спокойно умру — говорилъ онъ Г. С. Мальцу — когда русскія институты перейдутъ обратно въ русскія руки“.

Послѣдній разъ онъ онъ ѣздилъ въ Варшаву, какъ предсѣдатель новообразовавшагося Временнаго Комитета Русской нар. организаціи.

о. Костецкій былъ также предсѣдателемъ „Рольничаго Союза“, для поднесенія котораго положилъ не мало трудовъ.

Въ общемъ говоря, о. Костецкій прожилъ много и много сдѣлалъ. Его общественная, организаціонная и педагогическая дѣятельность была изумительной Въ его лицѣ Галицкая Русь потеряла выдающагося народнаго труженника, отдавшаго ей всѣ силы своего богатаго дарованія. Рѣдкая трудоспособность, твердость и прямолицейность національныхъ убѣжденій и безукоризненная честность отличали его душу. Для себя изъ гро-

мадныхъ доходовъ народныхъ институцій не требовалъ ничего; онъ чистъ, какъ слеза, и даже самый ярый врагъ его не могъ бы найти на немъ пятна. Онъ умеръ совершенно бѣднымъ, всего на всего 70 золотыхъ нашли въ его комнатѣ.

Вѣчная же ему память!

И. Лабенскій.

Вечеръ Купалы.

Въ рощѣ таиственной, ночью спокойною,
Въ блѣдномъ мерцаньи луны
Пляшуть красавицы, пляскою стройною
Гонятъ волшебные сны.

Лѣсъ околдованъ ночною загадкою,
Гдѣ-то костры ужъ горять,
Въ сумеркахъ лѣса несется украдкою
Призраковъ огненный рядъ.

Тѣни пугливой толпою сплетаются
Въ шопотѣ сонныхъ берёзъ,
Дебри на хохотъ шальной откликаются
Зовами сладостныхъ грёзъ.

Грустно мнѣ на сердцѣ! Сказкой волшебною
Мнѣ бы его усѣпить,
Иль на разсвѣтѣ росою цѣлебною
Раны его омочить...

В. Р. Ваврикъ.

Въ водоворотѣ.

Приснился мнѣ чудный сонъ: широкая дорога. По широкой дорогѣ шелъ русскій народъ: мужчины, женщины и дѣти. На изгибѣ широкой дороги, у высокаго, чернаго, дубоваго креста, поставленнаго крестьянами въ день устраненія панщины, сидѣлъ старецъ. Бѣлая, какъ снѣгъ, борода лежала на землѣ. Нагнувшись, онъ читалъ изъ большой книги.

Вдруъ я ничего не замѣтилъ, ни широкой дороги, ни чернаго креста, ни народа, ни старца. Просторъ лежалъ передо мною, только книга находилась на прежнемъ мѣстѣ, и вѣтеръ перебиралъ ея листы. Я подошелъ къ большой книгѣ, нагнулся и хотѣлъ прочитать то, что въ ней было написано, но, къ сожалѣнію, проснулся. Не дано было мнѣ прочитать ни одной страницы изъ большой книги, въ которой, повидимому, много было поучительнаго и разумнаго — поэтому разскажу про то, что самъ видѣлъ и что самъ знаю.

I.

Таки такъ, таки такъ! — крикнули всѣ, а одинъ, приступивши до мене, и знявши менѣ шапку съ головы, повѣдае: А вы, паначу, возмiть тую шапочку и такъ киньте ю о землю, и такъ ю здопчiть, а оттакъ плюньте, и киньте въ Днѣстръ. — Мужики зареготались, а моя сива конфедератка уже плыне собѣ Днѣстромъ. Думаю собѣ: нема що дальше бесѣдовати, бо еще щобы не погаратали. Се початокъ отъ шапки. И по правдѣ, одинъ парубокъ заточився на мене для зацѣпки, и я видячи, що не жартъ, поволеньки, поволеньки по-надъ Днѣстръ, пôйшовъ безъ шапки домôвъ.

И. Г. Наумовичъ.

Отъ шапки началось.

Въ концѣ прошлаго и въ началѣ текущаго столѣтія Галицкая Русь раздѣлялась, какъ это всѣмъ хорошо извѣстно, на два табора: твердую, старую Русь и молодую, новую украину. Первый таборъ нынѣ мы назвали бы консервативнымъ, второй — либеральнымъ. Въ самомъ народѣ этихъ раздѣленій еще не было. Онѣ были въ городахъ среди болѣе образованныхъ лю-

дей. Деревни же всѣ почти безъ исключенія, мыслили себя только Русью.

Такъ было и въ селѣ Я-ще Бродскаго уѣзда. Тамъ была одна Русь, къ которой признавались даже латинники, т. е. тѣ, которые были окрещены подкаменецкими доминиками, разъѣзжающими по селамъ и ловившими русскія души.

Я-ще, однако, жило своей политикой. На исходѣ прошлаго тяжелаго вѣка въ немъ возникло три теченія. Самое живучее изъ нихъ было т. н. „хлопское", группировавшееся вокругъ Романа Куцаго; второе „панское" стояло на услугахъ пана Міончинскаго; вождемъ его былъ Романъ Поворозникъ. Въ кругъ третьяго теченія входили завсегдатаи корчмаря Зельмана. Ихъ прозвали въ селѣ „шаламками". Женщины и дѣти держали сторону своихъ мужей и отцовъ.

До 1900-аго года перваго теченія еще не было. Повновластными господами въ селѣ были помѣщикъ и Зельманъ, который на крестьянство дѣйствовалъ черезъ старосту Кирилу Украинца, очень грознаго и энергичнаго человѣка. Первое теченіе началось, какъ впослѣдствіи мужики говорили, съ дурнички. Романъ Куцый купилъ себѣ въ Бродахъ высокую съ большимъ, какъ заходящій полный мѣсяцъ, дномъ шапку, которая произвела въ селѣ потрясающее впечатлѣніе. Къ Куцому сошлись болѣе зажиточные мужики, осмотрѣли, ощупали на всѣ стороны шапку и рѣшили на слѣдующую недѣлю съѣздить въ Броды къ шапочнику, у котораго ввдились такія славныя вещи. По этому случаю они собирались ежедневно по вечерамъ въ хатѣ Куцаго. Такъ какъ это было осенью, то довольно хватало времени на разговоры.

Въ третій вечеръ такого собранія вошелъ въ хату Романа Куцого о. Григорій, ясноволосый, высокій и еще молодый мужчина. Онъ пріѣхалъ изъ сосѣдняго села на урокъ Божьяго Закона въ школу и здѣсь услышалъ отъ дѣтей ужасный, и, казалось-бы, невѣроятный разсказъ: Доминиканинъ, ксендзъ Яцекъ, выпивши у учительницы, панны лѣтъ выше 40-ка, Рапацкой, лишнее, сталъ ругать передъ дѣтьми русскую церковь. Мальчики, плача, говорили: „Кажетъ онъ намъ: не ходите въ церковь, ибо ваша церковь—хлѣвъ. Не то костелъ въ Подкаменѣ! Въ костелѣ хорошо и красиво, органъ играетъ, ангелы золотомъ сіяютъ, и панства въ костелѣ много бываетъ. А тутъ въ церквѣ смрадно, и все тамъ одни хлопы да бабы, и даже панъ Іесусъ не позолоченъ!"

— И вы молчали? — спросилъ о. Григорій.

— Молчали, одинъ Михась Романовъ Куцый зазмѣялся, и ксендзъ его побилъ кулакомъ — отвѣчали школьники.

Выслушавъ лепетъ дѣтей, о. Григорій отправился къ Куцому. Когда вошелъ онъ въ хату, всѣ мужики поднялись, а Дарка, жена Романова, перепугалась чего-то и суетливо стала своей запаской вытирать столъ. Двѣ кумы, Зоська и Козачиха,

спрятались за большую печь. Михась, побитый ксендзомъ и ушедшій передъ урокомъ Закона Божьяго, зарылся, какъ мышь, подъ басъ на большой печи. Онъ думалъ, что священникъ пришелъ наказать его.

Хозяинъ дома выступилъ впередъ.

— Милости прошу, отче духовный, прошу за столъ.

— Много народа собралось у васъ, Романе! Что же это за причина?

Тутъ опять появилась на столѣ передъ священникомъ высокая, баранья, съ большимъ дномъ, шапка. Онъ похвалилъ шапку, назвалъ ее почему-то „крымкой“ и потомъ обратился къ собравшимся.

— Намъ, громадяне, нужно рѣшить неотложное дѣло!

— Что же такое, отче духовный? — спросилъ Микола Довгій.

— Важное, весьма важное дѣло! Ксендзъ, который доѣзжаетъ сюда въ школу, началъ смѣяться надъ нашей церковью и назвалъ ее хлѣвомъ, при чемъ побилъ, Романъ, вашего мальчика.

Мужики приступили ближе къ священнику.

— Какъ это можно, отче духовный? Это богохульство и недостойное священника дѣло! — замѣтили они.

— Неразумный, можно сказать, ксендзъ, отче духовный, коли говоритъ такія скверныя слова напротивъ Божіей церкви, — крикнулъ рыжій Панасъ.

— Хлопчище! поди сюда! - повелительно произнесъ Романъ.

Изъ-подъ баса, выбѣленный, какъ кошка, вылѣзъ Михась и опустивъ голову, дрожалъ цѣлымъ тѣломъ. Мужики и бабы вытянули шеи, смотря на священника.

— Чего ты смѣялся? — спросилъ о. Григорій.

— Я прошу, отца духовнаго, больше не буду, я такъ только и не нарочно. Они были очень красные, — отвѣчалъ, сбиваясь, Михась.

— А что онъ говорилъ о русской церкви?

— Говорилъ: хлѣвъ — ваша церковь!

— Чего-жъ ты не отвѣтилъ: врешь ты! — перебилъ Кузьма Горбъ.

— Такъ, такъ, мои дорогіе — молвилъ о. Григорій, — до чего дошло? Ксендзъ, который долженъ бы проповѣдывать правду и любовь, онъ сѣетъ ложь и ненависть. Поэтому я пришелъ сюда, чтобы собрать подписи ваши. Будемъ просить консисторію, чтобы дѣло разобрала и ксендза Яцка удалила.

— Правдивое слово! — потакнулъ Романъ, — а за то, что побилъ мнѣ хлопчища, внесу жалобу въ судъ.

— Этого не нужно. Въ прошеніи будетъ сказано, что ксендзъ Яцекъ является въ школу пьянымъ и бьетъ дѣтей. Судъ не наказалъ бы его такъ, какъ накажетъ консисторія.

— Если такъ, отче духовный, то пусть будетъ по вашему— согласился Романъ. Михась же, довольный тѣмъ, что священникъ погладилъ его по головѣ, опять спрятался на печь, смотря, какъ орелъ изъ высокой скалы, на собраніе, и прислушиваясь къ каждому слову священника.

Прошеніе было прочитано и подписано тѣми, кто зналъ писать. Возлѣ подписей неграмотныхъ появились крестики. Послѣ этого повелъ о. Григорій въ другую сторону рѣчь свою. Ему пришла въ голову мысль основать въ Я-ще читальню. Онъ изложилъ всѣ пользы отъ такой читальни, разсказалъ онъ при томъ, что такое русская земля, передалъ въ краткихъ словахъ ея исторію и остановился на дѣятельности Ивана Наумовича. Слова его были выслушаны съ большимъ вниманіемъ и, наконецъ, мужики рѣшили единогласно:

— Добре, отче духовный, положимъ читальню!

Поздной ночью уѣхалъ священникъ. На третью недѣлю паслѣ этого разговора шесть мужиковъ во главѣ съ Романомъ Куцымъ, всѣ въ новыхъ высокихъ шапкахъ съ большими днами, поѣхало по первомъ выпавшемъ снѣгу въ Серетецъ осматривать основанную тамъ годъ назадъ читальню.

Такимъ образомъ начало новой жизни пошло отъ шапки.

II.

Село, мовъ писанка село!
Т. Г. Шевченко.

Село Я—ще.

Это село трудно причислить къ Волини, но тоже нѣтъ основаній отнести его къ Подольской землѣ. Оно лежитъ въ самомъ концѣ Ополья. Вокругъ села ширится плородная, съ холмами и долинами, черная земля, крестьянами громишемъ названная. На ней одинаково родятся: дыни, арбузы, пшеница и просо, кукуруза и картошка. Лучшая земля въ то время принадлежала старому, морально развратному и скупому шляхтичу.

За селомъ, на сѣверной сторонѣ, находится большая въ 200 шаговъ длинная и въ 100 шаговъ широкая, западня, черезъ которую только тогда течетъ вода, когда идетъ дождь. Въ хорошую погоду тамъ сухо. На стѣнахъ западни почти не растетъ трава, такъ какъ онѣ глиняныя. Оттуда беретъ все село для украшенія хатъ и приспъ желтую глину. На днѣ западни растетъ трава и то вслѣдствіе того, что оставшійся послѣ дождя наносъ съ полей дѣлаетъ его плодороднымъ. Тамъ пасутся овцы и гуси. Птицы этой овчары не люблятъ, поэтому дѣвушки, которыя ходятъ за гусьми, останавливаются чаще на муравникѣ, тянущемся отъ села къ западни.

Въ народѣ сохранилось преданіе, что западня была вырыта въ старину, когда еще нападали на землю русскую татары и турки. Говорятъ еще, что самое село не находилось на мѣстѣ, гдѣ теперь; оно лежало тамъ, гдѣ теперь поле носитъ названіе Кута. И Кутомъ называлось село въ старину.

Я-ще лежитъ на скатѣ косогорья, привернутаго къ южному солнцу, и тянется до самаго потока Серета. Этотъ потокъ весьма многоводенъ такъ, что образуетъ недалеко отъ себя два става. Водятся въ немъ лыны, вьюны, щуки, окуни, раки и всякая водная гадость, какъ: головачи, лягушки, ужи и волосы, т. е. что-то въ родѣ длиннаго конскаго волоса, который по мнѣнію крестьянъ влѣзаетъ въ тѣло купающихся...

На первой веснѣ на плесѣ плаваютъ дикія гуси, утки, а вечеромъ кричитъ какое-то гупало. По сѣножати, прилегающей къ потоку, бродятъ аисты; въ воздухѣ вьются неугомонныя чайки. Въ потокѣ мочатъ крестьянки коноплю и ленъ. Возможно, что Серетъ обозначаетъ не что иное, какъ середъ, осередокъ, средину между Волынью и Подольемъ.

Въ селѣ одна вѣнкообразная улица. Къ улицѣ примыкаютъ загороды, за ними идутъ сады и огороды. Въ садахъ больше вишенъ и чрешенъ, чѣмъ грушъ и яблонь. Нигдѣ такъ дивно не поютъ соловьи, какъ въ этихъ садахъ. Въ огородахъ всего полно: тамъ и макъ, и рѣдка, огурецъ и петрушка, капуста, и буракъ, все таки наибольше цыбули и чосноку. Жители села любятъ ѣсть сало съ чоснокомъ и цыбулей и ими же закусывать, когда доводится выпивать Зельманову горѣлку, будь на крестинахъ, или заручинахъ, будь на свадбѣ, или похоронахъ.

Хатъ, конечно, землянокъ не выше сотни. Въ селѣ ощущается недостатокъ камня и лѣса. Послѣдній былъ пріобрѣтенъ селомъ за довольно большую сумму у Подкаменецкаго графа. Лѣсъ находился въ 20-ти верстахъ отъ села. Церкви не было, и Я-ще принуждено было примкнуть къ сосѣднему селу остающемуся, какъ уже извѣстно, подъ руководствомъ о. Григорія.

Бѣднота селянъ была ужасная. Только три жителя, между ними и Романъ Куцый, считались мужиками, настоящими хозяевами. Всѣ прочіе имѣли лишь отъ одного до пяти морговъ поля, что совершенно не хватало на содерженіе семьи и на уплату податей. Поэтому въ село часто вторгались экзекуторы, отнимающіе у крестьянъ все, что имъ только попало подъ руки: свини, кожухи, чоботы, сѣчкарни, зерно и. т. д.

Многіе изъ крестьянъ не имѣли ни одного кусочка поля. Были и такіе, у которыхъ не было собственной хаты. Ихъ называли въ селѣ комирниками изъ-за того, что жили они у болѣе зажиточныхъ крестьянъ. Изъ нихъ набиралъ себѣ панъ дидычъ служащихъ, за что имъ платилъ приблизительно три мѣшка картошки, одинъ мѣшокъ ржи и три кварты горѣлки — все это на цѣлый годъ. Ни гроша отъ пана они не получали. Лишь лю-

бимцы получали даромъ комнату, и то большей частью форналислужащіе при коняхъ, которыхъ насильно панъ женилъ на дѣвушкахъ, имъ раньше развращенныхъ. Развратъ принялъ ужасающія мѣры, когда у пана подросли его сыны: Юзефъ и Болеславъ.

Нищихъ, выпрашивающихъ милостыню молитвою, не было. Шептали бабы между собою, что съ сумою ходилъ старый жовниръ Якимъ, служившій когда-то 12 лѣтъ в солдатахъ, но шопотамъ никто не вѣрилъ. Жители села трудились весьма прилежно и любили трудитьтя. Нужно полагать, что въ селѣ поселилось когда-то нѣсколько выходцевъ изъ Руси, со всѣхъ ея концовъ, такъ какъ много было фамилій: Козакъ, Украинецъ, Москаль. Козаки по наслѣдству всѣ были знахорями, одинъ изъ украинцевъ Кирило былъ въ послѣднее время старостою, а Москаль, одинъ на все село, назывался Семкомъ и былъ пастухомъ панскихъ коровъ. Онъ бѣжалъ, какъ солдатъ, изъ русскаго войска, былъ перекрещенъ ксендзомъ Яцкомъ на латинника и получилъ мѣсто у пана. Никогда однако, онъ не переставалъ быть тѣмъ, чѣмъ родился, и сыгралъ, какъ увидимъ позже, въ селѣ немаловажную роль.

Я-ще соблюдало въ полной чистотѣ преданія, завѣты, обычаи, суевѣрія, праздники старины. Прійдетъ Рождество или Великъ-день, а въ особенности храмовой праздникъ въ честь Божьяго угодника и чудотворца Николая, то всѣ на-чисто одѣты и омыты. Лѣтній Николай былъ празднованъ торжественнѣе зимняго потому, что было теплѣе и потому, что не былъ постнымъ. Тогда село превращалось въ шумный базаръ, ибо много гостей приходило изъ сосѣднихъ селъ. Тогда не мало выпивалось Зельмановой горѣлки. Послѣ каждаго лѣтняго Николая Зельманъ покупалъ одну, среди крестьянскихъ загоновъ, ниву.

Свадьбы, до самой войны, почти не измѣняя старыхъ обычаевъ, отбывались въ продолженіи трехъ дней. Молодые женихи, съ дружками, ходили по селу, кланялись каждому, не исключая и мальчика, въ ноги и приглашали на веселье. Въ началѣ и концѣ свадьбы дружина шла съ калачами и пѣтухомъ къ пану. Панъ, видя такую преданность, разрѣшалъ парубкамъ и дѣвкамъ выбивать гопаки и коломыйки на каменномъ полу передъ своею палатою.

III.

Смѣйтесь! однакожъ не до смѣха
было нашимъ дѣдамъ...
Н. В. Гоголь.

Праздникъ Колодѣя.

Послѣ того, какъ о. Григорій отослалъ жалобу на ксендза Яцка и послѣ того, какъ мужики, во главѣ съ Куцымъ, осмотрѣли читальню въ Серетцѣ, въ селѣ Я-ще пошли оживленные разговоры. Хлопская, т. е. русская партія, взросла. Въ

Зельмановой партіи произошелъ расколъ. Чувство у нѣкоторыхъ пьяницъ было сильно задѣто выходкой ксендза, отъ которой жизнь его потекла въ постоянномъ повышеніи.

Онъ не былъ наказанъ, но былъ назначенъ помощникомъ пріора. Панъ Міончинскій пыхтѣлъ отъ гнѣва. Такъ какъ онъ былъ человѣкъ крутого, мстительнаго и злобнаго нрава, то рѣшилъ покончить съ хлопскимъ бунтомъ скоро. Поэтому онъ призвалъ къ себѣ самаго вѣрнаго гайдука, Мирона Шныпа, только что выслужившаго воинскую повинность, здороваго парня, женатаго на дѣвкѣ-наложницѣ. Съ Мирономъ не удалось ему поговорить, такъ какъ во дворъ пріѣхалъ ксендзъ Яцекъ. Панъ, открывъ дверь, кричалъ ему на встрѣчу.

— Прошу, ближе, ксендзъ Яцекъ. Я васъ ждалъ; далибугъ, ждалъ...

Яцекъ захихикалъ, словно кроликъ, когда его поймаютъ. Онъ теръ, какъ жидъ, свои толстыя руки и кланялся пану.

— Далибугъ, ксендзъ Яцекъ, нельзя выдержать! Вотъ такъ кипитъ въ сердцѣ! Этотъ попъ долженъ уйти отсюда, а съ Куцымъ я справлюсь коротко. И искореню москвофильство въ самомъ зародышѣ! — толковалъ панъ. Ксендзъ опять захихикалъ, какъ кроликъ, и подошелъ къ пану.

— Ясновельможный дѣйствувать, лишь дѣйствувать!.. Какъ вѣра безъ дѣлъ мертва, такъ и слово безъ дѣлъ мертво. Во имя святого отца нашего въ Римѣ, во имя Іисусова сердца и отчизны нашей не грѣхъ наставлять и поучать невѣрныхъ. Ихъ нужно подчинить высшему началу и закону. Запомните, ясновельможный, что наша отчизна не на Серетѣ, а на Днѣпрѣ и Черномъ морѣ. Здѣсь никакихъ бунтовъ не должно быть, ни читальни, ни чего-либо другого. И у насъ два пути: держать на уздѣ бунтовщиковъ, и костюлки. Костюлки, ясновельможный! Костюлки — защита отчизны и благодать Божія.. Вотъ что, ясновельможный! Будутъ идти люди и креститься, снимая шапки, помянутъ основателя его, бабы на колѣни станутъ и помолятся за него. Потекутъ богомольцы изъ шляхты и хлопства, ясновельможный. Костюлекъ искупляетъ вольныя и невольныя прегрѣшенія, и душу облегчитъ, аминь.

Рѣчь ксендза произвела на пана сильное впечатлѣніе. Въ ней было все, о чемъ давно думалъ панъ: патріотизмъ, слава и отпущеніе грѣховъ, которые не давали покоя панской совѣсти. Наконецъ, суть рѣчи сводилась къ тому, что дѣйствовать во имя Іисусова сердца, и отчизны — не грѣхъ. Когда ксендзъ уѣхалъ, онъ приступилъ къ дѣлу, но этимъ разомъ болѣе осторожно. Содержаніе рѣчи онъ передалъ своему завѣдующему, пану Кохановскому, и вконцѣ указалъ на Куцаго, какъ на бунтовщика. Завѣдующій поговорилъ съ экономомъ, паномъ Заспѣваемъ. Заспѣвай все объяснилъ, какъ слѣдуетъ, гуменному, а гуменный пошепталъ съ Мирономъ Шныпомъ, и дѣло было рѣшено: показать Куцому, гдѣ раки зимуютъ.

Ввиду того, что Куцый состоялъ въ близкомъ родствѣ съ Перевозникомъ, панская партія постановила встрѣтить „святого“ Колодѣя у послѣдняго. На пирушку долженъ былъ быть призванъ и Куцый. Въ основѣ своей этотъ праздникъ былъ народнымъ преданіемъ. Колодѣй былъ, по всей вѣроятности, покровителемъ крестьянскаго самобытнаго мастерства... Этотъ праздникъ особенно разцвѣлъ въ дни панщины, когда Галицкая Русь была покрыта безчисленными панскими винокурнями, горѣльнями и корчмами. Опредѣленнаго и точнаго дня для него не было, обыкновенно его праздновали въ позднюю осень, когда съ полей все было убрано и по вечерамъ селяне плели рогожи, а бабы пряли свою пряжу.

Поворозниха стала, уже послѣ обѣда, приготовлять все необходимое къ закускѣ: чоснокъ, лукъ, огурцы. Старый Поворозникъ вымазалъ чоботы догтемъ и за ухомъ отрѣзалъ два большихъ, набитыхъ половою, ковтка волосъ, потомъ разбавилъ водою нѣсколько квартъ спитра. Когда солнце зашло за Вербовецкую гору, онъ втащилъ изъ-подъ сарая колоду и велѣлъ ее вымыть. Только кончила Перевозниха мытье, какъ въ хату вошла сосѣдка, кума Олена, въ селѣ названная „почтою“. Поздоровавшись, она вынула изъ красной хустины черный хлѣбъ, положила его на столъ, подошла къ хозяйкѣ и стала ей шептать въ ухо новинку.

— У старой Перегонихи, кума, не добро! Зять ея, Андрухъ, все хочетъ жену убить. Родила, кума, она дитя, а онъ кричитъ: почему не похоже на меня? Дурный, что-ли. Правда, онъ долго не былъ дома, но дѣти все равно не отъ человѣка, а отъ милостиваго Бога. Толкуютъ ему, но все напрасно. Ходитъ и ходитъ по хатѣ и вдругъ кинется на постель. На силу уводятъ его.

Она не окончила, такъ какъ въ хату ввалилось вмѣстѣ нѣсколько другихъ кумушекъ: Козачиха, Парашка, Химка, Сарафимка. Въ концѣ собралось ихъ двѣнадцать. За ними пришли мужики: Петро Триска, Якимъ Волоцюга, Сафатъ Брехунъ, и еще нѣсколько. Послѣднимъ вошелъ Миронъ Шнипъ. Шея у него была перевязана краснымъ платкомъ. На черной жилеткѣ, подаркѣ пана, висѣла большая желѣзная цѣпочка. Въ рукѣ онъ держалъ желѣзную палку. Говоря, въ русскую рѣчь онъ вмѣшивалъ и польскія слова.

— Добрый вечуръ, а якъ си мане?

— Добре, якъ горохъ при дорозѣ, — отвѣчали ему.

Начался шумный вечеръ. Стали чествовать „святаго“ Колодѣя. Петру Трискѣ, который вошелъ первый въ хату, привязали къ ногѣ толстую веревку. Онъ принужденъ былъ тащить колоду по хатѣ, пока не выкупился квартой горѣлки. Тоже повторялось съ каждымъ по очереди. Когда умученный

падалъ на колоду, его окружали кругомъ бабы и, ударяя въ ладони, припѣвали:

„Колодѣю, Колодѣю,
Теперь не надѣюсь
Мене взяли тай связали,
Деже я подѣюсь?

Миронъ Шнынъ не пожелалъ волочить колоду, но изъ кармана вытянулъ двѣ кварты горѣлки. Самъ же онъ мало выпивалъ: онъ все время обдумывалъ планъ нападенія на Романа Куцаго. Нахмурившись, какъ туча, онъ сидѣлъ за столомъ и отъ поры до времени грохоталъ своимъ смѣхомъ на всю хату, когда колодникъ падалъ лицомъ на землю. Въ ожиданіи Куцаго онъ нетерпѣливо посматривалъ на дверь. Но дверь не отворялась.

— Видно, Куцый не прійдетъ — произнесъ онъ наконецъ обращаясь къ Перевознику.

— Чудно мнѣ тоже, что неприходитъ, а сказалъ, что будетъ непремѣнно. Послать за нимъ, что ли?

— Можно, но скоро!

За Куцымъ отправилась сама Перевозниха. Она знала хорошо приговорить, хорошо попросить, подать кожухъ и шапку. Посольство ея, однако, не имѣло успѣха: Куцый лежалъ въ постели и стоналъ. Возвращаясь по замерзшему льду, онъ упалъ и такъ ушибъ себѣ правое колѣно, что его мальчики привезли на санкахъ.

IV.

Богъ не дастъ погибнуть силѣ
Богъ — великій судія!.
Нар. поговорка.

Романъ Куцый.

Роману Куцому стукнуло 50 лѣтъ. Эго былъ низкій и сухой мужчина. Лицо у него было чисто крестьянское и пріятное. При большихъ русыхъ усахъ его носъ казался правильнымъ, какимъ былъ и на самомъ дѣлѣ. Лысины у него еще не было. На чело падали мягкіе волосы, всегда ровно подстриженные. На плечахъ они вились кучериками.

Романъ придерживался старины. Въ его хатѣ господствовалъ патріархальный порядокъ. Онъ былъ голова въ домѣ, и съ женою толковалъ мало. Онъ зналъ свою честь и часть, и въ часть жены никогда и не заглядывалъ. Онъ скорѣе два дня ничего не кушалъ бы, но въ печь не заглянулъ бы ни за что. Кушанье ему должна была подать жена. На дворѣ, въ стодолѣ и сараяхъ онъ держалъ образцовый порядокъ. Онъ самъ пошивалъ соломою крыши, самъ дѣлалъ бороны, самъ шилъ сапоги, самъ ткалъ, словомъ, онъ зналъ различныя работы.

Любимымъ чтеніемъ Романа было священное писаніе, а акафистъ къ чудотворцу Николаю онъ зналъ почти наизусть. Съ дѣтьми онъ говорилъ вмѣстѣ молитвы. Часто онъ училъ дѣвокъ и парубковъ начальнымъ молитвамъ, когда они не умѣли отвѣчать священнику при составленіи брачнаго протокола. Въ церквѣ всегда стоялъ возлѣ дьяка и пѣлъ съ нимъ вмѣстѣ. Романъ отличался здоровымъ крестьянскимъ умомъ, и дважды былъ присяжнымъ судьей въ Золочевѣ. Какъ могли знать въ Золочевѣ, что въ Я—ще существуетъ Романъ Куцый, онъ не въ состояніи былъ объяснить себѣ это обстоятельство ни коемъ образомъ.

Романъ любилъ выпить, но никто никогда въ селѣ не видѣлъ его пьянымъ. Онъ радо ходилъ въ гости и радо принималъ гостей у себя дома. Уходившему онъ всегда велѣлъ дать бохонецъ хлѣба. Онъ былъ скупъ, но скупъ не всегда. Когда ему приходилось быть старостой на свадьбѣ, то онъ считалъ нужнымъ дарить молодятамъ что-нибудь изъ своего хозяйства: овцу, теленка или лошаденька. Кромѣ того, онъ бросалъ въ тарелку серебряную монету. Такого рода выходки весьма ему нравились и ему казалось, что такой поступокъ хорошъ и великодушенъ. И другіе мѣлкіе грѣшки водились за нимъ, но въ общемъ говоря, это былъ вполнѣ уравновѣшенный и хорошій мужикъ.

У Романа было 7 душъ семейства, считая и жену Дарку. Раньше было больше, но два послѣднихъ мальчика умерли. Романъ самъ всю ночь читалъ псалтырь и на поминки созвалъ много народу, богатыхъ и бѣдныхъ. Дарка выше своего мужа о цѣлую голову, не училась грамотѣ. Дальше 30 она не считала. Когда ей приходилось мотать нитки изъ веретена на мотовило, то каждую тридцатую нитку перевязала толстой ниткой и начинала сызнова. Нужно удивляться тому, какъ чисто она держала комнату. Посуду вымывала каждый день, молоко пропускала всегда сквозь чистое бѣлое полотно, сыръ въ бочкѣ чистила каждый третій день, бѣлье стирала очень аккуратно.

Дарка имѣла два сокровенныхъ мѣста: скрыню въ которой держала строжайшій порядокъ, и ямочку въ каминѣ. Въ скрынѣ всегда на одномъ мѣстѣ лежали хустины, крайки, станики, исподницы, полотно и сукно. Въ прискрынкѣ хранилось нѣсколько серебряныхъ монетъ, изъ которыхъ она двѣ три брала, когда шла на моленіе въ Почаевъ. Въ ямочкѣ лежали мѣдныя монеты, которыя она раздавала нищимъ, или брала съ собой въ церковь на божіе. Дарка была въ церквѣ старшей сестрицей, и въ селѣ пользовалась репутаціей чистой и доброй господыни.

Она послѣдней ложилась спать и первой подымалась на ноги, шепча долго молитвы, которыхъ вовсе не понимала. Напр. заповѣдь: „не чужеложь“ она истолковывала себѣ такъ: ложь на чужихъ людей запрещается Богомъ. Дѣтямъ своимъ и бабамъ часто говорила, что ложь—непростительный грѣхъ и отъ

него зависятъ всѣ прочія грѣхи. Когда она изъ за чего нибудь поссорилась съ мужемъ, то предпочитала недѣлю и больше не говорить съ нимъ вовсе, чѣмъ сказать недоброе слово. Она была упрямой женщиной и нѣсколько разъ уходила къ своей дочери Агафіи. Романъ въ такихъ случаяхъ не шелъ за ней. Обѣдъ варилъ тогда одинъ изъ старшихъ сыновей, и Дарка возвращалась сама и молча принималась за работу. Тогда она почти всю ночь не спала.

У Романа какъ сказано, было шесть дѣтей. Первѣстка Агафія вышла замужъ, получила кусокъ огорода, поля и хату, и стала самостоятельной господыней. Грицко, ничего себѣ парень. Теперь же онъ служитъ при артиллеріи въ Перемышлѣ. Села онъ не любитъ, его болѣе тянетъ въ городъ. Олекса и Петро только кончили сельскую школу. Первый лѣтомъ водилъ на толоку коней, второй пасъ коровы. Они вѣчно въ ссорѣ, чего никогда не смѣетъ замѣтить батько. Самое любопытное существо въ хатѣ — это Михась. До сихъ поръ онъ не можетъ растаться съ печкой. Тамъ онъ строитъ крипки, тамъ онъ вытесываетъ лыжи и тамъ учится. Весь день онъ на дворѣ съ санками, но никогда не загуляется на улицѣ или льду. Вечеромъ приноситъ три коробки картошки, моетъ и кидаетъ ихъ затѣмъ въ большой желѣзный банякъ. Поужинавъ, онъ самъ стелетъ себѣ подъ голову книжки и шапку и прикрывается полотнянкой.

Съ младшей своей сестрой Настей Михась живетъ въ довольно сносныхъ отношеніяхъ, но смѣется надъ ней тоже довольно часто, преимущественно, когда она плачетъ Онъ не любитъ видѣть ее въ хустинѣ, и она должна, когда хочетъ играть съ нимъ, надѣть соломянную шляпу или шапку, а юбочку привязать къ ножкамъ поясочкомъ такъ, чтобы была похожей на брюки.

Имѣя 20 загоновъ поля, 2 пары лошадей, 3 коровы, 30 овецъ, добрую жену и 6 душъ семейства, Романъ былъ настоящимъ мужикомъ, первымъ въ селѣ. Вотъ почему панъ Міончинскій не можетъ терпѣть его! Послѣ неудачи въ праздникъ Колодѣя панъ придумалъ новый планъ. Нападеніе на Куцаго должно окончательно свершиться въ вечеръ латинскаго Рождества, когда панъ приглашаетъ на гостину видныхъ господарей. Каждый годъ такъ бываетъ. Гости собираются въ кухнѣ, гдѣ на столахъ лежитъ много разныхъ кушаній. Господари ѣдятъ, пьютъ и поютъ ясновельможному многая лѣта и колядуютъ свои колядки. На 5 минутъ является панъ. Его цѣлуютъ въ руку, и когда онъ уйдетъ, старая кухарка просто-напросто прогоняетъ господарей, будто изъ своей комнаты.

Въ этомъ году Миронъ Шнипъ выбрался въ село очень рано. Онъ важно входилъ въ хату и произносилъ:

— Ясновельможный панъ дидычъ просятъ на свіенту коляцію.

Какъ же онъ изумился, когда въ воротахъ на него наѣхалъ Романовъ Олекса. Романъ сидѣлъ въ разукрашенныхъ залубняхъ и выпустилъ тучу табачнаго дыму. Кони фыркнули, залубни скрипнули, крылья въ снѣгѣ свистнули, и Романъ исчезъ на поворотѣ дороги. Миронъ все же зашелъ въ хату, чтобы спросить куда уѣхалъ Романъ. Дарка пояснила, что нечаянно и недуманно захотѣлось ему быть во Львовѣ. Какъ ошеломленный ушелъ гайдукъ изъ хаты.

Романъ захотѣлъ быть во Львовѣ потому, что слишкомъ мучило его любопытство. Онъ хотѣлъ видѣть все то, что вычиталъ въ книжкѣ привезенной изъ Серетца. И о. Григорій много ему разсказывалъ о Львовѣ. Наконецъ не подъ силу стало его терпеніе. Онъ всталъ рано и велѣлъ Даркѣ подать новое бѣлье и новые чоботы.

— Мати, приготовь на дорогу мнѣ и хлопчищу. Ѣду во Львовъ.

— Куда?

— Во Львовъ, не слышишь. Люди ѣздятъ въ Америку, а я во Львовѣ не былъ.

— Перекрестись, ты еще спишь. Какой такой Львовъ ты хочешь видѣть?

Романъ не отвѣтилъ, надѣлъ двое весьма широкихъ шароваръ, воткнулъ ихъ у колѣнъ въ твердыя голенища. Затѣмъ надѣлъ полотнянку и бѣлый кожухъ и упоясался широкимъ желтымъ ремнемъ.

— Смотри, чтобы все шло въ порядкѣ, — сказалъ онъ и вышелъ изъ хаты. Въ пяти верстахъ отъ села онъ оглянулся назадъ и увидѣлъ Михася, сидѣвшаго на скамейкѣ и обѣими руками державшагося поденка. Когда отецъ посмотрѣлъ на него, онъ палъ въ снѣгъ и потомъ, борясь со снѣгомъ и вѣтромъ, побѣжалъ обратно въ село.

Львовъ произвелъ на Романа неощущаемое имъ еще никогда впечатлѣніе. Онъ молился въ церквѣ св. Юрія и въ другихъ церквахъ, онъ побывалъ во всѣхъ русскихъ обществахъ. Въ одной библіотекѣ онъ получилъ, по всей вѣроятности отъ Свистуна, нѣсколько книжекъ. Романъ потомъ разсказывалъ, какъ его принялъ тотъ, кто далъ въ подарокъ книжки, какъ пояснялъ статуты читальни и что въ первую очередь совѣтовалъ прочитать. Романъ внимательно выслушалъ, поблагодарилъ и съ совершенно другими понятіями пріѣхалъ обратно въ село.

V.

Ты знаешь край, гдѣ съ Русью бились ляхи,
Гдѣ столько тѣлъ лежало средь полей?

А. К. Толстой.

Чтеніе „Тараса Бульбы“.

Романъ Куцый ни на минутку не усомнился въ томъ, которой изъ полученныхъ во Львовѣ книгъ дать предпочтеніе.

Требникъ и псалтирь были для него святынью. Ни за что въ мірѣ не отдалъ бы онъ и прочихъ книгъ: исторіи Руси въ изданіи Дуды, сочиненія Гоголя и разсказовъ Наумовича. Сразу его приковала къ нимъ какая-то непонятная сила, онъ полюбилъ ихъ, какъ что-то давно уже ему родное, знакомое и необходимое. Такъ можно полюбить только родное дитя, или тяжелымъ трудомъ пріобрѣтенное имущество.

Полнымъ полно наполнилась Романова хата на слѣдующій вечеръ воскресенія передъ русскимъ Рождествомъ. Вокругъ дубоваго стола и темнокрасной скрыни усѣлись господари, на ослонѣ у двери и на скамьѣ вокругъ печи помѣстились господыни. Дымъ, какъ туча, переходилъ изъ угла въ уголъ и пропадалъ въ каминѣ.

Романъ съ важностью положилъ книги на столъ, перекрестившись и приложившись устами къ псалтири. Повторивъ еще разъ все то, что видѣлъ во Львовѣ, онъ пояснилъ по заглавіямъ каждую книжку. Затѣмъ онъ сталъ читать про начало русской земли, но его чтеніе выходило вялымъ. Тогда по совѣту Кузьмы Горба рѣшено послать за москалемъ, котораго въ селѣ считали единственнымъ знатокомъ русскаго языка.

Москаль Семко былъ малороссъ. Высокій, стройный, молодой мужчина. Черныя очи его смѣялись какъ-то поплутовски. Черные волосы онъ расчесывалъ на чело въ чубъ. Онъ зналъ особенно моргать довольно пристойными усиками; ходилъ дробной и ровной походкой и, какъ мастеръ слова, умѣлъ разсказывать разныя повѣсти, шутить, пѣть, танцовать козачка и обманывать дѣвокъ даже послѣ своей свадьбы. Старики, конечно, недолюбливали его, но молодежь съ нимъ считалась, хотя иногда пьяные парубки ругали его заволокою и бродягою.

Москаль, осмотрѣвъ книги, впился очами въ Тараса и его сыновей. Онъ долго стоялъ, молча и жмуря очи. Никогда онъ еще не видѣлъ такой книги. Въ Россіи попадалось ему въ руки много разныхъ книжечекъ, но книжки съ Тарасомъ онъ не видѣлъ. Блескъ его очей смѣнился яркимъ огнемъ.

— Славная книга, ей-богу славная! Такъ что жъ, начнемъ съ нея? — спросилъ онъ.

— Ну и говорить не приходится! — замѣтилъ Довгій, вытянувъ свою длинную шею.

Москаль скинулъ епанчу, сѣлъ подъ иконой Николая и сталъ читать, произнося каждое слово такъ, какъ онъ изучилъ его въ русской арміи. Покуривая трубки, молчали мужики, бабы кивали головами. По мѣрѣ того, какъ разсказъ приближался къ сценѣ трогательнаго прощанія матери съ сынами, онѣ стали хныкать, когда москаль почему-то подымалъ свой голосъ:

— „Подойдите, дѣти, къ матери: молитва материнская и на водѣ и на землѣ спасаетъ.

Мать, слабая какъ мать, обняла ихъ, вынула двѣ небольшія иконы, надѣла имъ, рыдая, на шею:

— Пусть хранитъ васъ Божія матерь. Не забывайте, сынки, мать вашу.

Далѣе она не могла говорить..

Когда выѣхали они за ворота, выбѣжала она за ворота, съ непостижимою силою остановила лошадь и обняла одного изъ сыновей съ какою-то помѣшанною, безчувственною горячностію".

Москаль прервалъ чтеніе, припалъ къ столу и зарыдалъ. Въ хатѣ произошло смущеніе. Его стали успокаивать нѣкоторые селяне, но онъ просился:

— Оставьте меня, пусть выплачусь вволю, мнѣ легче станетъ. — Дарка подала ему полотенце. Вытерши имъ очи и потъ на лицѣ, москаль началъ сызнова свое чтеніе. Но тутъ не могли удержаться мужики отъ возгласовъ, когда пошла рѣчь о польскихъ злоупотребленіяхъ и походѣ на Польшу.

— Тарасъ добре думаетъ! — раздавались выкрики.

— Нѣтъ жизни отъ поганина!

Въ полночь остановился москаль, когда пропѣлъ первый пѣтухъ. Онъ кончилъ разсказъ на томъ мѣстѣ, гдѣ говорится о битвѣ подъ Дубномъ. Всѣ разошлись, но въ слѣдующій вечеръ опять явились до единаго, да еще и новые пришли.

Москаль пришелъ раньше всѣхъ. За ночь онъ измѣнился къ худшему. Печаль лежала на его лицѣ; такъ сильно былъ потрясенъ содержаніемъ прочитаннаго; душа его до глубинъ всколыхнулась, когда пошелъ разсказъ объ измѣнѣ Андрея, и онъ не могъ кончить его, и ушелъ. Однако, на третій вечеръ, опять явился. Ровнымъ голосомъ читалъ, не обращая вниманія на собравшихся. И зарыдалъ, когда прочелъ слова Бульбы къ сыну Остапу:

— Хоть не живого, да довезу тебя! Не допущу, чтобы ляхи поглумились надъ твоей козацкою породою, на куски рвали бы твое тѣло да бросали его въ воду. Пусть же, хоть и будетъ орелъ выклёвывать изъ твоего лба очи, а пусть же степовой, нашъ орелъ, а не ляшскій, не тотъ, что прилетаетъ изъ польской земли...

Какъ рѣка на весну, комната гуломъ загула. Нѣкоторые посрывались на ноги..

— Читай! читай! — кричали они. — И москаль продолжалъ...

— Поднялась вся нація, ибо переполнилось терпѣніе народа, поднялась отомстить за посмѣяніе правъ своихъ, за позорное униженіе своихъ нравъ, за оскорбленіе вѣры предковъ и святаго обычая, за посрамленіе церквей, за безчинства чужеземныхъ пановъ, за угнетеніе, за унію, за позорное владычество жидовства на христіанской землѣ...

Среди суматохи кончилось чтеніе:

— Гей, братья! — крикнулъ Романъ, — не то ли творится у насъ? Къ черту нашего Зельмана, къ чорту нашего пана!

Давайте, будемъ всѣ вмѣстѣ, и не пойдемъ ни къ одному ни къ другому:

Много было разсужденій послѣ этого. Но москаля не стало въ селѣ. Онъ бросилъ свою постыдную службу и ушелъ въ Россію. Въ селѣ же все опредѣленнѣе возростало число приклонниковъ русской мужицкой партіи. Такое значеніе имѣло чтеніе Тараса.

Но самое сильное впечатлѣніе оно произвело на Михася, слушавшаго москаля изъ высоты своей печки. На третью ночь онъ имѣлъ сонъ, сорвался, и въ темнотѣ, слетѣвши на землю, разбилъ себѣ голову. Онъ кричалъ и плакалъ, поднявшись на ноги, и бѣгая въ потемкахъ хаты, кричалъ; вся семья проснулась, зажгли свѣтъ. Романъ положилъ его возлѣ себя, но долго мальчикъ не унимался подъ кожухомъ. Передъ его очами стоялъ дубъ, объятый пламенемъ, и онъ отчетливо слышалъ слова Тараса Бульбы къ козакамъ:

— Къ берегу, къ берегу, хлопцы!..

VI.

Шепчутъ уста съ умиленьемъ и трепетомъ имя любимое, имя завѣтное.

А. А. Голенищевъ — Кутузовъ.

Свадьба.

Пѣхотинцы, выслуживавшіе три года въ войскахъ, возвращались въ родныя села осенью. Артиллеристовъ отпускали чего-то позже. Грицко Романовъ Куцый вернулся какъ разъ на Рождество. Онъ пріѣхалъ, какъ говорилось въ селѣ, паномъ въ черной блузѣ, синихъ брюкахъ, блестѣвшихъ сапогахъ и синей шапкѣ, которая еле-еле держалась на ухѣ. Ввиду этого событія праздники прошли весело.

Такъ какъ Грицко былъ собою недуренъ, то дѣвки, мечтающія о женихахъ, стали проходить мимо него совершенно другого походкою, чѣмъ тою, что ходили обыкновенно, и когда онъ съ ними заговаривалъ, тогда улыбались опять къ нему иначе, какъ-то солодко. И Грицко не на шутку захотѣлъ имѣть жинку. Правду говоря, который паренъ въ 24 года не желаетъ жениться? О своемъ намѣреніи дома онъ ничего не говорилъ, но Романъ и Дарка поняли это по той причинѣ, что онъ каждый вечеръ уходилъ изъ дому и приходилъ обратно очень поздней ночью. У кого же Грицко проводилъ эти ночи?

Представьте себѣ: у злѣйшаго врага Романа Куцаго, у старосты села Кирилы Украинца, у котораго дочка Марина была бѣлѣе снѣга, веселѣе солнца и краше вишневой ягоды. Она не слишкомъ полная, но полная, не слишкомъ высокая, средняго роста; коса у нея каштановая, лицо у нея ласковое, рука о нея мягкая, уста у нея жаркія. Сидитъ она при Грицкѣ,

какъ пава, въ красной хустинѣ, и бѣлой сорочкѣ, на которою падаютъ красныя кораллы. Сама беретъ рукою пирогъ, обмокнетъ его въ масло и сметану и подаетъ Грицкѣ. Мать ея — чаровница, хоть куда молодуха. Мило приговариваетъ, любо припрашиваетъ, тихо ухаживаетъ, угощая то медомъ, то горѣлкою. И староста съ Грицкомъ не суровъ. Ударяя его по плечу, смѣется на всю хату:

— Дуракъ твой батько: ему въ головѣ перевернулось.., Мы съ нимъ враги, но съ тобою панибраты. Батько твой, чтожъ онъ хочетъ быть попомъ или писаремъ? И чванится, го го-го!.. Къ пану не пойдетъ и по книжкамъ читаетъ. Мудрагель какой!.. Читальню кладетъ въ селѣ, А я-то отъ чего здѣсь? Сказалъ, и кончено! Законъ закономъ, это знай всякій такой смаркачъ! Носа драть не позволю, го го го!..

На такія рѣчи Грицко молчалъ. Онъ жилъ внѣ міра, и всѣ люди и все на свѣтѣ казалось для него пустякомъ. Онъ существовалъ и дышалъ одною Маринкою.. Ему казалось, что она верхъ блаженства, что пало на него солнце ласки и нѣги. Ему, казалось, что даже собака, бѣжавшая на встрѣчу отъ воротъ милой, говоритъ особымъ языкомъ. Изъ-за Маринки пришлось ему свести два жестокихъ боя, но послѣдній бой былъ хуже перваго.

Однажды вечеромъ замѣтилъ Грицко Мирона Шныпа въ шопѣ. Въ селѣ уже извѣстно было, что Миронъ водитъ къ пану и паничамъ дѣвушекъ. Сердце у Грицка словно сорвалось съ цѣпи, въ груди закипѣла неодолимая ненависть. Онъ вдругъ разорвалъ бы въ куски подлаго наймыта, но тотъ исчезъ какъ дымъ. Приходилъ онъ сюда, чтобы переговорить съ чаровницей. До прихода Грицка, она вышла въ шопу и въ сумеркахъ схватила Мирона за руку.

— Старшій паничъ!
— Панъ Юзефъ!
— А деньги?
— Пять золстыхъ!
— Когда?
— Нынѣ ночью!
— Приходи въ полночь!

Затѣмъ она тихо и ласково подошла къ Маринкѣ. Не шло ей слово, не вазалось одно съ другимъ, и когда, наконецъ, Маринка поняла намеки матери, то расплакалась, злостно браня родную. Въ это время явился Грицко. Долго она не хотѣла сказать причины своего рыданія, но потомъ все таки сказала. Въ самомъ дѣлѣ, она любила одного Грицка первою, истинною любовью. Грѣхи родителей опа знала хорошо, но прощала, сохраняя въ сердцѣ какую-то ненависть къ нимъ. Послѣ послѣдняго разговора съ матерью она потеряла къ ней всякое уваженіе.

Ночью случилось совершенно не то, что предполагалъ панъ. Старосту, во что бы ни стало. долженъ задержать на всю ночь Зельманъ. Панъ Юзефъ съ Мирономъ пріѣхали санками подъ

хату Маринки. Чуть остановились кони, Грицко выскочилъ изъ шопы и потянулъ коломъ по панской головѣ. Миронъ палъ подъ козлы, но и тамъ досягнулъ его тяжелый колъ. Когда Грицка не стало, Миронъ притягнулъ борзыхъ коней, которые вихремъ понеслись ко двору. Пана Юзефа отвезли на второй день въ Краковъ. Никто, однакъ, не зналъ, почему онъ туда уѣхалъ. Въ такихъ случаяхъ паны молчать, ибо честь имени для нихъ всего дороже.

Второй бой свелъ Грицко съ родителемъ. Его отецъ и слышать не хотѣлъ о Маринкѣ, и велѣлъ объявить сыну, никогда не упоминать при немъ ея имени. Впрочемъ онъ пересталъ съ нимъ говорить и явившейся старостихѣ, согнувшейся въ три бѣды и мило улибающейся, отвѣтилъ такъ рѣзко, что та ушла, не помня себя. Грицко тогда устроилъ такую штуку: онъ вовсе не ночевалъ дома. Въ упрямствѣ побѣдилъ сынъ. Маловажный, казалось бы, поступокъ, всколыхнулъ старое сердце. Маринка сама явилась къ Куцому, пала ему въ ноги, обняла его колѣни и разсказала, рыдая, все, чѣмъ ея душа страдала. Не утаила и того, что Миронъ приходилъ за нею. Романъ молчалъ, слушая, но Дарка замѣтила переломъ.

На слѣдующій день враги помирились. Вечеромъ состоялись заручины у Украинца, черезъ три недѣли свадьба, вызвавшая массу толковъ и пересудовъ. Грицко первый порвалъ съ обычаями старины. Онъ не обходилъ все село и не кланялся къ ногамъ Родственниковъ онъ просилъ какъ-то вздержанно и неловко. Онъ не опоясался красной хусткой и къ шапкѣ не пришилъ букета. Онъ не зашелъ къ пану съ поклономъ и Маринкѣ запретилъ идти къ нему. Быть можетъ, онъ еще больше надѣлалъ бы глупостей, если бы не старый его батько. Когда Грицко не желалъ приклониться къ его ногамъ, онъ при всѣхъ собравшихся назвалъ его дурнемъ и велѣлъ ему приложиться къ своимъ ногамъ, крича:

— Выгоню я дурь, которой ты научился въ поганомъ городѣ... Такъ! Теперь матери, теперь братьямъ, сестрѣ и всѣмъ честнымъ господарямъ и господынямъ, чтобы не была опозорена моя старая голова и эта хата со святыми угодниками.

Потомъ уже свадьба потекла обычнымъ завѣтнымъ русломъ. Грицко сбросилъ черную блузу и синіе брюки, переодѣлся въ бѣлую полотняную одежу. Онъ далъ себѣ пришить къ груди букетъ, и въ шапкѣ сѣлъ за столомъ.

Но довольно, обратите вниманіе на то, какъ дробно пляшутъ парни, подымая свои плечи, какъ скоро вьются дѣвушки, какъ жалобно поютъ дружки за столомъ, какъ дивно звучатъ цымбалы! Что за прелесть эти пляски! У кого и гдѣ учились имъ парубки и дѣвчата? Чудно и дивно! Посмотрите вы на старосту свадьбы, предсѣдателя читальни изъ Серетца! Какія рѣчи онъ говоритъ!

Когда пріѣхалъ о. Григорій, свадьба пошла опять другимъ теченіемъ. Староста велѣлъ играть чабарашку и, позвавъ къ танцу наикрасшую свашку, сталъ плясать такъ, какъ еще никто въ свѣтѣ не плясалъ. Онъ былъ видѣнъ то у земли, то у потолка, онъ вертѣлъ швашкой, какъ куклой и, наконецъ, пріостановившись и положивъ руки на бедра, спѣлъ пѣсню, отъ которой задрожала потомъ вся хата:

Гей, вы хлопцы, вы дѣвчата,
Всѣмъ намъ мила наша хата,
Наша гряда и садокъ,
И нашъ родный уголокъ.
Потанцюемъ, русски дѣти,
Вразъ въ долони всѣ всплесните
И пидемъ мы въ хороводъ:
Най живе русскій народъ!

Послѣ этого все вихремъ стало танцевать, и о. Григорій кивалъ лишь головой. Староста далъ знакъ музыкантамъ, чтобы перестали играть. Какъ раньше, онъ подошелъ къ столу и спѣлъ опять:

Съ пота личко — но потишко —
Утирайте! Ударяйте
Въ черевички, чоботки,
Серебряни пидкивки!
Стукъ, стукъ! Разомъ смѣло,
Щобъ все лихо отлетѣло, —
Взносись, взносись, Русь свята,
Якъ орлиця молода!

Плесканіе въ ладони заглушило его послѣднія слова. Не слышно было и словъ о. Григорія. Все пустилось въ бѣшеную пляску. И молодой вылѣзъ изъ за стола, и старый Романъ взялся за бока. Не устояли честные господари и господыни. Они вытѣснили парубковъ, запорожцевъ и дѣвчатъ и легче и быстрѣе молодыхъ плясали въ присядки и на одной пятѣ вертѣлись голубцомъ съ такою быстротою, что лицъ, усовъ, хустинъ нельзя было отличить. Все, какъ туча, кружилось въ водоворотѣ.

Какъ ни удивительно, въ этой тучѣ вертѣлся и маленькій Михась. Никакой боли не ощущалъ онъ въ ногахъ своихъ, и о. Григорія не видѣлъ. Поэтому и не боялся его.

VIII.

И ангелъ милосердія
Не даромъ съ чудной пѣснею
Надъ юношей виталъ.
Года ученья минули,
И юноша, отмѣченный
Печатью дара Божьяго,
Сталъ пылкимъ и восторженнымъ
Пѣвцомъ освобожденія
Униженныхъ и обиженныхъ
На всей святой Руси.

Н. А. Некрасовъ.

О. Григорій.

Если бы вы знали, какая красовалась весна въ день Троицы на берегахъ по ту и другую сторону Серета, вы поспѣшили бы туда со всѣхъ концовъ земли русской! Вы подобно о. Григорію, еще до появленія солнца, оставили бы душныя комнаты и вышли бы въ природу, чтобы съ ней слиться въ одно бытье.

Шепча свой обычный молитвенный лепетъ, о. Григорій обошелъ свое хозяйство, онъ заглянулъ къ лошадямъ, коровамъ, овцамъ, свинямъ и черезъ калитку вышелъ въ росистый огородъ. Изъ сада пахнуло на него запахомъ черемухи. Такъ какъ огородъ находился на холму, то передъ очами священника раскинулась даль съ зелеными хлѣбами. Надъ далью носился чистый, какъ стекло, воздухъ. Священникъ вошелъ въ пасѣку, пооткрывалъ затворы и, неся въ рукахъ черную шляпу, пустился по тропинкѣ къ рѣченкѣ Синькѣ. Подымая свою длинную рясу и сбивая ногами обильную росу, онъ поднялся на холмъ, обошелъ кладбище и вошелъ въ старенькую церковку. Нѣсколько человѣкъ стояло то тутъ, то тамъ, потомъ церковь заполнилась людьми. Богослуженіе кончилось около 10 часовъ и затѣмъ съ иконами, крестами, колокольчиками и свѣчами о. Григорій двинулся крестнымъ ходомъ на поля къ селу Я-ще по дорогамъ, дорожкамъ, сѣножатямъ и лугу.

Вы бы посмотрѣли на дѣвчатъ! Каждая въ вѣнкѣ и лентахъ, а парубки вычепурились до послѣдняго. Молодицы и бабы въ бѣленькихъ сорочкахъ. Мужики, въ широкихъ бѣлыхъ шароварахъ, шли толпою кругомъ священника. Михась съ другими школьниками постоянно звонили въ колокольчики, бѣгая, какъ зайцы, по сторонамъ въ травѣ и хлѣбахъ.

Отъ Серета тянуло холодкомъ. Солнце, пшеницы, синь неба и лица людей улыбались одной радостью. Всѣ были себѣ близкими и родными. И первое слово евангелія приводило людей и природу въ таинственное и торжественное молчаніе; одинъ жаворонокъ заливался звонкой пѣсенкой надъ головами молящихся и нивами.

Станьте, пожалуйте, станьте и посмотрите на село Я-ще! Что это за прелесть!.. Вчера до поздняго вечера носили посе-

ляне траву, сѣно и лепеху изъ-надъ Серета, и вотъ почему всѣ крыши позатыканы лепехой, лопухомъ и вѣточками. Вотъ почему засѣяна дорога зеленью! Хаты синебѣлыя, улыбались какъ небо; приспы желтыя. Передъ каждой хатой три вѣтви-символъ Троицы. Пахнетъ полынью и коноплями, и запахъ сквозь открытыя окна залетаетъ въ свѣтлицы... Ай, какъ чудно, какъ чудно!

На встрѣчу о. Григорію выхлынуло цѣлое село: старики, старухи и дѣти. У колодязя, возлѣ хаты Романа Куцаго, остановился крестный ходъ Совершивъ водосвятіе и молебенъ, священникъ сбросилъ съ себя фелонъ, и въ сопровожденіи господарей пошелъ въ хату Куцаго. И тутъ его встрѣтили низкимъ поклономъ честныя господыни съ Даркою во главѣ Всю ночь онѣ не спали, ибо пекли и варили, чтобы достойнымъ образомъ угостить о. Григорія и гостей, явившихся на открытіе читальни.

На подворьи Романа собралось множество народа, немало прибыло гостей, между ними три священника, хоръ изъ тосѣдняго села подъ управленіемъ умнаго крестьянина Ивана Олѣйника, все правленіе Серетецкой читальни... Наконецъ, къ Романовой хатѣ подкатила карета пана Міончинскаго. Старый панъ, поссорившись съ сынами по этому случаю, ради имени своего и корысти считалъ необходимымъ быть осторожнымъ. Открытіе читальни въ селѣ было событіемъ громаднаго содержанія. Многіе изъ панской партіи и „шаломковъ“, примкнули къ крестьянской партіи. Вся громадская старшина явилась на торжество.

Священники благословили, объясняли, призывали, научали. У собравшихся заговорили чувства, неподдѣльныя чувства. Хоръ народныхъ и патріотическихъ пѣсень подѣйствовалъ на простыя души могучею силою.

Высказались, какъ могли и знали, крестьяне, но голосъ Михася, читающаго стихи, удивилъ всѣхъ и каждаго.. Проговорилъ и панъ Міончиновскій, что онъ, молъ радуется новому свѣточу науки, что онъ, молъ, хочетъ идти рука объ руку съ крестьянами, что будетъ заѣзжать въ читальню и, наконецъ, бросилъ въ тарелку 50 серебряныхъ на первое начало. Уѣзжая, онъ пригласилъ къ себѣ священниковъ, но тѣ отказались съ нимъ ѣхать.

Въ то время русское духовенство въ подавляющемъ большинствѣ отдавало все свое знаніе на возрожденіе народа. Оно видѣло ужасныя кривды, причиняемыя шляхтою, простонародію и приготовляло народъ къ самозащитѣ. Однимъ изъ такихъ служителей народа былъ о. Григорій, крестьянскій сынъ, который зналъ всѣ его добрыя и злыя стороны. Свой замыселъ онъ проводилъ весьма умно: черезъ Романа Куцаго, въ которомъ подмѣтилъ стойкій характеръ, крѣпкую волю, трудъ, любовь и рѣдкую разсудительность.

Послѣ отъѣзда пана и за тѣмъ трехъ священниковъ, пошло угощеніе, но о. Григорій не могъ на немъ остаться. Онъ собралъ нѣсколько человѣкъ и опять крестнымъ ходомъ черезъ поля, когда уже зашло солнце, пошелъ домой. Уже темнота объяла кладбище и церковь, когда всѣ разошлись по домамъ. Одинъ о. Григорій остался въ церквѣ, сталъ на колѣни, и впился своими очами въ распятіе Христа и прошепталъ свою молитву, сочиненную имъ еще на богословской скамьѣ въ экстазѣ своего душевнаго влеченія къ Христу.

Господи мой, сохрани во вѣки вѣковъ землю Русскую и сдѣлай, Господи, чтобы ненависть ея супостатовъ улеглась. Прости, Христе, мои прегрѣшенія и всего грѣховнаго міра. Умали зло въ груди и умѣ моемъ и каждого человѣка, чтобы въ добрѣ, мирѣ, любви и покоѣ жили всѣ народы на землѣ. Помоги, Господи, окрѣпнуть и просвѣтиться народу моему, чтобы и зрѣніемъ и чувствомъ вошелъ и понялъ Тебя. Садъ, огороды, поля и сѣножати благослови урожаемъ, чтобы не было ни одного голоднаго, ни одного раздѣтаго: не лиши меня, моей семьи, моего села и всей земли русской Твоей благодати, аминь.

Кончивъ молитву и закрывъ дверь, о. Григорій пошелъ по тропинкѣ къ своему дому. На встрѣчу изъ-за горы выкатился полумѣсяцъ... Прохладой повѣяло отъ Синьки, а отъ сада повѣяло, какъ утромъ, черемухой; о. Григорій приложился устами къ цвѣту. Тихо и кротко вошелъ онъ въ свѣтлицу, гдѣ при столѣ за картами сидѣла съ учителемъ, нестоящимъ ни сломаннаго гроша, его жена. Она не любила своего мужа, и считала его недостойнымъ себя за то, что была дочкой священника декана, а онъ былъ крестьянскимъ сыномъ. Поэтому она предпочла учителя, поповича, Милька, пустого крутаря, каного трудно найти на всю околицу уѣзда. Когда вошелъ о. Григорій, она подняла голову и пустила, показавъ свои бѣлыя зубы, тучу дыма на лицо своего мужа. Милько, схвативши свой усикъ лѣвою рукою, поднялся и чинно подалъ правую о. Григорію, который отвѣтилъ ему легкимъ наклономъ головы.

— Прошу продолжать игру и простите, г. учитель, что не могу принять участіе. Часъ прошелъ, а по уставу не могу.

Жена улыбнулась.

— Гдѣ будешь спать?

— Въ пасѣкѣ! — отвѣтилъ о. Григорій и, осторожно приложившись устами къ спящему мальчику, ушелъ на отдыхъ въ стебникъ и уснулъ подъ жужжаніе пчелъ.

* * *

IX.

Мечъ и лесть, обманъ и пламя
Ихъ похитили у насъ,
Ихъ ведетъ чужое знамя,
Ими правитъ чуждый гласъ.
А. С. Хомяковъ.

Выборы.

Передъ отъѣздомъ Михася въ Бродскую нѣмецкую гимназію, собрались въ западнѣ его товарищи, когда позагоняли свои овцы въ хлѣва. Солнце уже зашло, и сумерки тянулись со всѣхъ краевъ кругозора. Западня приняла пасмурный и грустный видъ.

— Ну, что жъ уѣзжаешь? — сказалъ Горбовъ Павлунь.

— Забудетъ! — засмѣялся кудрявый и черный, какъ смола, Федька, сынъ Довгаго.

— А я, будь онъ и учителемъ или попомъ, подошелъ бы къ нему и сказалъ: Михайло! ты помнишь, какъ мы въ западнѣ овцы пасли? и еще потомъ взялъ бы его вотъ такъ за руку и сказалъ бы: Михайло! ты такой же мужикъ, какъ я!

Всѣ засмѣялись.

— Шутки въ сторону! Ты, Михась, скажи намъ чѣмъ ты хочешь быть? — спросилъ пузатый и карачковатый Матвѣй, внукъ Козачихи.

— Не знаю! что Богъ дастъ, — отвѣтилъ Михась.

— Слышите ль: гудетъ! — шепнулъ Климко, весьма трусливий мальчикъ, прозванный за то бабьимъ сыномъ.

Всѣ насторожили уши, и въ самомъ дѣлѣ всѣмъ почудилось, что что-то загуло: хватившись за руки, они побѣжали въ село.

На второй день Михася уже въ селѣ не было; онъ уѣхалъ ночью вмѣстѣ съ своимъ отцомъ и о. Григоріемъ въ Броды. Всю ночь онъ молился яснымъ звѣздамъ и только въ городѣ обратилъ свое вниманіе на высокія трубы, на желѣзную дорогу, и чудно ему стало. О. Григорій помѣстилъ его въ основанной бурсѣ имени Еффиновича. Въ наукѣ онъ дѣлалъ средніе успѣхи, несмотря на то, что память у него была отличная. Онъ попалъ въ затхлый кругъ польской нетерпимости и почуялъ сразу всѣ кривды надъ русскими крестьянами. Когда же происходили въ Бродахъ выборы во Львовскій соймъ, онъ, какъ ученикъ перваго класса, уже горѣлъ местью и ненавистью къ польскимъ порядкамъ.

Выборы тогда еще расписывались по куріямъ, или точнѣе говоря, по сословіямъ. Крестьянская курія, самая многочисленная, сводила бой на жизнь и смерть со всякими возможными неправдами. Никогда, однако, она не выходила побѣдоносной потому, что темнота Галицкой Руси была еще безпросвѣтной.

Село Я—ще выбрало своимъ выборнымъ Романа Куцаго.

Завѣдующій добрами пана Міончинскаго, панъ Кохановскій, былъ проваленъ. Все таки онъ поѣхалъ въ Броды, взялъ съсобою Зельмана, Шнына и старосту. Въ ночь передъ выборами въ городѣ жужжало и кипѣло, какъ въ котлѣ. Жиды и панки бѣгали изъ одной корчмы въ другую, опаивали мужиковъ и обмѣнивали имъ выборныя карточки. И утаить нельзя правды: продавались русская честь, достоинство и право за подлое кушаніе и подлые напитки. Только кучка русскихъ священниковъ и болѣе сознательныхъ крестьянъ собралась въ русской читальнѣ, у церкви, сознавая впередъ пораженіе.

Но кто въ полночь явился въ читальню? Явился староста Кирило Украинець... Онъ вызвалъ во дворъ Романа Куцаго, и тутъ Зельманъ предложилъ ему за карточку 5 серебряныхъ. Оба они держали его за руки, и жидъ повышалъ постоянно сумму.... Наконецъ онъ остановился на сотнѣ. Когда Куцый и на это не полакомилтя, пьяный староста крикнулъ:

— Дурень, хлопъ!

Они ушли. Польскія власти отпустили на покупку каждаго русскаго голоса по 100 серебряныхъ, но Зельманы, спрятавъ деньги, покупали голоса за горѣлку и прескверное кушаніе, отъ котораго всѣ внуренности вырывались. На второй день передъ зданіемъ уѣзднаго начальника роилось отъ народа. За каждой русской душой носились цѣлые рои злыхъ духовъ, и гуломъ шелъ гулъ.

Съ Романомъ случилось неожиданное горе: ему кто-то подставилъ ногу и кто-то сзади такъ сильно толкнулъего, что онъ повалился на каменную мостовую и залился кровью. Все это произошло какъ то вдругъ, по обдуманному плану, ибо въ роковой моментъ толпа раступилась; Романа подняли, кочечно преступниковъ не нашли.

Романъ вернулся домой въ сильной горячкѣ. Онъ слегъ на печкѣ. Въ селѣ стали смѣяться. Одно только событіе повернуло народную молву въ другую сторону. Одновременно повѣсились староста и Шнынъ, первый въ своей стодолѣ, второй въ панскомъ саду. Впрочемъ Шныпа спасли, но прозвище „вѣшальника“ осталось за нимъ разъ на всегда. Староста же сталъ пугаломъ для села, не онъ одинъ, но и его жена. Ибо по сему ходили слухи, что она знала и слышала, какъ вѣшался ея мужъ, и потомъ изъ его кармана вытянула ключи отъ громадской кассы, чтобы изъять оттуда всѣ гроши.

Старосту при стеченіи всего села и крикѣ галокъ, откуда-то налетѣвшихъ со всѣхъ сторонъ на крышу стодолы, снялъ съ вожжей нищій изъ сосѣдняго села Пилипъ, избивъ его лопатой. Похороненъ онъ былъ тѣмъ же Пилипомъ во рву за кладбищемъ.

Нельзя обойти молчаніемъ своеобразной мести Михася, названнаго въ бурсѣ настоятелемъ Осиповичемъ Мишей. Миша, узнавъ, что случилось съ отцомъ, три ночи напролетъ провелъ

въ безсонницѣ. Бѣдный настоятель мылъ его холодной водой, велѣлъ гулять весь день по двору, но все было напрасно. Думка о мести не давала ему спать. На четвертую ночь онъ ушелъ изъ бурсы въ городской садъ, гдѣ стоялъ памятникъ польскому писателю Корженевскому. Въ полночь, когда уже въ саду никого не было, онъ побѣжалъ къ памятнику и махнулъ рукою. Струи чернилъ залили лицо и бороду заслуженнаго писателя.

Можете себѣ представить, какъ заволновался на слѣдующій день городъ, когда увидѣлъ такое варварство. При упоминаніи имени писателя Миша только блѣднѣлъ, но въ душѣ его бушевало непонятное и для него самаго наслажденіе.

Несчастному же Роману отъ этого легче не стало. И Миша, пріѣхавъ на каникулы замѣтивъ, какъ страшно измѣнился отецъ, рѣшилъ прибѣгнуть къ другому средству. Ничего никому не говоря, онъ отправился черезъ границу къ чудотворной иконѣ въ Почаевѣ. Границы онъ не замѣтилъ: потокъ Икву онъ прошелъ въ бродъ. Первое село, въ которое онъ вошелъ, было Крутнево, или что-то въ родѣ этого. Удивили его зеленая церковь, козачій бивакъ, находящійся близко церкви. Это была большая деревяная бесѣдка; вокругъ стола сидѣли козаки и обѣдали изъ одной большой миски. Опершись на частоколъ, Миша смотрѣлъ на нихъ съ большимъ любопытствомъ. Никто на него за то не обращалъ вниманія. Онъ прошелъ село, остановился возлѣ кузницы, спросилъ, куда путь въ Почаевъ и пошелъ туда, куда ему указалъ мужикъ въ черной фуражкѣ. Но какъ же онъ удивился, когда вышелъ на тропинку, по которой онъ пришелъ отъ рѣки. Подъ развѣсистой вербой лежалъ, вытянувшись во весь ростъ, часовой, но и онъ поднялъ свою рыжую голову, и, не сказавъ герою-паломнику ни одного слова, засунулъ ее въ густую траву. А Мишѣ стало страшно, когда увидѣлъ длинный штыкъ. И черезъ Немячи и Кутище онъ вернулся поздно въ ночь въ родное село.

X.

Тускло мерцаетъ лампадка
Передъ иконой святой...
К. К. Романовъ.

Смерть Романа Куцаго.

Прошло еще 6 лѣтъ. Многое измѣнилось въ теченіи этаго времени. И такъ: о. Григорій долженъ былъ оставить свой приходъ. Въ Я — ще, напротивъ панской кузницы, выросла еще одна польская крѣпость, костюлекъ. На первой мшѣ, на которую пріѣхало много шляхты и ксендзовъ, панъ Міончинскій у олтаря былъ пораженъ ударомъ, конечно, отъ восторга. Въ нагробномъ словѣ ксендзъ Яцекъ пояснилъ, что панъ Богъ послалъ ясновельможному пану легкую и чудесную смерть за

то, что жилъ по-божьему, любилъ „хлопа“, былъ щедрымъ и отзывчивымъ на горе и, смотрите, въ славу Божію, воздвигъ костюлекъ.

Романъ Куцый, кое-какъ выздоровѣвшій, ни съ того ни съ сего продалъ за 12.000 коронъ свое хозяйство и перекочевалъ съ лошадьми, коровами, овцами на новоселье, лежавшее на второмъ притокѣ Серета.

Жалко было смотрѣть на него, когда въ послѣдній разъ обходилъ свое подворье, уѣзжая раннимъ утромъ изъ родного села. На новосельи какъ будто пріобрѣлъ больше силъ и жизнерадостности. Онъ началъ свивать свое гнѣздо сызнова, вырубилъ лѣсъ, выкорчевалъ пни, построилъ хату, хлѣвъ и стодолу. Съ приближеніемъ осени, однако, его положеніе ухудшилось, пошло горе: одинъ сынъ былъ взятъ въ рекруты; такимъ образомъ отпала одна рабочая сила. Пошли дожди. Въ хатѣ, хлѣвахъ и стодолѣ роскисло. Скотъ былъ выпроданъ. На загонѣ земли, пріобрѣтенной Романомъ, лежалъ огромный долгъ, о которомъ безсовѣстный продавецъ не сказалъ ему ничего. Жидъ, Іуда Прайсъ, изъ Олѣева сталъ побирать высокіе проценты, и Романъ очутился въ полномъ разореніи.

Въ одинъ ненастный день, когда онъ отводилъ дождевую воду отъ хлѣва, у него закружилась голова. Онъ палъ въ грязь. Дарка подняла его и ввела въ хату. Онъ слегъ и съ широкой, безформенной постели больше уже не поднялся. Въ семействѣ пошла неурадица. Не было дня, чтобы не происходила ссора, какая-то ѣдкая и мучительная. Грицко захотѣлъ отдѣлиться, желая имѣть въ своемъ распоряженіи половину хаты, скрыню, часть одежды, и оставшуюся корову. Грызня не прекращалась, и жизнь при пискѣ дѣтей стала невозможною. Большими очами смотрѣлъ Романъ на происходящее и высыхалъ, какъ подрубленное дерево.

И въ такомъ ужасномъ положеніи, на чудо и диво, выросла Дарка. Она взяла въ свои руки все хозяйство, она прикрикнула на сына, заставила умолкнуть невѣстку, уняла дѣтей. Она всюду посмотрѣла, сосчитала всѣ долги и стала распоряжаться тѣмъ, что было вымолочено. Жида, явившагося за процентами, она выбросила изъ хаты и поколотила колотушкою. Она принялась и залѣченіе Романа, и онъ, какъ дитя, подчинялся ей всѣмъ ея требованіямъ. Она позвала изъ Батькова шептуху-знахорку, и ея наученія исполнялъ жалкій Романъ, хотя болѣзненно и недовѣрчиво улыбался, когда баба велѣла ему плевать на воду, стоять въ углу, кричать въ трубу, выносить угли за порогъ. Онъ дѣлалъ это для успокоенія Дарки. Она лучше всѣхъ знала, что день смерти мужа близокъ. Поэтому позвала священника, велѣла ему сдѣлать посвященіе хозяйства и маслосвятіе мужу, который послѣ этого сказалъ торжественно:

— Напишите о. Григорію и Мишѣ, чтобы пріѣхали. Пошлите въ Я — ще и позовите господарей Кузьму, Василія, Панаса, и господини пускай прійдутъ.

Въ хату вползла какая-то непріятная тишина. Всѣ помирились. Дарка полюбила невѣстку и безъ ея совѣта не дѣлала ничего. Дѣти испуганно смотрѣли на пасмурныя лица и молчали. Невѣстка выбѣлила хату, Дарка почистила иконы. Грицко сдѣлалъ порядокъ на подворьѣ.

Поприходили господари и господыни. Они завыли, пошептали и замолкли. Романъ съ трудомъ поднялъ свое ужасное, заросшее лицо, опустилъ сухія ноги на землю, вытеръ рукою очи и промолвилъ:

— Я видѣлъ нынѣ видѣніе: иду по льду, а ледъ, словно стекло, чистый, серебристый. Вода, какъ слеза, подъ нимъ струится. Склизко, и я вотъ-вотъ упаду, но все иду по льду вдоль рѣки нашего Серета. Подхожу къ саду пана Міончинскаго, а изъ сада выходитъ высокая, сухая пани съ чернымъ зонтикомъ въ рукахъ.

— Смерть! — шепнули бабы.

— Береть она меня за руку и ведеть по льду. Рѣка, какъ дорога, загибается внизъ, и пани меня внизъ ведетъ и заводитъ въ погребъ.

— Гробъ! — опять шепнули бабы.

— Темно въ погребѣ; смотрю: пани нѣтъ, и я давай изъ погреба обратно. Все ледъ и вода, какъ слеза. Я иду по льду и у сада я бухъ на ледъ. Голова моя разбилась и какъ будто не стало ея. Но я живу и боли не чувствую. Но не иду по льду, а теку вмѣстѣ съ чистой серебристой водою.

— Это твоя душа, кумъ Романъ, — сказалъ Кузьма, — потечетъ по водѣ, вотъ что это значитъ. Въ хатѣ раздались вздохи и стоны. Стоя у печки, Дарка закрыла лицо руками. Романъ умеръ

Тутъ же слѣдуетъ отмѣтить, что Мишѣ, который какъ гимназистъ 7-го класса вовсе не думалъ объ отцѣ и увлекался танцами и дѣвушками, приснился одновременно слѣдующій сонъ:

Дубъ въ плаіени огня. Огонь медленно обжигаетъ кору и листье, а пень и стволъ остаются неповрежденными, и дубъ вскорѣ опять покрывается корой и зеленымъ листьемъ.

— Отецъ умеръ — подумалъ Миша, — проснувшись. Огонь — смерть, это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Но вотъ что чудесно: послѣ огня опять зелень. Не вѣчность ли души это?

Сонъ произвелъ на Мишу потрясающее впечатлѣніе, когда получилъ письмо изъ дому. Въ то время онъ уже не вѣрилъ ни во что, и цинизмъ вкрался въ его душу. Онъ отвергъ всю религію и пустился въ шумъ жизни: танцовалъ, веселился, гулалъ, влюблялся на день два раза, и не признавалъ никого выше себя.... Ему казалось, что онъ все знаетъ и знаетъ больше и лучше всѣхъ Онъ признавалъ только силу Вильгельма

Телля, Моора, Гетца. Онъ сталъ изображать себя „героемъ нашего времени“ и Евгеніемъ Онѣгинымъ. Объ отцѣ онъ не думалъ. Дошло до того, что, когда онъ пріѣхалъ на похороны, то не простился по обычаю съ отцомъ. Его толкала Дарка, чтобы поцѣловалъ ноги, но онъ уперся и не подошелъ къ желтому высохшему тѣлу. Не хотѣлось ему смотрѣть на ужасную смерть. Бабы стали въ голосъ шептать, осуждая поступокъ невѣрнаго сына.

Одинъ о. Григорій понялъ молодую душу, въ которой кипѣлъ бой преразныхъ теорій, мыслей, противорѣчій и воззрѣній.

Миша покраснѣлъ. Сердце у него заныло. Онъ поплелся вмѣстѣ съ толпою за гробомъ отца, никого и ничего не замѣчая кругомъ себя. Рой дѣвушекъ, прыгающихъ подъ звуки польки, проходилъ мимо него. Сухо и холодно простившись съ родными, онъ уѣхалъ обратно въ городъ.

Дарка, которая сохраняла полное молчаніе, измѣнилась совершенно послѣ того, какъ похоронила мужа, сдѣлала поминки и отслужила нѣсколько панихидъ. У себя въ хатѣ она оставила слѣпую нищую, которую одѣла въ чистую рубашку. Всѣ дѣла хозяйства она передала сыну Грицку и сама стала ухаживать за его дѣтьми.

Часто по ея морщинамъ текли слезы и часто можно было ее видѣть у дубоваго креста на кладбищѣ. Припавъ къ землѣ, она орошала ее своими слезами.

X.

И духомъ воспрянулъ весь русскій народъ,
Надежда его оживила
При видѣ, какъ рвется впередъ, да впередъ,
На бой богатырская сила.

Н. С. Аксаковъ.

1914 годъ.

Галицкая Русь тонула и тонетъ въ крови. Такова ея доля. Лучшія ея представители погибли въ темницахъ и на висѣлицахъ. Цвѣтъ, какъ осенній листъ, палъ, не разцвѣвши, въ Карпатахъ, на Сочѣ, въ мадьярскихъ болотахъ. Повѣрь мнѣ, мой другъ читатель, что я не могу иногда уснуть, когда станутъ проходить передъ моими очами ужасы 1914 года. Волосъ выпадаетъ отъ тоски-думки. Мнѣ не жалко родного народа, къ которому судьба отнеслась такъ жестоко; сердце свыклось съ безобразіемъ, но меня терзаетъ загадка: кончится ли когда либо безправіе на нашей Родинѣ? — Вотъ вопросъ!

Почему возникла война? Уже имѣются цѣлые архивы изслѣдованій причинъ великой войны. Горы книгъ написаны по этому вопросу, и въ нихъ ясно подчеркнуто то, что война была неизбѣжной. Да, она должна была быть и то не потому, что собаки выли и скотъ мычалъ, не потому, что австрійскій импе-

раторъ не сдержалъ слова, даннаго имъ въ качествѣ крестнаго отца царю Николаю, будто отдастъ своему кресному сыну, когда тотъ женится, всю Русскую землю по Бѣлую воду, и наконецъ, не потому, что саранча налетѣла на равнины Волыни и Подолья. Все общество въ Австріи, и по всей вѣроятности, и въ прочихъ державахъ, отъ низовъ до верховъ, было пропитано заразой войны. Польша лѣзла вонъ изъ кожи: въ костелахъ била въ набатъ, въ школахъ сосчитывала полки, на улицахъ прохода не давала. Въ ея хвостѣ, иногда бормоча и негодуя, плалась Украина, подымая кулакъ въ сторону своего же брата. Офицерство шумѣло и безобразничало. Съ одной стороны изнѣженность верховъ жаждала сильныхъ ощущеній и перемѣнъ, съ другой бѣднота низовъ требовала улучшенія для себя. Оба эти протоворѣчія видѣли исходъ въ войнѣ. Кромѣ всего этого, по городамъ, мѣстечкамъ и селамъ шла гульба, рождающая разоренія и долги. Національныя особенности перешли въ послѣднюю степень ненависти. Столкновеніе было неизбѣжно, и поводъ къ нему далъ великій и самоотверженный сербъ Гаврило.

Когда началась война, семья Романа находилась въ тяжеломъ положеніи. Дарка стала старухой. Она сгорбилась. Ни одного русаго волоса не было на ея подавшейся впередъ и чуть чуть трясущейся головѣ. Зрѣніе у нея притупилось. Нить въ иголку уже вселяли внуки, да и шила она неровно и наугадъ. Любимымъ ея занятіемъ было ухаживаніе за дѣтьми и шептаніе молитвы. Сапогъ у нея не было. Чепчикъ на головѣ, бѣлая сорочка, черная юбка, — все ея добро! Кушала она розбавленную на водѣ или кисломъ молокѣ картошку. Въ пятницы воздерживалась отъ пищи и полъ дня проводила въ церквѣ и на кладбищѣ. Олекса оженился. Петро служилъ въ войскахъ. Съ первымъ призывомъ Грицко и Олекса ушли изъ дому. На задолженномъ хозяйствѣ осталась Дарка съ двумя невѣстками. У первой было трое ребятъ; вторая ходила беременной. Миша, студентъ, въ разцвѣтѣ своей весны, жилъ во Львовѣ и о домѣ почти не думалъ. Онъ всецѣло погрязъ въ политику и, бросивъ заниматься наукой, велъ споры и разговоры въ читальняхъ, кофейняхъ и на разныхъ сходкахъ и собраніяхъ. Тогда онъ былъ фанатикомъ-революціонеромъ. Его подругой была огромная палка, которая вмѣстѣ съ нимъ и спала. Дѣло Бендасюка онъ зналъ до подробностей; съ свящ. Гудимой, какъ ученикъ Бродской гимназіи, онъ было лично знакомъ. Вѣря въ одну силу, онъ всюду шелъ на-проломъ. Въ полиціи онъ значился однимъ изъ опаснѣйшихъ.

Когда во Львовѣ закишѣло отъ жандармовъ и ландштурмы, когда городская толпа, поддерживаемая музыкой разныхъ полковъ, разбивала русскіе дома, когда на улицахъ зароились громады связанныхъ русскихъ людей, Миша рѣшилъ пробраться домой къ матери.

— Чѣмъ ближе къ границѣ, тѣмъ лучше! — сказалъ онъ себѣ. По пути его задерживали нѣсколько разъ, но всежъ онъ пробился сквозь заставы и посты. Родная обстановка произвела на него непріятное впечатлѣніе. Онъ не могъ смотрѣть на ползающихъ по землѣ дѣтей, стѣснялся заговаривать съ беременной невѣсткой и избѣгалъ ласки матери. Поэтому совершенно отдѣлился отъ нихъ и поселился въ маленькой комнатѣ. Весь день проводилъ въ лѣсу, или на дорожкѣ за лѣсомъ. И тутъ то съ нимъ случилось забавное приключеніе. Когда онъ подошелъ къ дорогѣ, ведущей въ Олѣевъ, и взмахомъ палки выбивалъ въ воздухъ камешки, которыя звеня и свистя падали въ панскій овесъ, нечаянно изъ сада вышла панна Вися, дочь пьяницы-помѣщика. Она была одиначкой, но счастья не знала и не видѣла никогда. Помѣщикъ ею вовсе не занимался, помѣщица, толстая и неповоротливая женщина, замучила ее на смерть разными женихами, являющимися, Богъ знаетъ, откуда каждый день. Всѣ женихи были люди незавидные, то простаки, то старики, то надуватели. Ни богатства, ни красы, ни ума у нихъ не было. Неудивительно, что молодой, красивый, крѣпкій Миша ей понравился. Она подошла къ нему. Смѣшалась сразу, но прямо смотрѣла въ очи юноши.

— Мы живемъ въ одномъ селѣ, и до сихъ поръ незнакомы, — начала она по польски.

— Такъ чтожъ, будемъ знакомы, — отвѣтилъ онъ по русски, и хохоча, сжалъ ея блѣдную руку.

— Вы не боитесь войны?

— Ничего не боюсь!

— Вы бы и въ лѣсъ ночью пошли?

— И въ пекло! И вы не боялись бы, когда васъ не пугали бы глупые ксендзы въ школѣ и костелѣ, а дома мама.

— Ай, вы такъ смѣшно говорите, я должна смѣяться.

— А ктожъ вамъ запрещаетъ смѣяться? Смѣйтесь, и я съ вами засмѣюсь, это здорово, не вредитъ.

— Какой же, направду, вы странный человѣкъ.

— Во вякомъ случаѣ, не срашнѣе васъ. Скажите вы мнѣ, панна Вися, почему не прогоните стараго гриба, который выдаетъ себя за потомка князя Радзивилла? — Онъ идіотъ, но совсѣмъ другого пошиба, чѣмъ князь Мышкинъ, и роли Аглаи вамъ не сыграть!

— Я должна вамъ сознаться, что не знаю, кто такіе князь Мышкинъ и Аглая.

— Достоевского читали?

— Нѣтъ!

— Тогда вообще ничего не знаете. Въ монастырѣ этихъ глупыхъ святыхъ сакраментокъ учатъ васъ всякой драни, и кромѣ ксендза Петра Скарги, Свинки да Рея вы ничего не знаете. Слушайте, панна Вися, вы молоды, и этотъ старый дуракъ хочетъ васъ обмануть. Онъ женится на вашихъ 200 деся-

тинахъ, и больше ничего, Прогоните вы его кочергой. Впрочемъ, теперь уже не надо: онъ не нынѣ, то завтра уѣдетъ самъ, просто сбѣжитъ.

— Я первый разъ слышу такой разговоръ. Какъ это вы просто говорите. Но все жъ онъ шляхтичъ, стало быть, благороденъ.

— Въ томъ то дѣло, что подлецъ и шкурникъ.

— А какъ ему не бѣжать, когда московскіе козаки — такая дичина? Я ихъ такъ боюсь...

Миша захохоталъ, и эхо задрожало въ лѣсу. Въ тотъ же мигъ раздался первый грохотъ орудійнаго грома. Панна Вися поблѣднѣла и, не простившись, побѣжала домой.

Когда Миша поднялся на холмъ, то передъ его очами раскинулась равнина до самыхъ Залозецъ. При заходящемъ солнцѣ на равнинѣ какъ на ладонѣ, видно было, что происходитъ: кругомъ поле покрывали хлѣба и по дорожкѣ, ведущей къ Тростянцу, продвигалась медленнымъ шагомъ колонна австрійской пѣхоты. За нею ѣхалъ обозъ, а быть можетъ санитарныя повозки. Вдругъ опять загремѣло, и колонна исчезла изъ виду.

Струя восторга влилась въ сердце Миши. Оновременно непонятное чувство овладѣло имъ. Подъ лѣсомъ онъ увидѣлъ нѣсколько австрійскихъ стрѣлковъ, которые, согнувшись въ три погибели, бѣжали, заливаясь потомъ, къ селу. Они его не замѣтили. Вдоль Серета отъ Гднѣдавы тянулись подводы крестьянъ, уѣзжающихъ куда-то. Между тѣмъ на дворѣ Романихи настала тревожная суматоха. Тамъ уже стояли подводы со всякимъ крестьянскимъ добромъ, все смѣшалось: коровы, кони, свини, гуси. Съ испуганными лицами суетились крестьяне, ихъ жены и дѣти. Мишу, однако испугало совершенно другое обстоятельство, въ хатѣ, когда онъ туда вошелъ, лежала, какъ снятая съ креста, жена его брата и возлѣ нея кричалъ ужасно некрасивый, красный ребенокъ. Она подняла, словно прося защиты, на него свои очи и тяжко вздохнула. Въ головѣ Миши замутилось, онъ какъ будто потерялъ зрѣніе и слухъ. Выбѣжавъ на дворъ, наткнулся на вопившую во всю глотку крестьянку:

— Корова моя, корова, единственное мое добро.

— Что такое? — спросилъ Миша.

— Корова сбѣжала, а у меня ничего больше нѣтъ, только эта корова.

— Куда жъ она убѣжала?

— Вотъ туда! — махнула она рукою. Мишѣ стало жарко. Онъ сбросилъ изъ себя блузку и побѣжалъ вмѣстѣ съ крестьянкой въ поле мимо двора помѣщика; а тамъ кипѣло, какъ въ котлѣ. Кричали, бѣгали, выли и выносили на повозки всякую рухлядь и трапье. Внизу по дорогѣ прокатилась повозка съ старою помѣщицей и панною Висею. Въ мигъ Мишѣ пришла въ голову мысль догнать ее и проститься. Сейчасъ же онъ раз-

думалъ. Крестьянка куда-то пропала. Онъ остался одинъ въ полѣ, надъ которымъ повисла зловѣщая тишина. Казалось, весь восточный полукругъ былъ объятъ однимъ пламенемъ пожара. Въ заревѣ этого пожара еще краснѣе казалась большая луна. Миша побѣжалъ къ родному дому. Такого замѣшательства, какъ тогда происходило, онъ еще не видѣлъ ни разу въ своей жизни. Собравшійся откуда-то народъ стономъ стоналъ; бабы безъ чепцовъ выносили на возы все, что могли.

— Что вы? — крикнулъ на мать Миша и, замѣтивъ у воза стоящую только-что родившую ребенка, подошелъ къ ней и крикнулъ.

— И ты встала? Ты не сошла съ ума? Скорѣй мнѣ въ хату на постель! — Она, однако не отвѣтила ничего и посмотрѣла на бабу, которая держала ея ребенка.

— Куда вы ѣдете? — спрашивалъ Миша.

— Куда всѣ, туда мы, — отвѣтила его мать. — Золото мое, будь нашимъ отцомъ, помощникомъ, совѣтникомъ... Что мы-бабы безъ мужчины? Поѣзжай съ нами!...

— Вотъ вамъ мой совѣтъ оставайтесь дома. Подумайте, мама, что въ полѣ еще хуже будетъ. Ночью васъ примутъ за войско. Впрочемъ, вы погибнете безъ молока и пищи, дѣти въ первую очередь. А эта дура, выздоровѣетъ ли она въ полѣ? Кто ее помоетъ, кто — ребенка?

Всѣ эти слова были напрасны. Въ толпѣ произошла паника. Падающіе сумерки и убѣгающіе солдаты съ поля усилили страхъ. Пошли шепоты, вопросы, отвѣты, и, наконецъ, все загуло:

— За лѣсомъ козаки!

Черезъ десять минутъ уже никого не было на дворѣ Романихи. Въ селѣ еще клокотало, но и тамъ скоро утихло. Теперь только сталъ Миша приходить въ себя. Онъ загналъ въ хлѣвъ брошенныя коровы, гуси и утки. Чтобы Демонъ, любимая его собака, не лаяла, заперъ ее въ комнатѣ. Для осторожности онъ позатыкалъ подушками всѣ окна, дверь закрылъ на ключъ и въ своей комнатѣ зажегъ лампочку. Пустота, какая-то ужасная пустота наполнила хату. И страхъ налетѣлъ на Мишу... Шорохъ мухи звонилъ въ его ушахъ тревожнымъ звономъ. Думки, мысли, предположенія толпились въ его головѣ, и ничего яснаго онъ не могъ себѣ представить. Съ лампочкой онъ вошелъ въ большую комнату; лица иконъ будто въ одинъ голосъ хотѣли ему что-то сказать, но боялись нарушить тишину. Мишѣ стало еще страшнѣе.

* * *

XI.

Въ туманѣ смутныхъ дней
Въ нелегкій путь пошли мы...
В. Л. Величко.

Арестъ Миши.

Миша выронилъ изъ рукъ лампочку, услышавъ стучаніе въ дверь. Противоположныя мысли прѣлотели черезъ его умъ.

Австрійцы — гибель!

Козаки — свобода!

Ни первые ни вторые; стучавшимъ былъ Чапайло, дюжій и крѣпкій парень. Не пришелъ онъ однако, по своему желанію; изъ сосѣдней деревни послала его мать Миши. И вернуться онъ рѣшился лишь тогда, когда Дарка отдала ему все, что имѣла, на горѣлку. Выпивши, онъ смѣло и весело прошелъ пустое село и поле. Миша одно сообразилъ правильно, что впустить непримѣнно нужно, кто бы тамъ ни былъ.

— Говорю вамъ — закричалъ Чапайло — всѣ паны и паничи дурни. Говорю вамъ еще, что вы одинъ изъ нихъ умная голова. И говорю вамъ, что вы не мышь, а котъ, дуже хитрый человѣкъ. Говорю вамъ, вы себѣ думаете: бабье фить-фить, а я козакомъ буду. Говорю вамъ, мышь, а я плюю на панство, ибо мой дѣдъ былъ тоже козакомъ...

Миша засвѣтилъ свѣчку, и Чапайло полѣзъ въ намисникъ. Онъ добылъ оттуда бутулку, хлѣбъ, и соль и все медленно положилъ на столѣ.

— Говорю вамъ. мышь, не бойтесь. Мой дѣдъ былъ казакомъ, а на шляхту намъ наплевать. И еще говорю вамъ: надо выдоить коровы, чтобы вымя не испортилось. Говорю вамъ, мышь, не бойтесь. Вы подождите тутъ; я пойду доить коровы.

Когда онъ вышелъ, Миша сначала задумалъ запереться въ своей комнатѣ, но потомъ раздумалъ. Чапайло принесъ полный скопецъ молока.

— Говорю вамъ, я вашу корову знаю. Дою я, а она сама ногу отодвигаетъ, и потомъ еще лижетъ меня по лицу. Говорю вамъ, добрая, ласковая корова. Теперь же, мышь, сваримъ рисовую кашу въ молокѣ. Говорю вамъ, я видѣлъ однажды, какъ варила Рухля въ корчмѣ: очень вкусная была.

Миша какъ разъ считалъ огонь за полночь недопустимымъ дѣломъ. Однако Чапайло самъ вскорѣ забылъ о кашѣ. Выпивши и закусивши, онъ сталъ еще смѣлѣе.

— Говорю вамъ, мышь, пойдемъ въ лѣсъ. Война, такъ война! Говорю вамъ, мой дѣдъ былъ козакомъ.

Они вышли на дворъ. Луна стояла прямо надъ хатою, и свѣтло было, словно въ день. Холодокъ тянулъ отъ лѣса, по листвѣ котораго такъ и скользили лунные лучи... Тишину нарушали неистовые крики совъ, похожіе на рыданіе.

— Погибъ, погибъ!

Они вошли въ лѣсъ и присѣли. Подъ шумъ березъ Чапайло уснулъ, но несмотря на это Миша убѣдился, что при живой душѣ веселѣе въ лѣсу, чѣмъ одному. Вдругъ онъ услышалъ лошадинный топотъ. По дорожкѣ, ведущей отъ помѣщика къ Дарчиной хатѣ, мчался одинъ всадникъ, за нимъ въ разстояніи 50-ти шаговъ, ѣхало 12 человѣкъ, и позади еще одинъ. Это были австрійскіе драгуны, дѣлавшіе развѣдку и соблюдавшіе осторожность. Миша затрепеталъ всѣмъ тѣломъ, но на счастье они не остановились и рысью поскакали къ селу. Онъ отвелъ запертый въ своей груди духъ и прилегъ при Чапайлѣ. Уснуть, однако, не могъ, и вошелъ въ хлѣвъ, обнялъ лошадь, дожидаясь утра. Вскорѣ стало разсвѣтать. Оставивъ храпѣвшаго, какъ лошадь, Чапайлу, Миша побѣжалъ за лѣсъ на холмъ, чтобы узнать, что тамъ происходитъ.

На полѣ, покрытомъ пышнымъ урожаемъ, лежала глубокая тишина; вѣтерокъ ни зашевелился. Миша подошелъ къ помѣщичьему двору. Вездѣ былъ виденъ безпорядокъ, словно орда здѣсь побушевала. Пустота была въ комнатѣ. Къ большому своему удивленію, въ одной маленькой комнатѣ онъ увидѣлъ лежащаго на полу пана. Зловоніе наполняло комнату; вода стояла на полу. Панъ былъ пьянъ и потерялъ сознаніе. Въ рукахъ держалъ онъ камни. Изъ рукъ текла кровь. Онъ билъ камнями по рукамъ и повторялъ постоянно: москаль — австріякъ. По всей вѣроятности, онъ рѣшалъ, кто изъ нихъ выиграетъ.

— До чего страхъ можетъ довести! Недаромъ говорятъ, что у страха глаза велики, — подумалъ Миша. Помѣщикъ посмотрѣлъ на него, какъ теленокъ, оплевываясь и бормоча непонятныя слова... Миша ушелъ, на каждомъ шагу прислушиваясь, не слишно ли топота. День показался ему безконечно долгимъ Онъ не зналъ, что дѣлать. Чапайлы уже не было, который проснувшись, и не нашедши никого, убѣжалъ. Миша сталъ хозяйничать. Онъ накосилъ овса и занесъ его коровѣ, курамъ насыпалъ пшена, собаку накормилъ молокомъ и хлѣбомъ, уткамъ налущилъ кукурузы и свиньямъ набросалъ сырой картошки. Затѣмъ онъ вымылъ корову и теленка, нарѣзалъ на сѣчкарнѣ сѣчки, нарубилъ дровъ и наконецъ, принялся за уборку хаты.

Около полудня онъ опять выбѣжалъ за лѣсъ. Опять никого онъ тамъ не увидѣлъ... Вернувшись, вылѣзъ на стогъ сѣна и уснулъ твердымъ сномъ.

Солнце уже зашло, когда проснулся Миша. Отъ твердаго сна заболѣла голова, и сонъ его тревожилъ: ему снилось, что въ Бродахъ директоръ гимназіи посадилъ его въ карцеръ. Онъ сбѣжалъ, но на улицѣ поймалъ его жандармъ и привелъ передъ Францъ Іосифа, который велѣлъ его опять заключить въ темницу. Когда онъ вошелъ туда, то на него набросился высокій черный іезуитъ, желающій его убить. Въ бою и проснулся Миша.

— Не хорошо! — подумалъ онъ, слѣзая съ сѣна. На хатѣ, на дворьѣ и лѣсѣ лежала какая-то таинственная краска. Онъ никакъ не могъ рѣшить, какое можетъ быть время. На утро не было похоже, на вечеръ тоже; день прошелъ, а ночью такъ не бываетъ. Онъ пошелъ на траву, на которой уже была роса. Это еще больше затревожило Мишу; посмотрѣлъ на крыши: дыму не было нигдѣ видно. Вездѣ царила тишина. Когда въ лѣсу крикнула сова, онъ узналъ только теперь, что это былъ вечеръ.

— Погибъ, погибъ! — какъ вчера, кричала сова.

Четыре часа августовской ночи провелъ Миша въ тревожномъ волненіи. Онъ не боялся ночи, какъ ночи; до сихъ поръ страхъ у него не существовалъ, но теперь чувствовалъ, что съ приходомъ австрійцевъ съ нимъ было бы плохо. Онъ рѣшилъ бѣжать; выбѣжалъ за лѣсъ въ пшеницу и опять вернулся. Обильная роса задержала его. Онъ зарылся въ сѣно, въ которомъ пролежалъ до перваго разсвѣта. Снявъ ботинки и высоко закасавъ брюки, онъ выбѣжалъ за лѣсъ и пошолъ по тропинкамъ, межамъ, рощамъ и садамъ мимо пустой Гнѣдавы и черезъ пустые Чистопады въ Залозцы, гдѣ, по его догадкѣ должны находиться русскіе. У самаго мѣстечка въ саду встрѣтила его выглянувшая изъ глубокой ямы мѣщанка.

— Вы куда? Скрывайтесь по скорѣе! Наѣхали мадьярскіе драгуны и кого поймають, тому капутъ! — шептала она.

Миша понялъ, что русскій авангардъ отступилъ. Полныхъ два часа опять ему пришлось бѣжать обратно. Вернувшись, онъ палъ на свою кровать, но не отдохнулъ, какъ слѣдуетъ. Кто-то застучалъ въ дверь. Если передъ нимъ явился бы мадьяръ или козакъ, онъ не удивился бы такъ, какъ тэперь, увидавъ передъ собою панну Висю, покрытую шелковымъ платкомъ и загорѣвшую отъ солнца. Уста у нея дрожали и большія слезы струились по лицу. Она взяла его за обѣ руки.

— Идите къ намъ, прошу васъ. Папа лежитъ безъ сознанія, мама боится. Будете у насъ ночевать.

— Панна Вися, успокойтесь только. Вамъ совершенно нечего бояться.

— Почему?

— Ничого плохого не можетъ быть съ вами.

— Козаки такіе дикіе...

— Ошибаетесь, панна Вися, среди нихъ есть хорошіе русскіе люди.

— Ну, напримѣръ, что мнѣ сдѣлалъ бы козакъ, если бы увидѣлъ меня?

— Думаю то, что сдѣлалъ бы каждый молодой человѣкъ. Соскочилъ бы съ лошади, поцѣловалъ бы, и болѣе ничего.

— Вы шутите, но мнѣ не до шутокъ.

— А гдѣ-жъ, кстати, вашъ кавальеръ, потомокъ князей Радзивилловъ?

— Бѣжалъ, и слѣдъ застылъ.

Они вышли на лѣсную тропинку въ садъ, и тамъ Миша простился. Онъ не хотѣлъ играть роль Тарасова Андрея. Онъ вернулся домой; посмотрѣвъ внизъ на село, онъ увидѣлъ цѣпь телѣгъ, возвращающихся мужиковъ во-свояси, за ними стадо коровъ, овецъ и много другого крестьянскаго добра. Вернулась и мать его съ невѣстками. Она пала на приспу и говорила:

— Теперь пускай меня убьютъ, но больше родной хаты не оставлю.

— А что, не говорилъ я ли вамъ, что въ полѣ будетъ плохо?

Дѣти измѣнились, чего-то почернѣли, какъ цыганятка. Они припали къ его ногамъ.

— Дядя, дома лучше.

Удивительно одно: родившая ребенка ни единымъ словомъ не попрекнула своей судьбы. Она, какъ будто выздоровѣла, лицо стало румянѣе и свѣжѣе. И ребенокъ кричалъ во всю глотку.

— Надо бы его окрестить, — сказала старая мать.

— И окрестимъ. Не надо попа, куда за нимъ теперь поѣдешь? Я его окрещу самъ... Сей человѣкъ, но не рабъ, отъ нынѣ будетъ называться: Всеволодомъ!

— Что ты, такого нѣтъ имени! — закричали женщины.

— Какъ нѣтъ! Это настоящее русское имя! Довольно этихъ Гаврилъ, Мойсеевъ, Ивановъ и всякой прочей рухляди.

Конечно, женщины обидились, но видя все въ наилучшемъ порядкѣ, замолкли и съ гордостью смотрѣли на Мишу. Долго, однако, онѣ на него уже не смотрѣли. Вторично 17 августа, явились русскія войска подъ Залозцями, уже не отступать, а наступать побѣдоносно впередъ. Австрійцы увозили русскихъ вглубь своего края. Въ хату Дарки вошли три жандарма и деревенскій староста Сѣкатовскій и писарь Кецко. Всю хату они перевернули верхъ дномъ. Всѣхъ усерднѣе работалъ Кецко. Онъ нашелъ одну бумажку и передалъ вахмистру.

— А что это? — крикнулъ вахмистръ, — ага, воззваніе: Русскіе люди! по случаю польско-украинской подлости льется русская невинная кровь въ Горуцкѣ! Песій сынъ, какъ ты смѣешь держать это у себя?

— Дѣлайте свое дѣло, но не ругайтесь и не обращайтесь ко мнѣ на ты.

— Проклятый москаль, молчать!

— Я русскій, и прошу меня москалемъ не называть, я въ Москвѣ не родился. Я родился на Русской землѣ, и поэтому я русскій.

— Шпіонъ ты!

— Вы шпіонъ! зачѣмъ пришли въ хату и пугаете женщинъ и дѣтей?

— Молчать! — крикнулъ вахмистръ и ударилъ его по лицу.

— Это подлость и нахальство! — крикнулъ Миша — вы себя ведете не какъ власть, а какъ хулиганы!

— Чего оставался дома, казаковъ выжидалъ, а?

— Я остался дома потому, что это мое добро, оставленное мнѣ отцомъ. На чужомъ хлѣбѣ не желаю жить.

— Почему не записался въ добровольцы, въ польскіе легіоны, или украинскіе?

— Я считаю святѣйшимъ долгомъ защищать родную старую мать!

— Вѣдь же она уходила?

— Да, но я зналъ, что вернется черезъ день два.

— А въ легіоны почему не записался?

— Просто потому, что не могу. Вы полякъ и любите свою Польшу. Кецко украинецъ, пусть себѣ идетъ въ украинскіе легіоны, я русскій и не могу идти ни къ полякамъ, ни къ украинцамъ.

— А къ Австріи?

— Если бы она во мнѣ нуждалась, то позвала бы меня. У меня нѣтъ призывного билета, а три родныхъ брата служатъ ей и, быть можетъ, кровь проливаютъ.

Напрасно рыдала мать, просили невѣстки. Миша былъ связанъ и увезенъ. Старушка мать выбѣжала и бросила ему пальто. Онъ нагнуся къ ней лицомъ и поцѣловалъ въ морщины, полныя слезъ. Изъ сада выбѣжала панна Вися и бросила на подводу бѣлыя розы. Жандармы приняли это на свой счетъ и замахали, улыбаясь, руками. Миша же мысленно простился съ родными полями.

XII.

Боже, какъ это было гадко!.. Такъ гадко, что, стиснувъ зубы, я чувствовалъ въ себѣ одно тоскующее, безсильное бѣшенство.

В. В. Шульгинъ

Тюрьма св. Бригиды.

Вокругъ горѣли жидовско-польскія помѣстья, и гдѣ-то далеко шла пальба. Все чаще проходили и проѣзжали воинскія части, усталыя и пригнобленныя. Съ тихою грустью смотрѣлъ Миша на поля вокругъ Зборова, повитыя такой-же грустью. Историческая мѣстность съ козацкими курганами и каменными крестами опять становилась побоищемъ. Казалось Мишѣ, что возсоединеніе русскихъ земель наступитъ теперь окончательно и онъ забылъ, что на его рукахъ лежали желѣзныя цѣпи и надъ головою сверкали австрійскіе штыки. Ровно въ полдень подвода остановилася передъ зданіемъ уѣзднаго Зборовскаго начальника. Изумился Миша, услышавъ крикъ толпы. Сотни рукъ потянулись къ нему, чтобы нанести ему ударъ. Что онъ могъ сдѣлать? Бороться съ толпой? Сердце его закипѣло гнѣвомъ, и онъ закрылъ очи. Кто смѣялся, кто плевалъ на него,

кто кричалъ, кто билъ; онъ не видѣлъ и не хотѣлъ видѣтъ никого, но душою онъ крѣпъ, какъ кремень и даже радовался, что погибнетъ за правое, святое, русское дѣло. Душу его наполняла радость еще потому, что въ городѣ замѣтилъ непорядокъ, растерянность и уныніе; поляки и жиды бѣжали. Бѣжали не впередъ на наступающаго своего противника, а бѣжали въ тылъ и били связанныхъ политическихъ арестантовъ.

Его посадили въ уѣздную вязницу напротивъ русской церкви. Какъ дерево, повалился онъ на грязную койку, на которой Богъ знаетъ, кто лежалъ, и посмотрѣлъ въ темноту. Теперь только онъ сталъ рвать на себѣ волосы. — Почему же я не бѣжалъ въ первую ночь къ русскимъ? Росы побоялся! Баба я, и видно, духъ рабства наполняетъ мою душу. Такой прекрасный случай, не дуракъ ли я! Теперь терпи, но атаманомъ не будешь, а арестантомъ!

Онъ уснулъ. Въ полночь его разбудилъ жандармъ и связалъ вмѣстѣ съ двумя крестьянами и одной крестьянкой тяжелой цѣпью. Это было сдѣлано, повидимому, для того, чтобы никто изъ нихъ не могъ убѣжать. На дворѣ увидѣлъ Миша еще одного преступника, о. Григорія, своего добродѣтеля. Въ городѣ не спали. Къ священнику подходили люди, которые въ обществѣ занимали высокопоставленныя мѣста, брали его за носъ, стучали кулаками въ чело, и плевали въ лицо. Слова, какія они говорили, въ печати воспроизвести просто немыслимо... И такъ продолжалось на каждой станціи до самого города Львова. А сколько страданій вынесла связанная цѣпью четверка! Когда приходилось идти, то цѣпь въѣдалась въ тѣло другого. Иногда надо было скрыться въ вагонъ скоро, а то толпа била, нажимала, угрожала...

Львовъ.

Миша не узналъ его... Это былъ сумасшедшій домъ... Все здѣсь смѣшалось, ничего разумнаго здѣсь не было. Въ сѣрой толпѣ героями рыскали военные, ландштурма, жандармы и городовые. Жаждущіе мести, они вмѣстѣ съ потерявшими гражданское чувство гражданами врывались въ сотни повязанныхъ русскихъ людей и били, били безъ пощады. Пройти одну Львовскую улицу — значило выдержать страшное наступленіе. И не всѣ выдерживали: женщины рыдали и, умлѣвая, падали подъ ноги, мальчики и дѣвочки неистово кричали, а мужчины сбивались въ кучи, въ которыя падали камни, палки, грязь.. Счастливъ уже тотъ, за кѣмъ захлопнулась тяжелая черная. тюремная дверь. Другое дѣло, что тамъ при осмотрѣ обокрадутъ, нарочно поведутъ въ баню, гдѣ перемѣнятъ платье, или сдерутъ, но тамъ нѣтъ толпы и ландштурмы... Тамъ испробованные мучители, но у нихъ пріемы другіе.

Миша былъ помѣщенъ въ одной комнатѣ съ о. Григоріемъ. Когда захлопнулось тюремная дверь, онъ, стоя у порога, плюнулъ трижды. Съ подозрѣніемъ посмотрѣли на него находящіеся

тутъ священники: Были случаи, что предатели находились въ комнатахъ.. Свой своего боялся. Миша еще разъ плюнулъ.

— Тюрьма, то значитъ, кончено! — произнесъ онъ; о. Григорій улыбнулся.

— Миша, что новаго? — спросилъ онъ.

— Побейте меня о. Григорій, куда хотите, я на васъ не буду сердиться. Дуракъ я, о. Григорій! Нынѣ я могъ быть въ Кіевѣ, а я здѣсь. Два дня ни одного австрійца не было. Бѣжать было, нѣтъ не бѣжалъ: росы перепугался.

Послѣ этого веселье посмотрѣли на него его случайные сожители. Съ большимъ вниманіемъ они выслушали разсказъ о приближеніи къ Зборову русскихъ войскъ... Затѣмъ о. Григорій разсказалъ свое горе: его выдалъ сосѣдъ священникъ, украинецъ лишь потому, что былъ его партійнымъ противникомъ. Какъ большой идеалистъ, онъ писалъ письма къ своему митроп. Шептицкому, но все это не помогло. Всю дорогу его били, во Львовѣ его ранили до крови и профессы обокрали до послѣдняго гроша. Все же онъ не падалъ духомъ.

Много читалъ Миша о тюремной жизни, но все имъ запечатлѣнное въ памяти не соотвѣтствовало тому, что онъ увидѣлъ въ тюрьмѣ св. Бригиды. Онъ не могъ себѣ представить, какъ въ комнатахъ могли находиться отхожія, отъ которыхъ подымались паръ и смрадъ, какъ туча въ ненастный день. Сырость дѣлала этотъ паръ тяжелымъ, и лампочка висѣла какъ далекая звѣздочка, и всю ночь вокругъ жолтаго свѣта стояло желто — синоватое кольцо, какое мы иногда видимъ вокругъ мѣсяца. Отъ сжатаго воздуха высыхала во рту слюна, и отдыхать было весьма тяжело. По всей вѣроятности тюрьма св. Бригиды была выстроена св. Ядвигой, королевой польской, когда она заняла Галицкую Русь. Неуклюжія, широкія, обросшія мхомъ и грибами стѣны говорили, что она принадлежитъ средневѣковію. Одно окно, правда большое, было лишь на то прорублено, чтобы арестантъ видѣлъ кусочекъ неба и еще сильнѣе мучился. Солнце въ комнату Миши вторгалось только посредственно, отражаясь отъ стеколъ почернѣвшей церкви, стоящей, какъ олицетвореніе унынія, въ серединѣ кирпичныхъ и каменныхъ тюремныхъ стѣнъ. Желѣзныя прутья придавали окну видъ клѣтки, въ которую птичкѣ головы никогда не высунуть.

— А зачѣмъ ты, окаянный дуракъ, въ дырочку смотришь? — смѣясь, обратился къ часовому Миша. Раздался легкій хохотъ. Прибытые роковымъ несчастьемъ, жившіе въ тревожной неизвѣстности, ожидавшіе страшнаго суда, непривыкшіе къ тюремной жизни, многіе пали духомъ, ослабли, заболѣли... То же наблюдалось и въ комнатѣ Миши. Обращенія, слезныя письма не помогали, и страхъ росъ все болѣе и болѣе. Самое слово: тюрьма было ужаснымъ для людей, души которыхъ неспособны были на паденіе,.. Это слово для нихъ было

убійственнымъ ударомъ и душевной пыткой. Въ пригнобленномъ состояніи духа раздражалось чувство. Для нихъ все было противно: рѣшетки, черная дверь съ двумя замками, желѣзныя койки, глупая лампочка, стукъ часового. На все сыпалось проклятіе. Отъ думокъ голова ходила, въ ушахъ шумѣло. Миша въ комнатѣ былъ моложе всѣхъ. Въ его годы водится только шутка. Онъ сталъ надъ всѣмъ, что его окружало, просто смѣяться.

— Культура, она и куска клочья не стоитъ! — говорилъ онъ. — Но прійдетъ время, и въ наше оконце засіяетъ солнце, не такъ ли о. Григорій?

— Конечно, такъ! Говоря, однако, о культурѣ, ты слишкомъ увлекаешься этимъ словомъ. Воспитать человѣка — это великая задача, но каждое государство стремится создавать себѣ вѣрноподданныхъ, и больше ничего. Люби ближняго твоего, какъ самаго себя, — вотъ это должно бы оно внѣдрять въ сердца подданныхъ.

— Люби ближняго твоего, какъ самаго себя! Я васъ спрашиваю, о. Григорій, вы можете любить тѣхъ жидовъ, которые на васъ плевали, тѣхъ поляковъ, которые васъ били и тѣхъ кровныхъ братьевъ, именуемыхъ себя украинцами, которые предали васъ?

— Истинно говорю, что они жалкіе люди, и я ихъ люблю.

— А я, о. Григорій, грѣшенъ человѣкъ, считаю ихъ послѣднею сволочью, врагами, и на такихъ ближнихъ и братьевъ мнѣ наплевать.

— Вотъ видишь, Миша, ты таковъ, какъ они. Если бы у тебя была власть, ты тоже такъ поступалъ бы съ ними.

Этотъ отвѣтъ сильно запалъ въ душу Миши. Онъ не зналъ, что отвѣтить священнику. Вдругъ задрожала дверь и въ комнату влетѣлъ средняго роста рыжій жидъ въ формѣ русскаго стрѣлка. Онъ перебѣжалъ, спасая свою жизнь. Изъ фронта онъ былъ отправленъ вмѣстѣ съ арестованными людьми. Такъ какъ у него была русская фуражка, то его всюду принимали за настоящаго шпіона и били безъ милосердія. Видъ у него былъ ужасный; носъ вытянулся, глаза вылѣзли; его ранили до крови.

— Издохъ ваша конституція, и ваша культура! Я думалъ, что меня встрѣтятъ честь-честью, а они, вотъ, эти пейсатые еврейчики, давай меня бить камнями по головѣ... Хорошая культура, нечего говорить!..

Всѣ стали смѣяться, но Миша завелъ съ нимъ дружбу. Жидъ страшно затосковалъ, и, узнавъ, кто вмѣстѣ съ нимъ томится, сталъ вѣжливъ. Совѣсть грызла его.. На его счастье однажды ночью такъ же, какъ онъ, влетѣлъ въ комнату поручикъ польскихъ легіоновъ. Онъ былъ пьянъ, и кричалъ:

— Вывѣшать всѣхъ москвофиловъ! Здѣсь земля польская Я имъ покажу, что такое Польша!

Услышавъ это, еврей пошепталъ съ Мишей и подошелъ къ поручику. Какъ-то страшно засверкавъ очами, онъ завизжалъ:

— Что, что ты говоришь, австрійскій песъ?

Поднялся Миша. Яша — такъ назывался этотъ богатырь — снялъ ремень и зазвонилъ бляхами.

— Видишь, задавлю тебя, какъ щенка.

Поручикъ замолкъ. Арестованъ онъ былъ по доносу своего товарища; потомъ сознался, что по происхожденію онъ русскій, но вырекся этаго имени, женившись на полькѣ и желая получить мѣсто. Въ тюрьму св. Бригиды попадали тоже истинные австрійскіе патріоты, украинцы и даже жиды. Такихъ было нѣсколько случаевъ. Они бѣжали за арестованными, и нельзя ихъ было отогнать... Вторгались и за ворота, а разъ ворота захлопнулись, то и пиши: пропало: шпіонъ, и конечно! И подѣломъ!

На улицахъ Львова кишмя кипѣло. Съ каждымъ днемъ становилось страшнѣе. Всѣмъ стало ясно, что Австрія отступаетъ; и всѣмъ стало ясно, что можетъ наступить за пораженіемъ страшная расправа. Толпы хлынули и хлынули. Росла тревога. Бѣженцы смѣшались съ войсками; тюрьма наполнилась отчаяніемъ. Стали вѣшать, и это потрясло до глубины всѣ души загнанныхъ въ тюрьму. Каждый сталъ думать свою тяжелую думу. Шопотомъ лилась молитва, ибо каждому казалось, что вотъ-вотъ подъ дверью зазвонитъ колокольчикъ, откроется дверь и его схватятъ и поведутъ въ уголъ за черныя ворота. Въ углу за черными воротами стояло 3 столба съ большими крюками. Это были висѣлицы.

Наступившая ночь усилила страхъ еще въ большей мѣрѣ. Въ тюрьмѣ произошла суматоха, на улицахъ раздавался одинъ гулъ. Все бѣжало. Около 11-ти часовъ, шепнулъ въ дырочку часовой: козаки во Львовѣ!.. Миша передалъ извѣстіе прочимъ, и оно подѣйствовало, какъ громъ изъ яснаго неба. Священники пали на колѣни и стали исповѣдываться, говорить молитвы. Кто-то шепнулъ, что тюрьму взорвутъ, и всѣ повѣрили въ это. Каждая минута становилась невыносимой. Но прошелъ цѣлый часъ, и никого изъ властей въ тюрьмѣ не стало.

Потомъ только явились власти и какъ ни удивительно, ихъ лица просіяли. Всѣмъ показалось, что гроза миновала. Въ камерѣ Миши стали мѣрить пульсъ и у каждаго насчитывали выше 100 и 120 ударовъ. Вся комната такъ и ахнула, когда кто-то объявилъ, что у Миши ровно 62 удара. Онъ ждалъ козаковъ, построилъ цѣлый планъ побѣга съ Яшей на случай суматохи въ городѣ.

Ровно въ полночь, однако, раздалось грозное австрійское геравсъ. Приказано выходить и ставать въ ряды... Легко сказать: ставать въ ряды. Но стать по требованію австрійскаго жандарма — стоило большихъ усилій и мученій, а иногда

и жизни. Опять били въ животъ прикладами, по головѣ кулаками и штыками.

Открылись ворота, — а теперь куда?

XIII.

Твой плачъ, твой стонъ покажется смѣшонъ, и будетъ все ужасно мрачно.
М. Ю. Лермонтовъ.

Малая крѣпость въ Терезинѣ.

— Всѣ вы, псякость, здѣсь подохнете; одинъ студентъ только выкрутится — сказалъ вахмистръ на прощаніе.

Терезинъ, маленькій городокъ, лежитъ на рѣчкѣ Огрѣ. Та часть, куда загнаны были изгнанники называется малой крѣпостью. Стѣны, почернѣвшія отъ времени, пахмурныя и имѣющія вмѣсто оконъ маленкія дыры, производятъ тяжелое впечатлѣніе, грустно-романтическое. Онѣ образуютъдлинные и довольно высокіе валы, словно насыпи, которые всецѣло напоминаютъ средновѣковье. На валахъ казармы. Когда-то въ нихъ помѣщались солдаты, и тутъ было все, что необходимо для воинскихъ крѣпостныхъ нуждъ: стайни для лошадей, склады оружія и пороха, амбары для зерна, хлѣба и соломы; возы, корчма, жилища для женатыхъ, всякаго рода погреба, ямы, конурки и разныя тюрьмы: общія вязницы и полутемницы. Входъ въ этотъ лабиринтъ былъ возможенъ только съ двухъ концовъ: черезъ тѣсныя, оберегаемыя часовыми ворота.

Всѣ валы описывали квадратъ, въ срединѣ котораго лежала площадь для упражненія солдатъ, загородки для лошадей, разные участки для артиллеріи, кавалеріи, подводъ — однимъ словомъ, малая крѣпость лишь называлась малой, а въ самомъ дѣлѣ она была огромнымъ, неуклюжимъ, съ множествомъ гадовъ, лягушекъ, крысъ, мышей, швабовъ, червей и прочей гадости старымъ зданіемъ, въ полутемныхъ, сырыхъ и затхлыхъ корридорахъ, в которыхъ свисталъ неизвѣстно откуда залетающій вѣтеръ. На валахъ, заросшихъ травою, были устроены укрытія изъ-за которыхъ солдаты должны были отбивать настпающаго врага. На эти валы можна выйти только черезъ маленкія воротца; а тамъ уже рвы съ водою и безъ воды. Таковъ приблизительно Терезинъ!

— Ну, солдаты могли жить въ крѣпости, то почему бы вы, измѣнники, не могли жить въ ней? — пробормоталъ нѣмецъ, тюремный ключникъ.

Что-жъ на это отвѣтить? Напрасно отвѣчать и доказывать, что солдаты выбранный, здоровый, молодой народъ, что все таки были размѣщены по нѣсколько человѣкъ въ комнатѣ и только ночью тамъ бывали, когда спали, а все прочее время они проводили на воздухѣ, въ постоянномъ движеніи и занятіи

— Ну, ну! — опять пробормоталъ нѣмецъ и ушелъ, покуривая трубку.

Старикамъ, женщинамъ и дѣтямъ, какъ тутъ жить въ гноѣ, еще невысохшемъ послѣ увода лошадей, на голыхъ камняхъ, гдѣ лежало одно желѣзо или стояли подводы? Не всѣ могли попасть въ комнаты, т. е. казармы. Большая часть была загнана въ полутемныя стайни и темные погреба, и всѣ вмѣстѣ были окружены численными часовыми, ключниками, профессами, у которыхъ хранились ключи отъ дверей, подваловъ, погребовъ, сараевъ и казармъ.

Дальше у воротъ стоялъ тоже часовой, а ключи отъ воротъ находились у надзирателя. Команда солдатъ и тюремная прислуга подчинялись коменданту крѣпости. Какая жизнь могла быть въ такой обстановкѣ, среди камней? Неудивительно, что изгнанные люди затосковали, поглохли, ослѣпли, съ ума посходили. И неудивительно, что они однимъ хоромъ, явившись впервые на валы и сбившись въ одну кучу, затянули: Пречистая Дѣво, мати Русскаго краю!

Народъ пѣлъ съ чувствомъ, слезами, надеждой и вѣрой въ силу русскаго духа, въ чистоту и правоту свою. Ибо были тамъ люди, совершено ни въ чемъ неповинные.

Можно ли кого-нибудь бить, арестовать и заключать въ вязницу лишь за то, что онъ любитъ свою землю, что исполняетъ и хранитъ завѣты своего края и не хочетъ измѣнить своему народу? Да кромѣ того, тамъ были жертвы, никогда политикой незанимающіяся и непонимающія ея. Возьмемъ г-жу Демьянчикъ, жену священника. Въ томъ ли вина, что она жила у Перемышля, австрійской крѣпости? Ея мужа увезли мадьяры на мадьярщину. На слѣдующій день увели двухъ ея сыновъ-студентовъ и дочь-учительницу. Осталось дома четверо дѣтей, дѣвочка 14-ти, мальчикъ 12-ти лѣтъ и двѣ маленкія дѣвочки. Старшихъ выслала г жа Демьянчикъ въ мельницу за мукою, но что случилось? Ихъ арестовали мадьярскіе солдаты, дѣвочку выслали на мадьярщину, а мальчика въ нѣмецкіе края. На слѣдующій день арестовали и самую несчастную мать. Ее разлучили отъ дѣтей, изъ которыхъ одному было всего нѣсколько мѣсяцевъ. Гдѣ же здѣсь политика? Стоило только посмотрѣть на эту женщину, какъ она ходила, какъ слезы проливала...

Миша страшно жалѣлъ того, что не записалъ себѣ имени одного гимназиста IV класса, нелюдимаго, пугливаго и постоянно двигающагося. Возможно, что онъ еще живъ. Когда ключникъ Зальманъ, грубый и отвратительный человѣкъ, крикнетъ, то онъ затрепещетъ и убѣгаетъ въ толпу. Причина этой боязни состояла въ слѣдующемъ: онъ пасъ лошадей за селомъ; вдругъ появилась конная мадьярская развѣдка. Не надумываясь, уланы повѣсили его на дерево. Веревка, однако, разорвалась, и онъ палъ на землю; послѣ этого его избили ногами,

но все таки второй разъ уже не вѣшали и въ селѣ передали жандармамъ.

Сумашедшій Сильвестръ — отчего сошелъ съ ума? Толку у него не добьешься; онъ бѣгаетъ, всѣмъ честь отдаетъ по воински, говоритъ какія-то непонятныя слова, приказываетъ, командуетъ, падаетъ на землю, молится, крестится, плачетъ. Второй сумашедшій василіанинъ — монахъ. Говорили, что въ тюрьмѣ онъ долженъ былъ внимательно смотрѣтъ за священниками. Должно быть, у него была совѣсть, если сошелъ съ ума. Увидѣвъ Зальмана, онъ бросался на него съ кулаками и кричалъ на все подворье. Его увезли, но выздоровѣлъ ли онъ?

Видя постоянно салдатъ да штыки вокругъ себя, видя тяжелыя желѣзныя кандалы на ногахъ молодого, худощаваго, красиваго юноши Гавры, выходившаго лишь на полъ часа изъ темницы на узенькое подворье, будучи запертыми въ дырахъ съ тяжелой дверью, за окнами которыхъ мелькалъ штыкъ, студенты и гимназисты, съ ними и крестьяне, твердили одну пѣсенку:

Солнце всходитъ и заходитъ,
А въ моей тюрьмѣ темно;
Днемъ и ночью часовые
Стерегутъ мое окно.

Подумали, подумали нѣмцы и придумали достойное для „измѣнниковъ“ занятіе: чистить терезинскіе каналы, грязныя улицы, отхожіе мѣста. И возы должны они сами тянуть. Когда кончилась эта работа, ихъ заставили ровнять дороги вокругъ холерныхъ бараковъ, а наконецъ вязять соломянныя папучи для фронтовыхъ салдатъ.

Все это ничего бы, но какое-нибудь вознагражденіе должно бы быть, ну хотябы побольше хлѣба, кусокъ мыла, одна рубашенка. Ничего, а вдобавокъ простая уличная ругань. Если бы кто посмѣлъ поспорить, то онъ моментально попадалъ въ отдѣльную вязницу. И каждый день отводилъ тута Зальманъ то одного то нѣсколькихъ вмѣстѣ. За что же? За то, что кто-то бросилъ кусокъ хлѣба русскому военно-плѣнному, за то, что дѣвушка-крестьянка взмахнула платкомъ и Принципъ остановился, за то, что въ казармѣ было шумно, когда русскими была взята Перемышльская крѣпость, за то, что жидъ сдѣлалъ доносъ на своего сосѣда.

Горе-тоска заѣдала и интеллигента и крестьянина. Вши заѣдали всѣхъ безъ различія и безъ исключенія. Дошло то того, что онѣ лазили по землѣ; ихъ можно было видѣть въ соломѣ; онѣ облѣпили тѣло и глодали, какъ мыши, солому.

Когда закрывалась дверь, то иногда всю ночь нужно было истреблять отвратительную нечисть. Конечно, многіе пали духомъ. Молодежь бодрилась.

— Вы все одно и тоже поете: да-гей. Я вамъ спою нашу

коломыйку — обратился Миша къ засѣвшимъ у стола товарищамъ.

— Пой, пой! — закричало вмѣстѣ нѣсколько голосовъ. Прочіе лишь улыбнулись, ибо знали, что у Миши не было ни голоса ни слуха.

— Вниманіе! я стану запѣвать, а вы повторяйте, какъ это нашъ народъ дѣлаетъ.

— Хорошо, только начинай!

И Миша спѣлъ слѣдующую коломыйку:

1.

Ой вы, воши, мои воши,
Проклятіи воши,
Чого вы позаводили
Такіи дебоши?

2.

Чи вы, воши, показились,
Чи вы подурѣли,
Що вы мое бѣдне тѣло,
Якъ хмара, присѣли?

3.

Ой цѣсаре, цѣсароньку,
Цѣсароньку — панку,
Ой выпиши, цѣсароньку,
Въ Терезинѣ бранку.

4.

Ой цѣсаре, цѣсароньку,
Пане нашъ хорошій!
Ой выпиши въ Терезинѣ
Ты бранку не воши.

5.

Въ Терезинѣ наберешь
Ты ихъ миліоны,
На що тобѣ січевики,
Якійсь легіоны!

6.

Ними ты позаповняешь
Свои регемены,
Ними выплатишь довги всѣ,
Довги и проценты.

7.

Ними заорешь, засѣешь,
Ты свою державу,
Они тобѣ принесутъ
Великую славу.

Громъ хохота наполнилъ черную казарму. Потребовали, чтобы Миша повторилъ коломыйку, но онъ свалился въ берлогу и не отвѣчалъ ни слова. Слезы лились по его лицу, досада давила его за горло. Онъ не могъ приговорить: душно ему стало и невыносимо.

Все небо заволоклось одной сѣрой тучей. Въ высотѣ она носилась легкимъ снѣгомъ и на землю падали лишь капли мелкаго дождя. Такова зима на чешской землѣ.

Прикрытые мѣшками, вшивыми одѣялами и прочимъ дряннымъ лахмотьемъ ходили, согнувшись въ три бѣды, люди по черной землѣ крѣпостного вала то въ одну то въ другую сторону. Миша стоялъ на холмикѣ и смотрѣлъ на городъ. Изъ трубъ мельницы и винокурни валилъ черный дымъ. Ни домовъ ни большой крѣпости, выстроенной по плану какого-нибудь инженера полковника Никласа Штейнметца, совсѣмъ не было видно. Миша сдѣлалъ поворотъ, чтобы посмотрѣть на Рудогоры, но и онѣ исчезли въ тунанѣ.

Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что Австрія стояла на клерикальныхъ устояхъ. Этого нельзя было не замѣтить и въ тюрьмѣ. Когда народъ коченѣлъ на холодѣ, профессы приказали чистить казармы, подворье и корридоры, не напрасно бранили „предателей и шпіоновъ“. Завтра Рождество и даже для Сильвестра, совершенно помѣшаннаго человѣка, стало очевидно, что придетъ начальство. И представьте себѣ, кто явился, когда народъ опять былъ загнанъ въ казармы? Самъ господинъ маіоръ въ сопровожденіи двухъ профессовъ и трехъ ключниковъ!

Не могли „арестанты“ казармы № 4 понять почему внутри ихъ помѣщенія при сгустившемся мракѣ на дворѣ просвѣтлѣло, какъ будто соннце озарило его. Причина этого чуда ясна и понятна: господинъ маіоръ вошелъ въ казарму, маіоръ съ краснымъ лицомъ и молніеносными глазами. За рѣшеткой взошелъ мѣсяцъ на магометанской фескѣ часового-босняка и засіялъ новый штыкъ на его коротенькомъ карабинѣ. Какъ же, спрашивается, не просіять хмурой казармѣ?

Маіоръ любилъ порядокъ прежде всего и зналъ чинопочитанье и дисциплину, какъ свою золотую звѣзду. Онъ подошелъ къ старостѣ казармы и велѣлъ ему высказать пожеланія. Староста сдвинулъ плечами, не зная съ чего начать; потомъ опомнился.

— Мы желаемъ, господинъ маіоръ, вмѣсто пражухи, отъ которой у всѣхъ болятъ желудки, получать черный кофэ; нужны намъ рубашки, ботинки, мыло.

Маіоръ посмотрѣлъ на него своимъ молніеноснымъ взглядомъ и прошелся, осматривая лишь верхушки головъ, мимо выстроившагося рядя. Въ концѣ онъ остановился напротивъ Миши.

— Pardon, ты кто, а?

— Чоловѣкъ!

— Pardon, вижу, что не конь! но кто ты таковъ — ?

— Русскій!

— И безъ этого знаю, pardon! Всѣ вы такіе! Изъ бумагъ мы знаемъ еще больше твоего признанія. Спрашиваю, по чину кто ты таковъ?

— У меня еще нѣтъ никакого чина, я — студентъ только.

— Pardon, такъ и говори! Сразу видно, что дисциплины не знаешь. Pardon, а у тебя есть какая нибудь жалоба или пожеланія?

— У меня нѣтъ ни малѣйшей жалобы, но есть желаніе: у насъ на нашей родинѣ существуетъ обычай вносить на святой вечеръ солому въ хату. Прикажите выдать намъ соломы, ибо эта очень вшивая; спать нельзя.

Нахмуривъ чело, маіоръ отступился къ двери.

— По случаю, pardon, святого вечера получите по одной селёдкѣ и солому, а дверь будетъ открыта до 9-ти часовъ. Pardon, да получите! — произнесъ онъ важно и ушелъ.

Съ его уходомъ тьма опять наполнила казарму; всѣмъ чего-то стало смѣшно и вмѣстѣ съ тѣмъ и грустно. Принесли солому, раздали, каждый сдѣлалъ, какъ можно лучше, свою берлогу. Выдали селедки и хлѣбъ. По мѣрѣ приближенія вечера всѣ становились задумчивѣе, грустнѣе и молчаливѣе. Наступила какая-то таинственная тишина; между тѣмъ сердце у каждаго молотомъ билось; воспоминанія настойчиво вселялись въ горемычныя головы. Думалъ священникъ, годъ тому назадъ читавшій у своего алтаря божественныя молитвы; думалъ крестьянинъ, годъ тому назадъ ходившій по своему двору, приготовлявшій сѣно на столъ и для скота; думала господиня, суетившаяся среди своей челяди; думалъ студентъ и безусый гимназистъ, и каждый свое. Одинъ только Петръ Кондратьевичъ Швайка — царство ему небесное! — весело бѣгалъ изъ казармы въ казарму. Ему удалось, когда поѣхалъ съ возомъ на работу въ городъ, при помощи чешки Лаубе купить кое-что, чѣмъ онъ теперь и торговалъ

Въ казармѣ № 4 начался св. вечеръ рѣчью священника Генсёрскаго; затѣмъ соборнымъ хоромъ подъ управленіемъ Галушки были спѣты колядки: „Богъ предвѣчный“, „Небо и земля“. Послѣ этого студенты разбѣжались, пользуясь маіорской льготой, кто-куда: одни къ знакомымъ священникамъ, другіе къ женщинамъ, третьи на „запорожье“.

Что такое запорожье? Такъ назывались темные погреба, лежащіе вдоль Огры. Названіе это они получили оть того, что

были отгорожены отъ прочихъ казармъ узенькимъ корридоромъ съ маленькой калиткой на высокомъ порогѣ. Погреба имѣли видъ моста лукообразной формы. Жили въ нихъ одни крестьяне. Каменная дорожка отдѣляла два ряда соломы, лежащей вдоль черныхъ стѣнъ. Свѣтъ лампочки былъ закрытъ развѣшеннымъ на веревкахъ тряпьемъ. Влетѣвшіе сюда студенты стали говорить рѣчи, утѣшать, обнадеживать, поздравлять съ праздниками, цѣловать, кого попало. Одинъ Миша дальше порога не могъ продвинуться; видъ изнуренныхъ, тревожно-жалостныхъ лицъ поразилъ его, какъ еще никогда, и приковалъ къ землѣ. Больной трепетъ овладѣлъ его сердцемъ. Несмотря на то, что самъ былъ крестянскимъ сыномъ, онъ боялся подойти къ крестьянамъ, обмануть или обидѣть ихъ неосорожнымъ словомъ. Не желая кривить душою, онъ былъ убѣжденъ въ томъ, что въ тюрьмѣ онъ не въ состояніи помочь чѣмъ-либо; впрочемъ онъ чувствовалъ, что неподготовленъ навязывать другому свои мысли, учить и вести другого. Студенты, какъ влетѣли, такъ вылетѣли изъ погреба; но Миша стоялъ на прежнемъ мѣстѣ:

Щобъ съ небомъ землю въ одно злучити,
Христосъ родился — славите!

Чудное видѣніе озарило Мишу; ему показалось, что кружокъ крестьянъ на соломѣ, поющій и тонущій въ сумеркахъ тюрьмы, есть семью пастырей, о которыхъ знаетъ каждое христіанское пятилѣтнее дитя. Передъ Мишей явился впервые лучезарный, чистый, несокрушимый ликъ Христа, свершавшаго сверхчеловѣческій подвигъ на грѣшной землѣ, идущаго въ народъ въ имени своего отца небеснаго, любви и смиренія.

Въ это время къ нему подошелъ его однприхожанинъ Иванъ Олѣйникъ — да будетъ ему земля перомъ! — и попросилъ его въ глубь погреба.

— Разскажите намъ исторію, вы такъ долго и многому учились.

— Дядя, ничего я не знаю. Въ гимназіи я мало учился, а теперь и то забылъ, совершенно забылъ. Не знаю даже исторіи родного народа и теперь хочу научиться чему-нибудь.

Иванъ вскинулъ плечами и потянулъ его за руку. Онъ остановился по серединѣ погреба. Пѣсня лилась одна за другою, и звуки ея пронизывали насквозь все сердце Миши. Онъ вышелъ и, вернувшись въ свою казарму, палъ на солому. Онъ почувствовалъ сильную боль въ сердцѣ, кровь ударила въ голову, въ его очахъ потемнѣло; но потомъ обдала его какая то весьма пріятная струя, и наконецъ, онъ ничего не помнилъ, что съ нимъ случилось. Въ такомъ состояніи онъ пролежалъ около четверти часа. Страшный крикъ розбудилъ его отъ этого безчувственнаго сна.

Что случилось?

Вздумалось не кому иному, какъ Петру Кондратьевичу вступить въ переговоры съ чехомъ, взводнымъ Вольскимъ, который признался, что любитъ русскихъ и жалѣетъ, что такъ страдаютъ. Пылкій Швайка не выдержалъ, протянулъ черезъ рѣшетку руку чеху и прильнулъ устами къ желѣзу, желая его поцѣловать. Въ этотъ мигъ закричалъ слѣдящій за чехомъ вахмистръ румынъ во всю глотку:

— Предательство, предательство!

На дворѣ и въ казармахъ произошло страшное замѣшательство.

Часовой, допустившій не своего разводящаго къ окну, сейчасъ былъ смѣненъ. Въ казарму № 4 ввалился вооруженный караулъ съ вахмистромъ и профессомъ.

— Кто цѣловалъ? — крикнулъ профессъ.

— Никто! — отвѣтилъ староста — по обычаю нашей земли мы всякому, мимо окна проходящему, высказываемъ свои благопожеланія. Мы повторили взводному то, что и вамъ, господинъ профессъ, раньше говорили.

— Молчать собаки вы поганныя! — выходилъ изъ себя худенькій профессъ.

Все это было напрасно; ни профессъ, ни вахмистръ не добились желаемаго успѣха. Съ шумомъ они ушли, хлопнувъ сдной и второй дверьми. Послѣ ихъ ухода въ казармѣ стали думать, что дѣлать.

— Нечего намъ бояться; дальше тюрьмы не пойдемъ; разрѣшите мнѣ завтра сказать, что я цѣловалъ Вольскаго — сказалъ Миша.

— Рѣшительно нельзя! — раздались голоса.

— Тише братцы! у меня хорошая мысль: скажемъ, что мы всѣ по очереди цѣловали чеха, цѣловали великаго праздника ради! — съ воодушевленіемъ предложилъ единственный въ этой казармѣ, всѣми любимый, священникъ Генсёрскій.

И всѣ пріумолкли; всѣмъ понравилась его мысль.

* * *

Изъ тысячи арестованныхъ спало едва нѣсколько душъ Поздно въ ночь заливалось колядками запорожье. Всю ночь пробивались думы - молитвы сквозь черныя стѣны тюрьмы и неслись на родину, въ родныя хаты. И небо прояснилось, и ночь стала свѣтлѣе. Въ ту же ночь была рѣшена участь чеха Вольскаго. Онъ былъ арестованъ и на слѣдующій день отправленъ въ Карпаты; тамъ его заставили поддерживать великую грѣшницу, розбитую внутри собственными параличами, на внѣ смятую могучимъ шествіемъ русской стихіи.

* * *

XIV.

Кайданы и оковы руки, ноги жмутъ-грызутъ; подъ соснами тысяча триста — свѣдки всѣмъ будучимъ поколѣньямъ грядущимъ голосити все будутъ, якъ бѣсилась швабска гидра, якъ неправда правду ясну роспинала на крестѣ...

И. Федоровъ-Федоричка.

Талергофъ.

Терезинъ былъ внѣ вниманія властей и закона. Кромѣ слюняваго Зальмана въ казармы никто не заглядывалъ. Жизнь, однако, въ нихъ текла, пробивась сквозь страшныя преграды. Чтобы не погибнуть, народъ принялся отражать призраки смерти: старательно производилась стирка тряпья, чистка казармъ: появились камни, койки, мѣшки съ соломой, подушки, мыло, гребешки.

Откуда все это приходило въ казармы? Во-первыхъ откликнулось чешское общество, которое посредствомъ благородной женщины Лаубе присылало поношенное платье, обувь, шапки, бѣлье. Во-вторыхъ народъ приносилъ, возвращаясь съ работы, куски досокъ, дерева и дѣлалъ себѣ койки. При чистотѣ не стало мѣста для насѣкомыхъ. Казармы и глухіе погреба превратились въ жилища. Вотъ на что способенъ русскій человѣкъ! И люди сошлись другъ съ другомъ; всѣ стали одною семьею, всѣ жили прошлымъ, разсказами, воспоминаніями и будущимъ, убѣжденной вѣрой въ полную побѣду; и пополамъ съ горемъ и слезами жилось кое-какъ въ Терезинѣ. Вскорѣ и эта жизнь была разстроена нѣмцами.

Пришла весна. Въ одинъ свѣтлый и солнечный день люди были выгнаны изъ казармъ на широкое подворье; пересчитаны, запломбированы въ вагоны и увезены въ Талергофъ.

Каждый терезинецъ воспринялъ Талергофъ иначе, и каждый по своему. Быстрымъ взглядомъ оглянулъ Миша положеніе и околицу Талергофа. Такъ какъ природа цвѣла и дышала полной весной, то мѣстность показалась ему весьма привлекательной. Широкая зеленая равнина произвела на него впечатлѣніе, какъ будто онъ вдругъ очутился на свободѣ, какъ будто онъ не шагалъ, а бѣгомъ бѣжалъ въ объятіе сосноваго бора, росшаго по скатамъ горъ. Тѣмъ тяжелѣе придавило его чувство боли, когда онъ опомнился. Ровная долина, на грани которой нечаянно выросъ синій валъ, потеряла для него красу и ароматъ. Онъ оглянулся кругомъ себя: долину перерѣзывалъ желѣзнодорожный путь, выбѣгающій изъ Грацкаго узла. Вдоль желѣзнодорожваго пути, по той и другой сторонѣ, стелились хлѣба и травы.

В день прибытія терезинцевъ Талергофъ занималъ довольно большую площадь, съ версту въ длину и полъ версты въ

ширь. Изъ далека представлялись разбросанные бараки, смазанные бѣлой извѣстью и покрытые черной смолистой бумагой, маленькимъ нѣмецкимъ городкомъ. По мѣрѣ приближенія къ баракамъ это впечатлѣніе смѣнялось другимъ и, наконецъ дѣйствительность Талергофа стояла передъ ними обнаженной и отварительной каррикатурой. Вся площадь была обведена высокимъ, желѣзнымъ, колючимъ плотомъ, за которымъ на растояніи 20-ти шаговъ стояла черная будочка для часового Въ свѣтлый день онъ ходилъ вдоль плота, а въ случаѣ дождя стоялъ въ будкѣ и зорко смотрѣлъ въ свою сторону.

Бараки расположились въ два ряда вдоль одной широкой дороги. За ними тутъ-же находились отхожія мѣста, а еще далѣе къ желѣзной дорогѣ стояли разбросанно, безъ всякаго порядка, бараки гараздо чище и аккуратнѣе первыхъ, въ которыхъ помѣщались больницы, жилища для врачей, сестеръ милосердія и прислуги. А впереди при большой краевой дорогѣ, совершенно отдѣльно отъ общихъ бараковъ, находились канцелярія и гауптвахта съ помѣщеніемъ для офицерскаго собранія. Между общими бараками и канцеляріей стояли большія ворота; надъ ними висѣла широкая доска съ черной надписью: K.u.K. Internierungslager — Thalerhof. Выше доски былъ изображенъ австрійскій двуглавый орелъ, надъ которымъ развивалось черно-желтое знамя. У воротъ стоялъ еще высокій черный столбъ, предназначенный для знаменъ въ торжества. Позади общихъ бараковъ находились маленькіе бараки съ маленькими комнатами — это были вязницы. Какъ разъ на самой серединѣ площади была выстроена католическая часовня — скучище, подымавшее выше всѣхъ бараковъ свою узенькую шейку.

Тѣ, которые первыми прибыли въ этотъ край, разсказали Мишѣ, что мѣсто, гдѣ возникъ Талергофъ, было непахотнымъ загономъ, покрытымъ скудной травой, погибавшей въ лѣтнюю жару. Это пустое мѣсто, отдаленное отъ желѣзной дороги приблизительно 5 верстъ вдругъ почувствовало на себѣ тысячи и тысячи людей, которые, какъ муравьи, спошною массою покрыли его. Вплоть до Рождественскихъ праздниковъ 1914-го года въ Талергофской долинѣ бараковъ не было. Кто въ состояніи разсказать какъ они строились, одинъ за другимъ, до 40 го номера? Кто въ состояніи начертать и изобразитъ всѣ страданія, пытки, раны, плевки и горькія слезы, съ которыми сюда пріѣжали съ каждымъ днемъ все новые и новые „шпіоны“ изъ Галичины и Буковины? Долю одного человѣка или одной семьи не трудно нарисовать вѣрными красками; но какъ нарисуешь долю сотенъ и тысячей? Ибо черезъ Талергофъ прошло не менѣе 10.000 народа обоихъ половъ всякаго возраста, отъ дѣтей до дряхлыхъ и хилыхъ стариковъ.

Въ Талергофѣ была просвѣщеннѣйшая и отборнѣйшая Червонная Русь — это можно смѣло сказать; кромѣ того тамъ былъ отбросъ городской ночной улицы и затхлыхъ кабаковъ

съ безстыднымъ сквернословіемъ и развратомъ. Чего только въ Талергофѣ не было? Тамъ было то, чего не вычитаешь въ книжкахъ, чего не придумаетъ самая буйная человѣческая фантазія, чего во снѣ не увидишь. Была тамъ тиранія самой черной злобы, бѣсился тамъ произволъ на каждомъ шагу и въ каждомъ проявленіи нахальнѣйшимъ образомъ, въ мундирѣ дикаго капрала гулялъ садизмъ подъ руку съ отвратильнѣйшимъ цинизмомъ среди босого, нагого, голоднаго, изнуреннаго и прибитаго народа.

Бараки были двоякаго типа: одни, въ родѣ козацкихъ куреней, находились въ землѣ и имѣли видъ длинныхъ погребовъ, полутемныхъ въ самый яркій день; прочіе, сбитые изъ сосновыхъ досокъ, выростали мучительно лѣниво и медленно на залитой слезами и кровью землѣ. Сколько входило въ баракъ народа — трудно опредѣлить было въ началѣ. Вся масса вплоть до Рождественскихъ праздниковъ валялась на черной мокрой землѣ, днемъ и ночью подъ туманами, дождемъ и холодомъ. Въ нововыстроенный баракъ ломилось силою все, что могло. Каждый хотѣлъ имѣть надъ собою крышу. Такимъ образомъ баракъ стоналъ, какъ хватившая черезъ мѣру клевера корова, стоналъ страшными муками.

Молодежь, оставшаяся на полѣ, спасалась тѣмъ, что въ холодные дни и ночи устраивала „живыя печи“ т. е. поодинокія лица и всѣ вмѣстѣ такъ долго изнуряли себя кулачнымъ боемъ, прыганіемъ и быстрыми движеніями вообще, пока не согрѣлись. А старики, женщины и дѣти, что они дѣлали, каково ихъ было положеніе? Въ переполненныхъ баракахъ при грязи, въ тучѣ насѣкомыхъ, безъ платья, на полѣ, при дождѣ или сыромъ туманѣ, который словно приливъ морской волны катился изъ одного конца въ другой, въ пронизывающемъ насквозь все тѣло холодѣ, безъ малѣйшей помощи со стороны властей, тутъ и тамъ на всей Талергофской площади появился страшный моръ, возникли всевозможныя е п и д е м і и какъ: тифъ, холера, кровотеченіе, обморокъ, желтуха, пропасница, бредъ. Народъ валился какъ подкошенное стебло, отъ заразы, язвъ, параличей и медленной смерти, исходившей изъ гноя соломы, тошноты, нищеты и запустѣнія.

Погибалъ невинный народъ цѣлими сотнями. Иначе и быть не могло, когда тысячи народа жили мѣсяцами подрядъ безъ перемѣны бѣлья, безъ обуви, безъ хлѣба, безъ мыла, на голой землѣ или въ гнойной истертой на сѣчку соломѣ! Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что властямъ не хотѣлось придти съ помощью. Это пекло было заблаговременно придумано въ наказаніе за „измѣну цесарю и отечеству“.

Услышалъ Миша страшный разсказъ:

— Теперь — говорили ему — не бѣда въ Талергофѣ, жить можно, но раньше, въ началѣ трудно и тяжело приходилось, просто невыносимо. Здѣсь были страданія, муки и пытки въ

полномъ смыслѣ этихъ понятій. Возьмемъ, напримѣръ, звонаря Матвѣя *), привязаннаго къ столбу. Какъ цѣпная собака, съ связанными руками лежитъ онъ у столба и солдаты каждый день добивали его прикладами за то, что онъ колокольнымъ звономъ будто подавалъ знаки русскимъ.

И за меня васъ преслѣдовати будутъ — сказано въ святомъ писаніи. Совершенно вѣрно! Погибъ звонарь мученической смертью, какъ христіанинъ въ лютое Нероновское время, безгранично преданный своему долгу; надъ тѣломъ надругались и вынесли на доскѣ подъ сосны. Везъ могилы и безъ креста зарыли, проклиная, въ яму. И не стало на землѣ звонаря Матвѣя.

Сколько такихъ звонарей, имени которыхъ никто не знаетъ, погибло на галицко-русской землѣ! Сколько ихъ выброшено, какъ собакъ, за село? Сколько вдовъ и сиротъ осталось безъ головы, защиты и куска хлѣба! Печальнѣе всего, однако, то, что никто не дѣлалъ имъ тризны и братскихъ поминокъ; время прошло—все забылось. Забыты имена и тѣхъ, которые погибли въ Талергофѣ трагической смертью **), не говоря о жертвахъ тифа. Тѣ послѣднія — особая, длинная, какъ томительное сновидѣніе, и изъ ряда вонъ выходящая стать.

Талергофская пошесть приняла угрожающіе размѣры. Служба, стоящая вокругъ палатокъ и бараковъ, ушла далеко отъ проволокъ. Народъ былъ оставленъ на произволъ черной язвы — заразы, мучившей и давившей по нѣсколько человѣкъ ежедневно. Окутанные въ предохранительные плащи и маски. санитары лишь налетомъ являлись въ Талергофъ и, приказавъ вынести на снѣгъ и морозъ заболѣвшихъ, опять убѣгали. Подъ каждымъ баракомъ вдоль дороги лежали выволоченныя, посинѣвшія тѣла, которыя, то стеня и рыдая, то молча и ничего не сознавая, застывали на хододѣ. Были случаи, когда крѣпкіе организмы подымались; а были и такіе, когда торопящіеся санитары приказывали зарывать въ землю еще не совсѣмъ застывшихъ; одного даже изъ кладбища принесли обратно въ

* * *

---

*) И. Билинкевичъ: Звонарь Матвѣй. Временникъ, Львовъ 1925. Здѣсь сказано, что Матвѣй происходилъ изъ с. Болотни возлѣ Перемышлянъ. На колокольнѣ мадьяры его избили такъ, что онъ потерялъ сознаніе. Скованнаго цѣпями привезли его во Львовъ, а оттуда въ Талергофъ, гдѣ болѣе мѣсяца колотили прикладами, пока въ одну ночь полночь, не прибили до смерти.

**) Глѣбъ Соколовичъ: Терновий вѣнецъ, Ужгородъ 1922—23. Въ главѣ: „Больница“ разсказано о томъ, какъ часовой застрѣлилъ крестьянина; къ сожалѣнію, тамъ ничего не сказано, какъ его звали и откуда онъ происходилъ. Несомнѣнно, фактъ такой былъ.

бараки *). Выносили и хоронили умирающихъ старики-крестьяне, твердо вѣрующіе въ Провидѣніе и правду. Дѣло это они считали святымъ, и въ самомъ дѣлѣ оно было подвигомъ любви къ ближнему.

Нѣмцы принялись тушить заразу не потому, что вымирали тысячи русскаго народа, а потому, что она легко могла перебросится и въ нѣмецкія селенія. Но тутъ то опять для талергофцевъ настало горе: нѣмецкое лѣченіе стало мученіемъ. Возьмемъ, напримѣръ, такой случай: заболѣвшій принужденъ былъ купаться. Конечно, купаться — хорошее дѣло, но зимою въ холодной водѣ купаться — значитъ: умышленно ускорить смерть. Или обратите вниманіе на слѣдующаго рода лѣченіе: Если глупый медикъ — такимъ въ Талергофѣ былъ галицкій жидъ въ чинѣ Kadetaspiranta — скажетъ: нафталинъ, то санитаръ-капралъ засыпитъ человѣка съ ногъ до головы; онъ готовъ заставить и кушать его. Если „докторъ“ прикажетъ смазать чѣмъ-нибудь, то аккуратный санитаръ намажетъ такой гадостью, которая, какъ выжженое клеймо, остается разъ на всегда на тѣлѣ. Наконецъ, онъ дѣлалъ невозможныя, недостойныя имени человѣка, глупости и шутки, преимущественно тогда, когда въ его руки попадалась женщина.

О жалобѣ и думать нельзя было. Въ Талергофѣ царило своеволье низшихъ и высшихъ властей. Капризный, старый, высокій, блѣдный и злой дегенератъ-полковникъ, назначенный комендантомъ Талергофа, не допускалъ къ себѣ никого и радъ былъ тому, что его подчиненные издѣвались надъ людьми. Nur Blei und Bajonet hab' ich für die Vaterlandsverräter — привыкъ онъ подчеркивать, когда пріѣзжалъ осматривать Талергофъ.

Еще много другихъ страшныхъ вещей разсказали Мишѣ. Съ апрѣля мѣсяца къ осени 1915 года онъ наблюдалъ жизнь въ Талергофѣ своими глазами. Въ то время картина Талергофа въ общихъ чертахъ представлялась приблизительно такъ: Въ каждомъ баракѣ жило 300—500 человѣкъ; народъ, и не сключая и интеллигенціи, находился въ страшномъ запустѣніи. На крестьянствѣ оно было не въ такой степени замѣтнымъ, какъ на интеллигенціи. Почти половина ея потеряла свой прежній видъ; въ особенности это сказалось на старикахъ, какъ на менѣе отпорныхъ организмахъ. Лица у всѣхъ обросли волосами, грязное

---

*) Имя этого талергофца непремѣнно нужно найти и записать, если онъ еще въ живыхъ, и все, что онъ знаетъ о Талергофѣ: Недостаточно ограничиться замѣткой Глѣба Соколовича: — „И нашего „мертвеца“ отправили на италіанскія позиціи драться за цѣсаря. Дрался ли онъ тамъ долго или нѣтъ, попалъ ли въ плѣнъ, возвратился живой домой или хоронили его тамъ мертвымъ, на кусочки разорваннымъ—не знаю. Богу одному извѣстно, какая судьба суждена была „мертвецу на позиціи“. Соколовичъ описываетъ страшную исторію „мертвеца“, но опять имени не подаетъ, что ослабляетъ фактъ

платье обносилось, сомялось, порвалось. Вшей уже тогда не было; словно снѣгомъ были засыпаны нары нафталиномъ. Все лахмотье каждую недѣлю необходимо было относить въ паръ, а относящіе должны были купаться и смазываться василиномъ, при чемъ капралы вели себя грубо и дико.

Пищу нельзя было назвать пищей. Хлѣбъ имѣлъ видъ разбавленной водой глины, былъ постоянно горькимъ и пахъ то отрубью то конскими каштанами. Питались имъ только тѣ, у которыхъ не было средствъ купить себѣ кукурузный. Съ тѣхъ поръ, какъ священники и чиновники начали получать жалованье, въ Талергофѣ появилась маленькая бакалейная лавка. О мясѣ не могло быть и рѣчи. То, что въ недѣлю три раза подавалось, нельзя было назвать мясомъ. Чаще всего обѣдъ состоялъ изъ ухи, въ которой плавало нѣсколько картошекъ или ячменныхъ крупъ, и кукурузной каши; и нѣмцы называли ее палентой. Утромъ давали горячую черную воду, будто кофе: эта вода не имѣла ни малѣйшаго вкуса. Ужина вовсе не было. Такимъ образомъ большая половина талергофцевъ принуждена была голодать.

Всѣ трудоспособные крестьяне должны были работать, за что получали 10 геллеровъ въ день. Интеллигенція была оставлена въ покоѣ; за то того или другого вызывали въ канцелярію, переводили въ Einzelarrest или отправляли въ Вѣну. Понятно, что въ многотысячной толпѣ не всѣ ныли и пали духомъ. Молодежь, въ которой бушевала жизнь, слилась въ одинъ кружокъ, въ одно общее мнѣніе, алчущее мести. По два, по три помѣстилось другъ возлѣ друга и по ночамъ шопотомъ обговаривали всѣ возможности въ случаѣ полученія свободы. Не станемъ грѣшить, въ Талергофѣ были совсѣмъ непригодные люди, злые, самолюбивые, и хвастуны. Одни изъ нихъ жили замкнутой жизнью, другіе дѣлали шумъ, болѣе ничего. Ни въ тѣхъ, ни въ другихъ толку не было; толкъ былъ въ кружкахъ довѣренныхъ лицъ, которыя, молча, пожимали другъ другу руки.

* * *

Было въ концѣ мая мѣсяца. Небесный мѣсяцъ стоялъ полукружкомъ надъ Талергофомъ. Тихо было кругомъ; пѣсня соловья сюда не долетала, но Миша ее чувствовалъ въ такихъ звукахъ, какія онъ слышалъ въ родномъ садочкѣ. И сонъ его не брался. Широко открывъ глаза, онъ лежалъ неподвижно на своей койкѣ. Вдругъ его лицо залила струя горячихъ слезъ. Онъ ли это плакалъ? Нѣтъ, къ нему нагнулся старый, тяжелый священникъ Діонисій Мохнацкій изъ Мохначки, потерявшій вслѣдствіе того, что лежалъ на мокрой соломѣ, будучи больнымъ, зрѣніе. Миша, видя его горе, часто выводилъ его изъ барака, приносилъ ему обѣдъ, подавалъ хлѣбъ. Такимъ образомъ они сблизились. Удивился Миша, что потерявшій зрѣніе могъ ручьемъ лить слезы. Священникъ долго не могъ про-

молвить слова и припавъ къ груди Миши, рыдалъ трепеща всѣмъ своимъ тѣломъ.

— Что съ вами, о. Діонисій?

— Тяжело мнѣ, болитъ у меня сердце.

— Чего же вы плачете?

— Давитъ меня, Миша; голова у меня кружится; спать не могу, жаль мнѣ дѣтей.

— Вѣдь онѣ не сами остались дома!

— Въ томъ то мое горе, что сами. Мать умерла еще до войны — сказалъ старикъ и опять зарыдалъ, какъ дитя. Миша считалъ неудобнымъ успокаивать его.

Прошла ночь. Еще солнце не освѣтило горъ, а Миша уже вышелъ изъ барака. Раннее утро дохнуло на него свѣжимъ холодомъ; затаенная, невозмутимая тишина обдала его своей таинственностью. Надъ Талергофомъ висѣла бѣло-голубая синева неба, на востокѣ котораго появилось солнце, большое, красное и лишенное всякаго блеска. Легкій паръ въ видѣ тучки подымалася отъ земли и вскорѣ таялъ въ переливномъ воздухѣ. Па скамейкѣ за баракомъ сидѣлъ съ молитвенникомъ о. Владиміръ Венгриновичъ; вдоль проволочнаго забора шагалъ о. Григорій и крестился своей замашистой рукой. Онъ молился за весь грѣшный міръ. Не желая ему мѣшать, Миша пошелъ быстро къ воротамъ.

Не прошло 10-ти минутъ, и Талергофъ зашевелился, засуетился, словно муравейникъ, разбросанный пакостнымъ мальчикомъ. Со всѣхъ сторонъ шли съ котлами; передъ кухней образовался двойной рядъ. Солдатъ — кашеваръ наливалъ въ котлы черную воду большимъ желѣзнымъ черпакомъ. Изъ воротъ съ габсбургскимъ орломъ вылетѣла стая солдатъ съ палками, гукая своими нѣмыми языками. Они сгоняли крестьянъ на работу. Кучи босыхъ, ободранныхъ работниковъ собирались передъ бараками. Въ третьемъ баракѣ на правой сторонѣ дороги сдѣлался страшный крикъ; солдатъ избилъ крестьянина, заявившаго себя больнымъ, вытянулъ его за волосы на дорогу и бросилъ, засыпая его своими „доннеръ-ветерами“, въ кучу людей. Одни изъ нихъ получили лопаты, другіе ломы, третьи выстроились съ тачками, и всѣ двинулись со своими вожатыми къ большимъ воротамъ.

— Миша! — крикнулъ Андрейко, идущій въ послѣдней партіи, — иди сюда; пойдемъ въ поле; бери тачки скорѣе, скорѣе!

Онъ хватилъ тачки и, какъ мальчикъ побѣжалъ съ ними въ толпу работниковъ, двинувшихся гуськомъ по битой дорогѣ къ сосновому лѣсу. Пришли на кладбище, на это печальной памяти мѣсто, гдѣ лежатъ зарытыми тысячи русскихъ галичанъ. Порядка тамъ еще никакого не было; желтая земля съ камнями не зарастала травой; у могилокъ съ неровными крестами

еще не было номеровъ. Братская могила, возникшая во время тифа, имѣла видъ разрушеннаго весенней водой вала.

Началась работа. Тѣ, которые пришли съ лопатами, рыли ровъ, а тѣ съ тачками выбирали камни и вывозили на дорогу, гдѣ третья партія дѣлала мостовую. Везя третій разъ камни, работники остановились у лѣса, чтобы отдохнуть. Миша пошелъ въ сосновый, смолою пахнувшій лѣсъ и остановился на опушкѣ. Почудилось ему, что дружный хоръ, перемѣшанный тихимъ перезвономъ колокольчиковъ, несется ему на встрѣчу. Нѣсколько спустя залепеталъ отколовшійся отъ общаго звука отзвукъ звонкимъ свистомъ. Вдругъ показалось ему, что не шелестъ верхушекъ шепталъ надъ его головой, а какъ будто зерно сыпалось на жернова. Но вотъ все умолко; нѣтъ, это обманъ! Ибо чудесное пѣніе охватило опять лѣсное царство. Какъ волны по плесѣ, разсѣялось оно вмѣстѣ съ шумомъ и трепетомъ по опушкѣ.

— Гей, гей, ты сосновый мой лѣсочекъ, видно, что ты, голубчикъ, хочешь меня разжалобить. Напрасная затѣя! Слышалъ я звуки почище и поглубже твоихъ, и не раскинуть мнѣ теперь! А быть можетъ, ты задумалъ приспать и убаюкать кладбище съ этими тысячами? Нѣтъ, и это тебѣ не удастся. Встанутъ всѣ они — убитые, повѣшенные, заколотые, оплеванные, израненные, и пойдутъ по немѣцкимъ, а потомъ по польскимъ, дорогамъ туда, откуда ихъ силою выгоняли; потянутся они, стуча своими костлявыми ногами, въ Карпаты обратно...

Подошелъ Андрейко.

— Знаешь что, Миша!

— Что?

— Мнѣ ужасно хочется пѣть; вотъ и люблю я русскія пѣсни — право, сердце ноетъ:

За Казанкой — рѣкой,
Тамъ одинъ есть кварталъ...
Тамъ студенты толпой
Все шатаются,
Вѣра чудная моя —

и такъ далѣе; эхъ, Миша, что за прелесть!

— Никакой здѣсь прелести нѣтъ! Студенты толпой шатаются; словно ихъ вижу: праздно шатаются по Львовскимъ закаулкамъ и ресторанамъ и шумятъ-шумятъ. Если хочешь пѣсни пѣть, то выбирай со смысломъ. Кстати, дай, Андрей, приспособимъ Некрасовскихъ „Несчастныхъ“ къ талергофцамъ!

* * *

Дружнѣй! работа есть лопатамъ,
Недаромъ насъ сюда вели
И такъ, замученные катомъ,
Подохнемъ на чужой землѣ!

* * *

Трудись, покамѣсть служатъ руки,
Не сѣтуй, не лѣнись, не трусь
Страдаемъ мы и будутъ внуки,
Храня въ сердцахъ святую Русь.

* * *

Пускай бѣжитъ въ упорномъ дѣлѣ
Съ насъ потъ ручьями, какъ вода,
Не даромъ насъ на новоселье,
Не даромъ насъ вели сюда!

* * *

Пускай томимся гладомъ, жаждой
День цѣлый до вечерней тьмы
Намъ пригодится камень каждый,
который добываемъ мы!

* * *

Дружнѣй! работа есть лопатамъ,
И камни тайно спрячемъ мы,
Настанетъ часъ — и швырнемъ катамъ,
И стѣны разобьемъ тюрьмы.

* * *

— Einrücken! — крикнулъ капралъ съ палкою — и на кладбищѣ и на дорогѣ застучали лопаты. Народъ понималъ это всемогущее словцо и выстроился въ ряды.

— Маршъ! — опять приказалъ капралъ — и тачки заскрипѣли. Было ровно четверть 12-го, когда они вошли въ ворота съ габсбургскимъ орломъ. Часовые, схвативъ свои ружья въ руки, побѣжали въ помѣщеніе гауптвахты. Капралъ съ палкою ушелъ въ канцелярію, изъ которой какъ разъ вышелъ оберлейтенантъ въ резервѣ Чировскій, заступающій въ Талергофѣ коменданта.

Оберлейтенантъ въ резервѣ Чировскій!

И этого чина достаточно, чтобы понять роль такъ высоко поставленнаго лица! Но Чировскій кромѣ того былъ украинцемъ, такъ сказать своимъ человѣкомъ, и потому именно онъ перещеголялъ во всѣхъ отношеніяхъ полковника-коменданта, всѣхъ капраловъ съ палками, всѣхъ солдатъ съ штыками и прочую прислугу. Онъ не отросъ далеко отъ земли; онъ былъ толстымъ, какъ Чичиковъ, но ужасно неуклюжимъ мужчиной. Ноги онъ имѣлъ коротенькія и грубыя, брюхо выпуклое. Изъ блѣднаго, глупаго лица и безтыжихъ его очей можно было вычитать, что этотъ человѣкъ былъ готовъ на всякую гадость и мошеничество. У него была маленькая желтая бородка, поиндѣвѣлые усики и на большомъ носѣ пенсне. Въ одной рукѣ носилъ онъ саблю, въ другой хлыстъ. Онъ постоянно вѣтрилъ и нюхалъ, какъ собака; всюду заглядывалъ и подслушивалъ.

Надо знать, что въ Талергофъ переѣхалъ весь штабъ галицкой тайной полиціи. Тутъ, однако, ревностные поляки чего-

то остыли къ своему долгу. За то украинецъ Чировскій, оберлейтенантъ въ резервѣ, шкурникъ, трусъ на войнѣ, выросъ въ Талергофѣ въ герои. Къ тому же былъ онъ поповичемъ и происходилъ изъ того самого села, жителемъ котораго былъ юродивый Сильвестръ Борщъ. Точь въ точь, какъ юродивый Сильвестръ Борщъ, онъ повторялъ заученныя отъ нѣмцевъ слова и много непристойныхъ фразъ. О немъ можно сказать, что отъ нѣмцевъ онъ перенялъ лишь скверныя и отрицательныя стороны.

Шелъ онъ выслушать „рапортъ“. Кто служилъ въ австрійской арміи хотя бы два мѣсяца, тотъ знаетъ, что такое рапортъ. Прежде всего полъ часа людей выстраиваетъ капралъ, осматривая каждаго съ ногъ до головы и горе тому, чье лицо ему не понравится. Затѣмъ онъ замучитъ ихъ муштрой. Неизвѣстно по какимъ причинамъ Чировскій завелъ „рапортъ“ и въ Талергофѣ какъ для мущинъ, такъ и для женщинъ. Капралъ кричалъ: „Raport, habt, acht“, крестьяне должны были снять шляпы и держать ихъ до тѣхъ поръ, пока онъ не ушелъ своей дорогой дробной походкой, приказавъ кого запереть въ Einzelarrest, кого подвязать. Смѣшно было смотрѣть на этотъ чудовищный рапортъ; все таки Чировскій надоѣдалъ ммъ до живыхъ костей. Нельзя было смотрѣть на него. Это была одна изъ тѣхъ разновидностей галицкой подлости, которую родила страшная неволя. Въ Галичинѣ ихъ много. Въ деревнѣ это тѣ, которые продаютъ за водку свою честь и достоинство родной земли, служатъ у жидовъ наймитами и у пановъ гайдумаками, въ городѣ — это были тѣ, которые вѣрятъ въ монету.

Прошло и лѣто. Не одинъ талергофецъ почернѣлъ отъ лучей жаркаго солнца, не одинъ посидѣлъ отъ тоски и думки, не одинъ сошелъ въ могилу. Талергофъ пополнился новыми партіями. Съ одной пріѣхалъ и о. Игнатій Гудима, тотъ самъ, который до войны сидѣлъ два года въ тюрьмѣ, который въ Бродахъ послѣ освобожденія его козаками самъ отдался австрійскимъ властямъ, котораго во Львовѣ убили бы на смерть камнями, если бы крестьяне не переодѣли въ епанчу. Въ Талергофѣ онъ жилъ потомъ среди крестьянъ, вмѣстѣ съ ними ходилъ на работу и вмѣстѣ съ ними молился въ баракѣ.

Жизнь текла своимъ чередомъ: талерговцевъ сортировали, перегоняли изъ барака въ баракъ, выгоняли на работу, заставляли вязать папучи изъ соломы, нѣкоторыхъ отправляли въ Грацъ. Австрійскіе флаги рѣяли надъ воротами; русскіе оставили Галичину. Въ кружкахъ закипѣла тихая напряженная оживленность, тѣмъ болѣе, что въ Талергофѣ былъ объявленъ наборъ.

Кружокъ Миши состоялъ изъ 5-ти человѣкъ: Андрейка, о. Григорія, Феди, здороваго и съ кудрявыми волосами парня изъ Панасовки, и гимназиста Коли. Очень близко примыкалъ къ нимъ и Юліанъ Осиповичъ Кустыновичъ, который на вто-

ромъ году изгнанія, какъ разъ подъ осень, погибъ безвременно въ страшныхъ мученіяхъ, оставивъ въ Талергофѣ 70-лѣтняго родителя, разбитаго параличемъ. Похороны этого человѣколюбиваго преподавателя Бродской гимназіи, воспитавшаго нѣсколько десятковъ дѣятелей, произвели на кружокъ огромное впечатлѣніе. Чировскій, поправъ ногами всѣ услуги покойника, оказанныя ему и его роднымъ братьямъ въ гимназіи, запретилъ идти съ тѣломъ по дорогѣ. На всѣ просьбы онъ цѣнически отвѣтилъ:

— Alles fuk! Будь и мой родной отецъ руссофиломъ, то я съ нимъ иначе не поступилъ бы.

Собрались ученики покойнаго, священники Палѣй и Гудима, нѣсколько студентовъ, вложили гробъ на свои плечи и понесли его по долинѣ на кладбище, подъ сосны. Но и тутъ Чировскій не оставилъ умершаго въ покоѣ. Сейчасъ послѣ похоронъ онъ велѣлъ обрѣзать крестъ и затереть надпись.

Въ скоромъ времени Чировскій имѣлъ возможность показать себя во весь ростъ. Дѣло въ томъ, что при наборѣ студенты записались русскими. Ненависть вѣрноподданнаго оберлейтенанта перешла въ открытое бѣшенство. Онъ начерталъ нѣмцамъ яркими красками преступленіе студентовъ, и ихъ сразу заперли въ Enzelarrest. Возлѣ каждой двери онъ поставилъ боснійскаго потурченнаго серба, яничара, который безъ жалости колетъ и рѣжетъ. Студенты просидѣли въ голодѣ и страхѣ двѣ недѣли и только на ходатайство поляка адвоката Осташевскаго, съумѣвшаго доказать нелѣпость показаній Чировскаго, они были выпущены изъ тѣснаго ареста, но должны были по часу висѣть на столбѣ.

Пришла осѣнь. Въ Талергофѣ стало уныло, грустно и скучно. Въ ночь передъ уходомъ въ армію собрались у Миши его друзья единомышленники, кромѣ о. Григорія. Все уже уснуло; тусклый огонь лампочки чуть-чуть освѣщалъ баракъ. У всѣхъ собравшихся лица и очи сіяли какимъ-то загадочнымъ блескомъ. Вѣдь завтра они выйдутъ на путь за проволокой; вѣдь ихъ ожидаютъ новыя возможности и переживанія. У каждаго изъ нихъ шевелилась цѣлая пропасть словъ на языкѣ, но никто изъ нихъ не желалъ высказать того, что думалъ; каждый изъ нихъ считалъ это лишнимъ и каждый стѣснялся чего-то говорить.

Въ баракъ вошелъ о. Григорій. Грусть лежала на его лицѣ; онъ ходилъ за бараками въ темнотѣ тумана и думалъ. Тюрьма вырѣзала глубокія морщины на его челѣ; волосы на головѣ и въ бородѣ посидѣли. Онъ проникся духомъ мистицизма и сталъ еще смирнѣе, чѣмъ раньше.

— Я такъ и зналъ, что вы вмѣстѣ — сказалъ онъ шопотомъ, положивъ руку на плечо Миши.

— А, о. Григорій! Милости просимъ; присаживайтесь, о. Григорій, вы у насъ почетный гость! — раздались возгласы.

— Я лишь на минуту.

— Нельзя, о. Григорій! Побудьте съ нами: намъ будетъ веселѣе, а то слишкомъ пріуныли нынѣ — сказалъ, пожавши руку священника, Миша.

О. Григорій, нагнувшись на палку, сѣлъ на койкѣ.

— Вся бѣда наша въ томъ, что мы падаемъ духомъ, когда не нужно. Это хуже всего, ибо пасть духомъ — значитъ все равно, что погибнуть. Вникнувъ въ наше положеніе, приходишь къ убѣжденію, что нѣтъ ни малѣйшей причины считать нашу пѣсню оконченной. Вотъ какъ разъ теперь думалъ я надъ нашей судьбой. Скажу вамъ, молодые люди, что Талергофъ былъ намъ прямо таки нуженъ.

— Ну, что вы, о. Григорій! — прервалъ его Федя.

— Да, я это утверждаю вполнѣ сознательно. Вѣдь Талергофъ, поймите, теперь уже не кусокъ нѣмецкаго поля; Талергофъ — цѣлая глава исторіи нашего многострадальнаго народа. Талергофъ — цѣлое преданіе. Не всѣ здѣсь помрутъ; многіе еще возвратятся на родную землю и передадутъ страшную дѣйствительность своему поколѣнію, а оно передастъ второму поколѣнію.

— Лучше было бы, если бы не было такого преданія — замѣтилъ Андрейко.

— Конечно! Но дѣло, друзья, въ томъ, что Талергофъ есть, и какъ разъ онъ убѣдительно свидѣтельствуетъ и будетъ по всѣ времена свидѣтельствовать, что мы т. е. Русь въ Галичинѣ существуетъ. Поймите это, и если бы сюда привели 20 — 100 человѣкъ, то легко было бы утверждать нашимъ врагамъ, что нѣтъ Галицкой Руси. Теперь не могутъ они сказать этого, ибо есть Талергофъ; теперь не страшны ей ни Австрія, ни шляхта, ни украина. Именно не намъ, а себѣ они вырыли Талергофомъ могильную яму. Ни одинъ изъ талергофцевъ, никто изъ потомковъ ихъ, не станетъ на сторону ни первой, ни второй, ни третьей. Талергофъ доказалъ, что всѣ они для русскаго народа несутъ гибель, казнь и тюрьму. Извѣстно, что каждый человѣкъ не желаетъ быть въ неволѣ, въ тюрьмѣ и подъ обухомъ. Далѣе, Талергофъ имѣетъ для насъ еще одно значеніе: изъ чернаго тумана, изъ слезъ, льющихся по слѣдамъ тачекъ, родится — новый русскій человѣкъ. Въ сущности говоря, до сихъ поръ мы жили испареніями, затхлыми и кислыми, поляковъ и нѣмцевъ Мы отворачивались отъ своего родного и не понимали его. И вотъ Талергофъ призываетъ къ жизни русскаго человѣка. Запомните, что въ Талергофѣ не похоронена, не убита наша Русь, а въ Талергофѣ она вновь воскресла. И вернется она, крѣпкая духомъ, святая и чистая, въ наши Каупаты.

— Какъ хорошо вы говорите, о. Григорій! — воскликнулъ гимназистъ.

— Что жъ, сказалъ то, что зналъ. Однако, милые друзья, мнѣ пора уйти.

Погодите, о. Григорій. На прощаніе споемъ кое-что.

— Тише! всѣ спятъ.

— Все равно, мы должны спѣть: За Русь, или народную рекрутскую: Бувай ми здорова, ты дѣвчино моя, или: Ой, зацвила черемшина. Постойте, о. Григорій — сказалъ Андрейко.

И тихая пѣсенка раздалась въ ночной тишинѣ.

Эй, гукъ мати, гукъ:
Талергофцы идутъ.
По альпійской долинѣ
Талергофцы идутъ,
Эй, гукъ мати, гукъ!
Эй, гукъ мати, гукъ:
Талергофцы поютъ.
На широкой дорогѣ
Талергофцы поютъ,
Эй, гукъ мати, гукъ!
Эй, гукъ мати, гукъ:
На войну мы спѣшимъ
И за цѣсаря славу
Жизнь и кровь отдадимъ,
Эй, гукъ мати, гукъ!
Эй, гукъ мати, гукъ:
Талергофъ не убилъ,
Чтобъ узналъ онъ — нашъ цѣсарь,
Кто ему вѣренъ былъ,
Эй, гукъ мати, гукъ!

— Вотъ видите, о. Григорій, и мы можемъ такъ пѣть, какъ пѣли вайделоты!

— Прощайте! — прервалъ Мишу священникъ — долженъ вамъ, молодые друзья сказать, что вы на ложномъ пути. Вы хотите идти по слѣдамъ Чировскаго. Это изнанка культуры. А валленродизмъ русскому духу противенъ. И такъ прощайте! А ты, Миша, незабывай, напиши, если будетъ можно.

Ничего не отвѣтивъ, онъ обнялъ о. Григорія, какъ своего родного отца. Наступила минута молчанія. Простившись со всѣми, о. Григорій вышелъ изъ барака и сталъ креститься. Густой сѣрый туманъ охватилъ всю долину. Стуча ногами, быстро ходили въ холодѣ часовые за проволокой. Вскорѣ и они утихли и, наконецъ, въ черномъ мракѣ пропалъ совершенно Талергофъ, прославившійся страшнымъ застѣнкомъ, сумасшедшей злобой и пытками.

* * *

XV.

Я здѣсь одинъ съ измученной, усталой, разбитой душой; мнѣ хочется рыдать...

А. Н. Апухтинъ.

Итальянскій плѣнъ.

Миша былъ отправленъ въ 80-й полкъ, находящійся на Мадьярщинѣ въ селѣ Пишпеклядани. Въ присутствіи всего баталіона онъ былъ объявленъ опаснымъ руссофиломъ. Тутъ же приказано строго слѣдить за каждымъ его шагомъ и словомъ. Затѣмъ его опредѣлили въ особое отдѣленіе неблагонадежныхъ, которому отведена была особая квартира за селомъ, и особая кухня... Отдѣленіе было подчинено украинцу Фенриху Кабаровскому, который точь въ точь шелъ по слѣдамъ Чировскаго. Неукъ, фанатикъ, имѣющій неограниченную власть, онъ просто выгонялъ изъ людей душу... Несчастное отдѣленіе животами исползло всю грязь вокругъ Пишпеклядани, потомъ растопило снѣгъ кругомъ городка Римасомбатъ. Этотъ городокъ когда-то былъ чисто словацкимъ и назывался Римской Субботой. Въ войну тамъ жили въ большинствѣ жиды, ушедшіе изъ Галичины и множество жандармовъ. Лишь въ пригоркахъ Карпатъ могъ Миша отдохнуть свободнѣе, но это случалось очень рѣдко.

Прошла зима. Съ 20-ой маршевой ротой Миша ушелъ въ Альпы на итальянскій фронтъ. Рота остановилась на одинъ мѣсяцъ въ селеніи Лѣсцы возлѣ Радолицы, названной нѣмцами Радманнсдорфомъ. Настала тяжелая жизнь. Въ началѣ весны пошли частые дожди, но днемъ и ночью нужно было упражняться.. Когда же разцвѣла весна, Мишѣ стало еще грустнѣе; неволя заѣдала его. И тайкомъ онъ убѣгалъ въ словенское простонародіе, въ крестьянскія хаты, въ горы. Все ему тамъ нравилось: простота, сердечность, но преданность населенія Австріи его возмущала ужасно.

Походъ въ окопы разбилъ его совершенно. Крутыми, плохими тропинками надо было идти во всевооруженіи, взбираясь на верхи ногами и руками. Прошедши Полюбино и Тольмино, рота остановилась въ Полюгарѣ надъ ручейкомъ Потокомъ. Многіе и не пришли: заболѣвъ, они остались на пути, бросивъ консервы, патроны и ружья. Изъ Полюгара рота пошла на смѣну въ окопы на высокій хребетъ, названный Мерзлымъ Верхомъ. Цѣлыя сутки нужно было идти на гору, на которой въ самомъ дѣлѣ было холодно. Каждую ночь тамъ выпадалъ градъ или снѣгъ. Жизнь стала немыслимой. За доносъ о побѣгѣ назначено 600 кронъ награды. Миша былъ отданъ подъ наблюденіе жида и украинца изъ Буковины Лободы. Тѣмъ ароматнѣе и очаровательнѣе запахла для него свобода. Ни свистъ пуль, ни грохотъ орудій не тревожили его. Онъ постоянно смотрѣлъ туда за рѣку Сочу, названную итальянцами Изонцо, въ Италію, которая представлялась ему настоящимъ раемъ.

Живя въ окопахъ, Миша шелъ по стопамъ Валленрода. Онъ уничтожалъ все, что попало въ его руки. Ножницами онъ пересѣкалъ телефоны, ночами онъ выбрасывалъ за проволоку тысячи патроновъ, рвалъ нарочно на себѣ платье, портилъ окошка и кромѣ того, чтобы отвлечь вниманіе, просился въ развѣдку и, возвращаясь изъ-за первой скалы съ двумя солдатами, трепещущими, какъ листъ на вѣтрѣ, дѣлалъ противоположныя донесенія. Но фельдфебель смякъ, и Миша получилъ больше свободы. И въ одну ночь, когда уснули солдаты, онъ перерѣзалъ проволоку, испанскіе козлы опрокинулъ, и окутавшись шинелью, спустился по камнямъ въ край, „гдѣ померанцы, какъ золото рдѣютъ“. Съ разорванными брюками и шинелью, безъ шляпы, съ порѣзанными руками и весь окровавленный, онъ очутился въ долинѣ, которую прошелъ, чтобы не попасть въ волчью яму, при свѣтѣ ракетъ.

Въ окопахъ встрѣтили его итальянцы весьма радушно только потому, чтобы узнать всю правду о противникѣ. За фронтомъ Миша сразу понялъ, что попалъ въ ловушку, какъ однажды Хаджи Муратъ; попалъ изъ Сциллы въ Харибду. Въ итальянцахъ онъ разочаровался и убѣдился, что ихъ ненависть къ славянамъ равнялась нѣмецкой или мадьярской. Никакой свободы онъ не получилъ: ему не разрѣшили даже поговорить съ русскимъ полковникомъ, въ которомъ видѣлъ послѣднюю надежду на свое спасеніе. Однажды онъ крикнулъ изъ-за проволоки.

— Господинъ полковникъ, хочу съ вами говорить!

Величать по русски онъ не зналъ, да и въ чинахъ не разбирался. Ему и въ голову не могло прійти, что русскій офицеръ отнесется къ нему холодно. Полковникъ Энгель какъ съ нимъ, такъ и съ сербомъ-студентомъ Гаичемъ и чехомъ Новакомъ, поговорилъ лишь нѣсколько словъ, надуто и холодно и вздержанно заявилъ, что русскіе не нуждаются въ солдатахъ. Кровью залилось лицо Миши, и тоска овладѣла имъ. Черезъ Милано, Турино онъ былъ отправленъ въ Кунео, въ старую крѣпость Фоссано. Она находилась въ лѣсу; кругомъ высокихъ стѣнъ текла вода, за которой стоялъ плотъ съ колоколь чиками изъ консервныхъ бляхъ, и тѣ уже отъ маленькаго вѣтра звучали. У стѣны стояли часовые, придерживающіе связь, между собою въ ночь громкимъ крикомъ: vigilanѣe, т. е. вниманіе! Въ большинствѣ находились тутъ нѣмцы и мадьяры. Славянъ, всѣхъ добровольно перешедшихъ на сторону итальянцевъ, было лишь нѣсколько.

Жизнь стала ужасной: итальянцы, нѣмцы и мадьяры обрушились на „дезертировъ“. Ни въ канцелярію, ни въ кухню не было имъ доступа. Радуясь этому, итальянцы запрягли славянъ въ шлеи. Цѣлый день въ страшную жару нужно было корчевать колючую акацію и возить камни. Миша затосковалъ: онъ сталъ писать письма на всѣ стороны: въ Римъ къ русскому

амбасадору, въ Петроградъ къ Бобринскому и Милюкову, въ Кіевъ къ митроп. Антонію, въ Ростовъ на Дону къ Дудыкевичу и въ Америку, но спасеніе не приходило. Однажды за канцеляріей въ ямѣ онъ нашелъ свою открытку; горе наполнило его сердце тѣмъ болѣе, что поручикъ Ровано, управляющій канцеляріей, смѣялся надъ нимъ просто въ очи. И только теперь понялъ онъ зло іезуитизма, и противный ему италіянскій режимъ. Италію, которую онъ зналъ по исторіи литературы, возненавидѣлъ такъ же, какъ Польшу или Австрію.

— Глупо я жилъ до сихъ поръ; въ каждую глупую книжку вѣрилъ. На дѣлѣ міръ совершенно другой. Въ Римѣ, конечно, красота, но не въ крѣпости. Здѣсь пни, корни, кирки, топора, лопаты, твердыя ложа, хлѣбъ, вода, юшка изъ каштановъ, два три орѣха и все!

Да еще рогса Madonna, а тамъ хоть умирай. Въ концѣ концовъ тошно отъ макароновъ и риса. Не стану даромъ пропадать въ молодости; бѣжалъ изъ Австріи, попробую изъ Италіи. Опытъ у меня имѣется: росы теперь не побоюсь. Нѣтъ ничего милѣе и дороже свободы! — думалъ Миша. И цѣлыми ночами, недѣлями, мѣсяцами, почти годъ, онъ размышлялъ о побѣгѣ. Волосы стали у него выпадать отъ думки, а случая къ побѣгу не было. И чтеніе книжекъ опротивѣло ему.

Кромѣ этого, событія въ Россіи вывели его окончательно изъ терпѣнія. Однажды, когда въ крѣпость вводили австрійскихъ плѣнныь, онъ, переодѣтый въ платье итальянскаго солдата, вышелъ за ворота, прошелъ улицы, вскочилъ въ поѣздъ и уѣхалъ изъ Фоссано. Несмотря на то, что онъ говорилъ свободно по итальянски, въ разговоры не пускался. На станціи подходилъ съ котелкомъ, получалъ порцію и дальше ѣхалъ. Такимъ образомъ онъ пріѣхалъ въ столицу Италіи, въ Римъ, который онъ заучилъ по объясненіямъ къ Чайдъ Гарольду. Тутъ его поймали: собственно говоря, онъ самъ отдался жандарму. Его посадили въ гарнизонную вязницу „Піемонтъ“, въ которой онъ просидѣлъ еще три недѣли.

Въ своихъ объясненіяхъ онъ просилъ одно и тоже: дать ему возможность видѣться съ русскимъ представителемъ. Наконецъ въ вязницу явился секретарь Русскаго амбасадора Штрандманъ, который сразу понялъ, въ чемъ дѣло. По всей вѣроятности онъ хорошо былъ ознакомленъ съ положеніемъ славянъ въ Австріи и въ Галичинѣ въ особенности. И Миша сталъ ему разсказывать все, что зналъ. Не перебивая, выслушавъ до единаго слова, секретарь ушелъ. На второй день онъ опять явился. Видно, что онъ не на словахъ, а на дѣлѣ желалъ показать свое вниманіе къ несчастному плѣннику.

— Куда же вы желаете уѣхать?

— Господинъ секретарь, мнѣ все равно куда, лишь бы поскорѣе!

— Хорошо, я постараюсь отправить васъ во Францію, а тамъ подумаете.

— Согласенъ и во Францію. Тамъ пойду въ русскую армію.

— Это уже ваше дѣло.

Впервые въ своей жизни Миша удѣлился въ томъ, что русскими могутъ быть и тѣ, которые имѣютъ нѣмецкія фамиліи. До сихъ поръ онъ не вѣрилъ въ это. Всю вину за неудачи Россіи онъ сваливалъ на нѣмецкую партію, на Ренненкампфа, царицу. А теперь онъ сталъ смотрѣть на вещи болѣе критически... Медленно шло время, но Миша воскресъ: и въ тюрьмѣ сразу стало свободнѣе; съ солдатомъ онъ могъ гулять по широкомъ подворъѣ весь день. На третій день отять явился секретарь, и симъ разомъ онъ получилъ изъ италіянской канцеляріи бумажку, нѣсколько лиръ и съ однимъ солдатомъ уѣхалъ черезъ Турино и Милано, черезъ высокія очаровательныя горы, во Францію. Восторгъ наполнилъ душу его: и люди и природа предстали передъ нимъ въ веселомъ видѣ. Онъ не могъ наналюбоваться, не могъ отвести своихъ взглядовъ отъ цвѣтущихъ нивъ, садовъ, горъ, покрытыхъ виноградомъ.

— А гдѣ моя мама, гдѣ сестра, гдѣ братья? Что случилось съ ними? — подумалъ онъ, — возможно, что уже не живутъ; однако нѣтъ, я всѣхъ ихъ еще увижу, и они меня увидятъ. Будетъ что разсказать и мнѣ и имъ! Какія событія, какой головокружительный водоворотъ событій! И въ этомъ страшномъ водоворотѣ только борьбою можно выбиться, только сильный духомъ въ немъ не пропадетъ. Такъ впередъ смѣло, не взирая ни на какія препятствія и преграды!

Онъ пріѣхалъ ночью въ французскую старую крѣпость на высокой горѣ Маданъ. Италіянскій солдатъ исчезъ, и Миша очутился на полной свободѣ.

XVI.

Вы удивляетесь... Нѣтъ, я... я удивляюсь, удивляюсь вамъ. Ну, объясните, растолкуйте мнѣ, зачѣмъ вы здѣсь? Объясните же мнѣ, къ чему вы здѣсь? Какъ вы сюда попали?

А. П. Чеховъ.

Русскіе не признаютъ русскимъ русскаго.

На Парижъ не обращалъ Миша ни малѣйшаго вниманія: до того онъ былъ занятъ своими думками. Большой городъ съ множествомъ миловидныхъ, бѣлыхъ и черныхъ, отвратительныхъ рожъ, съ необыкновеннымъ движеніемъ подъ землей и на землѣ, съ модой и безъ моды, не закружилъ его головы. Онъ захотѣлъ рѣшить свою судьбу, чѣмъ можно скорѣе. У французовъ ему повезло: всюду, куда ни зашелъ, разобрались въ

томъ, кто онъ; но за то сами русскіе ни за что не хотѣли, и то всѣ: генералы, полковники, высшіе чиновники и солдаты. Тѣмъ послѣднимъ было безразлично.

— Кто же вы такой? — спросилъ жандармъ, завѣшанный золотыми шнурками, въ канцеляріи Русскаго амбасадора:

— Русскій изъ Галичины, такой же русскій, какъ и вы.

— Хорошо, однако, полякъ!

— Если русскій, то не полякъ! Какое мнѣ дѣло къ полякамъ. У меня отецъ русскій, мать русская, и я русскій.

— Странно: австріецъ и русскій! Быть можетъ, вы чехословакъ?

— Что, вы шутите?

— Зачѣмъ вы пришли сюда?

— А куда я долженъ пойти по вашему? Долгъ привелъ меня сюда!

Жандармъ закричалъ въ телефонъ:

— Господинъ полковникъ, что прикажете сдѣлать? Уперся: русскій да русскій!

Вошелъ высокій, въ лакированныхъ сапогахъ, офицеръ, бѣлый, какъ снѣгъ.

— Вы желаете быть русскимъ? — спросилъ онъ въ носъ.

— Не желаю, я имъ родился и имъ умру! — отвѣтилъ Миша.

Они оба засмѣялись.

— Но вашъ акцентъ не русскій, вы правильно не говорите по русски! — замѣтилъ полковникъ, стуча рукою по столу.

— Мало того! Я замѣчаю, что господинъ жандармъ тоже неправильно говоритъ по русски. Онъ говоритъ своимъ какимъ то сибирскимъ нарѣчіемъ. Я говорю галицко-русскимъ нарѣчіемъ. Вѣдь вамъ извѣстно, что есть Галицкая Русь?

— Ну да, да! Однакоже вы католикъ!

— Извините, я не католикъ, я русскій, и больше не стану вамъ отвѣчать. Исторію Русскаго народа вы должны бы знать. Вѣдь война-то ведется изъ-за Галицкой Руси.... Вы этого не знаете?

Его отослали въ офицерское собраніе, Тутъ національнаго вопроса не было. Офицеры любезно его угощали, постоянно доливали вина въ бокалъ. Дамы просили кушать по больше и быть какъ дома.

Такъ три дня его допрашивали, отсылали съ бумажками въ разныя канцеляріи, и наконецъ его отвезъ полковникъ на автомобилѣ къ д-ру Эдуарду Бенешу, въ рукахъ котораго сосредоточена была власть надъ австрійскими славянами, преимущественно чехами и словаками.

По дорогѣ спросилъ Миша:

— Теперь куда меня везете?

— Къ генералу чехословацкихъ легіоновъ.

— Зачѣмъ?

— Онъ скажетъ, кто вы такой.

Миша покраснѣлъ. Сердце отъ досады забилось у него лихорадочно. Затѣмъ онъ поблѣднѣлъ.

— Господинъ полковникъ, прикажите остновить авто; я слѣзу.

— Почему?

— Я лучше знаю, кто я такой, чѣмъ Бенешъ. Вы меня обижаете.

— Голубчикъ, это только для того, чтобы выяснить дѣло. Теперь трудно вѣрить на слово. Вотъ вы слыхали, что въ Россію пріѣзжаетъ теперь масса неблагонадежныхъ и вредныхъ людей, которые подрываютъ русскій фронтъ.

— Клянусь вамъ, что я русскій, и хочу бить Австрію. У меня на это есть основанія и причины: тюрьма, плевки, гибель тысячей нашихъ людей...

Между тѣмъ авто остановилось. Полковникъ и Миша вошли въ маленькую квартирку, гдѣ въ передней сидѣло нѣсколько чеховъ. Во второй комнатѣ сидѣлъ у стола сухой маленькій человѣкъ. Это былъ Бенешъ; онъ всталъ и подошелъ къ полковнику, который объяснилъ по францзуски причину своего пріѣзда. Бенешъ подошелъ къ Мишѣ и спросилъ его по русски.

— Вы откуда?

— Изъ Галичины!

— Конечно, русскій!

Мишѣ еще разъ пришлось разсказать всѣ свои переживанія. Бенешъ угостилъ его виноградомъ.

— У васъ два выбора: или идти въ русскую армію, или въ наши легіоны. Наши люди не сражаются на фронтѣ: они работаютъ на заводахъ.

— У меня одна дорога: я хочу быть съ русскими!

Бенешъ поговорилъ съ полковникомъ по французски и, обращаясь къ Мишѣ, добавилъ по-русски:

— Вся Галицкая, вся Карпатская Русь отойдутъ къ Россіи. Вамъ нужно быть съ русскими!

Миша ничего не могъ отвѣтить; его жгло въ горлѣ отъ стыда за болвана-полковника, который только на слово чеха повѣрилъ въ то, что въ Галичинѣ живутъ русскіе. Того же дня Миша былъ отосланъ въ лазаретъ между русскихъ солдатъ. Онъ думалъ найти въ русскихъ войскахъ могучую силу, гремучее слово, и увѣренъ былъ въ томъ, что революція разшевелила укрытую мощь, подъёмъ и пламень любви къ родной землѣ. Увы! не такъ было. Сифилитики и прочіе зараженные проклинали Россію ругательными словами и надъ нимъ смѣялись, называя его австрійцемъ. Только поляки признали его русскимъ, но съ ними онъ не желалъ говорить. На слѣдующій день его отвезли въ Ле Манъ на рѣкѣ Сартъ. Въ здѣшнихъ русскихъ войскахъ уже пахло тѣмъ, что обыкновенно называютъ „керенщи-

ной". Это была толпа разбойниковъ, испорченныхъ войною. Въ баракахъ днемъ и ночью шло пьянство: пьяные цѣловались, плевали, дрались на ножи. Офицеры ушли въ городъ. Вечеромъ толпа разбѣгалась, кто куда, и вергалась съ чужими яблоками, грушами, персиками. Каждый день происходило собраніе, которое всегда кончилась составленіемъ телеграммы къ товарищу Керенскому съ просьбой о перевозкѣ ихъ въ Россію. Наконецъ французскіе часовые окружили бараки, и русскимъ выходъ въ городъ былъ запрещенъ.

Съ болью сердца смотрѣлъ Миша на „малую республику", зорко наблюдая каждаго и всѣхъ вмѣстѣ. Онъ сталъ подслушивать раговоры и толки простыхъ русскихъ людей, и революціонныя идеи въ немъ остывали все болѣе и болѣе. Внимательнѣе онъ останавливался передъ портретомъ Корнилова, стоящаго въ витринѣ. Всѣ его думки перенеслись въ Россію. Несмотря на то, что главный врачъ-французъ устроилъ его въ лазаретѣ и обѣщалъ ему помощь для окончанія университета, онъ старался всѣми силами уѣхать въ Россію. И съ трудомъ ему это удалось. Съ транспортомъ бѣжавшихъ изъ австрійскаго плѣна и инвалидовъ онъ уѣхалъ въ портъ Гавръ, а оттуда черезъ Саутъ Гэмптонъ и Ну Кеслъ онъ выѣхалъ на Ледовитый океанъ.

На сушѣ онъ представлялъ себѣ, что на морѣ весьма пріятно. Когда у него закружилась голова, когда онъ не могъ себѣ найти мѣста ни на палубѣ, ни въ каютахъ, ему страшно захотѣлось быть на землѣ. Вокругъ слилась вода съ небомъ, и волна поглощала волны, изъ-за которыхъ не было видно другого корабля. Плыло ихъ три: Царь, Царица и Двинскъ. По сторонамъ плыли миноносцы. Какъ бы тамъ ни было, сѣверный океанъ — чудная сторона! Туча какихъ то бѣлыхъ чаекъ вилась надъ кораблемъ и кричала: вѣтеръ холодный, острый. На морѣ кругомъ туманы.

Солдаты все время говорили о нѣмецкихъ подводныхъ лодкахъ. Однажды были даже спущены шлюпки, но нѣмцевъ не оказалось. А въ кораблѣ шла гульба, пили и кричали, и почему то по ночамъ дѣлалась въ общей каютѣ толкучка; продавали и мѣняли.

— Что же это такое? — думалъ Миша. — Въ чемъ дѣло? Народъ не злой и не глупый, а все таки странный! Чего-то у него не хватаетъ. А чего? Ахъ, да: порядка нѣтъ въ его умѣ, значитъ школа нужна ему, сильная рука, и все будетъ хорошо!

Страшную глупость сдѣлалъ Миша, когда взялся давать имъ наставленія. Это разозлило ихъ до того, что ему объявили, чтобы не сунулъ носа не въ свои дѣла.

— Погодите, какъ такъ не свои? Русская земля переживаетъ ужасныя потрясенія; меня, какъ русскаго, тоже это болитъ. Намъ нужно всѣмъ сосредоточиться.

— Да, какой ты русскій? — Знаемъ мы, чего ѣдешь въ Россію — отвѣтили ему.

Этимъ, однако, не кончилось; пошли шопоты.

— Шпіонъ! — крикнулъ одинъ.

— Въ море его! — добовилъ второй.

Вдругъ появились „старшіе“ товарищи, перетрясли его чемоданчикъ, ощупали со всѣхъ сторонъ, и, порывшись въ тетрадкахъ, и нашедши въ нихъ газетные снимки царя, Иванова, Брусилова, Корнилова, Лѣчицкаго, Николая Николаевича и другихъ генераловъ, арестовали его, заперли въ маленькой каютѣ и пошли къ капитану на совѣтъ.

На морѣ, какъ на зло поднялся вѣтеръ; стало качать кораблемъ и то такъ сильно, что изъ столовъ полетѣли тарелки и ложки. Нѣсколько человѣкъ повалилось на полъ, а другіе полетѣли къ стѣнѣ. Кораблемъ бросало какъ перомъ, и казалось, что онъ не двигается, и только колышется на мѣстѣ.

— Наѣхали на водоворотъ! — стали говорить солдаты.

— Водоворотъ, водоворотъ! — подумалъ Миша.

И ему вспомнилась борьба со смертью отца, вспомнились ему тюрьмы во Львовѣ, Терезинѣ, Талергофѣ, Римѣ, вспомнился Парижъ и комнатка у Бенеша, вспомнился Ле-Манъ, вспомнились всѣ мечты о Россіи, и свободѣ галицко-русскаго народа, и страшная боль сдавила его грудь; изъ его очей брызнули слезы. Никогда онъ еще не плакалъ, но теперь плакалъ слезами обиды, и голова у него закружилась.

— Водоворотъ, Водоворотъ! Водоворотъ борьбы за жизнь — думалъ онъ, и слезы лились безъ удержу.

XVII.

Товарищъ, винтовку держи, не трусь,
пальнемъ-ка пулей въ святую Русь!

А. Блокъ

На Руси не стало Руси.

Русь, что же ты такое? Неужели ты лишь одно пространство отъ Бѣлаго до Чернаго моря, отъ Карпатъ до Тихаго океана? Неужели всѣ эти города, деревни, лѣса, горы и степи съ хлѣбами, травами и песками, зимою со снѣгомъ и льдами, производящіе огромное впечатлѣніе на каждаго, кто видитъ, ощущаетъ и думаетъ, неужели это лишь Русь? Да, и это Русь, но Русь частичная, а вотъ всѣ славяне, пахари и пастушки, которые когда-то поклонялись солнцу, мѣсяцу и звѣздамъ, вышедшіе изъ-подъ Карпатъ, Кіева, Холма, кочующіе черезъ непроходимые лѣса, продвигающіеся по рѣкамъ къ Новгороду, къ Москвѣ, къ Суздалю и достигшіе береговъ Бѣлаго моря, — вотъ настоящая Русь. А кромѣ того, Русью назовьемъ все то, что оставили дѣвицы — русалки въ священныхъ рощахъ и дубровахъ: звонкія пѣсни и игры въ честь Даждьбога, Велоса, Лада, Перуна, то, что взлелѣели баяны, тѣ чудо-богатыри, которые покорили четыры стороне...

До глубины души былъ тронутъ Миша, когда увидѣлъ Архангельскъ. Все было забыто, что случилось вчера. И нужно сказать и подчеркнуть, что русскій народъ не злопамятенъ. Солдаты поясняли Мишѣ предметы и мѣстность, угощали его кашей на постномъ маслѣ, подарили ему большую деревянную покрашенную ложку. Кашу кушалъ онъ, какъ и всѣ, изъ одной большой миски. Такой обычай сохранялся въ родной его хатѣ, но онъ отъ него отвыкъ, и теперь въ немъ просыпались родныя чувства.

Въ Архангельскѣ царилъ уже безпорядокъ. Народъ бродилъ и самъ не зналъ, что ему дѣлать. Внимательно прислушивался Миша, вглядывался въ лица, стараясь найти подлинную Русь, такую, въ какую онъ вѣрилъ, въ какую вѣрилъ его отецъ, какую онъ себѣ воображалъ на скамьѣ школьной, въ университетѣ и въ тюрьмахъ. Къ сожалѣнію, однако, онъ Руси не нашелъ. Революція превратилась въ разбойничество. Эшелонъ солдатъ, въ которомъ онъ находился, никому не подчинялся, по пути на станціи солдаты на смерть избили нѣсколько человѣкъ австрійскихъ плѣнныхъ.

Одинъ безбрежный лѣсъ отъ Архангельска до Вологды, отъ Вологды до Петрограда, дышалъ какой-то однообразностью. Всюду дерево, и дерево; одно росло, прочее лежало на землѣ и гнило. Пріятно было, когда передъ очами промелькала деревушка съ церковкой, и пріятно было встрѣтить вышедшаго изъ лѣса неуклюжаго бородатаго мужика. Лѣсъ, и лѣсъ, и ничего больше на сѣверѣ не видно и не замѣтно.

Эшалонъ, когда пріѣхалъ въ Петроградъ, былъ помѣщенъ въ помѣщеніи биржи напротивъ Васильевскаго острова. Въ Петроградѣ, какъ въ котлѣ, кипѣло. Кругомъ и вездѣ кончались дни всѣми и всюду высмѣиваемаго Керенскаго. Биржу окружили солдаты и затребовали, чтобы новоприбывшіе перешли на сторону большевиковъ. Чего тамъ ни говорилось, чего тамъ ни рѣшалось! Слыша это, Миша убѣдился, что такая революція не пренесетъ ничего хорошаго русскому народу. Въ немъ закипѣло: вконцѣ концовъ и онъ, потерявъ терпѣніе, сталъ говорить, что нельзя мириться съ нѣмцами, такъ такъ они готовятъ гибель Россіи, что съ ними теперь всѣ тѣ, которые хотятъ погубить Россію: мадьяры, поляки, жиды, что они и не думаютъ о какомъ-нибудь братствѣ, а въ Галичинѣ вѣшаютъ, стрѣляютъ, бьютъ; что теперь нужно отбросить глупые толки и подчиниться Духонину... Его закричали и чуть ли не избили.

— Это провокаторъ, сумасшедшій человѣкъ, и чортъ знаетъ, что говоритъ! Кто онъ такой? Выбросить его!.. — кричали со всѣхъ сторонъ.

Миша ушелъ на улицу. Нигдѣ не было порядка. У мостовъ стояли юнкера, въ Народномъ Домѣ толкались толпы, по всякихъ вѣдомствамъ только приготовляли заграничные паспорта.

Наканунѣ большевистскаго переворота Миша все таки хотѣлъ найти Русь. Въ адресномъ столѣ онъ спросилъ адресъ Милюкова и, получивъ его, пошелъ спросить, въ чемъ дѣло. Его не оказалось, однако, дома. Онъ заходилъ еще въ нѣкоторые дома и ничего не узналъ. Въ концѣ концовъ, побѣдивъ въ себѣ высокомѣрность, онъ отправился въ канцелярію св. Синода, думая, что тамъ узнаетъ всю правду. И въ самомъ дѣлѣ, здѣсь онъ узналъ кое-что. Чиновникъ, по фамиліи Рыбскій, происходилъ изъ Волыни и поэтому онъ сразу понялъ Мишу.

— Здѣсь ничего не найдете! Вѣрныхъ русскому дѣлу людей, вѣрныхъ Корнилову и Духонину офицеровъ бросаютъ въ Неву. Если что будетъ, то на Дону. Поѣзжайте туда.

— Куда же дѣвалась русская интеллигенція?

— Всѣ бѣгутъ, кто куда можетъ!

— И что изъ этого получится?

— Богъ знаетъ что!

Миша ушелъ, прибитый ужаснымъ горемъ. Онъ остановился у Зимняго дворца. Изъ воротъ выходила рота за ротой пѣшаго войска. Впереди ѣхали козаки-офицеры. Ѣхало тоже нѣсколько пушекъ. Играла музыка, и стрѣлки пѣли по русски: — „гей славяне“.

— Женскій батальонъ, женскій батальонъ! — смѣялись въ толпѣ.

— А вонъ, сукинъ сынъ Керенскій! — указалъ на уголъ Зимняго дворца рыжій солдатъ, стоящій возлѣ Миши.

И Миша полетѣлъ туда, чтобы увидѣть его. Онъ стоялъ въ своемъ френчѣ и галифе и держалъ руку, поднятую вверхъ, далеко отъ фуражки. Безобразный батальонъ прошелъ, двинувшись на Невскій проспектъ, но кажется что обратно не вернулся. Часъ спустя надъ Невою и Мойкою поднялись мосты, у которыхъ появились матросы, тутъ же разложивъ огни. Подъѣхало нѣсколько большихъ пароходовъ. Раздалось нѣсколько пулеметныхъ выстрѣловъ, пришла тьма, и на второй день расклеено по стѣнамъ Петрограда объявленія о новомъ правительствѣ во главѣ съ Ленинымъ-Ульяновымъ. Такія же объявленія появились и въ газетахъ. Въ Петроградѣ появилось множество броневиковъ съ красными знаменами.

— Что же это такое? — думалъ Миша, стоя у биржи.

— Товарищъ, чего стоишь задумавшись? Наша взяла. Бери винтовку, и съ нами!.. — крикнулъ, регочась, солдатъ съ большимъ чубомъ и фуражкой на затылкѣ.

Миша ничего ему на это не отвѣтилъ, и побрелъ къ вокзалу, чтобы уѣхать на югъ. Весь путь до Москвы былъ просто напросто мученіемъ. Кто въ вагонъ влѣзъ, не могъ уже вылѣзть изъ него. И въ Москвѣ, и въ Харьковѣ онъ не нашелъ Руси. Всюду царила суматоха: крики, шумъ, толки, призывы, совѣщанія, собранія, однимъ словомъ безтолковщина, хаосъ.

И въ Ростовѣ не лучше было. Даже въ галицко-русской колоніи не нашелъ онъ ничего отраднаго. Въ городѣ пили и шумѣли, нигдѣ не было ни малѣйшаго порядка И тутъ то Миша убѣдился въ томъ, что революція пришла не въ пору. Русская интеллигенція, чувствуя месть народа за свои прогрѣшенія, ушла или убѣжала, и лишь самые самоотверженные стали собираться при Корниловѣ. И къ нему присоединился Миша, вѣря въ его геній и возрожденіе русской земли съ нимъ. Наконецъ и изъ Ростова должны были уйти добровольцы въ пустыя степи.

— Вотъ, до чего дошло: на Руси не стало Руси, — думалъ Миша.

Не зная утомленія, онъ шелъ въ каждый бой, и ничто не могло его задержать, ни пули, ни ядра. И много страшнаго довелось ему видѣть на пути отъ Ростова до Екатеринодара, и отъ Екатеринодара до Ставрополя.

Смерть Корнилова еще крѣпче закалила его сердце, однако горе все таки стряслось и надъ его головою. Онъ былъ раненъ и вдобавокъ къ этому заболѣлъ испанкой, которая появилась тогда на югѣ Россіи. Лазареты, гимназіи и прочія учрежденія на всѣхъ станціяхъ и городахъ были заполнены ранеными и больными. Изъ Ставрополя Мишу отправили въ Романовскій хуторъ, гдѣ онъ былъ помѣщенъ въ женской гимназіи и гдѣ онъ свелъ жестокій и отчаянный бой со смертью о жизнь. Изъ него пошла кровь, послѣ чего онъ ослабъ совершенно. На второй день у него явился сильный жаръ, онъ сталъ бредить. Докторъ и фельдшеръ махнули рукою, и тѣ, которые лежали на полу, были этому рады, думая, что скорѣе попадутъ на койку и отдохнуть немного.

XVIII.

И вдругъ это возрожденіе, этотъ свѣтъ послѣ тьмы, ты, ты... возлѣ меня, у меня... твой голосъ, твое дыханіе... Зачѣмъ же ты пришла теперь, когда я слабъ, когда вся кровь моя зажжена .. *И. С. Тургеневъ.*

Русская женщина.

Температура у Миши поднялась, онъ сталъ бредить. На выздровлніе не было ни малѣйшаго вида; только одно существо не потеряло надежды —дѣвочка лѣтъ 16-ти, дочь преподавателя гимназіи, добровольно дѣлавшая услуги въ больницѣ. Звали ее Лидой; была она воплощеніемъ ангельскихъ качествъ, съ длинной русой косой, съ нѣжнымъ и тоскою измученнымъ личкомъ, и съ тихой и ласковой рѣчью.

Всю ночь она сидѣла у Миши, поправляла ему подушку и слушала его бредъ, какимъ полна была его больная голова,

о Карпатахъ, Руси, тюрьмахъ и сраженіяхъ. Бѣдная дѣвушка желала найти развязку его мыслей, зачерпывала свѣдѣнія о родинѣ Миши у своего отца и кромѣ этого принесла съ собою въ больницу исторію Ключевскаго; она стала быстро прочитывать страницы начальной русской исторіи и многое поняла изъ того, чѣмъ бредилъ Миша.

На третій день Миша уснулъ и сталъ дышать ровнѣе и спокойнѣе. Докторъ, осмотрѣвъ его, улыбнулся:

— Опасностъ миновала, — произнесъ онъ.

Лида покраснѣла. Она раньше его это знала. Когда докторъ ушелъ, Лида склонила свою головку къ лицу Миши. Онъ проснулся, и точно воскресъ. Все кругомъ ему показалось дивнымъ и чуднымъ. Ангеломъ показалась ему Лида: онъ слушался звонкія слова и тихо закрывалъ очи.

— Все будетъ хорошо; наши побѣдятъ, и мы будемъ свободны. Вы тоже нашъ, и мы васъ не оставимъ. Вы скоро встанете, пойдете въ Кіевъ, изъ Кіева въ Галичъ и Карпаты, и мы будемъ вмѣстѣ. Вспомните мое слово, что такъ будетъ. Будетъ великій день, и вы увидите, и я увижу съ вами, единую, великую Русь. А теперь не волнуйтесь и спите...

Въ самомъ дѣлѣ, онъ уснулъ, уснулъ съ улыбкой на устахъ, а Лида побѣжала къ матери, чтобы подѣлиться съ нею своими впечатлѣніями.

О томъ, что случилось дальше, скажемъ другимъ разомъ.

XIX.

Не знаешь ты, какъ сильно я люблю,
Не знаешь ты, какъ тяжко я страдаю.
А. С. Пушкинъ.

Галицкая мученица.

Послѣ того, какъ жандармы увезли Мишу, Дарка еще болѣе пригнулась къ землѣ. Уже никогда не усмѣхнулось ея печальное лицо. Слеза по слезѣ капала изъ ея очей даже тогда, когда она уснула. Еще болѣе изсушили ее скорбь, тоска и тревожныя думы.

На третій день послѣ ареста вошло въ деревню нѣсколько русскихъ солдатъ, и кругомъ стало тихо. Военная гроза покатилась по большимъ дорогамъ къ Львову, Перемышлю и далѣе. Младшая невѣстка съ ребенкомъ, который все таки на память о Мишѣ былъ названъ Всеволодомъ, ушла къ своей матери. Все хозяйство перешло на руки старшей невѣстки и Насти, выросшей въ красивую и стройную дѣвушку. Не съ цвѣмаи, рутой и мятой въ своей косѣ выросла она, въ молодости не была взлелѣяна нѣжными словами, а выросла и стала красавицей отъ горькаго горя. Раннимъ утромъ она подымалась, корову доила, выводила ее на пашу въ лѣсъ или въ поле, и жа-

ла, косила, вязала, снопы сносила до самаго заката солнца. Вотъ почему стала Настя румяной. Безъ устали работала и невѣстка. Въ жару рубашка прилипнетъ къ тѣлу, но она не отдыхаетъ. И обѣ онѣ при помощи одной лошадки свезли снопы, поле вспахали и опять зерномъ засѣяли. Старая Дарка лишь дѣтей берегла, да печь затопила.

Какъ будто жизнь наладилась, какъ будто всѣ три женщины вошли въ себя; какъ будто, ибо и днемъ и ночью онѣ жили въ тревогѣ. И въ самомъ дѣлѣ, страшное горе не прошло мимо Даркиной хаты. Русскія войска отступили и остановились, наконецъ, на Стрыпѣ. Источники Серета остались за австрійцами. Туча войскъ прошла черезъ поля, и всѣ посѣвы были уничтожены: поле, лѣсъ и все хозяйство Дарки были заняты массой австрійскихъ солдатъ. Все село было выгнано. Стали выгонять и Дарку. Если бы она понимала что нибудь въ военномъ дѣлѣ, то она ушла бы, однако, показалось ей, что повторяется начало войны; и теперь она рѣшила не уходить. Между тѣмъ въ полъ часа до тла уничтожено все ея хозяйство. Стодола и хлѣвы были разобраны и унесены въ окопы; землянка была развалена. Пропало все, что было создано тяжелымъ трудомъ, недоспанными ночами и дорогимъ грошемъ. Явились какіе-то солдаты съ палками и угнали корову: нѣсколько солдатъ нѣмцевъ согнало въ кучу женщинъ и дѣтей и стариковъ, жившихъ около лѣса. Дарка сѣла у воротъ и зарыдала. Въ это время налетѣлъ на нее лошадью какой-то командиръ и хлыстомъ ударилъ по лицу такъ, что выплыло правое око. Конечно, легко сказать: выплыло, но того, что испытала несчастная старуха, не опишешь и не разскажешь словами. Ударъ былъ такъ чувствителенъ, что подѣйствовалъ на мозгъ: Дарка потеряла сознаніе: кровь вмѣстѣ съ слезами залили ее лицо и ужасная боль сжала ея сердце. Она не вскрикнула даже и, хватая руками воздухъ, повалилась на землю. Увидѣвъ это Настя, какъ горлица, поднялась, прибѣжала къ матери и подняла ее на руки.

— Мама, родная моя мама, что я вижу? Что же мнѣ дѣлать, мама?

Какъ же испугалася Настя, когда вмѣсто отвѣта мать ея, стеня и плача, спѣла дивную предивую пѣсенку:

„За высокою горою
Темный лѣсъ дремучій
Ой, піду я въ темный лѣсъ,
Не боюсь я тучи.
Ой, прійшла я въ темный лѣсъ
Ягоды сбирати,
Зашумѣвъ дремучій лѣсъ,
Стала я дремати.

И вздремнувши, я уснула
На мягкой травицѣ
И въ лѣсочку молоденькой,
Менѣ сонъ то снится:
Ѣде мимо князь Романъ,
И съ коня слѣзае,
И со мною молодою
Тихо розмовляе...“

Случается, что иногда дитя скажетъ до того неожиданное слово, что всѣ взрослые не надивуются и не начудуются. Случается съ человѣкомъ такое, что онъ во снѣ горитъ и читаетъ на языкѣ, которому онъ никогда не учился. Тоже случилось и съ Даркой. По всей вѣроятности, пѣсенку она слыхала гдѣ нибудь на базарѣ отъ какого нибудь лирника, на отпустѣ отъ калѣки...

— Ай, что же это такое? Маринка, мама помираютъ, слышишь?

Невѣстка, однако, не въ состояніи была уйти изъ толпы. Солдаты не пускали ее. Настя положила мать на муравѣ и пустилась поймать лошадь, которую она впрягла въ телѣгу. Одинъ солдатъ хотѣлъ отобрать ей коня, но она его отбросила отъ себя... Тотъ подняшись, вынулъ свой штыкъ, чтобы нанести ей ударъ, но его схватилъ за руку высокій офицеръ, который велѣлъ уйти ему и самъ помогъ Настѣ наладить телѣгу. Возможно, что это былъ какой нибудь хорошій славянинъ, возможно, что хорошій нѣмецъ. Настя вынесла мать на телѣгу, осторожно положила на сѣно и уѣхала, не простившись съ злополучнымъ мѣстомъ. Думки закружились въ ея головѣ:

— Въ родное село поскорѣе бы. Тамъ все же свои и родные. И земля родная; тамъ лучше, какъ тамъ хорошо было: тато, мама, Петро, Миша, тетя, дядя, дядина — всѣ вмѣстѣ...

Настя проѣхала Ратище и Подберезцы. Всюду роились солдаты, но на нее никто не обращалъ вниманія. Выѣхавъ на гору, она увидѣла одно и второе плесо Серета, крыши и ясени родного села, и слезы покатились по ея лицу.

— Мама, наше село, вотъ-вотъ пріѣдемъ туда!

Дарка лежала, какъ мертвая, и не промолвила ни слова. Настя бросилась къ ней и не узнала родной; все лицо у нея измѣнилось, и съ ока и носа струилась кровь. Она тяжело вздыхала; въ ея горлѣ останавливался воздухъ, и она храпѣла. На дорогѣ появился рядъ подводъ; Настя была принуждена выѣхать на поле, но и отъ-туда ее погнали. Пришлось ей остановиться у хатки подъ лѣскомъ. Изъ хатки вышелъ старичекъ, бѣлый какъ лунь.

— Дѣвонька, куда-то ты ѣдешь?

— Домой, дядя; везу маму домой, дядя.

— Бѣдненькая ты моя! А гдѣ же твоя родная?

А родной не стало; она умерла; желтое тѣло лежало на сѣнѣ. Вмѣсто крови выступила вода на ея лицѣ, на которомъ нельзя было найти вчерашнихъ чертъ. И Настя, какъ врытая, стояла у воза. Холодный потъ выступилъ на ея блѣдное чело; испуганнымъ взглядомъ смотрѣла она на скомканное лицо матери. И въ ея головѣ закружилось и завертѣлось и, какъ подкошенная трава, она упала. Долго отливалъ ее водою старикъ и едва удалось ему внести Настю въ хату на постель... Она заболѣла. Старичекъ оставилъ ее въ бреду, а самъ пошелъ рыть могилу. Вырывъ, онъ похоронилъ Дарку у лѣса.

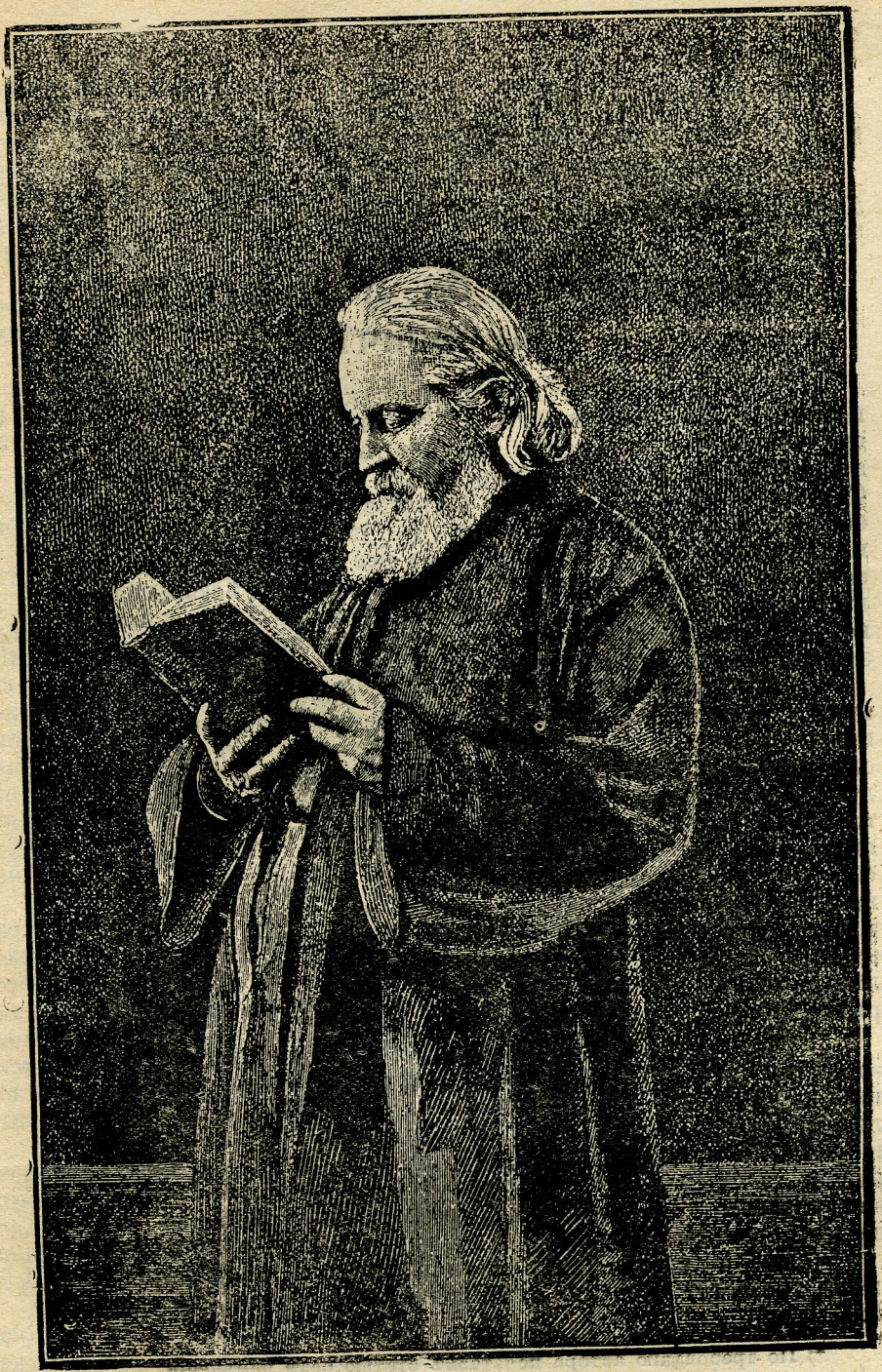
Между тѣмъ войска шли и шли, волна за волною, отъ запада на востокъ, и наоборотъ: на западъ уходило, гонимое жандармами и запасными, село за селомъ, бросая жилища и все нажитое трудомъ добро. Одинъ старичекъ остался; и никто его не трогалъ.

И. А. Бунинъ.

Ночлегъ.

Въ вечерній часъ тепло во мракѣ лѣса,
И въ теплыхъ водахъ меркнетъ свѣтъ зари.
Пади во мракъ зеленаго навѣса —
И, пріютясь, замри.

А раннимъ утромъ, бѣлымъ и росистымъ,
Взмахни крыломъ, среди листвы шурша,
И растворись, исчезни въ небѣ чистомъ —
Вернись на родину, душа!



Иванъ Григорьевичъ Наумовичъ (1826-1926).

Г. А. Полянскій.

Мое слово о бл. п. Иванѣ Гр. Наумовичѣ*).

Говоря о Наумовичѣ, нельзя не сказать кое-что и о митрополитѣ Іосифѣ Сембратовичѣ. Въ очень вѣскомъ дѣлѣ были они одна душа, а именно въ борьбѣ противъ піянства и въ апостольствѣ трезвости. Какъ только поднялъ митроп. Іосифъ Сембратовичъ акцію противъ піянства и за трезвость, то поняли сейчасъ всѣ наши священники, что это акція не въ шутку, но на серіо, поэтому и принялись за нее всѣ наши священники, какъ одинъ мужъ, усердно и ревно, и черезъ нѣскольконадцать лѣтъ исчезло ужасное пьянство, исчезла изъ русскихъ хатъ водка и аракъ, а корчмы, шинки, пропинаціи и винокуреные заводы уменьшили свою продуктивность.

Подъ проводомъ митроп. Іосифа Сембратовича прославились и заслужились очень многіе священники въ отрезвѣніи нашего народа и приверненіи ему благобыта, но наиболѣе заслужился Ив. Гр. Наумовичъ, ибо не только что былъ въ этомъ дѣлѣ златоустымъ проповѣдникомъ, но писалъ противъ употребленія горячихъ напитковъ пламенные статьи во всѣхъ нашихъ газетахъ и книжечкахъ о-ва им. М. Качковского и въ собственныхъ своихъ брошюрахъ ширилъ трезвость, какъ славный врачъ-гомеопатъ. Тысячи людей лѣчились у него гомеопатіею, а такъ какъ она не терпитъ табачнаго куренія, правдивой кавы, а особенно горячихъ напитковъ, то всѣ дававшіе себя лѣчить ею переставали пить водку, аракъ, румъ и вообще горячіе напитки.

Всѣ помѣщики, имѣвшіе великія корысти отъ винокурныхъ заводовъ, всѣ пропинаторы и шинкари-корчмари банкротовали изъ-за широко посѣянной трезвости и злобились на митрополита и Ив. Гр. Наумовича несказанно; а гнѣвалось на нихъ и австрійское правительство, ибо подать отъ винокурныхъ заводовъ, шинковъ и корчемъ упадала совсѣмъ. Sed vanae irae sine viribus, — за пропаганду трезвости не слѣдовало напасть на митрополита, Наумовича и на другихъ ихъ помощниковъ.

Особенно сталъ Иванъ Наумовичъ, какъ преизрядный апостолъ трезвости и какъ замѣчательный посолъ на краевый

*) По требованію автора печатаемъ статью безъ измѣненій.

сеймъ и въ парламентъ, уважаться всѣми чиновниками и помѣщиками опаснымъ организаторомъ русскаго народа, ergo слѣдуетъ найти крючокъ на него, чтобъ его унеможливить. И этотъ крючокъ нашелся: Гнилички, которыя повредили донельзя нетолько Наумовичу, но и митроп. Сембратовичу. Интересанты сказали себѣ радостное слово: „пождите апостолы трезвости! За Гнилички упадетъ пропаганда трезвости совсѣмъ", ну и уплала! Было кѣмъ-то сказано въ гал. сеймѣ слово: karczma święta, водка, грунтъ; такъ сталась водка вновь божкомъ для всѣхъ, ровно какъ и табачное куреніе...

Нашъ просвѣтитель Ив. Наумовичъ, бывши въ Стрѣльчѣ настоятелемъ прихода, состоялъ членомъ уѣзднаго совѣта и вицемаршалкомъ; маршалкомъ же былъ, кажется, гр. Дѣдушицкій.

Когда надо было о. Ив. Наумовичу ѣхать въ городъ на торгъ или на засѣданіе членовъ уѣзднаго Совѣта, то онъ не могъ ѣхать; онъ былъ принужденъ идти пѣшкомъ, ибо люди, идущіе въ городъ, нудили его давать имъ всякіе совѣты въ дѣлахъ господарскихъ, процесовыхъ и относительно здравія, а онъ очень добродушный и учинный съ ними шелъ, разговаривалъ и имъ совѣтовалъ, самопонятно совсѣмъ безвозмездно. Ив. Наумовичъ, любилъ быть всегда точнымъ въ явкахъ на засѣданіяхъ уѣзднаго Совѣта, но иногда по вѣскимъ поводамъ онъ не явился. Въ такомъ случаѣ маршалокъ, познавши вымовность о. Наумовича и основное пониманіе вещей, говорилъ членамъ: „не будемъ сегодня о чемъ совѣщаться и протоколы списывать, ибо на слѣдующій разъ, когда явится, о. Наумовичъ сведетъ наши рѣшенія къ нулю, доказывая, что рѣшали мы дѣла плохо. Лучше вести намъ совѣщанія вмѣстѣ съ нимъ, ибо выйдетъ тогда все хорошо". Такимъ былъ о. Наумовичъ.

Ив. Наумовичъ имѣлъ незвычайный талантъ изученія языковъ. Лат. языкъ зналъ онъ хорошо, а нѣмецкій и французслій знаменито. Оставши посломъ въ Вѣнскій парламентъ, онъ не сейчасъ собирался говорить, — онъ прежде прислушивался, медленно укладалъ себѣ свою первую рѣчь. Министромъ-премьеромъ былъ тогда, кажется, гр. Таффе. Но пришелъ день, въ которомъ произнесъ рѣчь златоустый Наумовичъ. А какая была то рѣчь! Она была не только по всѣмъ правиламъ краснорѣчивая, но и очень предметовая въ пользу русскаго народа.

Однажды были гости у профессора Черновецкаго университета Эм. Калужняцкаго. Во время ужина пошла бесѣда про Ивана Гр. Наумовича. Одинъ изъ профессоровъ спросилъ проф. Калужняцкаго: sagen sie uns, wie finden sie diesen Mann? На это отвѣтилъ Калужняцкій: Er ist wahrlich ein Schöngeist in Wort und in Schrift". Вотъ характеристика!

Во время первой рѣчи Ив. Наумовича въ парламентѣ слетѣлись всѣ послы въ парламентъ и слушали его съ великимъ вниманіемъ. Рѣчь эта заслужила себѣ общее громкое руко-

плесканіе. Всѣ газеты заговорили о его рѣчи съ великими похвалами, какъ о чемъ-то необыкновенномъ.

Гр. Таффе, вернувшись домой, сталъ разсказывать женѣ о необыкновенномъ русскомъ человѣкѣ изъ Галичины, о священникѣ Ив. Наумовичѣ, заимпоновавшемъ всему парламенту своею чистою нѣмецкою рѣчью, краснорѣчіемъ и хорошо обработаннымъ предметомъ. Графиня, услышавши это, просила мужа, чтобы пригласилъ виднѣйшихъ пословъ, а между ними и о. Наумовича, на обѣдъ, чтобъ она его лично узнала. Графъ далъ уговориться, и явился о. Иванъ у министра-премьера на обѣдѣ съ другими послами къ большой радости графини. Послѣ обѣда пригласила графиня о. Ивана къ себѣ на особый разговоръ и сказала: „во время обѣда слышала я, какъ въ совершенствѣ владаете нѣмецкимъ языкомъ, но такъ какъ говорилъ мнѣ мужъ, что владѣете хорошо и французскимъ языкомъ, то благоволите разговаривать теперь со мною только по французски, чтобъ я убѣдилась какихъ славныхъ мужей можетъ выдать Галичина, а собственно русскій галицкій народъ“. О. Ив. Наумовичъ повиновался къ великой радости графини.

Позднѣе, когда почался во Львовѣ великій политическій процесъ „Наумовичъ, Добрянскій Адольфъ, Ольга Грабаръ, Марковъ, Площанскій и др.“ не знаю, что думала себѣ объ о. Ив. Наумовичѣ графиня Таффе? Вѣроятно думала, что великій онъ, но и опасный для державы мужъ.

Ив. Наумовичъ, какъ писалъ о томъ д-ръ В. Лагола, являлся нѣсколько разъ во Львовѣ въ судѣ, чтобы отсидѣть назначенную кару, но совѣстно было судіямъ видѣть такого мужа въ арестѣ*); Наумовичъ ушелъ за кордонъ, гдѣ русскіе люди приняли его съ открытыми руками, какъ славнаго проповѣдника, виднаго писателя и великаго организатора. Особенно возрадовался нимъ Синодъ и пригласилъ его къ себѣ. Въ Петроградѣ затребовалъ Синодъ отъ о. И. Наумовича, чтобъ побывалъ всюду на Украинѣ и чтобъ изслѣдовалъ происхожденіе штунды, а послѣ чтобъ написалъ и подалъ Синоду меморандумъ въ цѣли устраненія ея. На эту работу получилъ о. Ив. Наумовичъ нужныя средства и carte blanche. Ив. Наумовичъ проѣхалъ многія села и города, много говорилъ съ людьми, которые нимъ очень радовались, говоря, что еще ни одного такого священника не слышали, какъ его. Кончивши поѣздки, принялся о. Ив. Наумовичъ за составленіе меморандума, и составилъ его, подавая широкіе и необходимые проекты по реформѣ всего православнаго духовенства, если должна исчезнуть штунда и всякія другія секты.

Синодъ, получивъ длинный меморандумъ, вмѣсто возрадоваться, испугался Наумовича, проектовавшаго небывалый

*) Не вѣрно, ибо Наумовичъ сидѣлъ въ тюрьмѣ 8 мѣс., а то 6 въ предварительномъ слѣдствіи, и 2 послѣ приговора.

переворотъ въ державѣ при помощи своей реформы духовенства, ибо казалось Синоду, что черезъ это возьметъ духовенство верхъ надъ мірскою интеллигенціею. Меморандумъ брошено въ корзину и свѣтъ его больше не видѣлъ.

Но что дѣлать теперь съ о. Ив. Наумовичемъ? Онъ и безъ меморандума для державы опасный, какъ ораторъ и писатель. Подумавши немного, даютъ ему власть и средства ѣхать въ безлюдныя окрестности и закладать тамъ колоніи изъ галицкихъ людей. Ив. Наумовичъ, не зная еще, какую судьбу рѣшено его проектамъ по реформѣ духовенства, поѣхалъ и принялся энергично за колонизацію. Но увы! Не задолгое время убѣдился онъ, что шагъ за шагомъ идетъ за нимъ сыщикъ, т. е. держава ему не довѣряетъ, боится его. Тяжело заболѣло сердце. Онъ бросилъ работу основанія колоній и сталъ возвращаться въ Кіевъ. Въ вагонѣ поѣзда узналъ онъ съ прискорбіемъ, что сыщикъ всюду тутъ возлѣ него, даже въ отелѣ, гдѣ пришлось ему ночевать.

Гоненія въ Австріи и гоненія въ Россіи, чувствительное сердце великаго дѣятеля и просвѣтителя не выдержало — и онъ скончался отъ разрыва сердца въ сентябрѣ 1891 года.

Вотъ, какъ свѣтъ платитъ!

* * *

Примѣчаніе. Изученіе самого Наумовича и его произведеній только-что началось; оно ждетъ еще своего времени и критика. Излѣдовавъ всю имѣющуюся до сихъ поръ литературу о Наумовичѣ, прихожу къ убѣжденію, что онъ дѣйствительно былъ отравленъ. Еще одинъ случай заставляетъ меня въ это свято вѣрить, а именно: когда появился мой фельетонъ „Загадочная смерть Наумовича въ Новороссійскѣ“, то въ редакцію „Русскаго Голоса“ дважды приходила сестра или близкая племянница Мардаровича г-жа Іоанна Мардаровичъ, проживающая во Львовѣ, протестовать противъ сказаннаго мною. Мнѣ не удалось съ нею говорить, она говорила съ М. А. Марко, редакторомъ „Русскаго Голоса“, которому сообщила слѣдующее: Мардаровичъ не отравилъ Наумовича, Наумовичъ самъ отравился, скушавъ вмѣстѣ съ Мардаровичемъ рыбу и сейчасъ выпивъ послѣ этого пиво. Мардаровичъ не умеръ потому, что имѣлъ крѣпкій и здоровый желудокъ, хотя и былъ боленъ. Въ Іерусалимъ же Мардаровичъ уѣхалъ потому, что былъ весьма набожнымъ отъ природы.

Признаніе это важно по двумъ причинамъ; во-первыхъ потому, что происходитъ отъ г-жи Мардаровичъ, въ семьѣ которой смерть Наумовича была предметомъ частыхъ сужденій, во-вторыхъ потому, что ясно и опредѣленно указуетъ на то, что Наумовичъ былъ отравленъ. Такимъ образомъ всѣ догадки и толкованія въ родѣ А. Барвинскаго и автора статьи, что Наумовичъ умеръ отъ разрыва сердца, отпадаютъ. В. Р. В.

о *И. Билинкевичъ.*

Изъ „хожденій по мукамъ“.

Наконецъ, дня 9-го октября 1915 года, наша партія вышла изъ Талергофа на конфинацію, что обозначало половичную свободу: жилось подъ надзоромъ явной и тайной полиціи, на своемъ столѣ. Назначено насъ въ Оберголлябрунъ въ 49-ти кил. отъ Вѣны, при дорогѣ въ Знаймо. Вмѣстѣ насъ было 7 человѣкъ: кромѣ меня, о. Романъ Крыжановскій изъ Небылова, о. Александръ Яремкевичъ изъ Крехова, о. Иванъ Бѣласъ, о. Николай Кокурузъ изъ Каменя и о. Евгеній Кисѣлевскій изъ Хлѣбичина, и Арсеній Дорожинскій, преподаватель гимназіи изъ Дембицы.

Оберголлябрунь — мѣстечко маленькое, едва 5000 душъ, но чистое, дешевое и дающее всѣ выгоды къ мирной жизни. И именно это отсутствіе жизненныхъ тревогъ и хлопотовъ было причиною моей тоски и скуки. Сидишь, словно на вокзалѣ и ожидаешь и смотришь, не идетъ ли поѣздъ, не часами, не днями и не мѣсяцами, но цѣлый годъ. Вставши рано, идешь въ 6 часовъ въ костелъ, загѣмъ на базаръ за покупками,—мнѣ было поручено продовольствіе на 4 человѣка — въ 9 часовъ ежедневно являешься въ полицейской канцеляріи, потомъ читаешь военныя сообщенія, гуляешь съ о. Крыжановскимъ въ недалекомъ лѣсу, а въ половинѣ 2-го ч. обѣдаешь — и такъ постоянно кругомъ да около.

Всѣ закаулки мѣстечка и окрестности стали намъ извѣстны: Sonnberg Wiesenberg, Suttenbrun. При дорогѣ мы открыли памяникъ на могилѣ русскихъ воиновъ, которые въ 1805 и 1809 годахъ взерживали натискъ Наполеона I. Такой же высокій, каменный памятникъ нашли мы на ровной, спаханной вышинѣ возлѣ Schöngraben. На памятникѣ прочли мы рядомъ съ другими и русскую надпись, что насъ весьма обрадовало и оживило. Мы отпѣвали тамъ тихія панахиды и молились за души почившихъ братьевъ, и за волю и свободу родного народа.

Бывали мы и въ латинскомъ костелѣ въ Schöngraben изъ XI столѣтія, съ престоломъ на востокъ, что указываетъ на возможность его постройки въ Кирилло-Меѳодіевское время, когда сюда доходило греко-славянское вліяніе. Мыслью переносимся далеко-далеко въ старое время, когда здѣсь братское намъ племя передъ нашествіемъ нѣмцевъ молилось и служило Богослуженія на славянскомъ языкѣ въ своихъ славянскихъ церквахъ. Сегодня тамъ можно лишь вычитать:

Über uns stille leichten die Sterne,
Unter uns ruhen die Todten..

Вокругъ церкви въ камнѣ изображена вся исторія ветхаго и новаго завѣта, а въ серединѣ, между презвитеріей а навою, не хватаетъ иконостаса, только стоятъ, насколько помнится, у стѣны два столба. Слѣдуетъ добавитъ, что костелъ съ олтаремъ на востокъ нашли мы и въ сосѣднемъ селѣ Aspernsdorf.

Обходя постоянно околцу, мы встрѣчали множество славянскихъ именъ, а мнѣ доводилось побывать въ мѣстной и гимназической библіотекахъ, гдѣ по нѣскольскимъ трудамъ легко найти ключъ къ правдѣ. Село Tern не что иное, какъ т е р н ь, Mugl — искаженное наше слово : м о г и л а, рѣчка Göllersbach называлась когда-то Geleni — Е л е н і й, О л е н і й потокъ. Вездѣ въ этой окрестности, вплоть до Моравіи, находятся ямы— пещеры, идущія отъ Дуная, похожія на лисьи норы и корридоры, въ которыхъ то тутъ то тамъ вырыты заглубленія, имѣющія видъ комнатки. Норы эти весьма узенькія, такъ что едва проползетъ одинъ человѣкъ, комнатки же бываютъ на нѣсколько метровъ выше и шире. Такихъ Erdhöhlen много вокругъ Оберголлябрунъ.

Въ Göllersdorf жилъ въ то время старенькій священникъ, который изслѣдовалъ эти странные памятики. Однажды зашелъ я къ нему, однако онъ меня не принялъ просто потому, что находился иза-за своего труда подъ полицейскимъ наблюденіемъ и считался неблагонадежнымъ. Пользовался я также изданіями für Vaterlandskunde, но всѣ онѣ, выражаясь польской поговоркой, psu na buty. Нѣмцы объяснили все такъ, какъ это имъ было желательно, безъ доказателствъ и историческихъ данныхъ. Я описалъ всѣ вокругъ надходящіяся ямы, сдѣлалъ снимки, но къ сожалѣнію моя рукопись была уничтожена во время польско-украинской войны.

Занимаясь такими дѣлами, я все таки былъ недоволенъ и душевно страдалъ. Я искалъ занятія для себя и для моихъ братьевъ-земляковъ. также разбросанныхъ по разнымъ селамъ. Надзиратель д-ръ Гриммъ былъ довольно хорошій человѣкъ, и онъ мнѣ разрѣшилъ post longum et latum поѣхать въ Рашаль и тамъ служить Богослуженіе. Вмѣстѣ съ жандармскимъ комендантомъ Strohmajer-омъ я сѣлъ въ возокъ и уѣхалъ въ бараки. Увидился я, когда туда прибылъ: у выстроеннаго престола собралось множество нашихъ людей и кромѣ того учительница изъ Любляны привела сюда своихъ школьныхъ дѣтей. Жандармъ отъ меня не отходитъ ни на шагъ, не могу говорить со своими, прошу разрѣшенія и получаю его : Nu, fragen sie Обращаюсь къ людамъ съ вопросомъ, кто можемъ быть дьякомъ. Приглашается, какъ узналъ я сейчасъ, Николай Вергунъ изъ Городка, весьма замѣчательный человѣкъ.

Началось Богослуженіе. Народа полно со всѣхъ сторонъ Галицкой Руси Такого воодушевленія, какъ тогда, я еще не

видѣлъ. Я чувствовалъ, что молюсь вмѣстѣ съ моимъ народомъ, живу одними и тѣми же помыслами. Когда я обращался лицомъ къ молящимся, то они внимательно смотрѣли на меня, въ мою душу, полные умиленія и со слезами въ очахъ. Хотѣлось мнѣ служить, какъ можно дольше, хотѣлось поразговаривать со своими братьями и сестрами, однако мнѣ было лишь разрѣшено спросить: желаютъ ли люди исповѣдываться?

Таково мое начало въ Рашалѣ, и знакомство съ Николаемъ Вергуномъ, отцомъ Д-ра Дмитрія Вергуна, давняго моего знакомаго и когдашняго учителя дочки о. Юліана Войнаровскаго въ Гориглядахъ. Несмотря на то, что жандармъ зорко смотрѣлъ за мною, я все таки поговорилъ съ честнымъ Николаемъ, и узналъ, что при арестѣ сильно его побили и розбили верхнюю губу, отъ чего по заявленію тамъ же интернованнаго д-ра Вербенскаго получился ракъ. Николай былъ праведный человѣкъ; помню, какъ чудно и четко онъ читалъ „Вѣрую“ и „Помилуй мя Боже“, точно произнося слова и правильно отмѣчая ударенія.

Лѣтомъ 1916 года, наши люди были увезены изъ Рашаля въ Enzensdorf in Thale, 14 km. отъ насъ. Ихъ мѣсто заняли бѣженцы изъ Буковины, румыны и русскіе, которые стояли подъ покровительствомъ небезъизвѣстнаго барона Николая Василька и его клевретовъ Лукашевича, Драгомірецкаго и о. Жука изъ Вѣны. Для нихъ былъ особый управитель. Румыны имѣли своего священника, русскіе уніяты находились подъ вѣдомствомъ нѣмецкаго настоятеля прихода тамъ же, котораго иногда я замѣщалъ. Бѣженцы, какъ гости цѣсаря и какъ патріоты, пострадавшіе изъ-за цѣсаря, пользовались всѣми правами свободы, хотя часто голодали. Имъ шли жители на встрѣчу; напротивъ, наши люди — арестанты не имѣли за собою, кромѣ Бога, никого.

Узнавъ, что наши люди живутъ въ Enzensdorf, я выпросилъ у д-ра Гримма разрѣшеніе пойти туда. Со мною отправился и о. Романъ Крыжановскій. Вложивъ на плечи ранецъ съ кускомъ хлѣба, нѣсколькими яичками, просфорами и виномъ пустились мы пѣшкомъ въ путь черезъ Wiesenberg и Aspernsdorf.

Солнце зашло уже совсѣмъ, когда мы пришли въ Enzensdorf. Стало темно, и мраки повисли надъ землею. Мы были умучены и голодны, такъ какъ всюду въ деревняхъ намъ отказывали въ покупкѣ чего-либо. Прошли мы мостъ, за которымъ былъ дворъ. Думали зайти туда, однако поспѣшили въ Flüchtlingslager. Входъ у воротъ оберегалъ Керберосъ со штыкомъ и, увидивъ насъ, крикнулъ:

— Wer da?

Узнавъ причину нашего прихода, онъ отвелъ насъ въ Wachzimmer, гдѣ жандармъ коротко объявилъ намъ, что насъ не переночуетъ и приказалъ явиться въ 7 ч. утра.

— Вотъ тебѣ на! Имѣешь, баба, редуты. Куда-же теперь?

Жандармъ направилъ насъ въ гостинницу, но и здѣсь намъ отказали. Остался одинъ выходъ: зайти къ настоятелю прихода. Долго добивались мы къ нему, блуждая вдоль высокой каменной, похожей на крѣпость, стѣны, пока попали въ домъ. Насъ встрѣтила жизнерадостная хозяйка и попросила въ гостинную. Явился самъ Herr Pfarrer, который на отрѣзъ отказалъ намъ въ служеніи въ костелѣ и разрѣшилъ служить только въ часовнѣ. У себя дома онъ не оставилъ насъ и отослалъ въ темную ночь въ Wirtshaus.

— Es sinkt im schönen Staate Dännemark — подумалъ я себѣ. А всему вина то, что мы greco-catholici и Staatsgefährliche Galizianer. Съ большимъ трудомъ получили мы комнатку въ господѣ, а къ ужину принесли намъ два красныхъ картофеля и что-то въ родѣ чая.

На слѣдующій день мы отслужили службу, исповѣдывали 10 человѣкъ и осмотрѣли жилища нашихъ людей, которые помѣщались въ темнотѣ разныхъ закоморокъ. На тапчанѣ, высоко на чердакѣ, лежалъ старый больной Николай Вергунъ. Увидѣвъ насъ, онъ весьма обрадовался и извинился, что не пришелъ на Богослуженіе; у него ноги попухли, силы его опустили.

— Прійдется умирать на чужбинѣ — сказалъ онъ со слезами. Жалко стало намъ старика, да что было дѣлать. Простившись съ нимъ, мы ушли во свои временные свояси. Позже узнали мы, что Николай Вергунъ былъ перевезенъ въ Sitzendorf, гдѣ и почилъ вѣчнымъ сномъ. Да будетъ ему и всѣмъ за святое русское дѣло погибшимъ вѣчная память.

Вотъ въ краткости таковы „хожденія по мукамъ“.

Иванъ Тернопольскій

Памяти братьямъ-страдальцямъ.

Що то за могила, кого она вкрыла
Въ далекой чужинѣ,
Що то за вдовиця въ глубокой землицѣ
Лежить въ домовинѣ?

* * *

Мои, рôдни братья, то Русь — наша мати,
Поручана, збита
Въ Талергофскôй ямѣ лютыми врагами
Укрыта, зарыта.

* * *

На лѣсокъ сосновый вѣтрецъ изъ дубровы
Тихо повѣвае,
Сумно верба плаче, чорный воронъ краче,
Де Русь спочивае.

Маша.

Улица (15-го сентября 1914 года) огласилась стонами и криками: Nicht schlagen, nur schiessen! — раздался вдругъ рѣзкій и пронзительный голосъ какого-то маіора. Тогда дѣвушка пала на колѣни передъ Распятіемъ, находящемся на углу дома № 4 и, поднявъ къ нему руки, воскликнула: Мать Божья, спаси насъ!.. Тутъ къ несчастной дѣвушкѣ прискочилъ солдатъ — мадьяръ и сильно ударилъ ее по головѣ ручкой револьвера, а затѣмъ выстрѣлилъ ей въ лобъ, послѣ чего она, какъ подкошенная, упала замертво — 17-лѣтняя дѣвушка, ученица VII кл. гимназіи, Марія Игнатьевна Мохнацкая, дочь настоятеля прихода въ с. Войтковой Добромильскаго уѣзда... Боже! дикая рука звѣрскаго вандала опускаетъ острую шашку — и разрублена ея ясная головка. Струя алой крови заиграла въ лучахъ солнца. Мозгъ полетѣлъ на стѣну, а кровавое пятно осталось на холодной, нѣмой стѣнѣ...

Талергофскій Альманахъ, Львовъ, 1924.

На зарѣ весны прекрасной,
На семьнадцатомъ году,
Ты ли, Маша, тихо бродишь
По вишневомъ по саду?

Ты ли, жмуря очи, живо
Рвешь ромашки лепестки
И въ вѣночекъ свой вплетаешь
Голубые васильки?

Ты ли пѣсенки слагаешь,
Расплетая пряди косъ
И съ молитвой выжидаешь
Милаго и милыхъ грезъ?

Кто-жъ явился? Вмѣсто друга
Ты узрѣла палача
И погибла, не разцвѣвши,
Отъ кроваваго меча.

Не виномъ упились гости, —
Кровью площадь залита
Пала Маша, пала зорька
У распятаго Христа.

Не подружки пѣсни пѣли,
Не бояры рѣчь вели, —
Пули выли, и мадьяры
Машу саблями сѣкли.

Божья мать, спаси, помилуй,
Сбереги и сохрани,
Эту мученицу Машу
Не забудь и помяни...

В. Р. Ваврикъ.

Н. М. Карамзинъ.

Дня 22. V. 1926 г. по ст. ст. исполнилось 100 лѣтъ со дня кончины русскаго писателя и историка Карамзина. Будущій авторъ „Исторіи Государства Россійскаго“ родился 1. XII 1766 ст. ст. въ самарскомъ помѣстьѣ своего отца, образованіе получилъ въ московскомъ пансіонѣ проф. Шадена, пополнивъ его отчасти университетскими лекціями, хотя студентомъ университета не числился. Нѣкоторое время служилъ въ Преображенскомъ полку. По смерти отца вышелъ въ отставку и уѣхалъ на родину. Проѣзжавшій черезъ Симбирскъ членъ Новиковскаго „Дружескаго Общества“ и братъ ордена „Златорозоваго Креста“ И П. Тургеневъ познакомился тамъ съ молодымъ Карамзинымъ и обратилъ вниманіе на выдающіяся способности молодого человѣка. Одной изъ задачъ вышеназванныхъ организацій было — привлекать къ себѣ и воспитывать въ соотвѣтствующемъ духѣ и направленіи талантливыхъ юношей. Тургеневу легко удалось уговорить Карамзина возвратиться въ Москву, чтобы продолжить тамъ образованіе на счетъ Дружескаго Ученаго О-ва, въ одной изъ основанныхъ незадолго до того скончавшимся И. Г. Шварцемъ семинарій.

Въ 1785 году Карамзинъ былъ введенъ въ кружокъ молодыхъ людей, проживавшій въ старинномъ каменномъ домѣ у Меньшиковой башни и занимавшійся отчасти „познаніемъ Бога чрезъ познаніе натуры и себя самого по стопамъ христіанскаго нравоученія“, отчасти слушаніемъ „приватныхъ“ лекцій избранныхъ университетскихъ профессоровъ, а отчасти переводами книгъ для „Типографической Компаніи“ того же Дружескаго Научнаго (масонскаго) Общества. И ранѣе знакомый, кромѣ древнихъ, съ 4 европейскими языками, Карамзинъ хорошо изучилъ за 4 года, проведенные въ О-вѣ, иностранныя литературы, читалъ безъ разбора и матеріалистовъ и деистовъ, переводилъ книги и писалъ статьи для Новиковскихъ журналовъ.

Въ 1789 году Карамзинъ по не вполнѣ еще въ настоящее время выясненнымъ причинамъ, „растался“ съ О-вомъ и уѣхалъ заграницу, гдѣ пробылъ полтора года, путешествуя по Германіи, Швейцаріи, Франціи, Англіи.

Выѣхавъ изъ отечества пламеннымъ космополитомъ „натуры“, молодой писатель познакомился за время своего путешествія съ людьми, странами и событіями и внесъ существенныя поправки въ свое міросозерцаніе.

Побывавъ въ Парижѣ въ періодъ начала французской революціи, Карамзинъ высказываетъ, между прочимъ, въ письмахъ своихъ внушенную событіями послѣдней мысль, что всякіе насильственные перевороты гибельны; истинный прогрессъ совершается непримѣтнымъ дѣйствіемъ времени, посредствомъ медленныхъ, но вѣрныхъ безопасныхъ успѣховъ разума, просвѣщенія, воспитанія добрыхъ нравовъ.

„Письма русскаго путешественника", напечатанныя имъ по возвращеніи, имѣли въ свое время большой литературный успѣхъ. Вновь основавшись въ Москвѣ, Карамзинъ, вмѣсто обычнаго въ то время поступленія на службу, занялся литературнымъ трудомъ и сталъ издавать, одинъ за другимъ, рядъ журналовъ и альманаховъ („Московскій Журналъ", „Аглая", „Аѳониды", „Вѣстникъ Европы"). Въ изданіяхъ этихъ сотрудничали видные московскіе литераторы, между прочимъ, поэты — И. И. Дмитріевъ, Державинъ и Хераскоѣъ.

Карамзинъ помѣщалъ въ своихъ журналахъ и альманахахъ и собственные стихи свои, а также сентиментальные повѣсти вродѣ „Бѣдной Лизы" и „Натальи Боярской дочери", надъ которыми современники той склонной къ чувствительности эпохи проливали обильныя слезы.

Но занятаго срочной издательскою журнальной работой литератора все болѣе манили къ себѣ историческія темы, интересъ къ которымъ былъ зароненъ въ немъ, вѣроятно, чтеніемъ „Древней Россійской Вивліѳики" Новикова и историческими лекціями въ „Дружескомъ Ученомъ Обществѣ". Большой успѣхъ имѣли помѣщенныя талантливымъ авторомъ въ „Вѣстникѣ Европы" повѣсть „Марѳа Посадница" и статьи: „Бунтъ при царѣ Алексѣѣ", „О тайной канцеляріи", „Историческія воспоминанія на пути къ Тройцѣ" и др. Послѣдовавшій за французской революціей рядъ войнъ съ Франціей пробудилъ чувство патріотизма въ русскомъ обществѣ, каковое чувство не могло не отразиться и на міросозерцаніи Карамзина и на произведеніяхъ его какъ историческаго, такъ и публицистическаго характера.

Въ своихъ журнальныхъ статьяхъ и иныхъ политическихъ произведеніяхъ александровской эпохи нашъ писатель стремится развить и поддержать сознаніе національнаго достоинства и даетъ правительству совѣты по вопросамъ общественной и государственной жизни, „Разсужденіе о любви къ отечеству и народной гордости", рисуетъ намъ Карамзина уже въ полнѣ зрѣлымъ гражданиномъ и сознательнымъ патріотомъ. Особенно ратовалъ онъ за распространеніе просвѣщенія во всѣхъ классахъ и сословіяхъ, утверждая, что оно благопріятствуетъ развитію добрыхъ нравовъ и способствуетъ счастью народа. Тѣмъ же чувствомъ любви къ родинѣ продиктованы были обращенныя къ Александру I записки, изъ которыхъ особое значеніе имѣла: „О древней и новой Россіи", вызвавшая гнѣвъ Императора,

оцѣнившаго однако потомъ искренность и безкорыстіе своего строгаго критика.

Для себя Карамзинъ, по словамъ изслѣдователей, ничего не искалъ и отказался разъ даже отъ министерскаго поста, не соблазнившаго его оторваться отъ своего любимаго дѣла. Этимъ любимымъ дѣломъ, которому писатель отдался въ эпоху зрѣлости и возмужалости своего таланта, была его знаменитая „Исторія Государства Россійскаго".

Для нея отказался онъ и отъ приносившаго ему около 6000 р. въ годъ, „Вѣстника Европы", отъ беллетристической и поэтической дѣятельности и, перейдя на пансіонъ въ 2000 р., занялъ мѣсто государственнаго историографа, каковой до него занималъ при Екатеринѣ II кн. М. В. Щербатовъ (1733 1790).

„Исторія Государства Россійскаго" отняла у Карамзина значительную часть его жизни. Имѣя доступъ во всѣ отечественные государственные архивы и книгохранилища, получая нужныя ему копіи актовъ изъ архивовъ иностранныхъ, нашъ писатель совершенно отдался жизни кабинетнаго ученаго и ушелъ въ древніе вѣка. Имъ найдены были и изданы такіе цѣнные и историческіе матеріалы, какъ Лаврентьевская и Волынская лѣтописи, а равно „Хожденіе игумена Даніила во св. Землю". Въ 1816 г. отпечатаны были (на счетъ казны) первые 8 т. т. его „Исторіи". 5000 экземпляровъ разошлось въ нѣсколько дней. Вырученныя отъ продажи деньги переданы были, по высочайшему повелѣнію, въ пользу автора. По приглашенію государя, историкъ покидаетъ Москву и навсегда переселяется въ СПБ. (лѣтніе мѣсяцы проводитъ въ Царскомъ Селѣ), посвящая всѣ свои силы продолженію „Исторіи". Въ Санктъ Петербургѣ Карамзинымъ были выпущены въ свѣтъ IX, X и XI т. т.; XII-й же былъ изданъ неоконченнымъ уже послѣ смерти автора, другомъ его, гр. Блудовымъ.

Постоянные, усиленные труды и сидячая жизнь сильно разстроили здоровье писателя. Извѣстіе о кончинѣ императора Александра I и бунтъ декабристовъ также глубоко поразили его. Императоръ Николай I приказалъ снарядить фрегатъ для перевозки больного историка въ Марсель и пожаловалъ ему 50.000 р. въ годъ на издержки по леченію, но Карамзинъ скончался 10 дней спустя по полученіи рескрипта.

„Исторія" Карамзина до сихъ поръ представляетъ собою культурную цѣнность, пригодную не только для дѣтскаго чтенія. Многое въ ней, забракованное послѣдующими критиками, нуждается въ настоящее время въ переоцѣнкѣ. Какъ бы, въ частности, ни относиться къ его взглядамъ на значеніе личности въ историческихъ событіяхъ и на необходимость монархическаго строя въ Россіи, нельзя не согласиться со знаменательными словами вступленія къ I тому, что исторія есть „скрижаль откровеній и правилъ, завѣтъ предковъ къ потомству, дополненіе, изъясненіе настоящаго и примѣръ будущаго. Правители, зако-

нодатели дѣйствуютъ по указаніямъ исторіи и смотрятъ на ея листы, какъ мореплаватели на чертежи морей“ ..

Народъ, претендующій на культурность, долженъ чтить своихъ предковъ. Народъ, разрушающій свои памятники, по мѣткому выраженію Ю. Айхенвальда, выпадаетъ изъ культуры. Карамзинъ дорогъ намъ и какъ историкъ, оставившій послѣ себя трудъ, который сыгралъ громадную роль въ просвѣщеніи родного народа, и какъ литераторъ, украсившій и обогатившій русскій языкъ и обладавшій рѣдкимъ даромъ исторгать слезы изъ глазъ своего поколѣнія, и какъ общественный дѣятель и публицистъ, не боявшійся открыто и благородно говорить сильнымъ міра тѣ мысли и убѣжденія, которыя онъ считалъ священной истиной. Въ сумракѣ архивовъ, задумываясь надъ судьбами отечества, мысленнымъ взоромъ своимъ, видя образы тѣхъ, кто строилъ и созидалъ русское государство, великій мужъ этотъ проникся идеалами, на которыхъ основалась одна изъ могущественнѣйшихъ въ свѣтѣ державъ. Идеалы эти, благодаря ему, стали видимы всѣмъ, кто читалъ благороднымъ и звучнымъ языкомъ написанную карамзинскую исторію.

Канна.

Гдѣ правда?

(Изъ полемики П. Б. Струве съ П. Н. Милюковымъ въ 1914 году).

Къ исторіи — Галицкой Руси.

Въ связи съ занятіемъ Галиціи русскими войсками (1914 г.) между двумя выдающимися политическими дѣятелями, П. Б. Струве и П. Н. Милюковымъ, на страницахъ большихъ русскихъ газетъ, съ одной стороны „Рѣчью“, — другой „Биржевыми Вѣдомостями“, разгорѣлась полемическая борьба по вопросу о Галиціи.

Доводы, которыми оперировали они, не лишены интереса историко-научнаго, а точно также не потеряли своего огромнаго политическаго значенія и въ настоящее время. Событія послѣднихъ лѣтъ доказали, что многое изъ высказаннаго П. Б. Струве оправдалось въ дѣйствительности. Неустойчивые взгляды нашего прогрессивнаго общества на „украинскій вопросъ“ рѣзко измѣнились и приняли болѣе округленныя формы и болѣе точную позицію; уроки прошлаго научили русскихъ смотрѣть на „украинцевъ“, которые продавали Украину нѣмцамъ, совершенно другими глазами.

Тогда не было большой нужды въ необходимыхъ доказательствахъ. Россія, могущественная побѣдительница, открыла

свои объятія братьямъ подъяремнымъ въ развалившейся Австро-Венгріи, и казалось, приблизился часъ окончательнаго объединенія всѣхъ русскихъ племенъ, — всего русскаго народа. Событія захотѣли другого, и русскіе въ Галичинѣ снова въ положеніи, которое потребуетъ много силъ и напряженія для того, чтобъ ихъ спасти, и направить русскую рѣку въ болѣе спокойное и правильное теченіе.

* * *

Въ то время, когда въ Россіи жизнь шла своимъ спокойнымъ путемъ, въ Галиціи русское національное движеніе находилось въ исключительно тяжелыхъ условіяхъ. Если сепаратистамъ было тяжело свою работу вести въ южной Россіи, то въ Галиціи, встрѣчая поддержку австрійскихъ властей, они вели ее свободно и открыто. Но двѣсти лѣтъ совмѣстной культурной работы не легко зачеркнуть, и весьма остроумно говоритъ русскій публицистъ Александръ Яблоновскій („Рулъ“ № 1135), что легче вымазать дегтемъ чужія ворота, въ особенности, когда хозяинъ лежитъ на смертномъ одрѣ, чѣмъ осуществить обособленіе юга отъ общерусской культуры. Условія работы юго-запада выпукло и всесторонне освѣтилъ П Б. Струве, побывавшій въ Галиціи и непосредственно пришедшій въ соприкосновеніе съ галицкимъ народомъ и интеллигенціей. Въ возникшей полемикѣ Струве даетъ весьма обстоятельный отпоръ профессору Милюкову, всѣ выступленія котораго, кстати сказать, пользовались такимъ блестящимъ успѣхомъ у недруговъ Россіи.

Основное положеніе, которое занялъ Струве въ этомъ вопросѣ, можно формулировать отрицаніемъ, что въ предѣлахъ русской имперіи малорусская или украинская стихія сложилась въ національность, что государство и русская интеллигенція не должны, ни въ коемъ случаѣ, содѣйствовать движенію которое стремится къ превращенію малорусской стихіи въ предѣлахъ русской имперіи въ національность. И особенное значеніе онъ предаетъ тому, чтобы русское образованное общество рѣшительно отказалось отъ всякаго сочувствія и покровительства „украинскому“ движенію, завѣдомо ставящему себѣ оторженіе юга отъ Россіи.

„Когда противъ меня, говоритъ Струве, ссылаются на національности армянскую, грузинскую, латышскую, нѣмецкую и т. д., то я эту ссылку не могу принять, потому что, какъ бы не относиться съ государственной точки зрѣнія къ притязаніямъ этихъ не — русскихъ элементовъ, между отношеніемъ ихъ къ русской культурѣ и національности и отношеніемъ къ стихіи малорусской, есть огромное и глубокое различіе.

Въ предѣлахъ Россіи есть единая русская національность, съ различными этнографическими подраздѣленіями, однимъ изъ которыхъ является малорусскій элементъ.

Для меня это — фактъ русской исторіи и русской дѣйствительности, а не злая выдумка какихъ-то націоналистовъ и не полицейская махинація централистической бюрократіи. Латышъ не есть русскій въ національномъ смыслѣ, а малороссъ является таковымъ, пока ему не будетъ привито специфическое сознаніе, что, какъ малороссъ, онъ не русскій, а „украинецъ". Для того и пущено въ ходъ это слово, какъ обозначеніе національности, ибо историческія данныя наименованія „Русинъ" и „Руській" неотвратимо напоминаютъ о національномъ единствѣ данной вѣтви съ единой русской національной стихіей.

Таково существо спора, которое глубже политическихъ разногласій о задачахъ государства. Даже если бы Россія какимъ-либо чудомъ сегодня превратилась въ то, что Милюкову угодно назвать нѣмецкимъ словомъ „Nationalitätenstaat", я, будучи вынужденъ принять такое юридическое положеніе вещей, не пересталъ бы быть противникомъ „украинскаго" движенія, какъ культурнаго явленія".

Отмѣчая затѣмъ роль „украинцевъ" въ борьбѣ съ общерусской культурой, П. Струве выясняетъ вліяніе Австріи: „Австрійское бытіе Галицкой Руси, государственная и обусловленная ею культурная оторванность Галиціи отъ Россіи создали „національную" постановку украинской проблемы не только въ самой Галиціи, но и въ предѣлахъ малороссійскихъ губерній.

То, что въ извѣстной мѣрѣ можно признавать, какъ мѣстную особенность территоріи, имѣвшей историческую судьбу, глубоко отличную отъ судьбы не только всей Россіи, но и нашей Малороссіи, — то получаетъ совершенно другое значеніе, когда возводится въ цѣлую національную программу. Галицкое происхожденіе національной „украинской" программы было источникомъ ея безсилія въ малороссійскихъ губерніяхъ Россіи до 1914 г., ибо исторія слишкомъ глубоко погрузила Малороссію въ общерусскую культуру для того, чтобы эта связь могла быть подорвана интеллигентской пропагандой.

Безпочвенныя антирусскія притязанія „украинской" программы послѣ международной катастрофы 1914 г. окажутся весьма вредными и для самой Галиціи. Представители русскаго либерализма не только имѣютъ право, но и обязаны въ этомъ отношеніи, предостерегать какъ малороссовъ, такъ и галичанъ".

Мысли совершенно правильныя. Другое дѣло — насколько вообще возможно вліять логическими аргументами на отвлеченный русскій либерализмъ, сводящійся цѣликомъ къ поддержкѣ всѣхъ центробѣжныхъ силъ, ослабляющій государственный организмъ Россіи.

Дальше П. Б. Струве, между прочимъ, отмѣчаетъ происхожденіе галиційскаго украинства, и значеніе галицко-русскаго „москвофильства" въ своихъ интересныхъ кореспонденціяхъ

изъ Галиціи, которыя доставляли столько неудовольствія „украинофиламъ“ и радикальнымъ интеллигентамъ:

„Мнѣ пришлось проѣхаться довольно много по Галиціи, видѣть разныхъ людей словомъ окинуться въ жизнь, съ одной стороны весьма сложную и осложненную, съ другой стороны — до послѣдней степени упрощенную могущественнымъ факгомъ войны.

Можетъ быть, ни одной изъ странъ, затронутыхъ войной, послѣдняя не несетъ столько перемѣнъ въ будущемъ

Разрушеніе и разореніе въ настоящемъ — это предвѣстіе огромнаго сдвига. Кончилось провинціальное бытіе Галиціи.

У насъ въ Россіи среди интеллигенціи о галиційскихъ отношеніяхъ и въ частности объ отношеніяхъ внутри русскаго населенія распространено представленіе, которое нельзя назвать крайне тенденціознымъ.

Такъ, напр., „москвофильство“ у насъ обычно представляютъ, какъ какое-то ненародное реакціонерство, извнѣ навѣянное. На самомъ дѣлѣ это вовсе не такъ. И сейчасъ и въ прошломъ „москвофильство“ было своеобразнымъ народнымъ направленіемъ, которое въ самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ проводило идею единства галицкихъ русскихъ со всѣмъ русскимъ народомъ и тѣмъ, въ состояніи государственной оторванности, вопреки этой оторванности, сознательно преодолѣвало культурный сепаратизмъ.

Огромная заслуга „москвофиловъ“ не только передъ русскимъ государствомъ, но и передъ русской націей въ томъ, что они сквозь самыя неблагопріятныя условія пронесли идею русскаго народнаго единства, и эту заслугу, по моему глубокому убѣжденію, должно теперь признать за ними, прежде всего русское прогрессивное общественное мнѣніе, въ какомъ-то странномъ ослѣпленіи не видѣвшее этой огромной культурной задачи и миссіи галицкихъ „москвофиловъ“. Совершенно неправильно представляютъ себѣ, что у „москвофиловъ“ была и есть какая-то программа обезнародовленія или овеликорущенія малорусскаго населенія Галиціи. При соприкосновеніи съ мѣстной интеллигенціей „москвофильскаго“ направленія становится совершенно ясно, на живыхъ явленіяхъ ощущаешь, что общерусская культура и общерусскій языкъ суть не отвлеченныя категоріи, а живая и могущественная стихія.

Когда говоришь во Львовѣ съ людьми, которые не побывавъ ни разу въ Россіи до войны, сдѣлавшей Львовъ въ извѣстномъ смыслѣ русскимъ городомъ, научились читать и говорить по-русски, какъ на родномъ языкѣ, любятъ Россію, какъ свое отечество, — испытываешь нѣчто бо́льшое, чѣмъ простое удивленіе. Тутъ совершилось нѣчто почти чудесное. На разстояніи, за пограничными столбами, въ условіяхъ непрерывнаго полицейскаго заподозрѣванія и гоненія, при полномъ равнодушіи русскаго прогрессивнаго мнѣнія, равнодушіи, о которомъ

стыдно вспоминать, культивировалась идея національнаго единства русскаго народа.

Для того, чтобы такъ характеризовать историческій смыслъ столь ославленнаго „москвофильства“, не нужно вовсе идеализировать отдѣльныхъ людей, ни даже отождествлять себя съ ихъ политическими взглядами. Это явленіе, какъ я понялъ и почувствовалъ съ полной ясностью, только здѣсь, шире и важнѣе всякой политики, понимаемой въ обычномъ смыслѣ, пріуроченномъ къ государству. Это — огромный культурный фактъ. Даже съ точки зрѣнія совершенно нейтральной, объективнаго наблюдателя, явленіе „москвофильства“ представляетъ огромный соціологическій интересъ.

„Москвофильство“ по своему существу есть культурно-національное теченіе, а вовсе не какая-нибудь программа или платформа. И въ этомъ залогъ его успѣха.

Въ Галиціи можетъ и должно быть народное теченіе, которое, утверждая единство галичанъ русскихъ со всѣмъ русскимъ народомъ, берегло и пестовало бы областныя особенности, было русскимъ, оставаясь малорусскимъ. Развитіе Галиціи (въ этнографическомъ смыслѣ), конечно, пойдетъ по пути естественнаго и сознательнаго объединенія съ общерусской культурой, но такое объединеніе вовсе не потребуетъ угашенія областной культуры. Всѣ элементы, которые до сихъ поръ имѣли австрійскую оріентацію, силою вещей будутъ вынуждены стать на почву признанія общерусской культуры. Они будутъ по существу призваны — въ рамкахъ общерусской культуры стать и стоять на стражѣ своего областнаго своеобразія.

При условіи такой политики власти, которая была бы твердой въ отстаиваніи идеала и требованій общерусской культуры и въ тоже время глубоко народной и широко либеральной, нездоровый украинскій партикуляризмъ, извращенный австрійскимъ государствомъ, будетъ внутренне преодоленъ. Русское прогрессивное общественное мнѣніе можетъ оказать галичанамъ огромную услугу, для самаго себя установивъ правильное отношеніе къ малорусской проблемѣ. Бережное и тактичное отношеніе къ культурнымъ особенностямъ Галицкой Руси будетъ тѣмъ осуществимѣе, чѣмъ скорѣе и рѣшительнѣе русское прогрессивное общественное мнѣніе откажется отъ поддержки украинской національной программы. „Москвофильству“ и украинству суждено будетъ, по моему глубокому убѣжденію, переработаться въ новое народное теченіе, которое явится общественнымъ носителемъ русской народной политики. Эта „діагональ“ будетъ возвращеніемъ къ тѣмъ здравымъ основнымъ точкамъ зрѣнія, которыя въ 70-хъ годахъ развивалъ Драгомановъ, когда онъ передъ самими галичанами выяснялъ и отстаивалъ идею общерусской культуры и великую цѣнность общерусскаго языка“.

Итакъ охарактеризовавъ значеніе галицко-русскаго „москвофильства“, П. Б. Струве формулируетъ его такъ: „Значеніе это

заключается въ твердомъ остаиваніи идеи національнаго единства галицкихъ русскихъ со всѣмъ русскимъ народомъ. Эта борьба за національное единство противъ австрійско-нѣмецкаго и польскаго давленія была труднымъ, почти утопическимъ дѣломъ. И неудивительно, что борьба за русскую народность въ Галиціи пошла въ концѣ концовъ по линіи наименьшаго сопротивленія и вылилась въ попытку создать изъ мѣстныхъ русскихъ элементовъ своеобразіе особой національной культуры. Таковъ смыслъ и, въ извѣстной мѣрѣ, историческое оправданіе „украинства“ рядомъ съ „москвофильствомъ“. Задача, которую ставило себѣ „москвофильство“, — культурное объединеніе съ Великой Россіей въ національномъ языкѣ и общемъ просвѣщеніи была въ условіяхъ австрійскаго бытія Галиціи задачей не выполнимой. Тотъ путь, по которому пошло украинство, было гораздо легче, и имъ, ради сохраненія своей русской національности, долженъ былъ итти малорусскій народъ въ Галиціи, пока она оставалась оторванной отъ русской культуры ; въ тискахъ австрійской государственности, въ условіяхъ междунаціональной борьбы, въ которой галицко-русскому народу противостояла гораздо болѣе богатая и сильная польская культура, — неизбѣжно складывалась какая то особая культура, которая должна была выполнять службу культуры національной.

Безъ нея галицко-русскому народу грозило ополяченіе. Но не украинство спасло русскій народъ въ Галичинѣ отъ ополяченія, а сила гораздо болѣе старая, по существу съ украинствомъ вовсе не связанная. А именно галицко-русскій народъ спасла та своеобразная церковная организація, которая вылилась въ форму уніи. Унія была въ свое время защитнымъ компромиссомъ русской народности съ католическимъ государствомъ. И этотъ компромиссъ спасъ галицко-русскій народъ отъ денаціонализаціи. Таково историческое значеніе и національная заслуга уніи. Но унія отличалась отъ „украинства“ тѣмъ, что та церковно-національная культура, которую спасла и поддерживала унія, была въ своихъ предѣлахъ и въ свое время гораздо ближе къ общерусской національной культурѣ, чѣмъ украинство новѣйшаго времени.

Отсюда то чрезвычайно интересное и важное явленіе, съ которымъ приходится встрѣчаться въ Галичинѣ, а именно представители уніатскаго духовенства, крѣпко держались за унію и въ тоже время въ національно-культурномъ смыслѣ стояли на національно-русской, а не украинской точкѣ зрѣнія“.

Противопоставляя національно-русскую и украинскую точки зрѣнія, П. Б. Струве пишетъ :

„Въ Галичинѣ среди мѣстныхъ образованныхъ людей, въ томъ числѣ среди уніатскаго духовенства, что я хотѣлъ особливо подчеркнуть, представлены благоразумные элементы, которые понимаютъ, что малорусскій, русинскій, украинскій, назовите, какъ хотите, элементъ областной рядомъ съ національнымъ.

У меня во Львовѣ были совершенно откровенныя бесѣды съ однимъ виднымъ духовнымъ лицомъ — уніатомъ, не такъ давно игравшимъ выдающуюся роль въ политической жизни Галиціи. Онъ говоритъ по-русски съ „малоруссизмами“ и „полонизмами“, но въ общемъ, правильно и вразумительно.

Совершенно тенденціозно и въ то же время наивно представленіе, что галицкіе „москвофилы“ стремятся къ полному поглощенію себя и своей областной культуры общерусскими національными началами. Изъ своихъ бесѣдъ съ людьми этого направленія я убѣдился, что рядомъ съ изумительнымъ по силѣ національнымъ чувствомъ, прикрѣпляющимся къ русской культурѣ, въ нихъ живетъ, здоровое чувство своей „областности“, своей малорусской стихіи. И именно эти привязанные къ своему бытовому укладу, къ своей областной культурѣ люди, могутъ и должны быть лучшими піонерами общаго русскаго дѣла. „Москвофильство“ есть крупное культурное направленіе съ великой идеею. Исторія теперь опознала это направленіе и открыла ему широкій путь.

Въ бесѣдѣ съ однимъ „москвофиломъ“ одинъ изъ моихъ товарищей по галиційскому путешествію, самъ природный малороссъ, обмолвился превосходнымъ афоризмомъ, имѣющимъ программное значеніе: „Москвофилы должны стать украинофилами, а украинофилы должны стать москвофилами“, — и нашъ собесѣдникъ москвофилъ всецѣло призналъ заключающуюся въ этомъ афоризмѣ мысль.

Да, конечно, москвофилы теперь, быть можетъ, гораздо чѣмъ прежде, будутъ культивировать въ себѣ свою областную галицко-русскую сущность, но съ другой стороны, украинофилы или вѣрнѣе „украинцы“, если они способны чему либо научиться, должны понять, что положеніе малорусской стихіи рядомъ съ русской послѣ катастрофы 1914 года не можетъ измѣнить по существу самымъ кореннымъ образомъ національнаго общерусскаго характера культуры, въ качествѣ своего органа, создавшаго тотъ языкъ, который всюду называется русскимъ, но который „украинофильская ортодоксія“ до сихъ поръ упорно именуетъ великорусскимъ; это есть историческая несообразность, возводимая въ принципъ политики.

Полемизируя съ галицкими представителями этой „ортодоксіи“ не кто иной, какъ М. П. Драгомановъ, въ 1873 году писалъ, что та литература, которую въ Галиціи зовутъ россійской и даже великорусской „есть литература, общая всей русской Россіи“.

Въ политическихъ ошибкахъ галицкихъ „украинцевъ“ отчасти повинно именно то обстоятельство, что у широкаго русскаго общественнаго мнѣнія не было, въ сущности, никакой твердой политики въ этомъ вопросѣ. Изъ того, что мнѣ пришлось выслушать отъ представителей т. н. „украинства“, я вполнѣ убѣдился въ этомъ. Представленіе о Россіи у многихъ этихъ

людей, очевидно, ничѣмъ не отличалось отъ того, что писалось въ нѣмецкихъ газетахъ. У насъ прогрессивные элементы постоянно указываютъ на то, что галицкое „москвофильство“ слишкомъ близко къ нашему „черносотенству“. Но въ этомъ виновато, на мой взглядъ, въ значительной мѣрѣ само русское прогрессивно-общественное мнѣніе, заранѣе капитулировавшее передъ „украинствомъ“ и тѣмъ предоставившее „москвофильство“ всецѣло вліянію такъ называемыхъ „правыхъ“ элементовъ. Въ одной формулѣ я, бы выразилъ свою мысль, — заканчиваетъ П. Б. Струве, — нужно, чтобы вся грамотная Галичина стала читать Гоголя въ русскомъ оригиналѣ“.

Такимъ образомъ П. Б. Струве отмѣтилъ, что русская идеологія въ Галичинѣ имѣетъ глубокіе корни въ народѣ и исполняла и исполняетъ великую историческую миссію. Добавимъ, что за нее Галицкая Русь понесла страшныя жертвы. Пройдемъ, молча, мимо цѣлаго ряда уній и казацкихъ возстаній, укажемъ только на свѣжіе слѣды ея мартирологіи. Одинъ изъ виднѣйшихъ дѣятелей галицко-русскаго народа, Иванъ Наумовичъ, былъ преслѣдованъ и запертъ въ тюрьму на нѣсколько мѣсяцевъ; Яковъ Головацкій, профессоръ университета, былъ вѣчно подъ надзоромъ полиціи и, наконецъ, онъ былъ лишенъ своей кафедры. Сколько лучшихъ людей было переброшено въ нѣмецкіе и польскіе края! А сколько должно было уѣзжать въ Россію! Вспомнимъ только 1914 годъ и всѣ удары, какіе выпали на долю всей галицко-русской интеллигенціи во время процесса Бендасюка, Сандовича и Гудимы.. Вспомнимъ ужаснѣйшій терроръ въ войну. За что мучили интеллигенцію и простонародіе, за что разстрѣливали цѣлыми сотнями, за что цѣлыми тысячами увозили въ Талергофъ? Лишь за то, что они хотѣли остаться и называться русскими. Погибъ безвременно Дудыкевичъ, разстрѣлянъ Лабенскій — и много другихъ погибло, и всѣ за то, что были русскими.

Вернемся, однако, къ темѣ. Какъ понялъ „москвофильство“ въ Галичинѣ Павелъ Николаевичъ Милюковъ, изслѣдователь русской исторіи? Прежде всего въ его органѣ „Рѣчь“, въ одномъ изъ декабрскихъ номеровъ 1914 года, высказано мнѣніе, давно уже потерявшее значеніе, что ни одинъ „москвофилъ“ не въ состояніи научиться говорить по-русски. „Во Львовѣ и Тернополѣ по нашему, по-русски никто говорить не умѣетъ, а всѣ говорятъ по своему, по-руськy, москвофилы точно также, какъ украинцы. Когда же москвофилы стараются говорить по общерусски, выходитъ какое-то столботвореніе“.

Поймите теперь: говорятъ по своему, по-руськy. Вѣдь во Львовѣ не могутъ говорить московскимъ говоромъ, тамъ говорятъ своимъ говоромъ, который также русскій, какъ и московскій, хотя множество впиталъ въ себя польскихъ словъ. Органъ Милюкова никогда не высказался ясно, онъ опериро-

валъ цитатами Драгоманова, разводилъ цѣлыя диссертаціи о велико- и малороссахъ, придирался даже къ Гоголю и вообще старался не потерять у „украинцевъ“ имени либерала.

Съ тѣхъ поръ прошло уже 13 лѣтъ. Русскія культурные элементы разбрелись по всему культурному свѣту, и теперь имъ мало дѣла до этого вѣчно больного вопроса, такъ какъ вопросы „бытія“ выступаютъ на первый планъ. Прежнія политики неузнаваемы; революція 1917—1918 года ихъ перетворила; не намъ ихъ возрѣнія описывать, однако мы не можемъ пройти молчаніемъ одного очень характернаго случая для П. Н. Милюкова, взглядъ котораго былъ высказанъ на одномъ маленькомъ студенческомъ собраніи въ Прагѣ въ 1924 году. Послѣ краткаго доклада Милюкова, одинъ изъ грузинскихъ самостійниковъ, нѣкто Айолло Т., задалъ ему такой вопросъ: „Что будетъ дѣлать Великороссія, если „Украина“, объединившись съ бѣлороссами, литовцами и др. національностями, не пожелаетъ въ свою федерацію включить Великороссію?“ Тогда Милюковъ, не долго думая, отвѣтилъ, — такого министра, какъ я, выбросятъ и назначатъ генерала“.

Наконецъ, любопытно и то, что въ прошломъ году Милюковъ счелъ нужнымъ отправиться въ Галичину; видно, галицкій вопросъ не давалъ ему покоя. И здѣсь на мѣстахъ, въ городѣ и въ деревняхъ, вступая въ разговоры съ людьми разной категоріи образованія, онъ убѣдился, что къ „москалямъ“ не питаютъ вражды. Хорошо было бы, если бы Милюковъ раньше поѣхалъ въ Галичину; тамъ среди населенія онъ узналъ бы сущую правду. Ибо въ немъ только она сохранилась.

Составилъ *Д-ръ Григорій М. Медвѣцкій.*

Прага, 1926.

Ю. А. Яворскій.

Кіеву.

Чго, городъ садъ многострадальный
Опустошенный вертоградъ,
Окуталъ саванъ погребальный
Твой жизнерадостный нарядъ?
Чѣмъ сталъ ты вдругъ, когда стихіи
Взмутились до самихъ основъ,
Ты — лучшій перлъ въ вѣнкѣ Россіи
Ты — свѣточъ русскихъ городовъ?
Кто въ эти яростные годы
Безумной смуты и борьбы
Не попиралъ твоей свободы,
Не искушалъ твоей судьбы?
Кто святотатственной пятою
Святынь твоихъ не поругалъ
И крови жертвенной струею
Твоей груди не заливалъ?

* * *

Но всѣ глумленія и брани
Двунадесяти языковъ
Ты принялъ до послѣдней грани
Своихъ выносливыхъ горбовъ.
И впредь твои сѣдыя стѣны
Снесли бъ и тридевятый валъ,
Когда-бъ тлетворный ядъ измѣны
Души твоей не отравлялъ.
Когда-бъ Мазепы духъ крамольный
Твоихъ не одурманилъ чадъ,
Ты вновь расцвѣлъ бы, садъ привольный,
Благословенный вертоградъ.
И въ возрожденномъ русскомъ мірѣ,
Отбросивъ блудный свой покровъ,
Вновъ просіялъ бы ты въ порфирѣ,
Какъ свѣточъ русскихъ городовъ!

И. И. Мясницкій.

Посмотрѣла.

— Клади, милый, вещи-то вотъ сюда, на диванчикъ, клади-и! А чумаданчикъ на сѣтку... Легкій онъ, чумаданчикъ-то, авось казенное добро не прорветъ! — говорила полная, румяная купчиха, лѣтъ сорока, покрытая шелковымъ платочкомъ, входя въ вагонъ второго класса.

Слѣдомъ за ней шелъ носильщикъ съ вещами и худощавый мужчина съ подстриженною бородой съ просѣдью.

— Никѣмъ, кажется, не занятъ диванчикъ, мать моя? — повернулась она съ вопросомъ къ сидѣвшей у окна пожилой женщинѣ въ лисьемъ салопѣ.

— Не занятъ, садитесь безъ опаски, — отвѣтила та.

Клади милый,—приказала купчиха носильщику.—Вотъ такъ, такъ... А подушку подъ меня. Къ окошечку-то, къ окошечку... Вотъ такъ. Ты сколько отъ меня мѣстовъ-то получилъ?

— Шесть-съ.

— А не семь? Словно бы семь было.

— Шесть-съ.

— Постой! Моя подушка — разъ, стараго грѣшника подушка — два, чумаданчикъ — три, саквояжецъ — четыре, корзиночка — пять, игрушка племянникамъ — шесть... А печиньето Филипповское гдѣ? Подай печенье...

— Оно, Дунечка, у меня, — заговорилъ стоявшій въ покорной позѣ мужчина съ подстриженною бородой.

— Ну, вотъ! Я ищу печенье, а онъ молчитъ, какъ истуканъ! Рохля! Подай сюда его!.. Ну, милый, теперь прощай, — поклонилась купчиха носильщику. — Ежели еще разъ Богъ приведетъ въ Москвѣ побывать, опять тебѣ вещи свои препоручу... Держи за труды твои и ступай. Старый грѣшникъ, садись! — посмотрѣла она на своего спутника.

— Я, Дунечка, пока такъ .. Еще поѣздъ не трогался.

— Садись! — возвысила купчиха тонъ.

Мужчина проворно плюхнулся на диванчикъ, рядомъ съ купчихой, снялъ шапку и провелъ рукой по облысѣвшей головѣ.

— О, Господи! — произнесъ онъ шепотомъ и надвинулъ шапку на самыя брови.

— Обуреваемый онъ у меня! — пояснила купчиха смотрѣвшей на нихъ съ любопытствомъ пожилой женщинѣ.

— Обуреваемый? — переспросила та.

— Обуреваемый. На всякую глупость согласный.

— Дунечка... — разинулъ было „обуреваемый“ ротъ.

— Сиди! — обрѣзала его купчиха. — Посадили тебя и сиди...

— О, Господи! — вздохнулъ тотъ снова, — печеньица, Дунечка, пожуешь?

— Пожую, когда захочу. Сиди!.. Захочу ежели, то тебя не спрошусь. Газету купилъ?

— Купилъ. Двѣ даже, Дунечка.

— Ну, вотъ, сиди и читай; и тебѣ польза, и людямъ не мѣшаешь.

Мужчина вытащилъ изъ бездоннаго кармана сюртука газету, посмотрѣлъ на заголовокъ и, отставивъ ее на нѣкоторое разстояніе, забѣгалъ глазами по печатнымъ строкамъ.

— Далеко ѣдешь, мать моя? — спросила купчиха у пожилой женщины, запуская руку въ мѣшокъ съ печеньемъ.

Та сказала.

— За насъ. Мы много ближе живемъ. Къ Рязани.

— Городъ, сказываютъ, хорошій.

— Ничего, живемъ. А ты сама-то, мать московская?

— Московская.

— Въ гости, стало быть, ѣдешь?

Дочку навѣстить; дочку мы по веснѣ выдали замужъ.

— Такъ, такъ. А намъ вотъ съ старымъ грѣшникомъ Богъ дѣтей не далъ...

— Дунечка! — оторвался тотъ отъ газеты.

— Сиди, коли тебя Богъ не любитъ. Читай брехню и сиди. Ужъ я куда-куда ни ѣздила, къ какимъ только ворожеямъ своего лысаго дурака не возила, — нѣту.

— На все, милая, Божья воля, замѣтила та.

— А я то про что же говорю? Племянниковъ у меня да племяницъ, видимо невидимо, а своихъ нѣту! — вздохнула купчиха.

— Мнѣ кажется, Дунечка, что роптаніе по этому предмету... — заговорилъ снова мужчина, переворачивая газету.

— Сиди!

— О, Господи... кажется, я и такъ сижу.

— Ну, и сиди. А у тебя, милая моя, одна только выданная дочка-то, али есть и еще, которыя помельче?

— Одна-одинехонька, милая. Были двѣ еще, послѣ Аннушки уже родилась, да Богъ прибралъ.

— Такъ, такъ. Жалко, поди?

— Какъ не жалѣть, извѣстно, жалко... своя, чай, плоть-то, милая.

— Я, вонъ которые племянники умираютъ и тѣхъ жалѣю... сердце у меня очень горячее.

— Весьма даже горячее, — подтвердилъ мужчина.

— Сиди! Газету прочелъ, другую читай!.. Счастлива дочка въ замужествѣ-то, мать моя?

— Ничего, скучаетъ только по Москвѣ.

— Да чего по ней скучать-то? По мнѣ хоть ее вѣкъ не видать... наша Рязань куды лучше!

— Ахъ, Дунечка, — не утерпѣлъ мужчина, — развѣ можно допустить такое сравненіе?

— Тебя не спрашиваютъ, старый грѣшникъ. Для тебя Москва хороша, а для меня она ничего не составляетъ... Рязань лучше!

— Ну, какъ можно, милая,—обидчиво заговорила пожилая женщина. — Рязань — провинція, а Москва — столица, да еще какая столица-то, перво-на-перво престольная...

— Ничего хорошаго въ вашей Москвѣ нѣту, мать моя, — не стерпѣла купчиха, — и народъ какой-то ошалѣлый, и свычаи да обычаи совсѣмъ особенные. Я вотъ про себя скажу, въ первый разъ я съ своимъ лысымъ грѣшникомъ въ Москву попала, пять день только въ ней прожила, и больше не поѣду...

— Въ пять день, милая, вы ничего въ Москвѣ и увидать не могли.

— Достаточно видѣла, вѣкъ не забуду... и дочка-то твоя, какъ погляжу, должно, глупая. По Москвѣ скучаетъ! Господи!.. Есть о чемъ скучать! По матери тамъ, али по роднымъ — дѣло десятое, а то по Москвѣ!... У насъ тишина, у насъ самая что ни есть жизнь благочестивая, а у васъ голову отвернутъ и не услышишь... Моего лысаго дурака въ первый же день купцы такъ наканифолили, что онъ трое сутокъ пьяный въ номерѣ лежалъ...

— Дунечка, такое словоизверженіе, по моему мнѣнію...

— Сиди! Читай вонъ крупную печать и молчи!.. Я его и квасомъ, я его и капустнымъ разсоломъ, я его и зельтерской, — пьянъ!.. Лежитъ — ничего, а какъ поставишь на ноги, такъ и валится.

— Дунечка, это отъ круженія..

— Сиди! Тьфу!.. Отъ круженія! Да круженіе-то, старый грѣшникъ, отчего? Отъ чаю, что-ли со сливками? али отъ кофею? Налили тебя до краевъ, ну, и осатанѣлъ до полной слабости...

— Напоить-то вездѣ можно, милая.

— Ну, не такъ, мать моя. Въ Москвѣ и не спохватишься, какъ напьешься... Такъ я трое сутокъ возлѣ его и просидѣла, отрезвляючи.

— За это еще Москву ругать нельзя.

— Не одно это.. Да я не ругаю ее, а ужъ больше къ вамъ и калачемъ меня не заманите... ни за что не поѣду.

— Случилось что-нибудь? — любопытствовала москвичка.

— Случилось, мать моя. И все изъ-за лысаго дурака.

— Дунечка, какой интересный фельетонъ пишутъ, — прервалъ купчиху мужъ.

— А ты мнѣ чужою брехней зубы-то не заговаривай... знаетъ кошка, чье мясо съѣла.

— Я вообще... хотѣлъ заинтересовать.

— Сиди и интересуйся, а меня въ свой интересъ мѣшать нечего. Я, вотъ, съ чужою дамой разговариваю, а ты лѣзешь! Сиди!

— Что же съ вами приключилось?

— А вотъ сичасъ разскажу, мать моя. На четвертый день къ вечеру, смотрю, мой старый грѣшникъ отрезвѣлъ вполнѣ. На ноги поставлю — стоитъ; по комнатѣ велю пройтись — идетъ. Слава Тебѣ, Господи, думаю, сошло съ него московское угощеніе!. Ко всенощной бы куда нибудь, говорю, съѣздить, Трифонычъ, да Богу помолиться... — Какія же, говоритъ, теперь всенощныя, завтра никакого праздника нѣту, а для провѣтрія мы съ тобой, Дунечка, куда нибудь проѣдемся.

— Хорошо, говорю, я согласна, потому трое сутокъ безвыходно въ номерѣ просидѣла; только куда же мы съ тобой прокатимся?

— А куда хочешь... хочешь — въ трактиръ подъ машину, хочешь — въ тіятеръ.

— Ужъ лучше въ тіятеръ. Пріѣду домой, племянницамъ разскажу, что въ тіятрѣ видѣла... Въ какой же мы тіятеръ съ тобой?

— А самое лучшее, говоритъ, къ Мамону.

— Омонъ, Дунечка, а не Мамонъ, — замѣтилъ, вздыхая мужъ.

— Сиди! Къ Мамону, говоритъ... ужъ очень здѣшніе купцы Мамона одобряютъ... самое развеселое представленіе у него завсегда для публики. — Ну, чтожъ, отвѣчаю, къ Мамону, такъ къ Мамону: отъ добра добра не ищутъ. Коли онъ съ такимъ атестатомъ, я съ удовольствіемъ!.. Собрались мы, мать моя, и поѣхали... Ѣхали, ѣхали, и вдругъ весь домъ въ электричествѣ. Вылѣзли. Подошли мы къ кассѣ, взялъ мой лысый дуракъ билеты, и пошли мы въ преисподнюю. Хорошо. Раздѣлись мы, купили афишку и отправились на свои мѣста.

Я, какъ взошла въ тіятеръ, такъ и ахнула. Красота! Весь поднебеснаго цвѣту и вездѣ бархатомъ обито... аршинъ, поди, пятьсотъ на неблировку ушло.

— Ахъ, какъ, говорю. великолѣпно!

— Да ужъ купцы, Дунечка, не соврутъ... Знаютъ, куда послать.

— Народу, не очень чтобъ ужъ много было, но потомъ и набираться сталъ — все больше мужчины, а дамъ нѣтъ.

— Почему, спрашиваю, дамъ нѣтъ? Спроси у прислужающаго! Можетъ, это мужской тіятеръ, а не дамской.

Гляжу, лакей мимо бѣжитъ, я его сичасъ за рукавъ.

— Милый, спрашиваю, почему у васъ дама въ умаленіи?

— А дама, отвѣчаетъ, у насъ только съ десяти часовъ идетъ, какъ крысы на водопой въ положенное время.

И убѣжалъ. Я къ своему лысому: это что же за водопой здѣсь такой.

— Не знаю, говоритъ, а самъ ухмыляется.

— Дунечка, это неправильно, — запротестовалъ мужъ, — я даже никакой улыбки.

— Сиди, Мамонъ тебя пришиби! Я отъ тебя въ Рязани оправданія-то потребую... Ну, тутъ немного погодя и занавѣску къ верху вздернули...

— Хорошо, — спрашиваетъ мой лысый, — Дунечка?

— Хорошо.

— Дальше еще лучше будетъ, жди.

— И точно что, мать моя, дальше лучше вышло. Выбѣжала передъ публику француженка и давай по своему разныя пѣсни пѣть. Споетъ два три слова и сичасъ правую ногу къ носу подымаетъ. Посмотрѣла я на своего стараго чорта...

— Дунечка! — оторвался тотъ отъ газеты, которую онъ держалъ уже вверхъ ногами.

— Молчать, старый грѣшникъ!.. Посмотрѣла я на него, а онъ что же: развѣсилъ губищи, выпучилъ глазищи и языкъ высунулъ.

Не стерпѣла я, мать моя, подняла десницу да со всего размаха его по затылку... А публика и реветъ, и стучитъ, и поетъ, и въ ладоши похлопываетъ. Господи, думаю, да куда же это я попала? Не то адъ кромѣшный, не то Содома и Гоморра.

— Дуракъ, — говорю я мужу, — чистый дуракъ.

А мой дуракъ совсѣмъ всякую супружескую дисциплину петерялъ.

— Биноклю! — кричитъ, — пять цѣлковыхъ за биноклю!

Я его въ бокъ — успокоился.

А потомъ и пошло, мать моя. Знаешь пословицу: „дальше въ лѣсъ — больше дровъ“.

— Аспидъ, — говорю, — куда ты меня привезъ, а?

А онъ никакихъ словъ не понимаетъ: хлопаетъ глазищами, да „бонжуръ“ съ „мерсю“ кричитъ. Я его и въ бокъ, я его и по загривку, — оретъ. Я ему: — Трифонычъ, а онъ: — „бисъ!“ Я ему: — старый дуракъ, а онъ — „вивъ ля Франсъ!“ Спятилъ, тьфу!

Да и не онъ одинъ, всѣ. У одного старичка голова ровно на шалнерахъ во всѣ стороны болтается, замѣсто зубовъ одни черныя пятна, а шамкаетъ: бису! Одной ногой въ могилѣ стоитъ, а на француженокъ взираетъ. Вѣришь-ли, мать моя, ошалѣла! Да тутъ не токмо что Рязань, — Козловъ, и тотъ отъ московскаго Мамону ошалѣетъ!

Стали выходить въ антрактѣ, — хвать, нѣту моего лысаго дурака! Я и на право, я и налѣво — словно сквозь землю! Батюшки мои, да куда же его унесло? Только вижу издали его лысину: подхватили его двѣ черномазыя и волокомъ на лѣстницу. Я за нимъ.

— Трифонычъ! — ору, — а его и слѣдъ простылъ. Я и кверху, я и книзу; — нѣту! Я въ швейцарскую...

— Лысый, — говорю, — мой не ушелъ?

— А подъ какимъ, — спрашиваетъ, — номеромъ вашъ лысый?

— Подъ сороковымъ, милые мои.

— Сороковой тутъ. Сорокъ первый ушелъ, а сороковой тутъ.

Тьфу! Я въ залу — нѣту! Къ лакею сичасъ: голубчикъ, — говорю, — пріѣхала я съ мужемъ изъ Рязани и вдругъ онъ пропалъ... Изъ тіятру не выходилъ, а пропалъ..

— Будьте покойны, купчиха, — говоритъ, — отыщется. У насъ иголка, и та не пропадаетъ, напиться можетъ, это дѣйствительно, но пропасть не можетъ.

— Дунечка, я невиноватъ, — смиренно замѣтилъ мужъ, комкая газету. — Вдругъ подхватили: „Папаша, — говорятъ, — угости коньякомъ!“ Дамы этакія... обращеніе... вообще — континенталь!..

— Сиди, старый грѣшникъ!.. Лечу я, мать моя, по залѣ и глазами стараго дурака ищу, только вдругъ, откуда ни возьмись, два мусью и довольно пьяные: глаза кверху, усы книзу, а въ ногахъ совсѣмъ полные вавилоны.

— Мадамъ, — кричатъ, — мамаша! Живо при коньяку!

Я имъ: „Брысь, нечистивые, потому я замужняя жена“, а они меня подъ руки и къ столу: „Пей, мамаша, за здоровье наше!“ Чуть не умерла, мать моя, право... Я, понимаешь, рвусь, а они не пущаютъ.

— Какая же, — говорятъ, — ты дама, ежели коньяку выпить не можешь?

Вырвалась я отъ нихъ да бѣжать въ швейцарскую.

— Голубчики мои, возьмите вы моего лысаго дурака, а мою душу отпустите на покаяніе! Схватила я свою шубейку, взяла извозчика да домой... А онъ старый чортъ, когда ты, мать моя, думаешь домой пріѣхалъ? Въ шестомъ утра! — вскрикнула купчиха и пронзительно посмотрѣла на мужа.

— Дунечка, главное дѣло, твои часы по петербургскому времени, — заторопился тотъ.

— Молчать! Сиди и читай, старый грѣшникъ, я съ тобой въ Рязани сочтусь!

Купчиха отвернулась отъ съежившагося супруга и вытерла платкомъ вспотѣвшій лобъ.

— Ни въ жисть больше въ вашу содомную Москву не поѣду! — проговорила она. — Угостили, нечего сказать... Мужа, этакаго стараго да лысаго, и того у Мамона потеряла. Тьфу! Гдѣ печенье?

— Здѣсь, Дунечка, здѣсь... О, Господи! — вздохнулъ супругъ, подсовывая негодующей супругѣ пакетъ съ печеньемъ.

Поѣздъ подходилъ къ станціи.

Содержаніе „Временника“

на 1927 годъ.

1. **1927 годъ.**
2. Затменіе сонца.
3. Затменіе луны.
4. Русская лѣтопись.
5. Пасхалія на 1927 годъ.
6. Календарь.
7. Старѣйшины Ставропигійскаго Братства и Института съ 1577 по 1927 годъ.
8. Списокъ членовъ Ставропигійскаго Института.
9. Старѣйшины на 1926—1927 годъ.
10. Упокоились.
11. Отчетъ о дѣятельности Правящаго Совѣта Ставропигійскаго Института.
12. В. Р. Ваврикъ: Новый годъ.
13. Львовское Ставропигійское Братство.
14. Л. К. Толстой: Богатырь—Потокъ.
15. Ю. И. Демьянчикъ: Мысли Ю. И. Венелина о спорѣ южанъ съ сѣверянами.
16. М. Мацанъ: Я люблю.
17. о. Іоаннъ Костецкій, некрологъ.
18. И. Лабенскій: Вечеръ Купалы.
19. В. Р. Ваврикъ: Въ водоворотѣ.
20. И. А. Бунинъ: Ночлегъ.
21. Г. А. Полянскій: Мое слово о бл. п. о. Иванѣ Гр. Наумовичѣ.
22. о. П. Билинкевичъ: Изъ „хожденій по мукамъ“.
23. Иванъ Тернопольскій: Братьямъ—страдальцамъ.
24. В. Р. Ваврикъ: Маша.
25. Каппа: Н. М. Карамзинъ.
26. д-ръ Г. Л. Медвѣцкій: Гдѣ правда?
27. Ю. А. Яворскій: Кіеву.
28. И. И. Мясницкій: Посмотрѣла.
29. Объявленія.

Списокъ церковныхъ и мірскихъ книгъ,

находящихся въ книжной лавкѣ Ставропигійскаго Института.

а) ЦЕРКОВНЫЯ КНИГИ:

	(въ пер.) зол.	(въ брош.) зол.
1. Великій акафистъ	8·50	6·00
2. Три акафиста	3·00	1·00
3. Акафистъ усопшихъ	—·—	0·75
4. Великій апостолъ	20·08	18·00
5. Апостолъ и евангеліе	4 50	—·—
6. Библейскія повѣсти	4·25	3·00
7. Малый Богогласникъ	4·00	1·50
8. Нравственное богословіе	—·—	3·00
0. Богослуженіе на Богоявленіе	1·50	0·80
10. Великое евангеліе 15 долларовъ		
11. Малое евангеліе 12 „		
12. Страстное евангеліе	5·00	—·—
13. Изборникъ	18·00	13·00
14. Ирмологіонъ	30·20	20·00
15. Литургія св. Іоанна Златоуста	—·—	5·00
16. Іерейскій молитвословъ	16·00	13·00
„ „ меньшій	8·00	6·00
17. Молитвословъ „Богъ надежда“	4 00	1.60
„ „Господу помолимся“	3 00	2·00
„ „Другъ души“	3 00	2·00
„ „Кормъ души“	4·00	2·60
„ „для молодежи“	1·00	0·75
„ „для дѣтей“	0 80	—·—
18. Октоихъ	45·00	32 00
19. Осмогласникъ	20·00	12·00
20. Малый пѣснословъ	1·00	—·—
21. Помяникъ покойниковъ	0·50	—·
22 Малая псалтирь	6·00	4 00
23. Служба божья различныхъ намѣр.		5 00
24. Требникъ, ч. I.	15·00	12·00
25. Цвѣтная тріодь	40·00	30·00
26. Постная тріодь	30·00	22·00
27. Великій часословъ	30·00	20 00
28. Малый часословъ	3·25	2·00
29. Чинъ вечерни	—·—	0·50
30. Чинъ вечерни и утрени	1·00	—·—

31. Чинъ крещенія и миропомазанія . .	1·00	—·—
32. Чинъ тайны супружества . . .	1·00	—·—
33. Чинъ посѣщенія больныхъ . . .	1·00	—·—
34. Чинъ парастаса (½ полотна) . .	5 00	3·50
35. Сборникъ литург. пѣсенъ Людкевича .	6·00	3·00
36. Св. Письмо о. Бачинскаго (I – VII) по .	10 00	7.00
37. Церковное право	8·00	5·00
38. Практичный проводникъ . . .	8·00	5·00
39. Мор. богословіе	8·00	5·00
40. Пастырское богословіе . . .	8 00	5·00
41. Псалтырь	6·00	4·00
42. Новый Завѣтъ	12 00	8·00
43. Коляды	—·—	1·00
44. Церковные бланки (друки) по 0·10 зл.		
45. Служебникъ оправлен. 22 долларовъ		
„ брошюр. 20 долларовъ		

б) МІРСКІЯ КНИГИ:

		(въ брош.)
1. М. Горькій: **Фома Гордѣевъ** . . .		2·50
2. Е. А. Саліасъ: **Служитель Бога** . .		2 50
3. В. Г. Короленко: **Слѣпой музыкантъ** .		1·00
4. Л. Н. Толстой: **Воскресеніе** . . :		3.00
5. И. В. Потапенко: **Вѣчная истина** . .		1·00
6 Пронскій: **Покинутый**		1 00
7. Л. П. Чеховъ: **Моя жизнь** . . .		0 50
8. П. Герасимовъ: **На полю брани** . .		0.50
9. В. И. Немировичъ-Данченко: **Въ пустыняхъ**		0·50
10. Е. Чириковъ: **Разсказы** . . .		1·00
11. Н. В. Гоголь: **Майская ночь** . . .		0·70
12. С. А. Качуринъ: **Увлеченіе** . . .		0·80
13. Елпатіевскій: **Разсказы**		0·30
14 Марлинскій: **Латникъ**		0 50
15. М. Чайковскій: **Съ устьевъ Дуная** . .		1 00
16. Накрохинъ: **Идилліи въ прозѣ** . .		0 80
17. Милинъ: **Изъ студенческой жизни** . .		0·80
18. Е. А. Саліасъ: **Служитель** . . .		0·50
19. П. Д. Боборыкинъ: **Морзъ и Юрзъ** .		2·60
20. Скиталецъ: **Октава**		0 50
21. Н. Ежовъ: **Звѣринецъ**		0·50
22. С. Ю. Бендасюкъ: **Грамматика русскаго языка** . . .		2 00
23. Р.: **Исторія Руси** (изданіе Дуды) . .	(4 00)	6 00
24. Димитріевичъ: **Словарь** . . .	(15·00)	20·00
25. Б. А. Дѣдицкій: **Исторія Руси** . .		5·02

26.	Д. И. Зубрицкій: **Исторія Галицко-русскаго Княжества** . . .	2·00
27.	В. Д. Залозецкій: **Собраніе сочиненій** .	3·00
28.	„ **Евфимія Володаревна** .	2·00
29.	Д. Н. Вергунъ: **Червонно русскіе отзвуки** .	1·20
30.	И. Гушалевичъ: **Подгоряне** . . .	0 50
31.	Н. П. Глѣбовицкій: **Этюды и очерки** .	1·00
32.	„ **Одуванчикъ** . .	0·60
33	Антоневичъ: **Введеніе въ отечеств. исторію**	1·00
34.	„ **Наше нынѣшнее положеніе** .	1·00
35.	Ю А. Яворскій: **Блудные огни** . .	0·50
36.	„ **Вопросъ объ единствѣ русскаго языка** . .	1 50
37.	„ **Беззвучныя пѣсни** . .	0·50
38.	Д. И. Зубрицкій: **Лѣтопись Львовскаго Ставропигійскаго Братства**	1·00
39.	Д. И. К.: **Протоколы сіонскихъ мудрецовъ** .	1 00
40.	Л. Блокъ: **Двѣнадцать**	0 30
41.	М. Ѳ. Глушкевичъ: **Символы и иллюзіи** .	0·80
42.	К. Л. Полѣщукъ: **Атаманша Сокоповская** .	0 80
43.	**Совремѣнная русская поэзія** . . .	0·30
44.	И. Качоръ: **Немковскій спѣванникъ**, ч. I. .	0·50
45.	„ „ ч. II.	0 50
46.	И. Г. Наумовичъ: **Знѣмченный Юрко** .	0·50
47.	Недолевъ: **Манекинъ**, комедія . .	0·50
48.	Р. Сурмачъ: **Надъ пропастью** . . .	0·40
49.	**Ночь передъ новымъ рокомъ** . . .	0·40
50.	**Вертепъ**, 3 сцены	0·40
51.	**Щедровки**	0·40
52.	**Легенды о Христѣ**	0·40
53.	**Наши думы, наши пѣсни**	0 60
54.	**Самоучитель нѣмецкаго языка** . . .	3·00
55	**Панасова Настуня**	0·40
56.	**Цицко сватъ**, комедія	0 60
57.	**Человѣкъ, що редагувавъ газету** . .	0 80
58.	В. Р. Ваврикъ. **Я. Ѳ. Головацкій**: . .	4·00
59.	„ **Просвѣтитель Галицкой Руси**	1·00
60.	„ **Въ водоворотѣ** . .	1·50
61.	„ **Калининъ срубъ** . .	0·50

Годъ изданія VI. Годъ изданія VI.

Принимается подписка

на еженедѣльную, народную, независимую русскую газету

„Русскій Голосъ“.

Цѣль газеты — защита національныхъ интересовъ русскаго населенія Галичины, Волыни, Полѣсья, Холмщины.

Подписная плата съ пересылкой:

въ краѣ 2 зол. на три мѣсяцы; въ Америкѣ, Чехословакіи и др. 2 50 америк. доллара на годъ.

Редакція и Администрація:

Львовъ, ул. Русская 3, I. эт.

„НАУКА“

ежемѣсячный, илюстрированный журналъ

О-ва им. Михаила Качковскаго

во Львовѣ, ул. Валовая 14.

„Наука“ посвященная русскимъ крестьянскимъ массамъ въ Польщѣ. Въ ней находятся поучительныя статьи, изъ области русской исторіи, природныхъ и соціяльныхъ наукъ, сельскаго хазяйства, кооперації, народной медицины, ветеринаріи, разсказы, стихотворенія.

Дѣйствительные члены получаютъ „Науку“ послѣ внесенія установленнаго взноса. Подписка для нечленовъ виносить въ краѣ — 5 зол.; въ Америкѣ — 2 доллар.; въ Чехословакіи — 35 коронъ чешскихъ.

О-во им. Михаила Качковскаго
во Львовѣ, ул. Валовая 14.

основано въ 1874 году Иваномъ Григорьевичемъ Наумовичемъ.

Общество издало выше 500 книжокъ въ милліонахъ оттисковъ для галицко-русскаго народа по всѣмъ отраслямъ его культурно-упросвѣтительной и экономической жизни. Во Львовѣ и въ уѣздныхъ городахъ Общество устраивало на продолженіи своего существованія курсы по хазяйству, садоводству, пчеловодству, счетоводству, молочному промыслу, ветеринаріи. Оно выписывало и распространяло по Галицкой Руси наилучшія сѣмена для полей и огородовъ. До войны было наиболѣе численнымъ обществомъ на галицко-русской земелѣ. Членомъ О-ва им. Михаила Качковскаго можетъ быть каждый русскій и каждая русская въ краѣ и за моремъ. Въ члены принимаетъ центральное Правленіе во Львовѣ. Поступающій вноситъ въ краѣ 2·50 зол. въ годъ, въ Америкѣ 1·40 дол., въ Чехословакіи 25 чешск. кор. Старые члены платятъ ежегодно въ краѣ 2 зол., въ Америкѣ 1 дол., въ Чехо-Словакіи 20 чешск кор, за что получаетъ всѣ изданія О-ва.

Полное собраніе сочиненій
Ивана Григорьевича НАУМОВИЧА

Комитетъ по чествованію памяти ИВАНА ГРИГОРЬЕВИЧА НАУМОВИЧА приступилъ къ изданію всѣхъ его сочиненій.

Первая книжка съ вводными статьями, портретомъ и автобіографіею Наумовича уже выйшла.

Подписка на полное сочиненіе И. Г. Наумовича выносить 25 золитыхъ

Деньги присылать въ

Общество им. Михаила Качковскаго

во Львовѣ, ул. Валовая 14,

или въ „ЗАЩИТУ ЗЕМЛИ“ на тек. счетъ № 3300.

Появленіе первой книжки было встрѣчено весьма тепло какъ въ Галичинѣ, такъ и за ея границами.

Талергофскій Альманахъ

Пропамятная книга австрійскихъ жестокостей, изувѣрствъ и насилій надъ Карпато-русскимъ народомъ во время всемірной войны 1914—1917 гг.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ:

Терроръ въ Галичинѣ въ первый періодъ войны 1914—1915 гг.

СОДЕРЖАНІЕ: Галицкая Голгоѳа, статья *Ю. А Яворскаго.* Предисловіе къ первому выпуску. Виновники и мучители. статья *М. А. Марка.* — Документы: предвоенная травля на русскихъ Галичанъ. Списки политически-неблагонадежныхъ. Военный терроръ. Мѣры противъ „руссофильской" пропаганды. Объявленіе военныхъ судовъ. Первый періодъ австрійскаго террора въ Галичинѣ, аресты по уѣздамъ, экзекуція во Львовѣ. Звѣрская расправа на улицяхъ Перемышля. — Аресты на Лемковщинѣ. — Разстрѣлъ Сандовичей.

ТАЛЕРГОФСКІЙ АЛЬМАНАХЪ долженъ находиться на столѣ КАЖДАГО СОЗНАТЕЛЬНАГО РУССКАГО ЧЕЛОВѢКА, тѣмъ болѣе У КАЖДАГО КАРПАТО-РОССА И ТАЛЕРГОФЦА, ибо въ немъ разсказана мартирологія Галицкой Руси во время войны Статьи весьма доступно написаны. Въ АЛЬМАНАХѢ много фотографическихъ снимокъ.

Цѣна первого выпуска 5 злот. 70 гр. съ почтовой оплатой.

Съ заказами обращаться по адресу:

А. И. ЯСЬКОВЪ, Ставропигійскій Институтъ,

Львовъ, ул. Бляхарская № 9.

Второй выпускъ уже печатается и вийдетъ изъ печати въ концѣ 1926 г.

„РОДНОЕ СЛОВО“

посвящено родному народу — той части народа русскаго, которая нынѣ находится внѣ Россіи, входя въ составъ Польши, Латвіи, Эстоніи, Литвы и Чехословакіи.

Посвященіе означаетъ служеніе. Въ служеніи — цѣль нашего журнала. Онъ будетъ служить русскому меньшинству — всему и вездѣ. Журналъ будетъ стремиться къ тому, чтобы вызывать и поддерживать у русскаго меньшинства живое чувство его духовной связи съ великимъ народомъ русскимъ, чтобы опредѣлять его нужды и защищать его права, чтобы указывать пути, на которыхъ нужды могутъ быть изжиты, а права добыты, чтобы звать къ необходимымъ дѣйствіямъ, законами данной страны дозволеннымъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Книжки журнала будутъ составляться изъ слѣдующихъ девяти отдѣловъ:

I. Передовыя статьи.
II. Культура и творчество (разсказы и стихотворенія, статьи по исторіи, искусству, литературѣ, религіознымъ вопросамъ, по вопросамъ образованія и воспитанія, правовымъ, моральнымъ и бытовымъ; очерки изъ жизни замѣчательныхъ людей, новости науки и техники).
III. Иностранная и мѣстная (въ Польщѣ, Латвіи, Чехословакіи, Эстоніи и Литвѣ) жизнь.
IV. Кооперація, сельское хозяйство и домоводство.
V. Подростающему поколѣнію.
VI. О книгахъ.
VII. Смѣсь.
VIII. Въ часы досуга (задачи, шарады, загадки и т. п.).
IX. Переписка съ читателями.

ЗОВЕМЪ КЪ ПОДДЕРЖКѢ НАШЕГО ДѢЛА.

„РОДНОЕ СЛОВО“

Варшава, Маршалковская 68, кв. 4.
Warszawa, Marszałkowska 68, m. 4.
Счетъ въ П. К. О. № 13001. Телефонъ 242-88.

Банковый Кооперативъ

„ЗАЩИТА ЗЕМЛИ“

Львовъ, ул. Армянская д. № 3.

девизовый комиссіонеръ, членъ денежной биржи.

ПОКУПАЕТЪ И ПРОДАЕТЪ валюты (доллары, чешскія короны и др.), пересылаетъ суммы за границу (и въ Россію), принимаетъ на высокій процентъ вкладки въ золотыхъ и долларахъ.

Къ запросамъ просятъ добавлять почтовыя марки на отвѣтъ.

АМЕРИКАНЦЫ! Чеки (драфты) въ старый край лишь черезъ „ЗАЩИТУ ЗЕМЛИ“.

„РИЗНИЦА“

Кооперативное Т-во съ огран. ручат. въ САМБОРѢ.

Филіи:

ЛЬВОВЪ (Рынокъ, 43) и ПЕРЕМЫШЛЬ (Рынокъ, 14).

Богатый складъ, большой выборъ фелоновъ, хоругвей, знаменъ, крестовъ, чашъ, патерицъ, пауковъ, кадила, свѣчей, молитвослововъ и всякаго рода прочихъ товаровъ церковныхъ. — Отновливаетъ ризи и евангелія. — Принимаетъ заказы на иконостасы, престолы, олтари, амвоны и сповѣдальницы. — Принимаетъ деньги на сбереженье.

Богатый шолковый и бумажный складъ въ Самборѣ.

„Ризница“ даетъ 40% изъ чистой прибыли вдовамъ и сиротамъ по священникахъ и бѣднымъ церквамъ.

Настоящимъ увѣдомляю, что въ послѣднихъ дняхъ поступило въ продажу новое руководство на трехъ языкахъ: русскомъ, нѣмецкомъ и польскомъ подъ названіемъ

„ЗОЛОТАЯ КНИГА“

Самоучитель кройки и шитья.

Вы будете восхищены, какъ просто, хорошо и безъ малѣйшихъ затрудненій оттуда можно узнать всѣ тайны кройки. Не успокаивайте себя тѣмъ, что я, молъ, старый портной и имѣю свой кругъ заказчиковъ. Нѣтъ, это не все! Если Вы считались 10 лѣтъ тому назадъ хорошимъ и любимымъ мастеромъ и ничего не дѣлали, чтобы усовершенствоваться, то Вы отстали. Пройдутъ еще 2-3 года, и Вы сами должны будете сидѣть за иголкой и шить работу второй степени и будете лишь утѣшаться былой славой. — Настоящій мастеръ тотъ, кто умѣетъ цѣнить и изучать всѣ новости въ области кройки и шитья. Если будете любить и изучать свое дѣло, Вы будете обезпечены и Васъ будетъ уважать Общество. — Пріобрѣсть можно

Львовъ, ул. Курковая, 14.

Портной Яковъ Пирковскій.

БОГАТЫЙ ВЫБОРЪ

колоколовъ-звоновъ, фелоновъ, хоругвей, пауковъ, чашъ и пр.

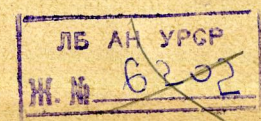
находится

въ магазинѣ церковной утвари

Владиміра Устенскаго

Львовъ, ул. Русская 3.

Книгозбірня „СТУДІОНУ“ у Львові



2 экз
ПРОВЕРЕНО
С/Ф. 1987
1927
РК III
40.118

Годъ изданія LVII.

ВРЕМЕННИКЪ

СТАВРОПИГІЙСКАГО ИНСТИТУТА

СЪ МѢСЯЦЕСЛОВОМЪ

1927

ЛЬВОВЪ, 1926.
Изъ типографіи Ставропигійскаго Института,
подъ управленіемъ А. И. Яськова.